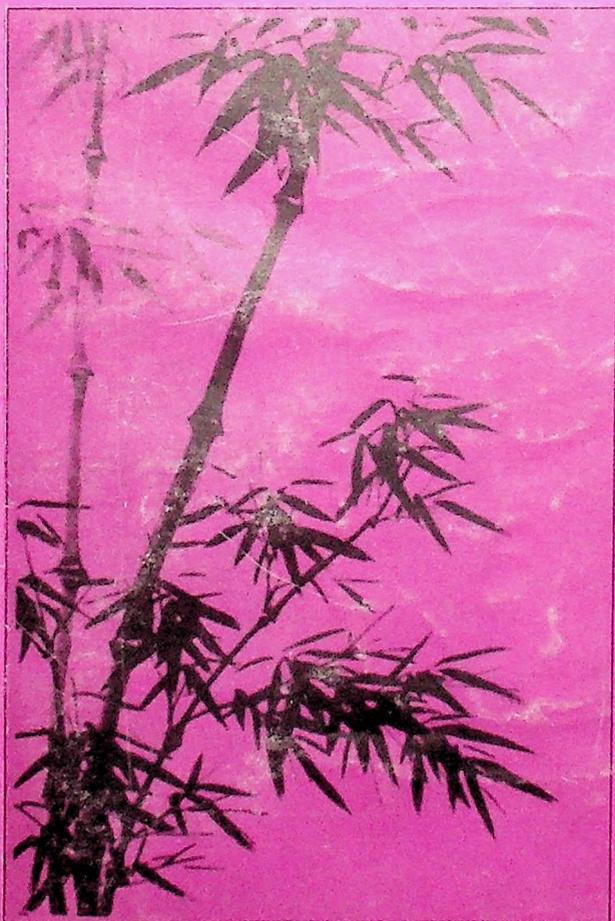

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 6/2016

ISSN 0131-2812

Россия – Китай – Монголия:
активизация сотрудничества

●
Проблема продовольственной
безопасности Китая

●
Роль ядерного оружия
в военной доктрине КНР

●
Русско-китайские
отношения в конце XIX века

●
К 90-летию
со дня рождения Гао Маня

Российская академия наук
Институт Дальнего Востока

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

6/2016

Ноябрь — Декабрь

Научный и общественно-политический журнал,
выходит шесть раз в год на русском и четыре
раза в год на английском языках
Издается с марта 1972 года

Выпускается под руководством
Отделения глобальных проблем
и международных отношений
РАН

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

Главный редактор В.Я. Портяков (доктор экономических наук, проф.)

Редакционная коллегия

Я.М. Бергер, д.и.н., (зам. главного редактора), О.Н. Борох,
к.э.н., А.В. Виноградов, д.полит.н., А.Д. Воскресенский,
д.полит.н., проф., С.А. Горбунова, д.и.н., А.С. Давыдов, к.и.н.
(зам. главного редактора), В.Г. Дацышен, д.и.н., проф.,
А.З. Жебин, к.полит.н., В.П. Зимонин, д.и.н., проф., А.Н. Карнеев,
к.и.н., В.О. Кистанов, д.и.н., Я.В. Лексютина, д.полит.н.,
А.В. Ломанов, д.и.н., проф. РАН, С.Г. Лузянин, д.и.н., проф.,
В.М. Мазырин, д.э.н., О.И. Мальцева (ответственный
секретарь), Н.Л. Мамаева, д.и.н., П.А. Минакир, академик
РАН, Л.В. Новоселова, д.э.н., А.В. Островский, д.э.н., проф.,
Л.С. Переломов, д.и.н., В.Е. Петровский, д.полит.н.,
Н.А. Самойлов, д.и.н., С.С. Суслина, д.э.н.

Иностранные члены редколлегии

А. Ачария, проф., директор Института китайских исследований
(Нью-Дели, Индия), М. Бастид-Брюггер, проф., Национальный
центр исследований по общественным наукам (Париж, Франция),
У Эньюань, проф., Академия общественных наук Китая (Пекин,
КНР), Ху Аньган, проф., Университет Цинхуа (Пекин, КНР), Чжу
Сяньпин, проф., Цзилиньский университет (Чанчунь, КНР).

Редакция

К.В. Асмолов зав. отделом Кореи
Е.В. Белилина
зав. отделом внешней политики
А.Н. Карнеев
зав. отделом истории и
внутренней политики
А.Н. Коробова
зав. отделом культуры
А.С. Крушинский
зав. отделом экономики
Л.С. Лаврова экспедитор
Е.А. Лапшина зав. редакцией
Г.П. Манчха редактор
Д.Б. Славинский оператор ЭВМ
А.Б. Старостина
зав. отделом идеологии и
философии
А.В. Шлындов зав. отделом Японии

СИНТОЛОГИЧЕСКОЕ

© Российская академия наук, 2016

© ФГУП «Издательство «Наука», 2016

© Составление. Редколлегия журнала «Проблемы Дальнего Востока»; 2016

ОТДЕЛЕНИЕ

ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
РАН

Содержание

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

- Я.М. Бергер.* Научно-технологическая составляющая совокупной национальной мощи Китая4
- Л.Е. Васильев.* Международный терроризм как способ достижения политических целей и его особенности в Центральной Азии24

ПОЛИТИКА

- С.В. Уянаев.* Россия — Монголия — Китай: активизация трехстороннего сближения (Итоги Второго форума Ассоциации экспертных центров РФ, Монголии и КНР).....30
- Фу Ин, У Шицунь.* Обстановка в Южно-Китайском море и спор вокруг архипелага Наньша: историческая ретроспектива и актуальные соображения36
- П.А. Гудев.* Политико-правовые основы морских конфликтов в АТР55
- Нгуен Динь Лиен.* Вьетнамо-китайские отношения и проблемы Южно-Китайского моря68
- А.В. Волошина.* Тайваньский вопрос в современных китайско-американских отношениях80

ЭКОНОМИКА

- Л.Д. Бони.* Реформа структуры предложения сельхозпродукции и проблема продовольственной безопасности Китая94
- А.В. Афоняева.* Роль зарубежных китайцев в развитии южной ветки Экономического пояса Шелкового пути108
- М.О. Демина, С.К. Лысенко, Д.А. Щербаков.* Малые и средние предприятия Японии в условиях глобализации115

ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

- А.В. Шлындов.* Роль ядерного оружия и ракетных войск в военной доктрине КНР125

ИСТОРИЯ

- Е.О. Старовойтова.* Русско-китайские отношения в 1891–1896 гг. и деятельность российского посланника в Пекине А.П. Кассини137
- Н.В. Петухова.* Дипломатическая деятельность востоковедов Д.Д. Покотилова и Д.М. Позднеева в Китае в 1895–1901 гг.147

КУЛЬТУРА

- Г.В. Куликова.* «Моя неразрывная связь с Россией» (К 90-летию со дня рождения Гао Мана)153

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

XXI конференция Европейской ассоциации китаеведения.....162

РЕЦЕНЗИИ

К.В. Асмолов. Ким Н.Н. Южная Корея 1945–1948 гг.: политическая история.....173

В.Я. Портяков. Zhao Lei. The Present and Future of China's Soft Power.....177

Содержание журнала «Проблемы Дальнего Востока» за 2016 год180

Contents186

Summary.....187

Теория и методология

Научно-технологическая составляющая совокупной национальной мощи Китая

© 2016

Я.М. Бергер

К началу второго десятилетия XXI века стали приближаться к исчерпанию факторы, обеспечивавшие Китаю в течение трех предыдущих десятилетий высокую динамику роста экономической совокупной национальной мощи. На первый план в качестве основного двигателя развития выходит научно-технологический прогресс. Особенно важную роль приобретает создание отечественного инновационного потенциала, способного изменить модель роста и повысить конкурентоспособность Китая в мире. В статье анализируются национальные программы инновационного развития КНР, особое внимание уделяется информационно-коммуникационным технологиям. Подчеркивается, что важнейшим залогом превращения Китая в глобальную инновационную державу служит сохранение сотрудничества и взаимного доверия между научным сообществом и властью страны.

Ключевые слова: Китай, наука, исследования, технологии, инновации, информатизация, Интернет, программа.

За годы своего существования Китайская Народная Республика добилась выдающихся, беспрецедентных успехов во всех сферах общественной и частной жизни. Не являются в этом отношении исключением также наука и технологии. Продвигая их прогресс, Китай стремится стать глобальной инновационной державой.

К началу второго десятилетия нашего века некоторые сравнительные преимущества Китая, обеспечивавшие ему в течение трех предыдущих десятков лет высокую динамику экономического роста и, соответственно, поступательное наращивание совокупной национальной мощи, стали приближаться к исчерпанию. Речь в данном случае идет в первую очередь о казавшихся прежде безграничными ресурсах дешевой рабочей силы, которые стали прогрессирующим образом убывать из-за неуклонно надвигающегося старения населения. Утрачивает возможность двигать экономический рост и мощное вливание инвестиций — из-за падения их эффективности, в результате чего на единицу произведенной продукции приходится затрачивать все больше средств, а также вследствие постоянного накопления долгов и наращивания избыточных производственных мощностей в промышленности и строительстве.

Отсюда остро встал вопрос о необходимости полноценного подключения новых мощных двигателей роста, способных еще на несколько десятилетий обеспечить, если и не столь стремительный, как раньше, то все же достаточно внушительный по темпам и, главное, по качеству рост китайской экономики. Понятно, что среди таких двигателей главная роль должна принадлежать всесторонним инновациям, особенно тем, что зависят от развития фундаментальной и прикладной науки, и базирующихся на них перспективных технологиях. Того же требует и становящаяся все более напористой внешняя политика Пекина.

Как показало исследование Глобального института МакКинси (McKinsey Global Institute), чтобы обеспечить ежегодный прирост ВВП в текущем десятилетии на 5,5–6,5% Китай благодаря инновациям должен генерировать от двух до трех процентных пунктов прироста¹. Если это удастся, то инновации увеличат ВВП к 2025 г. на 3–5 трлн долл., и Китай из «инновационной губки», впитывающей и усваивающей существующие знания и технологии, превратится в глобального инновационного лидера.

Пока что, отмечают исследователи из Института МакКинси, впечатление складывается неоднозначное. Китай стал сильным инноватором в таких областях, как потребительская электроника и строительное оборудование. Но в других областях, например, создание новых лекарств или дизайн автомобильных двигателей, он еще глобально неконкурентоспособен.

Гонка за лидером

Наука и технологии в КНР изначально развиваются в соответствии со специальными мегапроектами и комплексными среднесрочными и долгосрочными программами, которые могут включать в себя и специальные мегапроекты. Укреплению и наращиванию совокупной национальной мощи в 50-х и 60-х годах прошлого века существенно способствовала реализация специальных мегапроектов по созданию атомной и водородной бомбы, запуску искусственных спутников Земли, пилотируемым полетам космических кораблей, по культивированию гибридного риса.

В марте 1983 г. президент США Рональд Рейган выступил со Стратегической оборонной инициативой — долгосрочной программой НИОКР, основной целью которой было создание научно-технологической базы для разработки и развертывания мощной системы ПРО, призванной обеспечить господство США в космосе. В ноябре того же года Центр экономико-технологических исследований при Госсовете КНР созвал большое всекитайское совещание, на котором присутствовали более тысячи ученых из разных научных центров страны. Целью совещания было определить направление развития новых технологий. По результатам совещания был подготовлен объемный доклад «Исследования ответов Китая на вызовы и шансы волны новой мировой технологической революции» (*Чжунго инцзе шицзе синь цзишу гэмин ланчао тяочжань хэ цзихуэй*).

В начале 1986 г. Государственный комитет по оборонной науке и технике и промышленности КНР провел совещание, на котором обсуждались планы и проблемы развития оборонных исследований. Был рассмотрен ряд насущных задач отрасли. Однако некоторые участники совещания, не удовлетворенные рамками и ходом дискуссии, сочли необходимым изложить свое видение и понимание долгосрочных перспектив развития высоких технологий непосредственно высшему политическому руководству страны.

В марте 1986 г. четверо китайских ученых — Ван Дахэн, Ван Ганьчан, Ян Цзячи и Чэнь Фаньюнь, принимавших участие в проекте «Две бомбы, один спутник», направили в адрес Дэна Сяопина и Ху Яобана записку, которую озаглавили «О догоняющем изучении развития стратегических высоких технологий за рубежом»². Записка содержала следующие соображения.

— Проблему высоких технологий определяет состязание в национальной мощи на мировой арене, где Китай не может оставаться в стороне.

– Настоящие высокие технологии, имеющие отношение к национальной мощи, высокочрезвычайно затратны, но ни за какие деньги их не купишь.

– Исходя из состояния китайской экономики, при планировании высоких технологий нельзя ставить себя вровень с промышленно развитыми странами. Нужно выделять основные пункты, ставить ограниченные цели, мобилизовать резервы и вести за собой.

– Развивать основополагающую роль уже имеющихся высоких технологий, на практике возвращать таланты, как следует готовить развитие в следующем столетии.

– Чтобы активно следовать за передовым в мире уровнем, нужно стать членом международного клуба в доступных областях.

– Нужно проникнуться ощущением экстренности. Для развития высоких технологий требуется время, но опоздать — значит отстать, и снова подниматься будет труднее.

К записке было приложено краткое письмо от Ван Дахэна, одного из членов четверки, следующего содержания: «Дорогие товарищи Сяопин, Яобан! Прежде всего, приветствую вас! Мы, четыре члена отделений Академии наук (Ван Ганьчан, Чэнь Фаньюнь, Ян Цзячи, Ван Дахэн), будучи озабочены реакцией и ответными мерами разных стран мира на американскую “Стратегическую оборонную инициативу” (“План звездных войн”), считаем, что наша страна также должна принять соответствующие меры. Для этого выдвинули предложение “О догоняющем освоении зарубежного развития стратегических высоких технологий”. Подаем за нашими подписями. Почтительно просим рассмотреть и услышать.

Наши должности: Ван Ганьчан — заместитель председателя Научно-технологического комитета Министерства атомной промышленности; Чэнь Фаньюнь — штатный член Научно-технологического комитета Государственного комитета по оборонной науке, технике и промышленности; Ян Цзячи — заместитель председателя Научно-технологического комитета Академии космических технологий при Министерстве космоса; Ван Дахэн — председатель Отделения технологий Академии наук Китая.

С уважением, Ван Дахэн. 03.03.1986».

В тот же день последний вариант записки был вручен тогдашнему начальнику Управления по развитию науки и технологий Академии наук Китая Чжан Хуну (зятю Дэн Сяопина), который незамедлительно передал послание в руки самому Дэн Сяопину. Спустя всего два дня последовала его резолюция: «Предложение очень важное. Обсудить со специалистами и соответствующими ответственными товарищами, обменяться мнениями и принять решение. Решать быстро. Не тянуть». Получив эту резолюцию, Госсовет быстро собрал несколько сот специалистов из разных ведомств, которые, тщательно рассмотрев разные соображения, свели их воедино. В ноябре 1986 г. Госсовет официально опубликовал «Государственный план по развитию исследований высоких технологий» (*Гоцзя гао цзишу яньцзю фачжэнь ганьяо*), именуемый вкратце также «Планом 863»³.

Этот план определил концентрацию главных усилий государства на основных, прорывных направлениях. Были выделены стратегические области высоких технологий, наиболее важные для наращивания национальной мощи страны, способные играть ведущую роль и вести за собой все остальные, обеспечивая потребности как гражданской, так и оборонной экономики. План был нацелен на то, чтобы, следуя за ведущими странами, сокращать отставание Китая и создавать инновации в приоритетных отраслях.

План 863 первоначально был сфокусирован на развитии технологий в семи приоритетных стратегических областях: лазерной, космической, биотехнологии, информатики, автоматизации производства, энергетики и новых материалов. Но в середине 90-х годов спектр направлений был расширен.

План 863, вступивший в силу с марта 1987 г., был рассчитан на три пятилетки, но в апреле 2001 г. Госсовет КНР продлил его на следующую, 10-ю пятилетку. Были поставлены задачи:

– Развивать ключевые технологии для создания информационной инфраструктуры страны. К 2005 г. Китай должен был догнать или приблизиться к уровню мировых лидеров в избранных областях.

– Развивать ключевые биологические, сельскохозяйственные и фармацевтические технологии.

– Овладеть ключевыми технологиями в производстве наноматериалов и других новых материалов.

– Добиваться прорывов в ключевых технологиях защиты окружающей среды, ресурсобеспечения и энергетики.

Были выделены 19 направлений, имеющих наибольшее значение для наращивания совокупной национальной мощи.

За первые два десятилетия функционирования Плана 863 в его реализации приняли участие более 150 тыс. человек, свыше 500 исследовательских организаций, более 300 высших и специальных учебных заведений, около тысячи предприятий. По неполным данным, опубликовано более 120 тыс. статей, в Китае и за рубежом получены более 8 тыс. патентов.

В числе успешных собственных инноваций, достигающих передового мирового уровня или приближающихся к нему, числились высокопроизводительные компьютеры, мобильная связь третьего поколения, высокоскоростные сети передачи данных, глубоководные и промышленные роботы, глобальная система наблюдения Земли, наблюдение и зондирование океана, ядерные реакторы нового поколения, высококачественный гибридный рис, инсектицидный хлопок, геновая инженерия. В ряде областей, где в высоких технологиях шла острая конкурентная борьба, создавалась продукция, основанная на независимой интеллектуальной собственности, формировались точки роста китайских высоких технологий. «Успехи, достигнутые Планом 863, сыграли важную роль в усилении инновационных возможностей Китая, в повышении совокупной национальной мощи, в укреплении национальной уверенности в своих силах»⁴.

В 2006 г. Госсовет КНР разработал новую комплексную 15-летнюю Государственную среднесрочную и долгосрочную программу развития науки и технологий (2006–2020). Программа была нацелена на создание отечественного инновационного потенциала, способного стать основой реструктуризации экономики, изменить модель роста, повысить конкурентоспособность Китая в мире. Строительство страны, ориентированной на собственные инновации, стало стержневым стратегическим выбором на обозримую перспективу.

Первоначально модернизация китайской экономики опиралась на массовый импорт оборудования и технологий из развитых стран. Такой импорт помог значительно повысить технологический уровень китайской промышленности и способствовал превращению страны в мировую фабрику. Но многолетний опыт догоняющего развития показал, что этим путем нельзя обрести ключевые технологии в критичных для национальной экономики и безопасности страны областях. Для того, чтобы выстоять и одержать верх в гонке за мировое лидерство, необходимо было усилить способность к самостоятельным инновациям, овладеть ключевыми технологиями в решающих областях, отстаивать права на свою интеллектуальную собственность, множить число предприятий, обладающих конкурентоспособностью в мировом масштабе.

В связи с этими задачами 15-летняя программа развития науки и технологий в Китае выдвигала конкретные ориентиры. К 2020 г. намечалось повысить долю расходов на НИОКР в ВВП не менее чем до 2,5%. Технологический прогресс был призван обеспечивать рост экономики более чем на 60%, а зависимость от импортных технологий должна была понизиться не менее, чем до 30%. Китайским ученым надлежало войти в пятерку ведущих стран по цитированию их трудов и получению патентов на изобретения.

В Программе выделялись принципиально важные для социально-экономического развития и национальной безопасности отрасли и сферы, где существовали проблемы, требующие для своего разрешения серьезной научно-технологической поддержки. За 15 лет стране предстояло овладеть ключевыми технологиями в информационной индустрии и выйти в этой области на передовой мировой уровень. Китай должен был стать мировым лидером в научно-технологическом оснащении сельского хозяйства, поднять его общую производительность и обеспечить продовольственную безопасность. Планировалось также обеспечить технологический прорыв в развитии и консервации энергии, в производстве чистой энергии, в оптимизации структуры энергетики, достичь или приблизиться к передовому мировому уровню удельного потребления энергии в производстве основной промышленной продукции. Чтобы способствовать построению ресурсосберегающего и дружелюбного к окружающей среде общества, Китай стал внедрять замкнутый цикл производства. Намечалось существенно поднять уровень профилактики и контроля над основными заболеваниями, сократить распространение важнейших болезней, таких, как СПИД, гепатит и другие, обеспечить прорыв в применении новых лекарств и ключевого медицинского оборудования. В области обороны ставилась задача удовлетворять потребности в развитии современных вооружений, связанных с информационными технологиями, и поддержать обеспечение национальной безопасности.

В фундаментальной науке соответственно мировым трендам и стратегическим потребностям Китая намечены четыре главных программы исследований.

Первая из них направлена на исследования белка. Изучение его многообразных и сложных структур и функций, взаимодействий и динамических изменений может раскрыть природу феномена жизни на молекулярном, клеточном и биологическом уровнях, что составит главную цель исследований в постгеномную эру. Кроме того, открытия, связанные с исследованиями белка, могут дать ряд биотехнологических результатов, способствовать развитию фармацевтики, сельского хозяйства и так называемой зеленой индустрии, что приведет к будущему развитию биоэкономики. Поэтому исследования белка являются той сферой науки о жизни, где ожидается жесткая конкуренция между развитыми нациями.

Вторая программа — изучение манипулирования квантами. Поскольку информационные технологии, базирующиеся на микроэлектронике, близки к своему исчерпанию, человечество, сталкиваясь с серьезными вызовами, должно искать новые возможности. В этом контексте надежду вселяют новые средства информации, основанные на квантовом эффекте. Поэтому полагают, что именно они становятся целью соревнования развитых наций. Так называемое манипулирование квантами исследует новую квантовую информацию и развивает ряд смежных областей. Все это создает теоретическую базу будущего развития информационных технологий, которые могут в ближайшие два-три десятилетия оказать неопределимое влияние на социально-экономическое развитие.

Третья программа — нанометрические исследования. Такие исследования могут привести к необычному феномену или правилу, которые со временем изменят существующий набор релевантных теорий и принесут новое знание материального мира. Это, в свою очередь, породит новую технологическую революцию и создаст огромный простор для развития материалов, информации, зеленого производства, биологии и медицины. Представляется, что нанометрические исследования и нанотехнологии составляют стратегическую альтернативу для повышения ключевой конкурентоспособности поднимавшейся нации. Это — одна из тех областей, где Китай намерен осуществить скачкообразное развитие.

В качестве четвертой программы фигурируют исследования роста и репродукции. Ряд научных достижений, включая клонирование животных и стволовые клетки, предоставляют огромные возможности для будущего развития наук о жизни и медицины. Однако большинство этих открытий не может непосредственно служить людям из-за от-

сутствия системных и углубленных знаний о репродукции, процессе развития и соответствующих механизмах. Для Китая характерны большой прирост населения и высокий уровень врожденных дефектов. В связи с серьезной нехваткой замещающих органов, которая еще усугубляется приближающимся пиком старения населения, нация остро нуждается в прорывах и технологических инновациях в области репродукции и теорий, касающихся роста.

Заключительный раздел Программы посвящен человеческим ресурсам. Предлагается ускорить подготовку контингента экспертов мирового калибра путем реализации крупных проектов в важнейших дисциплинах и путем международных академических обменов и международного сотрудничества. Для привлечения экспертов высокого уровня в ключевые области должна разрабатываться особая политика. Нужно покончить с прежней практикой ранжирования людей по старшинству и стремлением к быстрым результатам. Необходимо создавать пул высококлассных экспертов молодого и среднего возраста. В культивировании инновационных талантов важная роль принадлежит образованию. Программа предусматривает также поддержку усилий предприятий по воспитанию и привлечению талантов и по привлечению талантливых специалистов высокого уровня из-за рубежа⁵.

Особое внимание обращено на создание культурной среды, благоприятствующей воспитанию инновационных талантов, включая патриотизм, готовность к упорному труду, командный дух. Поощряется рациональный скептицизм и критический подход, уважение к индивидуальности, выделение среди равных, поиск, толерантность к неудачам, поддержка академической свободы и демократии, уважительное отношение к новым теориям и концепциям.

Гонка за лидерством

В мае 2016 г. ЦК КПК и Госсовет КНР обнародовали Государственную программу стратегии инновационного развития (*Гоцзя чуансинь цюдун фачжань чжаньлюе ганьяо*)⁶. Как сообщил министр науки и технологий Вань Ган, работа над Программой велась в течение двух лет. В ней приняли участие более 80 академиков и более 8 000 отечественных и зарубежных экспертов. На двадцати с лишним заседаниях были рассмотрены предложения многочисленных представителей мест, предприятий, высшей школы, научно-исследовательских институтов, и после достижения широкого консенсуса, на основе «коллективного разума» был составлен проект Программы, который был многократно обсужден в ЦК КПК и Госсовете КНР и, наконец, принят⁷.

Программа поднимает на невиданную доселе высоту роль и значение инноваций. В ведущей роли инноваций видят судьбу страны. Инновации провозглашаются главной ведущей силой развития. Способность к научно-технологическим инновациям рассматривается как главная опора национальной мощи. При сильных инновациях нация процветает, при слабых — хиреет. Главная причина отсталости Китая в новое время усматривается в том, что он упускал возможности, предоставлявшиеся научно-техническими революциями.

Ведущая роль инноваций, констатируется в Программе стратегии инновационного развития, это общемировая тенденция. Во всем мире ускоренно продвигаются новая научно-технологическая революция, перемены в производстве и военном деле, углубляется и расширяется научный поиск — от микромира до Вселенной. Массовая интеллектуальная, «зеленая», широкая технологическая революция ведет к важным переменам в международном разделении труда. Непрерывно рождаются прорывные технологии. Меняется ситуация в глобальной конкуренции, в соотношении сил между государствами. Инновационное стимулирование становится ключевой стратегией в стремлении многих государств обрести конкурентные преимущества. У Китая появляется не только

редкая в истории возможность догнать, перегнать, обойти своих конкурентов, но и серьезная опасность еще больше отстать. Только смело оседлав новую волну глобальных научно-технологических инноваций, можно обрести инициативу в развитии и внести еще больший вклад в цивилизационный прогресс человечества.

Китай, отмечается в Программе, в настоящее время уже располагает достаточной базой для ускоренной реализации стратегии инновационного развития. В итоге многолетних усилий развитие науки и технологий переходит от этапа количественного роста к этапу возвышения качества.

Вместе с тем многие китайские отрасли производства, как фиксирует Программа, представляют средние или низшие звенья в глобальной стоимостной цепочке. Ряд ключевых технологий Китаю не принадлежат. Развитые страны по-прежнему доминируют на переднем крае науки и в области высоких технологий. Слабы институциональные структуры инновационной тяги и инновационное воздействие предприятий. Экономическое развитие еще по-настоящему не опирается на инновации. Научно-технологический персонал велик, но не силен. Не хватает ведущих кадров. Требуют укрепления ряды инновационных предпринимателей. Нужна оптимизация рыночной среды и общественной атмосферы, способствующих инновациям.

Предусматриваются три этапа реализации Программы стратегии инновационного развития.

На первом этапе, до 2020 г., Китай войдет в ряды инновационных государств, создаст в основном государственную систему инноваций с китайскими особенностями, мощно поддержит всестороннее строительство общества среднего достатка. На этом этапе будут заложены *основы инновационной экономики*. Это предполагает, что некоторые ведущие отрасли займут средне-высокое положение в глобальной стоимостной цепочке. Появятся инновационные предприятия и группы отраслей, обладающие глобальной конкурентоспособностью. Вклад научно-технологического прогресса поднимется выше 60%, а доля добавленной стоимости основанного на знании сервиса в ВВП составит 20%.

На этапе до 2020 г. значительно возрастет способность Китая к собственным инновациям. Это предполагает формирование соответствующей атмосферы в обществе, которая будет способствовать научно-технологической революции. Предстоит также устранить основные узкие места и проблемы, угрожающие социально-экономическому развитию и государственной безопасности. Будет начато выправление ситуации, способствующей тому, что ключевые технологии надолго остаются в чужих руках. Расходы на НИОКР достигнут 2,5% ВВП.

На втором этапе, до 2030 г., Китай выйдет в первые ряды инновационных стран, произойдет полная смена движущих сил развития, уровень социально-экономического развития и международная конкурентоспособность намного повысятся, будет создана прочная основа экономически мощного государства. Главные отрасли займут место средних и высших звеньев в глобальной стоимостной цепочке. Будут непрерывно возникать новые технологии и новые продукты, новые модели и новые ситуации, новые потребности и новые рынки. Развитие станет более устойчивым, занятость — более продуктивной, доходы — более высокими, жизнь — более качественной.

Научно-технологические инновации перестанут быть в основном догоняющими, а в некоторых стратегических областях перейдут от параллельного развития к опережающему. Сформируются китайские школы, возглавляющие глобальное развитие науки. Будут получены оригинальные результаты, важные для мирового научно-технологического развития и прогресса человеческой цивилизации. Будут преодолены главные узкие места и проблемы, мешающие науке и технологиям в оборонной области. Доля расходов на НИОКР в ВВП достигнет 2,8%.

На третьем этапе, до 2050 г., будет создана глобальная научно-технологическая инновационная держава. Китай станет главным научным центром и инновационной

высотой мира, мощной опорой осуществления китайской мечты о великом возрождении китайской нации.

Задачи инновационного развития рассматриваются в разных аспектах. Прежде всего — в отраслевом, где выделяют девять основных направлений:

1. Информационно-сетевые технологии нового поколения, информатизационная основа социально-экономического развития.

2. Интеллектуальные и «зеленые» производственные технологии, продвижение обрабатывающей промышленности на более высокие позиции в стоимостной цепочке.

3. Современные сельскохозяйственные технологии — экологически чистые, зеленые, высокоэффективные и безопасные; продовольственная безопасность, безопасность продуктов питания.

4. Современные энергетические технологии — безопасные, чистые, высокоэффективные, революция в производстве и потреблении энергии.

5. Ресурсосберегающие, высокоэффективные и природоохранные технологии, ресурсосберегающее, дружелюбное природе общество.

6. Передовые технологии использования океана и космоса, экономика океана и экономика космоса.

7. Технологии «умных городов» и «цифрового общества», урбанизация нового типа с ориентацией на человека.

8. Передовые, эффективные, безопасные и дешевые технологии здоровья, противостояние вызовам тяжелых заболеваний и старения населения.

9. Технологии современного сервиса, поддерживающие инновации в модели торговли, вывод экономики на более высокую ступень.

Выдвижение информационно-коммуникационных технологий на первое место в перечне приоритетных направлений инновационного процесса, разумеется, не случайно. Именно развитие этих технологий придает новые качества экономической модели, ускоряет экономический рост, вносит кардинальные изменения в образ жизни людей и, по мнению многих исследователей, совершает третью промышленную революцию и способствует становлению информационного общества.

Китайское руководство, пришедшее к власти после XVIII съезда КПК, уделяет большое внимание информатизации и кибернетической безопасности. В феврале 2014 г. Си Цзиньпин лично возглавил соответствующую руководящую группу. Его заместителями стали премьер Госсовета КНР Ли Кэцян и член Постоянного комитета ПБ ЦК КПК Лю Юньшань. Созданию этого нового органа способствовал отход от представлений об Интернете как преимущественно средстве коммуникации и распространения информации в пользу признания его средством экономического роста, инноваций и развития, а также важным компонентом системы социального управления и национальной безопасности. Изменение представлений в значительной мере было подготовлено появлением технологий Веб 2.0, Интернета вещей, мобильных и портативных гаджетов и повсеместного подключения к сети.

Во вступительной речи на первом заседании руководящей группы Си Цзиньпин призвал превратить Китай из большой Интернет-страны в мощную Интернет-державу⁸. Понятие «большой Интернет-страны» определяется масштабами сетей, первенством Китая в мире по числу пользователей (около 700 млн человек), по числу обладателей «умных телефонов» (более 600 млн) и по выходам в Интернет с помощью «умных телефонов». Из десяти крупнейших мировых Интернет-компаний три — китайские. В Китае насчитывается больше 300 млн клиентов Интернет-магазинов, выручка которых в 2014 г. превысила 15 трлн юаней. Но Китаю еще сравнительно далеко до статуса «мощной Интернет-державы».

Согласно данным Международного союза электросвязи (специализированного подразделения ООН) за 2015 г., по Индексу развития информационно-коммуникацион-

ных технологий (ICT Development Index), Китай занимает 82-е место из 167 представленных в рейтинге стран. Индекс основан на 11 показателях, характеризующих доступ к ИКТ, использование ИКТ, а также навыки, то есть практическое пользование этими технологиями населением. Сюда входят, например, данные о числе стационарных и мобильных телефонов на 100 жителей, о количестве домашних хозяйств, имеющих компьютер, о числе пользователей Интернета, об уровне грамотности и так далее. Первое место в этом рейтинге по результатам исследования за 2014–2015 гг. принадлежит Южной Корее. За ней в первой десятке следуют наиболее индустриализованные страны Западной Европы. На 9-м месте располагается Гонконг, на 11-м — Япония. США находятся на 15-месте, Россия — на 45-м⁹.

По данным McKinsey Global Institute, в 2013 г. доля Интернет-экономики в ВВП Китая достигла 4,4%, что соответствует уровню ведущих стран мира. Согласно прогнозам этого института, за период с 2013 по 2025 г. Интернет может способствовать приросту ВВП на 0,3–1,0 процентных пункта и увеличить производительность труда на 7%—22%. Заместитель директора Института исследований Интернет-экономики Китая Центрального финансово-экономического университета Оуян Жихуэй видит в курсе Интернет-плюс двоякую задачу. Во-первых, самостоятельную перестройку традиционных отраслей с помощью технологий и платформ Интернета. Во-вторых, создание новых продуктов, новых форматов путем соединения разных отраслей с помощью Интернета¹⁰.

В Отчетном докладе о работе правительства за 2015 год был впервые упомянут План действий «Интернет-плюс», а затем Госсовет КНР предписал развивать информационные технологии нового поколения путем соединения информатизации и индустриализации. Соответствующие документы были приняты Госсоветом КНР также по стимулированию развития электронной торговли посредством облегчения входа на рынок, снижения налогового бремени, совершенствования конкурентной среды. Одновременно были разработаны и стали действовать законодательные акты о национальной безопасности, где речь шла и о кибербезопасности, и о суверенитете в киберпространстве.

В июле 2016 г. Канцелярия ЦК КПК и Канцелярия Госсовета КНР опубликовали Стратегическую программу развития национальной информатизации (*Гоцзя синьсихуа фачжань чжэньлюе заньяо*). Этот документ замещает ранее действовавшую Стратегическую программу развития национальной информатизации на 2006–2020 гг. Новый документ рассматривает информатизацию как неотъемлемый компонент модернизации Китая. В создании мощной Интернет-державы видят непереносимое условие реализации мечты о великом возрождении китайской нации. В условиях растущей многополярности мира, глобализации экономики, многообразия культур, полагают составители Программы, тот, кто займет командные высоты в информатизации, получит приоритет, обеспечит безопасность, станет располагать будущим.

Китай, отмечается в документе, с начала нового века и особенно после XVIII съезда КПК, значительно продвинул информатизацию. По числу пользователей Интернета, по объему сетевой торговли, по масштабам производства электронно-информационной продукции Китай занимает 1-е место в мире. Непрерывно углубляется использование информационных технологий. Все более выявляется ведущая роль информатизации в общем процессе модернизации.

Вместе с тем продолжают существовать серьезные проблемы. Ключевые технологии и производство оборудования остаются в чужих руках. Недостаточно используются информационные ресурсы. Велики различия между районами, между городом и деревней. Серьезным вызовом подвергается безопасность сетей. Требуется усилить правовое регулирование сетевого пространства. Далеко не полностью раскрыт потенциал информатизации в стимулировании социально-экономического развития.

Программа ставит задачу к 2020 г. достичь уровня среднеразвитых стран по проникновению фиксированного широкополосного доступа в Интернет для бытовых або-

нентов, покрыть город и деревню сетями мобильной связи третьего и четвертого поколений, осуществить прорыв в НИОКР и стандартизации мобильной связи пятого поколения. Общая сумма расходов на информатизацию составит 6 трлн юаней, объем электронной торговли — 38 трлн юаней. Полоса пропускания для международного интернет-трафика, исходящего с территории Китая, достигнет 20 терабит/сек. Это поддержит реализацию проекта «Один пояс, один путь», усилит сетевое взаимодействие с соседними странами. Намечено создать информационный портал Китай — АСЕАН, заложить основу сетевого Шелкового пути, укрепить международную конкурентоспособность КНР.

К 2025 г. проникновение фиксированного широкополосного доступа в Интернет для бытовых абонентов достигнет передового международного уровня. Общая сумма расходов на информатизацию составит 12 трлн юаней. Полоса пропускания для международного интернет-трафика, исходящего с территории Китая, достигнет 48 терабит/сек. Будут созданы четыре больших международных информационных коридора, которые соединят районы и страны Тихого океана, Центральной и Восточной Европы, Западной и Северной Африки, Индию, Пакистан, Мьянму и Китай.

Выступая в конце мая 2016 г. на совместной сессии Академии наук Китая, Инженерной академии наук Китая и общенационального конгресса Китайской научно-технологической ассоциации, председатель КНР Си Цзиньпин еще раз обозначил ориентиры научно-технологического прогресса страны. К 2020 г. КНР должна стать одной из наиболее инновационных стран мира, к 2030 г. — ведущим инноватором, а к сотой годовщине основания КНР в 2049 г. — одной из ведущих глобальных научно-технологических держав. Для достижения этих целей Китаю предстоит пройти большой и трудный путь. По ряду некоторых важных направлений Китай уже находится в числе наиболее развитых стран, но в целом, отметил Си Цзиньпин, научно-технологические основы остаются слабыми и ситуация в целом измениться не может, пока в ключевых областях доминируют чужие технологии¹¹.

Комментируя высказывания Си Цзиньпина, журнал *Nature* в статье, предваряющей номер, специально посвященный китайской науке, писал, что Китай все еще остается «нацией масштабных воплотителей». Когда возникает идея, особенно требующая для своей реализации больших масштабов, Китай готов за нее взяться. Но это — применение новых идей, а не прорыв, который имеет в виду Си Цзиньпин¹².

В связи с этим журнал *Nature* обращает внимание на те слова Си Цзиньпина, которые подчеркивают, что ученым нужно предоставить свободу поиска и проверки их смелых гипотез. Си Цзиньпин выступает за то, чтобы научная политика формулировалась учеными, а не чиновниками.

При характеристике научно-технологического прогресса в Китае пока приходится говорить все еще преимущественно не столько об уже состоявшихся глубоких, качественных инновационных переменах, сколько о количественных достижениях на пути к ним. Тем не менее, эти достижения, действительно, настолько впечатляют, что дают надежду на их скорое перерастание в качественные трансформации. Огромные вложения в науку начинают давать долгожданный эффект.

Наличие такой неуклонной тенденции подтверждает даже беглый взгляд на гигантские проекты, которые осуществляются сегодня в Китае. Подобный взгляд в мае 2016 г. представила, например, корпорация Би-Би-Си, обрисовав всего пять китайских проектов, которым, по мнению экспертов, суждено большое будущее¹³.

В их числе самый большой в мире радиотелескоп. Десять лет с помощью спутников искали в стране подходящее место для его монтажа, пока не нашли в отдаленной юго-западной провинции Гуйчжоу подходящую природную чашу колоссальных размеров. Все огромные блоки радиотелескопа пришлось доставлять из восточных приморских районов, за тысячи километров. Но построили быстро — всего за пять лет. Китайский радиотелескоп позволит улавливать волны в очень большом диапазоне из самых от-

даленных участков Галактики, что даст возможность лучше понять эволюцию космоса, а поиск новых звезд, особенно пульсаров, возможно обнаружит следы внеземной жизни.

Весьма амбициозным и многообещающим проектом представляется установка нейтринных детекторов в скальной породе на 300-метровой глубине поблизости от АЭС Daya Bay. Нейтринный эксперимент уже дал первые результаты, которые были удостоены в 2015 г. престижной международной награды — Приза прорыва. Многонациональная команда подземной нейтринной лаборатории готова идти дальше и превзойти достижения, полученные на Большом адронном коллайдере в Церне.

Исследования Вселенной и микромира дополняются исследованиями Мирового океана. Спущен на воду исследовательский корабль с лабораториями на борту, оснащенными самым новейшим оборудованием. Предполагается использовать его также в качестве стартовой платформы для запуска подводных лодок, которые смогут достигать больших глубин, вплоть до дна Марианской впадины в Тихом океане. Для их создания тестируются некоторые особо прочные конструкционные материалы.

Весьма впечатляет китайская космическая программа, включающая отбор проб лунной породы и доставку их на Землю. Отличительной чертой китайских исследований Луны служит то, что они сфокусированы не только на той ее стороне, которая обращена к Земле, но и на противоположной. Предусматривается также беспилотный полет на Марс в 2020 г., включающий орбитальный облет, посадку и запуск самодвижущегося исследовательского устройства.

Венчают рассматриваемую пятерку китайских исследований работы по пересадке человеку роговицы глаза свиньи. От повреждений роговицы глаза в Китае страдают миллионы людей. Компания China Regenerative Medicine International (CRMI) в течение десяти лет проводила опыты с различными животными, пока не убедилась в том, что наилучшие результаты получаются именно при использовании роговицы глаза свиньи. Была разработана сложная технология такой операции, обеспечивающая успех в 90% случаев, и китайское правительство в 2015 г. дало разрешение на проведение ее клинической проверки.

Параллельно с комплексными, всесторонними, долгосрочными и среднесрочными программами развития науки и технологий в Китае действуют еще немало специальных планов и программ, нередко взаимно пересекающихся. В 2014 г. была начата реформа по упорядочению управления научно-технологическим планированием с тем, чтобы повысить его эффективность. Эту работу намечено в основном завершить до конца 2016 г. Чтобы избавиться от избыточных и малоэффективных проектов, нужно свести более 100 программ в пять основных групп. В их числе: Государственный фонд естественных наук, Важнейшие государственные научно-технологические проекты, План ключевых НИОКР, Проект (Фонд) технологических инноваций, Фундаментальные исследования и человеческие ресурсы.

Первым из них стартовал в 2016 г. План ключевых НИОКР, являющийся стержнем реформы. Он вобрал в себя ряд масштабных государственных программ, включая План 863, План 873, План государственной поддержки науки и технологий, Международный проект научно-технологического сотрудничества и обменов, отраслевые и технологические исследования и разработки, руководимые Комитетом по развитию и реформам и Министерством промышленности и информации, а также проекты НИОКР в отраслях публичных услуг, руководимые соответствующими ведомствами. Планирование охватит такие области, связанные с народным благосостоянием, как сельское хозяйство, энергетические ресурсы, экология, здравоохранение. Кроме того, сюда же относятся важнейшие стратегические, фундаментальные, перспективные проблемы науки, важнейшие продукты и технологии общего характера, важнейшее международное научно-технологическое сотрудничество, имеющие отношение к ключевой конкурентоспособности отраслей, к общей способности к самостоятельным инновациям и международной безопасности¹⁴.

Предварительные итоги

Суммарные общественные расходы КНР на НИОКР в 2015 г. превысили 1,4 трлн юаней¹⁵. Доля таких расходов в ВВП Китая увеличилась с 0,57% в 1995 г. до 2,10% в 2015 г. Согласно данным Организации экономического сотрудничества и развития, по этому показателю Китай пока еще уступает США (2,7%), Южной Корее (4,29%), Израилю (4,11%), Японии (3,58%), и ряду европейских стран, но превосходит партнеров по БРИКС¹⁶. Однако благодаря огромной абсолютной величине ВВП, второй в мире после США, по суммарным расходам на НИОКР, государственным и корпоративным, Китай обошел ЕС и Японию, уступая только США, от которых, однако, его отделяет пока еще весьма большая дистанция. Ее Китай намерен преодолеть примерно в течение текущего десятилетия. На долю США приходится 28% мировых расходов на НИОКР, на долю Китая — 20%, на долю ЕС — 19%, на долю Японии — 10%¹⁷.

По данным ЮНЕСКО, в мире насчитывается 7,8 млн исследователей. На страны ЕС приходится 22,2% их общей мировой численности. Китай, достигнув еще в 2011 г. доли в 19,1%, обошел США с их 16,7%. Доля Японии с 2007 по 2013 г. сократилась с 10,7% до 8,5%. Показатель Российской Федерации сократился с 7,3% до 5,7%¹⁸.

Численность персонала, занятого в сфере НИОКР КНР, в расчете на 1 млн численности населения, согласно данным Мирового банка, увеличилась с 857 в начале века до 1200 в 2008 г. В кризисный 2009 г. она упала до 864, но затем стала быстро восстанавливаться, достигнув в 2013 г. 1089¹⁹. Планируется, что в 2020 г. из каждых 10 тыс. работников 48,5 будут заняты в НИОКР²⁰.

В китайских вузах в 2013 г. получали образование 32 млн человек. Около 400 тыс. китайцев обучались за рубежом. В 2012 г. в странах ОЭСР китайцы составляли 22% всех иностранных студентов. Государственные расходы КНР на высшее образование за период 2006–2012 гг. увеличились почти вчетверо. По числу колледжей и университетов Китай уступает только США, а по числу получающих высшее образование в области естественных наук, технологии, инженерии и математики ему принадлежит 1-е место в мире. Такую специализацию в Китае выбирают 40% студентов, тогда как в США — 32%. Похожая ситуация отмечается и на уровне PhD²¹. Действуют различные программы, направленные на то, чтобы китайские университеты вошли в мировую образовательную элиту.

Значительно выросли доходы научных работников. Пять лет назад ученый зарабатывал меньше 40 тыс. долл. в год, или примерно половину той суммы, которую он, по данным журнала *Nature*, мог бы получить в США. Теперь этот разрыв преодолевается, что способствует развороту «утечки умов» в обратном направлении. По данным Центра талантов в области науки и технологий Министерства науки и технологии, средняя заработная плата профессора, вернувшегося из-за рубежа в один из ведущих китайских университетов, составляет около 800 тыс. юаней, или более 120 тыс. долл.²². Правда, их коллеги, не имеющие зарубежного опыта, довольствуются значительно более скромной зарплатой.

В 1997 г. менее 2,5% публикаций в журналах, включенных в *Science Citation Index (SCI)*, были написаны в соавторстве с китайскими исследователями. В 2006 г. Китай по вкладу в научную литературу превзошел Германию, Великобританию, Францию и Японию и вышел на 2-е место после США. К 2014 г. он снова удвоил свою научную продукцию, доведя свою долю в публикациях, фиксируемых SCI, до 19%²³.

Почти четверть китайских публикаций подготовлена в соавторстве с иностранными учеными. Согласно индексу журнала *Nature*, Китай занял 2-е место в мире после США в качестве поставщика высококачественных научных публикаций в важнейших журналах. Из 10 ведущих по этому показателю стран только Китай показал двузначный рост за период 2012–2015 гг. а в некоторых университетах он доходил до 25% в год²⁴.

Согласно данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), в некоторых областях науки Китай начинает конкурировать с США. Составители доклада ОЭСР, посвященного развитию науки и технологий за 2015 г., проанализировали представленность разных стран в авторстве десяти наиболее цитируемых публикаций по 27 научным дисциплинам. Оказалось, что хотя США с 2003 по 2012 г. безраздельно лидировали во всех дисциплинах, тем не менее по восьми дисциплинам (материаловедение, инженерия, математика, принятие решений, химия, энергетика, химическая инженерия, компьютерная наука) Китай стал приближаться к США.

Быстро возрастает интерес и способность предприятий к инновациям. На их долю приходится 77% всех общественных расходов на НИОКР²⁵. В Китае действует биржа технологий, оборот ее в 2015 г. превысил 980 млрд юаней, из которых 80% пришлось на долю предприятий²⁶.

С того момента, когда в 1985 г. в Китае стало действовать патентное право, сначала медленно, а затем все быстрее стало увеличиваться число заявок на патенты. По данным Всемирной организации интеллектуальной собственности (World Intellectual Property Organisation), в 2013 г. на долю Китая пришлось треть мировых заявок²⁷. В следующем году число китайских заявок составило 928 177, причем 127 000 поступило из-за границы. Примерно четверть из них были приняты. В том же году число заявок в США составило 578 802, а в Японии — 325 989²⁸. К 2020 г. Китай намерен увеличить число заявок на патенты еще в два раза²⁹.

В Китае отмечается бум стартапов. В 2015 г. были созданы 4,4 млн компаний, на 21,6% больше, чем в предыдущем году³⁰. Более 80% новых фирм относится к сфере услуг. Этому во многом способствует целенаправленная политика правительства, облегчающая вход на рынок, смягчающая запреты и облегчающая бремя налогов. В Китае, однако, существует еще огромное поле для дальнейшего роста инновационных предприятий, поскольку их число в расчете на численность населения в разы уступает показателям многих развитых стран.

Осуществлены важные технологические прорывы в таких областях, как высокоскоростные железные дороги, атомная энергетика, мобильная связь четвертого поколения, высоковольтные линии электропередач, оборудование для ГЭС, для ветровых и солнечных электростанций, автомобили на новых источниках энергии. Достигнуты немалые успехи в таких областях фундаментальных исследований, как высокотемпературная сверхпроводимость, квантовая теория, изучение стволовых клеток. Широко известны достижения Китая в освоении космоса.

Позитивные показатели во многих областях научно-технологического развития Китая, однако, не свидетельствуют о том, что этот процесс протекает абсолютно гладко, без проблем и негатива. Научно-технологический прогресс обеспечил в Китае в 2015 г. только 55% экономического роста, тогда как в США — 88%.

Структура суммарных расходов на НИОКР для прорывов в фундаментальных исследованиях в Китае менее благоприятна, чем в развитых странах. На фундаментальную науку расходуется всего 4,7% всех используемых средств, тогда как во Франции — 24,1%, в США — 17,6%, в Японии — 12,6% (2013 г.)³¹. На экспериментальное развитие в Китае ассигнуется 84,6% средств, причем в последние годы этот показатель рос за счет расходов на фундаментальные исследования.

Влияние китайских публикаций растет, но оно еще остается ниже среднемирового. Очень мало химических реакций и процессов названо именами китайских ученых, несмотря на то, что в Китае публикуется больше работ по химии, чем где бы то ни было. При огромной абсолютной численности исследователей, относительно к общей численности населения она невелика.

Заявки на патенты часто малозначимы, касаются адаптации дизайна к китайскому рынку, торговых марок, а не изобретений. Поэтому, несмотря на сильное увеличение

регистрации отечественных патентов за последние годы, Китай платит за использование иностранных прав на интеллектуальную собственность почти в 24 раза больше, чем выручает за свои³². Несмотря на большой рост абсолютного числа научных публикаций за последнее десятилетие, по их цитируемости (индекс Хирша за 1996–2014 гг.) Китаю в целом по всем направлениям принадлежит только 16-е место в мире, хотя в таких областях, как материаловедение, химия и энергетика, его место существенно выше.

Сомнения вызывает нередко и качество китайских исследований. Нарушение этических норм исследователями подчас является следствием недостатков системы оценки труда ученых, которая придает непропорционально большое значение количеству в ущерб качеству. За публикации в престижных изданиях китайские университеты часто премируют авторов крупными суммами наличных денег, скидками по оплате жилья и другими бонусами. Во многих ориентированных на научные исследования университетах и институтах слишком большую часть бюджета составляют конкурсные гранты, что, по мнению некоторых наблюдателей, экономически поощряет нарушения этики³³. Жульничество и подтасовки, включая использование вымышленных имен авторов и рецензентов, нередки в академической среде. Достаточно широко распространены случаи плагиата, фальсификации и фабрикация данных³⁴.

Научная общественность КНР осведомлена об этих проблемах и принимает меры для их устранения. В последнее десятилетие Китайская ассоциация науки и технологии, Министерство образования и Фонд естественных наук Китая провели широкую кампанию против аморальных явлений в деятельности научных работников. Кампания дала свои результаты. Большинство институтов приняли меры, противодействующие нарушениям этики. В ряде случаев (как, например, в Чжэцзянском университете) ввели политику нулевой толерантности³⁵. В результате число обвинений в незтичных поступках снижается. Сокращается сходство заявок, подаваемых на гранты, и публикуемых диссертаций³⁶.

В 2015 г. Глобальный институт McKinsey опубликовал обстоятельный аналитический доклад о влиянии Китая на глобальные инновации³⁷. Авторы доклада пришли к выводу, что в некоторых отраслях экономики Китай уже стал мощным инноватором, способным удовлетворять в основном внутренний спрос. Но в более требовательных сферах инноваций, таких, как создание новых лекарств или новых коммерческих воздушных судов, Китай все еще глобально неконкурентоспособен.

По мнению авторов доклада, Китай располагает уникальными возможностями для инноваций, включая огромный потребительский потенциал, позволяющий быстро коммерциализировать новые идеи. У него также имеется самая развитая в мире промышленная экосистема, которая дает возможность постоянно обновлять производственные процессы для сокращения издержек и повышения качества продукции. Кроме того, благодаря инвестициям за три предшествующих десятилетия Китай создал мощную исследовательскую базу.

Вместе с тем инновациям мешают такие проблемы, как медленный процесс регулирования и слабая защищенность интеллектуальной собственности. Общий инновационный потенциал в промышленности и услугах на период до 2025 г. оценивается в 1–2,2 трлн долл., что составит 24% прироста ВВП.

Распространение собственных технологий и брендов в разных отраслях происходит неравномерно, в зависимости от ряда факторов, включая, прежде всего, цели, которые ставит государство. По мнению экспертов из Глобального института МакКинси, наибольший успех достигается в тех случаях, когда правительство поддерживает отрасль на ранней стадии, обеспечивает местный спрос и содействует тем соглашениям с иностранными партнерами, которые предусматривают передачу технологий.

Этот подход наиболее удачно реализован в отношении высокоскоростных железных дорог, где Китаю сейчас принадлежит 41% мирового рынка, а также в отношении ветровой энергии (20%) и коммуникационного оборудования (18%). Менее успешным

оказалось освоение зарубежного опыта и инноваций в автомобилестроении. В результате, хотя Китай стал крупнейшим в мире автомобильным рынком, китайским компаниям принадлежит только 8% мировых доходов этой отрасли.

Атомная энергетика развивается в соответствии с поставленной правительством задачей увеличить к 2030 г. долю энергии, получаемой из возобновляемых источников, до 30%. Китайская атомная энергетика основывается на зарубежных технологиях, но прилагает большие усилия для создания своей собственной с помощью таких партнеров, как Westinghouse Electric, France's Areva и EDF. На АЭС Фуцин началось строительство ядерных реакторов третьего поколения Hualong One, отличающихся большей безопасностью и более долгой работоспособностью: 60 лет вместо 40 в предыдущем поколении. Они должны войти в строй в 2019 и 2020 г. С рядом стран подписаны экспортные соглашения³⁸.

Китайский рынок медицинского оборудования, по объему второй в мире, непрерывно растет в связи с увеличением доходов населения и его быстрым старением, а также благодаря стремлению правительства совершенствовать систему здравоохранения. Рынок изначально включал два сегмента: продукцию низкого и среднего уровня, поставляемую местными производителями, и продукцию высококлассную от крупных зарубежных компаний, большей частью из США, Германии и Японии. В последнее время ситуация начинает постепенно меняться. Ушла в прошлое зарубежная монополия на поставки компьютерных и магнитно-резонансных томографов, в частности благодаря правительственным субсидиям, предоставляемым больницам на закупки отечественного оборудования. Раньше китайские производители преимущественно копировали зарубежные образцы. Теперь многие из них стараются создавать свою собственную, оригинальную продукцию. В ответ транснациональные корпорации создают на территории Китая свои центры НИОКР и свое производство³⁹.

В других отраслях возможностей приобретения и освоения иностранного ноу-хау по разным причинам было еще меньше. К примеру, китайское коммерческое самолетостроение с сильно ограниченным доступом к глобальным технологическим ресурсам в силу закрытости отрасли серьезно отстает от ожиданий в графике поставок первых коммерческих пассажирских лайнеров.

Доля электромобилей на автомобильном рынке в Китае значительно меньше, чем в развитых экономиках, несмотря на большие правительственные вложения в исследования и субсидии в зарядную инфраструктуру.

Непосредственно технологическая, производственная и коммерческая отдача от достижений в фундаментальных исследованиях пока что мало заметна, поскольку путь этот, как правило, измеряется десятилетиями. Китай получает пока менее 1% доходов в глобальной фармацевтике и по 3% — в биотехнологиях и полупроводниках. На этих рынках китайские компании сосредоточены преимущественно на товарах с низкой добавленной стоимостью, таких, как дженерики⁴⁰.

Китай и внешний мир

Наращивание Китаем научно-технологического потенциала, как и совокупной национальной мощи в целом, за пределами страны воспринимают неоднозначно. Существуют разного рода опасения, которые часто диктуются возрастающим наступлением Китая на мировые рынки и обостряющейся в связи с этим конкуренцией. Хотя такой мотив не всегда очевиден. Иногда он драпируется более или менее обоснованно морально-этическими, экологическими, культурологическими или правовыми соображениями⁴¹.

Нарекания вызывает больше всего развитие информационно-коммуникативных технологий. Китай обвиняют в хакерстве, в проникновении в чужие базы данных, в краже государственных и коммерческих секретов, в установлении тотальной цензуры в киберпространстве. В марте 2013 г. советник президента США по национальной безопас-

ности Томас Донилон сказал, что американские бизнесмены серьезно озабочены «изошренным, целенаправленным воровством деловой информации и запатентованных технологий путем киберпроникновений из Китая в беспрецедентных масштабах»⁴². В июне 2015 г. глава американской разведки Джеймс Клэппер заявил, что за хищением миллионов личных дел служащих федеральной администрации США стоят китайские хакеры⁴³. Пекин, разумеется, отвергает все эти обвинения, указывая на то, что они слишком напоминают известный прием, когда совершивший кражу преступник кричит «Держи вора!».

В подавляющем большинстве стран преобладает, однако, желание продуктивно сотрудничать с Китаем в развитии науки и высоких технологий. Для Китая, широко открытого для такого сотрудничества, главный интерес состоит в том, чтобы с его помощью решать те задачи наращивания совокупной национальной мощи, о которых речь шла выше. Поэтому самой значимой и перспективной для него является тесная кооперация с наиболее развитыми в научно-технологическом отношении государствами Европы.

В сентябре 2015 г. ЕС и Китай подписали соглашение о сотрудничестве в исследованиях информационно-коммуникационных технологий пятого поколения. Стороны договорились об обоюдных крупномасштабных инвестициях — как государственных, так и корпоративных. ЕС инвестирует 700 млн евро в государственно-частное партнерство 5G через Программу исследований и инноваций Horizon 2020, а корпорации ЕС внесут в пять раз больше — свыше 3 млрд евро⁴⁴. Считается, что эти инвестиции могут придать соглашению необходимую синергию. Создан специальный двусторонний инвестиционный механизм на период с 2016 по 2020 г. В декабре 2015 г. Министерство науки и технологий КНР сделало свой первый взнос в объеме 28 млн евро для поддержки китайских исследователей, предприятий, исследовательских институтов и университетов, желающих принять участие в командах вместе с европейскими партнерами в проектах Horizon 2020. Европейская комиссия продолжит выделять ежегодно свыше 100 млн евро для выполнения проектов с китайским участием.

Поскольку 2020 год «не за горами», если ЕС и КНР хотят полностью капитализировать технологию, целесообразно, как полагают, начать приспосабливаться к новым 5G рынкам незамедлительно. Ключевыми аспектами, где сотрудничество между ними и технологические инновации должны быть абсолютно синхронизированы, считаются увеличение связности, стимулирование вертикальной интеграции и переналадка сетей возможностей.

Из 100 миллиардов подключений, ожидаемых к 2025 г., 55% рассчитывают получить от бизнеса, такого, как умное производство и умные города, и 45% — от потребителей, включая умные дома, Интернет транспортных средств и носимые гаджеты. Сейчас 99% всего оборудования остается не подключенным к Интернету. Простое добавление специального переключателя к контейнерам и даже к маленьким пакетам может повысить эффективность и безопасность и принести огромные выгоды через логистическую цепочку. ЕС как крупнейший партнер Китая и Китай как второй по значимости партнер ЕС выиграют от технологического прогресса в этой области. Глубокая кооперация при помощи механизма совместного инвестирования может охватить такие стратегические сферы, как транспорт, продвинутое промышленное производство, энергетика, здравоохранение, новые материалы и устойчивая урбанизация.

Особое значение для Китая имеет сотрудничество с Германией, откуда он черпает больше всего технологий и оборудования. Многие германские предприятия в автомобильной, химической, электроэнергетической и электронной промышленности обладают сравнительными преимуществами. Германские компании одними из первых вступили на китайский рынок и играют важную роль в технологической модернизации КНР. Привлекаемые огромными масштабами и быстрыми темпами роста китайской экономики, они успешно ведут свою коммерческую деятельность и делают долгосрочные инвестиции, несмотря на порой довольно жесткие условия сотрудничества, выдвигаемые Пекином,

нередко недостаточную транспарентность принятия решений на политическом уровне и нехватку необходимой информации. Германские компании создали в Китае центры НИ-ОКР, установили тесные связи с ведущими китайскими университетами и исследовательскими институтами, прочно обосновались в китайских индустриальных и научно-технологических парках, формируя здесь инновационные кластеры.

Основа научно-технологического сотрудничества между ФРГ и КНР заложена Межправительственным соглашением о научной и технологической кооперации, заключенным в октябре 1978 г. В 1980-х годах стороны обменивались информацией и опытом, а также визитами специализированных делегаций и изучали потенциал сотрудничества. В 1990-х годах за этим последовало сотрудничество между исследовательскими институтами в области фундаментальных естественных наук, а также прикладных исследований в энергетике, изучении сырья и биотехнологии.

Механизм консультаций Пекина с Берлином на правительственном уровне был установлен в 2011 г. Одним из главных предметов консультаций стали инновации. Берлин представлял идеи Industrie 4.0, или «четвертой промышленной революции», а Пекин — свою стратегию «Сделано в Китае 2025». В марте 2014 г. во время своего визита в Берлин Си Цзиньпин предложил Германии взаимовыигрышное инновационное партнерство по широкому кругу проблем. В октябре 2014 г. на третьем раунде китайско-германских консультаций в Берлине стороны одобрили эскиз сотрудничества по созданию инноваций, направленных на усиление Industrie 4.0. 2015 год стал годом нового китайско-германского сотрудничества.

В октябре 2015 г. Федеральное министерство образования и исследований (Bundes Ministerium für Bildung und Forschung, BMBF) приняло «Китайскую стратегию». В документе указывается, что в нынешнем глобализованном мире больше не стоит вопрос, должна ли германская наука и промышленность сотрудничать с Китаем. Скорее, это вопрос о выборе подходящих целей, тематических областей, акторов и механизмов сотрудничества с тем, чтобы сотрудничество благоприятствовало Германии. Оно необходимо для того, чтобы совместно развивать знание и технологии, усиливать Германию как плацдарм для исследований и инноваций, открывать китайский рынок для германских компаний и находить решения для огромных социальных и экологических вызовов нашего времени⁴⁵.

Заключение

До середины нынешнего века, когда Китай должен достичь тех амбициозных целей, которые он перед собой поставил, остается три с половиной десятилетия, т.е. примерно такой же срок, какой он прошел с начала курса на реформы и открытость. За пройденные полпути достигнуты грандиозные успехи. Китай стал второй экономикой мира, поднял благосостояние своего населения на уровень среднеразвитых стран, вышел в космос, заложил материальные и духовные основы дальнейшего движения к вершинам процветания и могущества.

Предстоящий путь не будет легким. Он станет совершенно иным, чем прежний, поскольку действенность факторов, приводивших в движение экономику страны и придававших ему временами редкостное ускорение, намного ослабла. Ни дешевые ресурсы, ни массовая и дешевая рабочая сила, ни обильные инвестиции больше не могут играть ту роль локомотива, которую они с успехом исполняли прежде. Развитие и экономический рост должны в возрастающей мере опираться на научно-технологические инновации.

На обеспечение успешной смены модели в оптимальные сроки нацелены усилия исследовательских институтов, университетов, высокотехнологичных предприятий, мобилизуются огромные ресурсы. Но, может быть, не меньшее, если не большее, значение имеют отношения сотрудничества и взаимного доверия между научным сообществом и властью.

Следует подчеркнуть, что характер этих отношений в КНР определен законодательно. 1 июля 2008 г. вступил в силу принятый в 1993 г. и исправленный в конце 2007 г. Закон КНР о прогрессе науки и технологий⁴⁶. Закон гласит, что государство обеспечивает свободу научных исследований и технологического развития, поощряет научные исследования и технологические инновации и защищает законные интересы ученых и техников. Провозглашено право институтов и граждан самостоятельно выбирать предмет исследований. Государству вменяется в обязанность всемерно повышать социальный статус научных и технических работников и создавать благоприятные условия для полного исполнения их роли. Народным правительствам различных уровней, предприятиям и институтам предписано способствовать повышению заработной платы научных и технических работников и существенно поощрять тех, кто вносит выдающийся вклад в развитие науки и технологий. Государство обязывается постепенно повышать вклад в фонды научных и технологических начинаний, темпы увеличения правительственных фондов должны превышать рост регулярных доходов правительства. Доля, занимаемая в ВВП всеми общественными вложениями в НИОКР, должна постепенно увеличиваться.

Закон неукоснительно исполняется. Периодически происходящая смена высшего руководства в стране не колеблет отношение государства к науке и к научным работникам. Оно остается достойным и уважительным.

Выступая 9 июня 2014 г. на совместном общем собрании Академии наук Китая и Академии инженерных наук Китая, Си Цзиньпин назвал академиков «богатством государства, гордостью народа, славой нации»⁴⁷. Два года спустя, 30 мая 2016 г. на совместном общем собрании двух академий и Всекитайского научно-технического общества он повторил ту же формулировку⁴⁸.

Си Цзиньпин подчеркнул, что упор на научно-технологические инновации усиливает стратегическую поддержку общественных производительных сил и совокупной национальной мощи. Соперничество в стратегиях инноваций занимает все более важное место в конкуренции совокупной национальной мощи. В этой ситуации, по словам Си Цзиньпина, необходимо взять в свои руки ключевые технологии. Только так можно обрести инициативу в конкуренции и развитии, обеспечить коренным образом экономическую безопасность государства, оборонную и прочую безопасность.

Си Цзиньпин указал на недостаток ведущих научно-технологических кадров мирового уровня. Он признал и наличие проблем в академическом сообществе. Например, при избрании в академики слишком велико влияние ненаучных факторов. Кое-где на академиков возлагают ненаучное, церемониальное бремя. Иногда ставят в заслугу число академиков.

3-й пленум ЦК КПК 18-го созыва, состоявшийся в ноябре 2013 г., принял решение провести реформу академической системы. Реформа направлена на то, чтобы еще более повысить уровень научных исследований и их вклад в социально-экономический прогресс. Реформа должна оградить науку от постороннего, неквалифицированного вмешательства. Будет усовершенствован механизм избрания в члены академий с тем, чтобы академиками становились действительно выдающиеся исследователи, внесшие наибольший вклад в развитие науки.

В целом реформа призвана еще выше поднять престиж науки и ученых в китайском обществе. Учитывая проверенный десятилетиями опыт проведения реформ в Китае, предельно взвешенный и аккуратный подход государства к разного рода преобразованиям, надо полагать, что и академическая реформа принесет исключительно положительные плоды, будет способствовать не отчуждению ученых от власти, а их еще более тесному, плодотворному сотрудничеству, что, в конечном счете, станет залогом превращения Китая в глобальную инвестиционную державу, занимающую передовые позиции в мировой науке.

1. McKinsey Global Institute. The China effect on global innovation.
URL: <http://www.slideshare.net/morellimarc/mckinsey-china-effect-on-global-innovation-2015>.
2. Дэн Сяопин тунчжи юй Чжунго кэци ши: 863 цзихуа чутай шимо : [Товарищ Дэн Сяопин и дело науки и технологий в Китае: история появления плана 863] // Кэци жибао. 20.08.2004.
3. 1987 нянь 3 юе 3 жи Дэн Сяопин цзюедуань «863 цзихуа» : [3 марта 1986 г. Дэн Сяопин утвердил «План 863»]. URL: CCTV.com. 07.10.2008.
4. Гоцзя гаоцзишу яньцзю фачжань цзихуа (863 цзихуа): [Государственный план изучения развития высоких технологий (План 863)].
URL: <http://baike.baidu.com/view/4785616.htm?fromtitle=863计划&fromid=114257&type=syn>.
5. В конце 2008 г. был введен в действие «План тысячи человек», предусматривавший приглашение в Китай талантливых зарубежных специалистов в течение следующих 5–10 лет. К маю 2014 г. число приглашенных составило 4180 человек. Параллельно в конце 2008 г. приняли план поддержки высококвалифицированных отечественных специалистов, а в сентябре 2012 г. официально провозглашен «План 10 тысяч человек». Последний включает разные уровни и группы специалистов. Высший уровень — из 100 ученых потенциально мирового класса, возможных кандидатов на Нобелевскую премию. Второй уровень — 8 тысяч остро необходимых государству лидеров для развития науки, технологий и отраслей. Третий уровень — 2 тысячи молодых перспективных специалистов в возрасте до 35 лет. Отбор производился специальной рабочей группой ЦК КПК в сотрудничестве другими ведомствами. Прошедшие отбор получали по 1 млн юаней на проведение исследований по самостоятельно определяемой проблематике. // Жэньминь ван. 30.10. 2013.
6. Гоцзя чуансинь цюйдун фачжань чжаньлюе ганьяо: [Государственная программа инновационного развития] // Жэньминь жибао. 20.05.2016.
7. Вань Ган. «Гоцзя чуансинь цюйдун фачжань чжаньлюе ганьяо» чжэнцэ цзеду: [Разъяснение политики в отношении «Государственной программы инновационного развития»] / Сайт информационной канцелярии Госсовета КНР. URL: www.scio.gov.cn. 24.05.2016.
8. Xi Jinping: Build Our Country from a Large Internet Country into a Strong Internet Country // Синьхуа. 27.02.2014. URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2014-02/27/c_119538788.htm.
9. Measuring the Information Society Report. URL: <http://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/publications/mis2015.aspx>.
10. Гоюань бушу «хуяньван+» синдун вэй цзинци чжуаньсин чуань чжуаньсинь чжу холи: [Определив деятельность по «Интернет+», Госсовет влил живительную силу в изменение экономической модели, в создание предприятий и инновации] // Синьхуа. 24.06.2015.
11. Xi sets targets for China's science, technology progress // Синьхуа. 30.05.2016.
12. The future of Chinese research // Nature. 2016. 22 June.
13. Morelle R. China's Science Revolution. URL: <http://www.bbc.co.uk/news/resources/idx-0192822d-14f1-432b-bd25-92eab6466362>.
14. «973» «863» цюсяо хоу кэян цза бань? : [Как вести НИОКР после завершения «973», «863»?] // Синьхуа. 17.02.2016.
15. Вань Ган Указ. соч.
16. OECD. Main Science and Technology Indicators Database 2014/1.
17. Luc Soete, Susan Schneegans, Deniz Eröcal, Baskaran Angathevar and Rajah Rasiah. A world in search of an effective growth strategy. URL: https://en.unesco.org/unesco_science_report.
18. Ibid. P. 15.
19. World Development Indicators. URL: Hi.noema.com. 2015. June.
20. China sets R&D targets for 2020. Синьхуа. 08.08. 2016.
21. McKinsey Global Institute. Op.cit.
22. China on right path to becoming a global power in scientific research // South China Morning Post. 2016. 4 May.
23. Gerstner E. Chinese science comes of age. Research Information. 2015. 2 Oct.
URL: <https://www.researchinformation.info/feature/chinese-science-comes-age>.
24. Noorden R. V. China by the numbers. Nature. 2016. 23 June.
25. Вань Ган. Указ. соч.
26. Го синь бань цзю «Гоцзя чуансинь цюйдун фачжань чжаньлюе ганьяо» цинкуан цзюй син синьвань фабухуэй : [Пресс-конференция Государственной информационной канцелярии о поло-

- жении с Государственной программой инновационного развития»].
URL: http://www.china.com.cn/zhibo/2016-05/23/content_38498043.htm.
27. Beijing says Chinese patents to double in five years, with focus on agriculture // South China Morning Post. 5.01.2015.
 28. China has Become a Main Promoter for Intellectual Property Growth in the World // Science and Technology Daily. 16.12. 2015.
 29. Beijing says Chinese patents to double...
 30. News Analysis: China's innovation, entrepreneurship help build new growth engine. Синьхуа. 02.12.2016.
 31. *Wei Yang*. Policy: Boost basic research in China. Nature. 22.06.2016. URL: <http://www.nature.com/news/policy-boost-basic-research-in-china-1.20117#auth-1>.
 32. China strategy. Executive summary.
URL: https://www.bmbf.de/pub/China_Strategy_Kurzfassung_eng.pdf.
 33. *Wei Yang*. Research Integrity in China // Science. 2013. Vol. 342. Issue 6162. P. 1019.
 34. *Qiu J*. Publish or perish in China // Nature. 2010. № 463. P. 142–143.
 35. *Zyranoski D*. Research Ethics: Zero Tolerance // Nature. 2012. 11 Jan. URL: <http://www.nature.com/news/research-ethics-zero-tolerance-1.9756>.
 36. *Wei Yang*. Op.cit.
 37. McKinsey Global Institute. Op.cit.
 38. China sets sights on new global export: nuclear energy // China South Morning Post. 24.08.2016.
 39. Medical Devices Industry Opportunities in Japan & China. Main International Trade Center. 2015.
URL: <http://www.mitc.com/wp-content/uploads/2015/04/2015-Medical-Devices-Resource-Guide-Japan-and-China.pdf?29e721>.
 40. McKinsey Global Institute. Op.cit.
 41. Такую реакцию вызвали, например, китайские работы по редактированию зародышевой линии модификации ДНК человеческих эмбрионов. *Schaefer G*. The Future of Genetic Enhancement Is in China. Real clear science. 2016. 3 Aug. URL: http://www.realclearscience.com/articles/2016/08/03/the_future_of_genetic_enhancement_is_in_china_109709.html.
 42. National security adviser warns China on cyber attacks // The Free Beacon. 2013. 11 March.
 43. U.S. Intelligence Chief James Clapper Suggests China Behind OPM Breach // The Wall Street Journal. 2015. 25 June.
 44. *Graziano T*. EU-China Joint 5G plans: from words to deeds. URL: <http://www.friendsofeurope.org/global-europe/joint-5g-plans-from-words-to-deeds/5> May 2016.
 45. China strategy...
 46. Law of the PRC on Progress of Science and Technology. URL: npc.gov.cn. 2011. 11 Feb.
 47. *Си Цзиньпин*. Ба гуаньдянь цзишу чжан цзай цзыци шоу ли : [Держать ключевые технологии в своих руках] // Синьхуа. 09.06.2014.
 48. *Си Цзиньпин*. Вэй цзяньшэ шицзе кэци цянго эр фэндоу : [Бороться за построение глобальной научно-технологической державы] // Синьхуа. 31.05.2016.

Международный терроризм как способ достижения политических целей и его особенности в Центральной Азии

© 2016

Л.Е. Васильев

В статье исследуются особенности современного международного терроризма, причины его возникновения и распространения, связь с негативными явлениями, оказывающими существенное влияние на региональную безопасность. Дана характеристика террористической деятельности в Центральной Азии, рассмотрены основные тенденции возможного обострения террористической деятельности в регионе в ближайшей перспективе.

Ключевые слова: международный терроризм, региональная безопасность, угрозы и вызовы безопасности, геополитика, Центральная Азия.

Современный терроризм представляет собой многоплановую политическую субстанцию и является, к сожалению, одним из эффективных способов реализации политических целей. В настоящее время этот способ получил достаточно широкое распространение и представляет серьезную опасность для мирового сообщества. Поэтому особенности современного терроризма, причины его возникновения, используемые методы и способы проведения террористических акций, а также современные тенденции их развития представляют значительный интерес как для специалистов и специальных структур, занимающихся борьбой с терроризмом, так и для органов государственной власти в целом.

Чтобы объективно оценивать происходящие в мире процессы, связанные с проявлениями международного терроризма, необходимо учитывать следующее.

Первое. Терроризм — это способ достижения различных политических целей в мирных условиях с использованием методов вооруженной борьбы — в основном диверсионной деятельности, которая обычно практикуется современными регулярными армиями противоборствующих сторон в период военных конфликтов. Терроризм по определению не может являться идеологией партии, общественной организации или, тем более, целой нации. Известный политолог Збигнев Бжезинский неоднократно подчеркивал, что терроризм — это тактика, а не идеология, а объявлять войну тактике — бессмысленно. Однако терроризм может быть использован и уже активно используется отдельными лицами, организациями и даже государствами для достижения целей, поставленных в рамках различных политических и религиозных идеологий. Причем использование ими методов терроризма, как правило, не зависит от самой идеологии, а обусловлено сложившимися политическими обстоятельствами, наличием возможностей их применения и людей, способных их осуществить.

Второе. Использование понятия *терроризм* как идеологии само по себе является средством достижения конкретных политических целей. Как известно, террористические организации в современном представлении существовали в различных странах начиная еще с XIX в., однако только после событий 11 сентября 2001 г. терроризм стал трактоваться как идеологическое понятие. Это позволило, во-первых, объединить материальные ресурсы различных государств для обеспечения решения конкретной политической задачи США, во-вторых, объявить неудобные США государства террористическими с применением к ним методов международной изоляции, в-третьих, обвинить, хотя и косвенно, мировую религию (ислам) в пособничестве международному терроризму.

Кроме того, следует отметить, что манипулирование трактовками и понятиями на тему «что такое терроризм?» стало широко использоваться современными политологами и государственными деятелями разных стран для достижения вполне конкретных политических целей в различных регионах мира. Это происходит потому, что:

1. Появились возможности нарушения принятых мировым сообществом международных норм и правил цивилизованных отношений между государствами, позволяющие использовать под флагом борьбы с международным терроризмом нелегитимные методы действий. Так, прямая военная агрессия стала называться «контртеррористической операцией»; уничтожение мирного населения — «зачисткой» местности от террористов; создание концентрационных лагерей и использование пыток при допросах пленных — «необходимыми методами» борьбы с террористами и т.п.

2. Подмена понятий позволила объявлять любое государство, конкретные оппозиционные и религиозные организации противников режима в той или иной стране террористическими и фактически ставить их вне закона.

3. «Повышение статуса терроризма» и возведение его в ранг международного зла дало возможность сосредоточить огромные финансовые средства в руках антитеррористических структур, что в период окончания холодной войны и снижения военных расходов имело огромное значение для силовых структур в различных государствах.

4. Борьба с международным терроризмом существенно повысила значение и расширила права спецслужб, способствуя ограничению государством прав его граждан, что может быть использовано и часто используется правящими элитами в собственных интересах.

5. «Идеологизация» понятия «терроризм» содействовала возникновению таких надуманных понятий, как «экологический», «демографический», «культурологический» и т.п. терроризм, что, в свою очередь, обеспечивает доступ к освоению достаточно больших финансовых средств на противодействие несуществующим угрозам.

6. Подобные явления выгодны и самим террористам, так как государства направляют средства не на борьбу с причинами и источниками возникновения терроризма (бедность, безработица, социальная незащищенность и т.п.), а на рост силовых ведомств и государственных структур, занимающихся борьбой с терроризмом, одновременно сохраняя его социальную базу и обеспечивая его живучесть.

Третье. Привлекательная особенность терроризма состоит также в том, что его можно использовать для достижения любых целей: политических, социальных, экономических, религиозных и др. При этом для организации террористической деятельности необходимо наличие трех основных факторов — властных устремлений у отдельных личностей, групп единомышленников или организаций; экстремистских настроений; nihilистического отношения к легитимным методам борьбы.

Таким образом, можно констатировать, что терроризм — это форма насильственной политической борьбы, которая нарушает основные принципы и нормы международного права и морали. Не всякое насилие — это терроризм, но всякий терроризм — это насилие. Причем это насилие, носящее системный, наступательный и массовый характер, использующее тактику непредсказуемых атак с целью нагнетания страха.

Другими словами: *терроризм* — это любое действие или угроза действием, связанные с причинением смерти или серьезного вреда гражданским лицам, силовым или военным органам в мирное время, а также с нанесением кому-либо или чему-либо значительного материального ущерба, когда цели такого акта по его характеру или содержанию направлены на то, чтобы запугать население, заставить правительство или международную организацию выполнять или воздержаться от выполнения каких-либо действий.

Современный терроризм, как социально-политическая и правовая категории, обладает особыми признаками и характерными чертами, которые существенно отличают его от терроризма более ранних времен.

— Он представляет собой гораздо более серьезную общественную опасность, возникающую при совершении масштабных террористических актов либо вследствие угрозы осуществления таковых. При этом целью террористов является не уничтожение конкретных лиц, как это было ранее, а убийство или захват в заложники большого количества невинных людей, которые случайно оказываются на месте их действий.

— Его отличает публичный характер исполнения терактов. Если преступления иного вида обычно совершаются тайно и лишь иногда сопровождаются информированием тех лиц, в действиях которых заинтересованы преступники, то современный терроризм не решает свои задачи без широкой огласки, без открытого предъявления требований властям с использованием средств массовой информации.

— Основной целью и отличительной особенностью современного терроризма является преднамеренное создание обстановки страха, подавленности, напряженности в обществе и государстве. При этом такая обстановка страха и напряженности создается не на индивидуальном или узкогрупповом уровне, а на уровне социума. Поэтому она представляет собой объективный социально-психологический фактор, призванный воздействовать на все общество и вынудить его к действиям в интересах террористов, к принятию их условий.

— Отличительной чертой современного терроризма является то, что насилие применяется в отношении одних лиц или некоего имущества, а психологическое воздействие в целях склонения к определенному поведению оказывается на других лиц. Причем воздействие на лиц, от которых террористы намерены получить ожидаемый результат, может быть как прямым, так и косвенным.

По целям, которых стремятся достичь террористическими методами, современный терроризм можно разделить на:

националистический — преследует сепаратистские или национально-освободительные цели;

религиозный — связан либо с борьбой приверженцев одной религии с приверженцами другой, либо преследует цель подорвать светскую власть и утвердить власть религиозную;

социальный (идеологический) — преследует цель коренного или частичного изменения экономической или политической системы страны. Примером идеологического терроризма служат анархистский, эсеровский, фашистский, европейский «левый» терроризм и др.¹

Особенности терроризма в Центральной Азии

Известно, что Центральная Азия с точки зрения безопасности не самый благополучный регион. Гражданская война в Таджикистане (1990-е годы), «цветные» революции (в 2005 и 2010 г.) в Кыргызстане, борьба с боевиками Исламского движения Узбекистана в Кыргызстане и Узбекистане в 1999–2000 гг., а также андижанские события 2005 г. в Узбекистане — все это свидетельствует, что существуют серьезные вызовы региональной

безопасности в лице исламских экстремистов и этнонациональных сепаратистов, которые активно используют терроризм для достижения своих целей.

Особенно опасна возможность перерастания террористического насилия во внутренние вооруженные конфликты и гражданские войны, которые всегда сопровождаются массовой гибелью мирного населения, распадом общественных связей, разрушением государственной инфраструктуры. Кроме того, происходит дестабилизация обстановки в соседних государствах, сталкивающихся, как минимум, с массовой миграцией и нарушением межгосударственных связей в целых регионах. Поэтому терроризм остается для стран Центральной Азии серьезным дестабилизирующим фактором, провоцирующим социально-политическую напряженность и представляющим реальную угрозу их безопасности.

Если говорить о наиболее общих причинах разрастания терроризма в современных условиях, то в Центральной Азии их порождает ряд факторов внутреннего и внешнего свойства. К *внутренним факторам* следует отнести:

- заметное снижение жизненного уровня населения в ряде стран, усугубляющееся беспрецедентным ростом социальной дифференциации;
- кризисное положение большинства социальных и профессиональных групп, вызванное высоким уровнем безработицы, что обуславливает миграцию населения, а также психологическую деградацию и дезориентацию личности;
- навязывание правящей элитой нетрадиционных для данного общества социально-политических нововведений в сочетании с репрессиями по отношению к оппозиционным движениям и инакомыслию;
- ошибки в национальной политике, допускаемые правительствами определенных государств, что порождает среди некоторых групп населения, прежде всего, этнических и религиозных меньшинств, рост сепаратистских настроений и идей национального самоутверждения;
- расширение доступа к информации, содержащей идеи и взгляды, пропагандирующие культ насилия и нетерпимости, а также героизирующие террористов;
- сравнительная доступность для населения оружия, включающая относительную простоту его приобретения или кустарного производства.

К *главным внешним факторам* распространения терроризма можно отнести:

- несправедливость распределения доходов при современном международном разделении труда, обеспечивающую максимальную и все растущую прибыль развитых государств и консервирующую прозябание развивающихся;
- эгоизм ведущих мировых корпораций при эксплуатации ресурсов стран третьего мира;
- политический, экономический и даже военный нажим на отдельные страны с целью продвижения собственных национальных интересов на их территории;
- осуществление скрытой поддержки и поощрения терроризма на уровне государственной политики в некоторых странах, направленное на достижение конкретных внешнеполитических целей.

В Центрально-Азиатском регионе экстремистские и сепаратистские движения все чаще используют террор в качестве одного из основных способов ведения политической борьбы. Этому способствует целый ряд причин в центральноазиатских государствах, которые сами создают в обществе социальную среду, постоянно подпитывающую деятельность террористических организаций. Эти причины можно разделить на две группы.

К *социально-экономическим* причинам можно отнести:

- экономический и социальный кризис, безработицу и обнищание значительной части населения в отдельных регионах;
- обостренное чувство социальной неустroенности и незащищенности у существенной части населения, особенно у молодежи;

- падение авторитета власти вследствие неэффективности проводимых экономических реформ, коррупции и клановости;
- рост социального расслоения в обществе;
- деиндустриализация экономики и связанная с ней маргинализация значительной части населения, которая в условиях высокой рождаемости в исламских регионах ударила, прежде всего, по молодежи;
- стремление некоторых исламских государств (Саудовская Аравия, ОАЭ, Кувейт и др.) с молчаливого одобрения США и их союзников использовать свои финансовые возможности для завоевания лидирующих позиций в исламском мире и, как следствие, финансовая и идеологическая (образовательные программы для исламской молодежи) помощь группировкам радикального ислама в других странах.

К социально-политическим причинам можно отнести:

- отчуждение людей от государства и общества, устранение их от участия в управлении собственной жизнью;
- утрата многими людьми идеологических и духовных жизненных ориентиров, разрушение моральных ценностей, искажение положений традиционного ислама и, как следствие, рост значимости его радикальных ветвей;
- рост национального самосознания и осознание своей исторической значимости в исламских регионах и этносах;
- этнические и религиозные конфликты, резкие изменения мировоззрения, вызванные крупными социальными потрясениями;
- противоречия между секуляризмом светских режимов государств и политическим исламом;
- репрессивная реакция правительств на оппозиционную деятельность политического исламского движения в регионе;
- связь местных террористических организаций с крупными международными организациями, такими, как «ИГИЛ», «Аль-Каида», «Братья мусульмане», «Хамас», которые осуществляют финансовую подпитку и подготовку кадров для террористических организаций в Центральной Азии;
- нестабильность в Афганистане и Пакистане, где продолжают существовать основные опорные базы и лагеря подготовки международных террористов;
- широкое распространение наркобизнеса и других видов трансграничной преступности, которые становятся основным источником финансирования террористов.

В современных условиях террористические организации Центральной Азии быстро приспосабливаются к новым условиям, меняют тактику и методы своей деятельности, умело используют экономические и социальные проблемы, религиозный фанатизм и сепаратистские настроения. В последнее время практически во всех странах Центральной Азии наблюдались новые тенденции в проявлениях терроризма, характеризующиеся следующими основными факторами.

Во-первых, заметно вырос уровень криминализации процессов политической борьбы в странах региона. Это выражается в активном участии криминальных структур в борьбе за захват и осуществление государственной власти, как, например, это происходило в Кыргызстане.

Во-вторых, следует отметить, что количество традиционных проявлений терроризма в виде совершения терактов и вооруженных нападений на государственные объекты со стороны представителей террористических организаций и группировок существенно сократилось. Вместе с тем, судя по информации спецслужб центральноазиатских государств, эти организации готовы использовать любую, даже незначительную, дестабилизацию обстановки в конкретном государстве в своих интересах.

В-третьих, центральноазиатские правительства довольно часто неадекватно прибегают к принятию мер антиэкстремистского характера. Это вызывает недовольство

населения и увеличение количества различных массовых акций протеста, часть которых перерастает в открытое противостояние граждан и представителей власти. Такие выступления активно используются экстремистскими и террористическими организациями.

В-четвертых, в последнее время возрастает угроза Центральной Азии со стороны Афганистана. Так, директор ФСБ России А. Бортников считает, что обострение ситуации в Афганистане несет угрозу дальнейшего вторжения террористов в государства Центральной Азии. «Сейчас на северных границах Афганистана сосредоточены многочисленные бандитские формирования, входящие в движение «Талибан». Часть из них также встала под знамена «Исламского государства», что привело к резкому росту угрозы вторжения террористов в Центральную Азию».

По словам директора ФСБ, инциденты на рубежах ряда стран СНГ имеют место уже сегодня. «Безопасности стран СНГ угрожают и боевики, возвращающиеся из “горячих точек” на Ближнем Востоке и в афгано-пакистанской зоне»².

Кроме того, в МИД России не видят перспектив оживления процесса национального примирения в Афганистане. Так, директор Второго департамента Азии, спецпредставитель Президента РФ по Афганистану З. Кабулов, комментируя ситуацию с политическим урегулированием ситуации в Афганистане, заявил: «Политический процесс в Афганистане в настоящее время — мертв»³.

И наконец, последнее. Широко известно, что современная политика создания так называемого управляемого хаоса на границах государств-соперников США, особенно на границах Китая и России, активно проводимая ими в последнее десятилетие, вызывает резкий рост терроризма в этих регионах. По сути, эту политику можно уверенно назвать политикой государственного терроризма со стороны Соединенных Штатов. Скорее всего, Центральная Азия не будет исключением. Ее геополитическое положение, политическая и социальная ситуация в центральноазиатских государствах, возможная смена в них политических элит — все это создает серьезные предпосылки для дестабилизации данного региона в целях сохранения мирового господства США.

-
1. Яковенко И. Терроризм // Универсальная научно-популярная онлайн энциклопедия «Кругосвет». URL: <http://www.krugosvet.ru/>
 2. ФСБ: Угроза вторжения террористов в Центральную Азию резко возросла // Российская газета. 28.10.2015.
 3. МИД РФ: Перспектив оживления процесса примирения в Афганистане нет // Российская газета. 19.08.2016.

Политика

Россия — Монголия — Китай: активизация трехстороннего сближения (Итоги Второго форума Ассоциации экспертных центров РФ, Монголии и КНР)

© 2016

С.В. Уянаев

В статье рассматривается активизация процесса трехстороннего взаимодействия между Россией, Монголией и Китаем, наметившаяся в последние годы. Автор анализирует предпосылки к сотрудничеству, обусловленные сходством экономических стратегий трех стран, рассматривает эволюцию практических шагов в этом направлении, исследует итоги трехсторонних встреч научных экспертов, отмечает ряд существующих вызовов.

Ключевые слова: Россия, Монголия, Китай, сотрудничество, экономический коридор, инфраструктура, транспорт, коммуникации, научные рекомендации.

Формат трехстороннего взаимодействия России, Монголии и Китая становится в последние годы предметом растущего внимания исследователей и экспертов. К середине лета 2016 г. поиск вариантов взаимовыгодного сотрудничества трех соседних государств обрел достаточно определенные контуры: на полях саммита ШОС в Ташкенте прошла третья встреча высших руководителей РФ, КНР и Монголии¹. Приняв в столице Узбекистана ряд важных документов, первые лица трех стран не только зафиксировали начальный этап институционального становления трехстороннего сотрудничества, но обозначили твердое намерение продвигать его, развивая уже созданные и наращивая новые контакты по линии различных профильных министерств и ведомств.

Думается, наблюдаемая активизация трехстороннего сближения — явление неслучайное. Этому способствовал ряд факторов, возникших в начале 2010-х годов, включая появление важных интеграционных инициатив на пространстве Евразии.

Единый контекст

Продолжая политику приоритетного сотрудничества со странами бывшего СССР, Россия все последние годы предпринимала последовательные шаги по созданию сначала Таможенного союза, затем — Евразийского экономического союза (ЕАЭС), кото-

рый официально начал работу в начале 2015 г. (в ЕАЭС входят пять стран — РФ, Беларусь, Казахстан, Армения и Киргизия)². Известна и более ранняя инициатива РФ — об использовании уникального коммуникационного потенциала страны для построения трансевразийского транспортного моста из Восточной Азии в Европу.

Китай осенью 2013 г. выдвинул инициативы построения Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) и Морского Шелкового пути XXI века³, которые получили единое название «Один пояс, один путь» и встали в ряд приоритетных направлений внешнеполитической стратегии КНР. Примечательным является наличие в проекте ЭПШП «подпроектов» о нескольких экономических коридорах, в т.ч. об экономическом коридоре Китай — Монголия — Россия⁴.

С похожим проектом выступила Монголия. Вскоре после объявления китайской инициативы ЭПШП руководители Монголии обнародовали идею «Степного пути». Главной целью проекта стало создание в кооперации с КНР и РФ пяти трансмонгольских коммуникационных коридоров и сопутствующей трансграничной инфраструктуры⁵.

Краткие характеристики рамочных параметров проектов свидетельствуют о их заметном сходстве, едином контексте и общей философии подходов (развитие, интеграция, внимание инфраструктуре, сотрудничество, системность и т.п.). Это создает хорошую почву для сочетаемости и взаимодействия. Неслучайно уже в 2014 г. достаточно широкое хождение получил термин «трехстороннее сотрудничество России, Монголии и Китая».

«Степной путь» — импульс трехстороннему формату сотрудничества

РФ, КНР и Монголия начали движение в сторону трехстороннего взаимодействия еще в середине 2000-х годов. К 2011 г. было проведено шесть раундов консультаций, которые организовывались поочередно в каждой из стран на уровне директоров департаментов внешнеполитических ведомств и были посвящены «становлению трехстороннего диалогового механизма»⁶. Однако ускорение и «прорыв» в движении по этому пути наступили к середине 2010-х годов, как раз после выдвижения тремя странами своих системных евразийских инициатив.

Серьезная роль в этом «прорыве» принадлежит не только проекту ЭПШП, но и монгольской концепции «Степного пути». «Соль» идеи «Степной путь» состоит в использовании промежуточного, связующего географического положения Монголии, удобного с точки зрения развития диверсифицированной трансграничной сухопутной инфраструктуры. Инициатива «Степной путь» обрела начальные очертания и первую известность весной — летом 2014 г., появившись в развитие масштабного проекта ЭПШП, предусматривающего экономический коридор Россия — Монголия — Китай. Поэтому идея «Степного пути» де-факто оказалась «вписанной» в задачу по развитию такого коридора в качестве важного звена системы трехстороннего сотрудничества. Иными словами, концепция «Степной путь» дала толчок трехстороннему формату, хотя рамки последнего шире, чем проект «Степного пути» как таковой.

Двусторонние переговоры и саммиты в Душанбе и Уфе

Монгольская инициатива обсуждалась между В. Путиным и Ц. Элбэгдоржем в сентябре 2014 г. в Улан-Баторе⁷ и в ходе двух встреч между президентом Монголии и председателем КНР в 2014–2015 гг.⁸ В сентябре 2014 г. на полях саммита ШОС в Душанбе состоялась первая встреча высших руководителей Монголии, России и Китая уже в трехстороннем формате. Главным ее итогом стал достигнутый консенсус относительно выработки комплексного проекта по созданию экономического коридора Китай — Монголия — Россия⁹ на основе согласованной увязки проектов ЭПШП, «Степной путь» и российского проекта трансевразийского транспортного моста на базе Транссиба (Трансевразийский пояс «Развитие», ТЕПР).

Вскоре заработал консультационный механизм трехстороннего сотрудничества на уровне заместителей глав внешнеполитических ведомств трех стран. За неполный год состоялось три раунда консультаций. В мае 2015 г. в Уфе прошла первая встреча глав транспортных ведомств. В ходе второго трехстороннего саммита в Уфе в июле 2015 г. был подписан Меморандум о взаимопонимании по разработке Программы создания экономического коридора Китай — Монголия — Россия, где были обозначены приоритетные направления взаимодействия в целом — политика, безопасность, экономика, приграничные и межрегиональные связи, наука и техника, гуманитарная сфера, международные дела¹⁰. Была также принята предложенная Россией Среднесрочная дорожная карта трехстороннего сотрудничества¹¹.

О продвижении трехстороннего формата шла речь на переговорах в Улан-Баторе, спустя полгода после встречи в Уфе, с участием спикера Госдумы РФ С. Нарышкина¹². Помимо трансевразийского моста российские интересы просматриваются еще на ряде направлений. Это не только более короткий путь из Китая на Транссиб, но и шанс для возвращения на утраченные рынки Монголии, и выгода, связанная с сооружением трансмонгольской ЛЭП.

В 2015–2016 гг. прошел ряд встреч по линии трехстороннего координационного совета по сотрудничеству в области туризма. Стартовало взаимодействие Торговых палат, начат диалог представителей транспортных ведомств. В июле 2016 г. в Ташкенте, в ходе уже упоминавшейся третьей встречи высших руководителей трех стран, были подписаны Программа создания Экономического коридора Китай — Монголия — Россия¹³, Соглашение между таможенными службами о взаимном признании результатов таможенного контроля в отношении отдельных видов товаров.

Как отметил в своем выступлении В.В. Путин, «важно, что начата реализация «дорожной карты» по развитию трехсторонних контактов, заработал механизм политических консультаций». Президент РФ отметил идею монгольской стороны учредить совместный центр инвестиционного проектирования, заявил о намерении РФ «уделить приоритетное внимание инфраструктурным инициативам», сделал упор на сотрудничестве в экологической сфере. По мнению В.В. Путина, проблему энергодефицита Монголии, лежащую в основе гидротехнических проектов, можно было бы решить «путем развития энергетического комплекса всего региона», в том числе за счет увеличения подачи электроэнергии российскими станциями в северные районы Монголии¹⁴.

Председатель КНР Си Цзиньпин и президент Монголии Ц. Элбэгдорж также выступили с рядом инициатив, предложив наращивать приграничное сотрудничество, развивать взаимодействие в рамках ШОС, сосредоточиться на наиболее перспективных проектах, сформировать эффективные источники финансирования¹⁵.

Сотрудничают эксперты

В речи российского президента на трехсторонней встрече в Ташкенте прозвучала тема научных обменов, «большую роль в которых должна играть созданная ассоциация исследовательских центров России, Китая и Монголии».

Образование в сентябре 2015 г. в Улан-Баторе этой трехсторонней научной структуры под официальным названием Ассоциация экспертных центров Китая, Монголии и России (АЭЦ КРМ) стало показательным примером расширения и углубления трехстороннего сотрудничества¹⁶. Решение о формировании совместной исследовательской площадки, по сути академической «второй дорожки» с задачей подготовки рекомендаций правительствам трех стран, было принято весной того же года на рабочей встрече заместителей министров иностранных дел¹⁷.

Непосредственными соучредителями с правом руководства Ассоциацией на паритетных началах стали Центр изучения проблем развития при правительстве АРВМ

КНР, Академия наук Монголии и Монгольский государственный университет, Институт Дальнего Востока РАН. Членами Ассоциации являются профильные научные центры каждой из трех стран, число которых формально не ограничивается. Ежегодные форумы Ассоциации было решено проводить последовательно в каждой из трех стран. Состоявшийся сразу вслед за созданием Ассоциации ее Первый (Улан-Баторский) форум собрал свыше 100 экспертов из более чем 30 научных центров КНР, РФ и Монголии, которые начали предметный разговор по выявлению потенциала и наиболее перспективных направлений сотрудничества.

27–28 сентября 2016 г. в столице АРВМ КНР г. Хух-Хото прошел Второй форум Ассоциации. Выступивший в роли хозяина форума Центр изучения проблем развития при правительстве АРВМ собрал на это масштабное мероприятие около 200 экспертов (почти вдвое больше, чем на Первом форуме). Подавляющее число участников (около 150) составили представители примерно 50 экспертных центров разных провинций и городов Китая, включая «головной» Центр изучения проблем развития при Госсовете КНР и его региональные отделения¹⁸.

Делегация Монголии (25 представителей) состояла из специалистов различных структур Академии наук страны во главе с академиками Д. Рэгдэлом и Т. Доржем.

Россию представляли ученые Института Дальнего Востока, Института востоковедения, ряда подразделений Сибирского и Дальневосточного отделений РАН, включая Бурятский научный центр СО РАН. Делегацию возглавил директор ИДВ РАН С.Г. Лузянин.

Работа форума была организована в формате проведенных в первый день пяти профильных секций (согласование национальных стратегий, экономика и инфраструктура, торговля и инвестиции, культура, научное сотрудничество), а также представительного пленарного заседания во второй его день, на котором было зачитано около 30 научных докладов.

Узловой темой дискуссий явился вопрос перспектив построения Экономического коридора Китай — Монголия — Россия, программа создания которого была принята на полях саммита ШОС в Ташкенте. Большое внимание было также уделено продвижению механизмов трехстороннего сотрудничества, вовлечению в него новых взаимовыгодных сфер, вопросам гармонизации экономической политики каждой из стран.

Суммарный итог докладов и дискуссий можно изложить в виде следующих тезисов.

– Трехстороннее сотрудничество Китая, Монголии и России является жизнеспособным проектом, в рамках которого возможно реальное сочетание хозяйственно-экономических, социальных, гуманитарных и других интересов трех стран, чему способствуют элементы экономической взаимодополняемости, благоприятный уровень их двусторонних отношений.

– Трехстороннее взаимодействие опирается на сходство экономических стратегий трех стран, базирующихся на общих идеях и предпосылках (развитие, интеграция, сотрудничество).

– Наиболее перспективными направлениями сотрудничества являются инфраструктурная, торгово-инвестиционная и культурная (туризм) сферы. Помимо прокладки трансмонгольских коммуникаций актуальными проектами сотрудничества в названных областях могут служить шаги по многопрофильной субрегиональной кооперации. Например, инициатива китайской стороны — Программа международного субрегионального сотрудничества между городами Хайлар (КНР), Чита (РФ) и Чойбалсан (МНР). Многообещающим выглядит также продвижение проектов культурно-туристического взаимодействия.

– Важным для осуществления планов сотрудничества является определение надежных источников реального финансирования, без чего эффективная работа вряд ли будет возможна. Проекты нуждаются в четкой конкретизации и поддержке на системном государственном уровне.

Обобщающим итогом форума была признана несомненная актуальность трехстороннего взаимодействия, которое при условии активной и целенаправленной работы способно принести каждой из трех стран большую практическую «отдачу» в развитии инфраструктуры, наращивании производства, укреплении материальной базы для эффективного строительства социальной и культурной инфраструктуры.

Участники подтвердили главную задачу трехсторонней экспертной площадки — комплексные усилия АЭЦ КРМ по научному сопровождению процесса трехстороннего взаимодействия, представление структурам, ответственным за принятие решений, четких и обоснованных рекомендаций по его эффективному продвижению.

С учетом ряда замечаний был принят Устав АЭЦ КРМ, подписана Программа действий Ассоциации, официальными членами которой по состоянию на осень 2016 г. стали 32 экспертных центра — 24 от Китая, 2 от Монголии и 6 от России. Также была принята официальная последовательность при перечислении стран-участниц: Китай — Монголия — Россия (согласно английскому алфавиту).

По предложению российской делегации третий форум АЭЦ КРМ пройдет в г. Улан-Удэ (Россия).

Вызовы и уроки

Итоги форума в Хух-Хото дали немалую пищу для полезных размышлений. Понятно, что продвижение трехстороннего сотрудничества Китая, Монголии и России, превращение его в формат, который будет стимулировать динамичное и разноплановое развитие вовлеченных территорий трех стран с целью вывода их на уровень передовых народнохозяйственных кластеров — задача, не имеющая автоматических решений.

В опубликованной спустя три месяца после встречи в Ташкенте Программе создания Экономического коридора Китай — Монголия — Россия (ЭК КМР) обозначены цели, направления (их семь), принципы создания ЭК КМР. Но настораживает характер и содержание упомянутых в Приложении к Программе и уже широко проафишированных 32 проектов.

Они сгруппированы в 10 тематических отраслей — от транспорта и инфраструктуры до сельского хозяйства и медицины. Но даже при беглом взгляде ясно, что это скорее не готовые проекты, а далекие от определенности декларации о намерениях. Так, из помещенных в самый большой раздел транспорта 30 проектов половина начинаются словами: «Изучить и при экономической обоснованности начать реализацию...». Остальные пункты, в том числе и в девяти других отраслях, не намного отличаются уровнем своей конкретности.

В памяти невольно всплывает принятая в еще в 2009 г. Программа российско-китайского сотрудничества в развитии регионов Сибири и Дальнего Востока РФ и китайского Дунбэя. Она тоже страдала расплывчатостью и общим характером формулировок и в результате осталась невыполненной «в весьма ограниченной мере».

Чтобы этого не произошло с Программой ЭК КМР, необходимо соблюдение двух условий. Во-первых, должны быть определены реально совпадающие, сочетаемые интересы (или, другими словами, должна присутствовать «конвергенция интересов»); во-вторых, критически важно наличие продуманных и конкретных источников финансирования.

Чтобы реализовать имеющийся потенциал, требуется преодоление и ряда других очевидных вызовов. Речь идет о совместимости способов хозяйствования, необходимости взаимного учета потребностей и конкретных региональных и страновых условий, в частности, о направлениях и объемах инвестиций, ситуации на рынке труда, «притирке» законодательных, тарифных и других норм. Но потенциальные результаты стоят затрачиваемых усилий.

1. Встреча с Председателем КНР Си Цзиньпином и Президентом Монголии Цахиагийн Элбэгдоржем. URL: <http://kremlin.ru/catalog/persons/351/events/52211>.
2. Евразийский экономический союз (ЕАЭС). Справочник. URL: <http://kremlin.ru/catalog/glossary/89>.
3. Укреплять дружбу народов, вместе открыть светлое будущее. Выступление Председателя КНР Си Цзиньпина в Назарбаев университете. Астана. 9 октября 2013 г. URL: <http://kz.china-embassy.org/rus/zhgx/t1077192.htm>.
4. См.: «Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского шелкового пути XXI века». URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/t1254925.shtml>.
5. См., напр.: Монголия хотела бы, чтобы РФ проложила газопровод через ее территорию. URL: <http://ria.world/20140903/1022578864.html#ixzz3y5rJoWaY>.
6. О трехсторонних межмидовских консультациях Россия — Китай — Монголия. 23.08.2010. URL: http://www.mid.ru/maps/mn/-/asset_publisher/rvvygVo4bpCN/content/id/238846.
7. Заявления для прессы по итогам российско-монгольских переговоров. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/46552>.
8. Визит Си Цзиньпина в Монголию. URL: http://www.russianfareast-news.ru/news/detail.php?ID=77746;_Председатель_КНР_Си_Цзиньпин_встретил_президента_Монголии_Цахиагийн_Элбэгдоржа. URL: <http://www.cntv.ru/2015/11/10/VIDE1447166759360247.shtml>.
9. Переговоры с Председателем КНР Си Цзиньпином и Президентом Монголии Цахиагийн Элбэгдоржем. URL: <http://kremlin.ru/catalog/persons/167/events/46599>.
10. URL: <http://economy.gov.ru/minec/press/news/2015090706>; Меморандум о взаимопонимании между Российской Федерацией, Китайской Народной Республикой и Монголией о разработке программы создания экономического коридора Россия — Китай — Монголия. URL: <http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/ad4238a1-6792-43be-a0b0-ca2c2c0934ed/%D0%9C%D0%B5%D0%BC%D0%BE%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%83%D0%BC+%D0%BE+%D0%B2%D0%B7%D0%B0%D0%B8%D0%BC%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B8.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=ad4238a1-6792-43be-a0b0-ca2c2c0934ed>.
11. Дорожная карта развития сотрудничества между Российской Федерацией, Китайской Народной Республикой и Монголией на среднесрочную перспективу. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/jf9vhkLz06L18dUCuntCCJ7n099fAfxk.pdf>.
12. URL: <http://www.novayagazeta.ru/politics/67303.html>.
13. Программа создания Экономического коридора Китай — Монголия — Россия. URL: <http://news.mongolnow.com/assets/rus-ch-mn.pdf>.
14. Встреча с Председателем КНР Си Цзиньпином и Президентом Монголии Цахиагийн Элбэгдоржем. 23 июня 2016 г. Ташкент. URL: <http://special.kremlin.ru/catalog/persons/351/events/52211>.
15. Там же.
16. Уянаев С. В. Трехстороннее взаимодействие «Россия — Монголия — Китай»: старт научного диалога // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 1. С. 170–172.
17. О трехсторонних консультациях заместителей министров иностранных дел Российской Федерации, Китайской Народной Республики и Монголии. Совместное информационное сообщение 23.03.2015. URL: <http://archive.mid.ru/bdomp/ns-rasia.nsf/1083b7937ae580ae432569e7004199c2/44257b100055e10443257e1100226da8!>
18. Уянаев С. Трехсторонний экспертный форум в г. Хух-Хото. URL: <http://www.ifes-ras.ru/events/4/1918-trexstoronni-j-ckspertnyj-forum-v-g-xux-xoto>.

Обстановка в Южно-Китайском море и спор вокруг архипелага Наньша: историческая ретроспектива и актуальные соображения

© 2016

Фу Ин, У Шицунь

Изложена близкая к официальной позиция КНР по вопросу о принадлежности островов архипелага Наньша. Рассмотрены вопросы передачи Японией Китаю контроля над островами Южно-Китайского моря (ЮКМ) после Второй мировой войны, история выдвижения Филиппинами и Вьетнамом претензий на часть островов и рифов архипелага. Особое внимание уделено периоду после 2008 г., характеризующемуся обострением ситуации в ЮКМ и активным вмешательством США в дела региона.

Ключевые слова: Южно-Китайское море, архипелаг Наньша, Китай, Филиппины, Вьетнам, США, споры о суверенитете.

В последние годы проблема Южно-Китайского моря (ЮКМ) превратилась в один из основных раздражителей в китайско-американских отношениях, по поводу которого общественное мнение двух стран настроено весьма критично друг к другу. Дело дошло до напряженности и трений на море между морскими силами КНР и США. Южно-Китайское море выглядит как выносная площадка для отработки отношений соперничества и противостояния, которые складываются между Китаем и США в последнее время. В результате обе стороны начинают переоценивать намерения друг друга на стратегическом уровне.

Последняя по времени риторика касается «милитаризации Южно-Китайского моря», а также заявлений США о решимости отстаивать свободу навигации. По обе стороны Тихого океана все громче звучат голоса «ястребов». Разногласия по вопросу Южно-Китайского моря ведут к углублению взаимного стратегического недоверия и враждебности. Американский исследователь Дэвид Лэмптон был весьма откровенен, когда, имея в виду сложившуюся ситуацию, озабоченно заметил: «Китайско-американские отношения переживают переломный момент». Очевидно, что проблема Южно-Китайского моря стала важным катализатором, если не ключевым фактором осложнения китайско-американских отношений.

Китай и США совершенно по-разному видят причины, приведшие к нынешней ситуации. В Китае повсеместно полагают, что эскалация напряженности и усложнение

Фу Ин (жен.), председатель Комитета по иностранным делам Всекитайского собрания народных представителей.

У Шицунь, директор НИИ Южно-Китайского моря, КНР. E-mail: nanhai@nanhai.org.cn.

Статья была передана по каналам межпарламентских обменов в мае 2016 г. для возможной публикации в российской научной периодике. Опубликована также на китайском языке в журнале «Чжунго синьвэнь чжоукань» и на английском языке на сайте аналитического издания The National Interest (США).

вопроса вызваны тем, что США продвигают стратегию «ребалансировки» в АТР, встают на одну сторону в вопросе Южно-Китайского моря и сами прибегают к прямому вмешательству. США же в резкой форме обвиняют Китай в несоблюдении международного права, в попытках силой помешать небольшим странам-соседям обращаться к Америке с целью, используя стратегию «нарезки салями», постепенно взять под контроль все Южно-Китайское море и превратить его в «китайское озеро».

Из разного рода инцидентов и общего хода событий в регионе ЮКМ вполне очевидно, что все споры концентрируются вокруг вопроса о суверенитете и правах на острова архипелага Наньша и прилегающую акваторию. На деле подобные споры в странах «третьего мира» не были редкостью в современной истории, включая период холодной войны.

Однако обнаружение в конце 1960-х годов значительных запасов нефти в прилегающей к Наньша акватории, а также обнаружение Организацией Объединенных Наций ряда норм, касающихся континентального шельфа и исключительных экономических зон, в частности, Конвенции о континентальном шельфе и Конвенции ООН по морскому праву, дали другим (кроме Китая) претендентам новые стимулы для домогательств и захватов в районе китайского архипелага Наньша. Фокус спора стал шире, охватив не только острова и рифы, но и разногласия о делимитации акватории. Однако на протяжении долгого времени проблема Южно-Китайского моря была локальной и контролируемой. Хорошим подтверждением этому является то, что с начала 1990-х годов отношения между Китаем и странами Юго-Восточной Азии пережили «золотое двадцатилетие», а сотрудничество стремительно развивалось, причем особенно заметные успехи были достигнуты в торгово-экономических отношениях. С 1991 г. по конец 2010 г. торговый оборот между Китаем и странами АСЕАН вырос с менее чем 8 млрд долл. приблизительно в 38 раз, почти до 300 млрд долл. В этот период общий объем ВВП Китая стремительно рос, а в большинстве стран Юго-Восточной Азии ВВП также вырос в шесть с лишним раз.

Напряженность в Южно-Китайском море стала расти с 2009 г. и усилилась в 2012 г. Каким образом ситуация здесь пошла вразрез с тенденциями мира и развития после продолжительного периода регионального сотрудничества? Очевидно, что эскалация напряженности и изменение ситуации в регионе были вызваны не каким-либо одним событием или одной причиной. Стоит детально изучить, какие события и действия имели место, какую реакцию они вызвали и к каким результатам привели, чтобы понять, каким образом сформировалась современная ситуация. Данная статья содержит обзор цепи событий, внесших лепту в эскалацию напряженности в Южно-Китайском море, показывает контекст, в котором эти события имели место, и их возможную взаимосвязь. Авторы надеются тем самым дать всем, кто следит за проблемой Южно-Китайского моря, возможность увидеть более широкую панораму и глубже понять, почему ситуация развивалась именно так, а не иначе. Одновременно авторы надеются предостеречь от дальнейшего углубления недопонимания и эскалации напряженности между всеми вовлеченными государствами.

Оккупация императорской Японией островов Наньша и послевоенное урегулирование

Южно-Китайское море — это крупнейшее эпиконтинентальное море в западной части Тихого океана. С севера оно прилегает к материковому Китаю и острову Тайвань, с востока соприкасается с Филиппинскими островами, на юге граничит с островами Калимантан и Суматра, на западе соприкасается с Индокитайским и Малайским полуостровами, занимая общую площадь около 3,5 млн кв. км. Южно-Китайское море находится на стыке путей сообщения, соединяя два океана и три континента. В северо-восточной части через множество проливов и водных путей, таких как пролив Баши и пролив Балиньтан, оно соединяется с Тихим океаном, на юго-востоке через проливы

Миндоро и Балабак — с морем Сулу, на юге через проливы Калиматра и Гаспар — с Яванским морем, на юго-западе через Малаккский пролив — с Индийским океаном. Южно-Китайское море богато ресурсам в таких сферах, как рыбная ловля, нефть и газ, оно играет ключевую роль в устойчивом экономическом развитии всех выходящих к морю стран.

В Южно-Китайском море Китай владеет четырьмя крупными архипелагами: Сиша, Наньша, Чжунша и Дунша. Среди них архипелаг Наньша занимает южное положение, насчитывает наибольшее число островов, песчаных банок, рифов и отмелей, распространен на наибольшей территории, располагается между 3°40' и 11°55' северной широты и 109°33' и 117°50' восточной долготы. Его протяженность с юго-востока на северо-запад достигает 1000 км. Архипелаг включает свыше 230 крупных и малых островов, песчаных банок, рифов и отмелей. Китай раньше всех обнаружил и дал название архипелагу Наньша, который сегодня привлекает внимание. Китай раньше всех получил и с тех пор непрерывно имеет суверенитет над архипелагом Наньша¹. До 30-х годов XX в. на международном уровне не было спора в отношении суверенитета Китая над архипелагом Наньша. В мире существует немало карт и энциклопедий, в которых отмечается принадлежность архипелага Наньша Китаю.

В начале XX в. по мере наращивания агрессии западных колонизаторов и империалистов в отношении Китая и Восточно-Азиатского региона, Англия, Германия, Франция, Япония и другие начали бросать жадные взоры на архипелаг Наньша, однако все их поползновения встречали резкий отпор со стороны позднего Цинского правительства, правительства Китайской Республики и народных масс Китая. Большая часть агрессивных действий завершилась провалом. Когда разразилась Вторая мировая война, Япония в 1939 г. в целях реализации «стратегии движения на юг», предполагавшей получение контроля над Юго-Восточной Азией и Австралией, оккупировала часть островов и рифов китайского архипелага Наньша².

В ноябре 1943 г. главы Китая, США и Англии в Каирской декларации четко написали: «...цель трех великих союзников заключается в том, чтобы лишить Японию всех островов на Тихом океане, которые она захватила или оккупировала с начала Первой мировой войны 1914 года, и в том, чтобы все территории, которые Япония отторгла у китайцев, как, например, Маньчжурия, Формоза (Тайвань) и Пескадорские острова (острова Пэнху), были возвращены Китайской Республике». Статья 8 Потсдамской декларации, опубликованной 26 июля 1945 г., гласит: «Условия Каирской декларации должны быть выполнены, и японский суверенитет будет ограничен островами Хонсю, Хоккайдо, Кюсю, Сикоку и теми менее крупными островами, которые мы укажем».

После поражения Японии в войне правительство Китайской Республики в декабре 1946 г. направило суда для произведения инспекции и возвращения таких основных островов архипелага Наньша, как Тайпин (Itu Aba Island) и Чжунье (Thitu Island), приняло все острова и рифы Наньша, а также заняло основной остров Наньша — Тайпин. В 1947 г. правительство Китайской Республики присвоило новые наименования всем островам, рифам, песчаным банкам и отмелям Южно-Китайского моря, включая архипелаг Наньша. Всего было присвоено 159 наименований, которые были опубликованы и вступили в силу. Одновременно правительство Китайской Республики официально обнародовало карту территориальных вод Китая в Южно-Китайском море, отмеченных линией из одиннадцати пунктирных черт. После этого на протяжении достаточно длительного времени официальные лица США не выдвигали каких-либо возражений. С учетом важного влияния США в Азии и длительного поддержания ими союзнических отношений с правительством Китайской Республики и администрацией Тайваня после Второй мировой войны очевидно, что США об этом знали и признавали.

Раскол между двумя берегами пролива, начало холодной войны, глобальная конфронтация двух лагерей привели к тому, что у правительства США появились новые, со-

ответствующие ситуации соображения по проблеме принадлежности островов и рифов Наньша. Прежде всего это отразилось в положениях послевоенного мирного договора с Японией: 8 сентября 1951 г. был подписан, а 28 апреля 1952 г. официально вступил в силу Сан-Францисский мирный договор с Японией (далее — Сан-Францисский договор), который был направлен на решение территориальных проблем и проблемы международного статуса послевоенной Японии как проигравшей страны. В данном мирном договоре было заявлено: «Япония признает независимость Кореи и отказывается от суверенитета над такими островами, как Формоза, Пескадорские острова, Курильские острова, остров Сахалин, отказывается от всех прав, правооснований и претензий на Формозу и Пескадорские острова, острова Спратли (острова Наньша) и острова Парасельские (острова Сиша)»; в т.ч. в п. 6 ст. 2 Главы II «Территория» устанавливалось: «Япония отказывается от всех прав, правооснований и претензий на острова Спратли и острова Парасельские», однако ясно не было сказано о принадлежности таких территорий, как архипелаг Наньша.

Китай — это страна, в наибольшей степени пострадавшая от военных преступлений японского милитаризма, и одна из четырех основных стран-победительниц во Второй мировой войне. При этом Китайская Народная Республика не была приглашена к участию в Сан-Францисской конференции. В связи с этим правительство Китая 15 августа 1951 г. обнародовало «Заявление министра иностранных дел Правительства Китайской Народной Республики Чжоу Эньлая по поводу американо-английского проекта мирного договора с Японией и конференции в Сан-Франциско», в котором объявило, что острова Южно-Китайского моря, включая архипелаг Наньша, «всегда были территорией Китая», и выступило против того, что в Сан-Францисском договоре Япония хотя и отказывается от всех прав в отношении соответствующих островов Южно-Китайского моря, но не поднимает вопрос о принадлежности суверенитета над ними, а также подтвердило, что после капитуляции Японии соответствующие острова «полностью были приняты тогдашним правительством Китая» и суверенитет Китайской Народной Республики над соответствующими островами «не подвергнется никакому влиянию»³.

Стремясь ослабить напряжение между Японией и Тайванем, чтобы они могли лучше послужить американской стратегии в АТР, США в 1952 г. инициировали подписание между Японией и Тайванем Японо-тайваньского договора. В его ст. 2 по модели Сан-Францисского договора устанавливалось: «Настоящим признаем, что в соответствии со статьей 2 Сан-Францисского мирного договора с Японией, подписанного Соединенными Штатами Америки в 1951 г., Япония уже отказалась от всех прав, правооснований и претензий на Тайвань, Пескадорские острова, острова Спратли и острова Парасельские». Несомненно, смысл этого состоял в том, что администрация Тайваня, в то время по-прежнему признаваемая США и Японией, от имени Китая приняла острова Южно-Китайского моря, от которых отказалась Япония.

Споры периода холодной войны

В 50-х годах XX в. Филиппины и тогдашний Южный Вьетнам начали предпринимать некоторые действия в отношении Наньша. В 1956 г. филиппинский мореплаватель Клома (Tomas A. Cloma) заявил, что в ходе плавания в акватории архипелага Наньша «обнаружил» «множество островов» и определил их как «свободные земли». Затем правительство Филиппин на основании этого сочло, что данные острова принадлежат Филиппинам, и попыталось захватить часть островов и рифов Наньша. Правительству Филиппин было известно о позиции администрации Тайваня по суверенитету над Наньша, и оно в определенный момент намеревалось направить официальных лиц на Тайвань для согласования вопроса о принадлежности островов и рифов Наньша⁴. Начиная с 1962 г. Южный Вьетнам последовательно занял острова Наньцзыдао (Southwest Cay), Дунынянь-шачжоу (Sandy Cay), Хунсюдао (Namyit Island), Цзинхун (Sin Cowe Island),

Наньвэйдао (Spratly Island), Аньбо-шачжоу (Amboyna Cay), что вызвало решительные возражения и протест со стороны двух берегов пролива.

Еще более масштабная волна захватов прокатилась в 70-х и 80-х годах XX в. Это было в значительной степени связано с обнаружением ресурсов нефти и газа в прилегающей к Наньша акватории, а также с переговорами и подписанием Конвенции ООН по морскому праву. В конце 1960-х годов США и многие исследовательские структуры ООН заявили об обнаружении на шельфе Южно-Китайского моря богатых ресурсов нефти и газа. В то же время режим исключительной экономической зоны в 200 морских миль стал одним из крупнейших нововведений Конвенции ООН по морскому праву.

Подталкиваемые искушением получить огромные ресурсы, Вьетнам, Филиппины и Малайзия находили удобные случаи, чтобы захватывать острова и рифы Наньша.

Тогдашние власти Северного Вьетнама первоначально четко признали суверенитет Китая над островами Южно-Китайского моря, однако после утверждения общей тенденции к объединению Севера и Юга Северный Вьетнам сразу изменил свою позицию и политику⁵: в 1975 г. под предлогом «освобождения» он занял 6 островов и рифов архипелага Наньша, ранее занятых администрацией Южного Вьетнама, а затем по очереди захватил еще 18 островов и рифов, таких как Жэньцин-шачжоу (Grierson Reef) и Ваньань-тань (Vanguard Bank). А 14 марта 1988 г. между Вьетнамом и Китаем произошел морской конфликт вблизи рифа Чигуа-цзяо (Johnson South Reef).

Филиппины последовательно заняли 8 островов и рифов Наньша, таких как Фэйсиньдао (Flat Island) и Чжуньдао (Thitu Island). Малайзия же захватила Даньвань-цзяо (Swallow Reef), Наньхай-цзяо (Mangrove Reef) и Гуансинцзы-цзяо (Ardasier Reef).

Эти страны в значительной степени изменили свои первоначальные позиции по таким проблемам, как архипелаг Наньша. Такими способами, как разработка внутреннего законодательства, касающегося моря, и обнародование политических заявлений, они одна за другой официально выдвинули претензии о суверенитете над архипелагом Наньша, а также требования о правах и интересах в акватории вокруг Наньша.

В этот период США такими методами, как дипломатические запросы, подача заявок на производство съемки, извещение о планах плавания и перелетов, продемонстрировали признание суверенитета Китая над архипелагом Наньша. Администрация Тайваня ранее также принимала военных лиц США на соответствующих островах и рифах Наньша. США на протяжении долгого времени оставались безучастными к посягательствам Филиппин и Вьетнама, однако они неоднократно запрашивали у администрации Тайваня мнение по вопросу о суверенитете над этими островами и рифами⁶. Когда служащие военно-воздушных сил США, расквартированных на Филиппинах, в период с 1957 г. по февраль 1961 г. проводили съемку мореходных карт и метеорологические исследования в районе острова Хуаньянь (Scarborough Reef) и архипелага Наньша, они неоднократно подавали заявки в адрес администрации Тайваня, а также четко показывали, что США фактически полагают, что Китай обладает суверенитетом над этими островами и рифами. В тот же период в публикуемых в США картах, книгах и др., например, в *The Columbia Lippincott Gazetteer of the World* (1961), *Worldmark Encyclopedia of the Nations* (1963) и *Constitutions of the Countries of the World* (1971), также подтверждался суверенитет Китая над островами Южно-Китайского моря. Затруднительное положение, в которое попала политика США, связано с тем, что, с одной стороны, на основе справедливости и международного права необходимо признать суверенитет Китая над этими островами и рифами, а с другой стороны, в силу соображений о борьбе с коммунизмом и продвижении азиатско-тихоокеанской стратегии США не имели желания позволить материковому Китаю занять эти острова и рифы и тем более не хотели из-за этого причинить вред своим отношениям с такими союзниками, как Филиппины.

Что касается занятых Китаем островов, то на протяжении долгого времени лишь один остров — Тайпиндао был занят Тайванем. Материковый Китай в конце 1980-х го-

дов начал контролировать и высадил гарнизоны на 6 сравнительно малых островах и рифах, а в 1994 г. выстроил на рифе Мэйцзи-цзяо (Maiji Reef) рыболовецкую инфраструктуру и укрытия.

На пути к «Декларации о поведении сторон в Южно-Китайском море»

В начале 1990-х годов в условиях общей ситуации, когда лейтмотивом стало завершение холодной войны, снижение напряженности в отношениях стран АТР и экономическое развитие, отношения Китая со странами Юго-Восточной Азии и АСЕАН вступили на путь быстрого развития. В 1990 г. Китай установил дипломатические отношения с Сингапуром, восстановил дипломатические отношения с Индонезией, а в 1992 г. стал консультативным партнером АСЕАН.

В силу политики на установление и поддержание окружающей стабильности Китай избрал в отношении АСЕАН политику укрепления доверия и устранения сомнений, а также развертывания всестороннего сотрудничества. В этот период спор, существующий вокруг архипелага Наньша, стал одним из наиболее обсуждаемых Китаем и странами Юго-Восточной Азии вопросов. Китай неизменно придерживался того, что обладает неоспоримым суверенитетом над архипелагом Наньша. Однако с учетом актуальных потребностей в поддержании стабильности отношений со странами Юго-Восточной Азии, китайская сторона следовала такому же курсу, как в отношении спора по Дяоюйдао в Восточно-Китайском море. С одной стороны, она придерживалась позиции о суверенитете, а с другой — выдвинула в отношении стран АСЕАН концепцию «откладывания спора и совместного освоения»⁷, чтобы не дать конфликту подорвать общую ситуацию стабильности и сотрудничества.

В 1994 г. Китай и Вьетнам нормализовали двусторонние отношения. В 1995 г. со вступлением Вьетнама, Мьянмы, Лаоса и Камбоджи в АСЕАН число членов ассоциации увеличилось до 10 стран. В 1996 г. Китай стал полноправным партнером по диалогу АСЕАН, а затем в ходе азиатско-тихоокеанского финансового кризиса ответственное отношение Китая снискало одобрение со стороны широкого круга стран АСЕАН, в результате чего в отношениях двух сторон произошло стремительное сближение. В 1997 г. в Куала-Лумпуре (Малайзия) прошел первый неофициальный саммит лидеров Китая и АСЕАН, на котором две стороны утвердили строительство «обращенных в XXI век партнерских отношений добрососедства и взаимного доверия».

В этот период стремительное развитие отношений Китая и АСЕАН в основном перекрыло флуктуации обстановки в Южно-Китайском море. Однако спор время от времени по-прежнему проявлялся.

Во-первых, соответствующие страны развернули новую волну действий по захвату островов и освоению нефти и газа. С наступлением 1990-х годов Вьетнам занял еще 5 островов и рифов Наньша, так что общее число реально контролируемых им островов и рифов Наньша составило 29. К марту 1994 г. число нефтяных зон, которые Вьетнам незаконно прирезал себе в акватории Наньша и Сиша, достигло 120 с лишним, покрыв большую часть акватории Наньша и Сиша. Малайзия в 1999 г. захватила Юйяньша (Investigator Shoal) и Боцзи-цзяо (Erica Reef), а также стала бездумно осваивать нефтегазовые и рыбные ресурсы прилегающей к Наньша акватории. Количество пробуренных Малайзией в Южно-Китайском море скважин составляет более половины от общего числа скважин, пробуренных странам Юго-Восточной Азии, вовлеченными в спор. Кроме того, в те же 1990-е годы правоохранительные силы Малайзии наибольшее число раз изгоняли или задерживали рыбаков и рыболовецкие суда Китая.

Во-вторых, Филиппины неоднократно осуществляли провокационные действия на таких островах и рифах Китая, как Мэйцзи-цзяо (Mischief Reef), Хуанъяньдао и Жэньай-цзяо (Second Thomas Shoal).

Филиппины бурно отреагировали на строительство Китаем в 1994 г. рыболовецкой инфраструктуры и укрытий на Мэйцзи-цзяо. В конце марта 1995 г. они задействовали военно-морские силы и взорвали измерительные знаки, установленные Китаем на островах и рифах Наньша: Уфан-цзяо (Jackson Atoll), Сяньэ-цзяо (Alicia Annie Reef), Сяньи-цзяо (First Thomas Shoal), Баньюэ-цзяо (Half Moon Shoal) и Жэньай-цзяо. Более того, Филиппины направили военно-морские дозорные суда, которые при военной поддержке с воздуха неожиданно нанесли удар по четырем рыболовецким судам Китая, стоявшим вблизи Баньюэ-цзяо, задержав находившихся на судах рыбаков. Филиппинские военные 13 мая подняли градус спора, направив суда и самолеты, чтобы силой прорваться на Мэйцзи-цзяо и вступили в более чем восьмичасовое противостояние с находившимся в прилегающей акватории китайским судном «Юйчжэн № 34». Китай же решительно запретил строительство соответствующей инфраструктуры.

В конце апреля 1997 г. ВМС Филиппин высадились на Хуанъяньдао, взорвали знак суверенитета Китая, установили флаг Филиппин, и на некоторое время патрульные суда Китая вступили в противостояние с военными судами Филиппин. В течение ряда лет после этого Филиппины неоднократно изгоняли, задерживали и даже открывали огонь по рыбакам Китая, проходившим через акваторию Хуанъяньдао.

ВМС Филиппин 9 мая 1999 г. подвели к Жэньай-цзяо танко-десантный корабль с бортовым BRP Siete Madre (LT-57), под предлогом посадки на мель и необходимости ремонта пристали к рифу и с тех пор не покидали его, непрерывно на регулярной основе производя замену персонала, в связи с чем китайская сторона неоднократно делала суровые и справедливые дипломатические представления. ВМС Филиппин 3 ноября того же года, действуя как будто под копирку, направили еще одно устаревшее военное судно, которое было посажено на мель на северной стороне юго-восточного входа в лагуну Хуанъяньдао под предлогом попадания воды в машинное отделение. В этот раз китайская сторона оказала мощное дипломатическое давление. Тогдашний президент Филиппин Эстрада отдал приказ, и ВМС Филиппин 29 ноября отбуксировали к причалу посаженное на мель военное судно.

В тот период правительство Китая фокусировалось на том, чтобы контролировать и стабилизировать обстановку, а также поддерживать общий фон отношений Китая с АСЕАН. Оно неутомимо и решительно предпринимало дипломатические усилия в отношении таких стран, как Филиппины, Вьетнам и Малайзия, проведя множество раундов консультаций с Филиппинами, что продвинуло ситуацию в сторону снижения напряженности. В марте 1999 г. в Маниле прошло первое совещание китайско-филиппинской Рабочей группы по мерам установления доверия в Южно-Китайском море, после чего две стороны провели многократные консультации и согласились сохранить сдержанность и не предпринимать действий, которые могли бы привести к разрастанию осложнений.

АСЕАН уделяла большое внимание обстановке в Южно-Китайском море и провела с Китаем множество раундов консультаций. Все стороны также провели тематический диалог за закрытыми дверями по линии 1.5 (Track 1.5), в рамках которого осуществили глубокое обсуждение территориального спора и разграничения акватории. Участие принимали как материковый Китай, так и Тайвань. В том числе была достигнута важная договоренность о том, что спор вокруг Наньша является запутанным и сложным, его решение крайне не просто, однако необходимо стремиться к его разрешению путем мирных переговоров, причем выдвинутое Китаем «откладывание спора» является наиболее реализуемой опцией. Также было достигнуто понимание, что до разрешения спора о территориальном суверенитете над островами и рифами трудно будет произвести разграниче-

ние акватории. Поэтому разумным выбором будет сохранение неопределенности с одновременным поощрением и стимулированием «совместного освоения». Эти обсуждения обеспечили основу для дальнейшего поиска взаимопонимания между Китаем и АСЕАН. В 1998 г. на саммите АСЕАН был принят Ханойский план действий, направленный на продвижение интеграции АСЕАН. В том числе было заявлено о необходимости «стимулировать установление “Правил поведения в регионе Южно-Китайского моря” для стран, являющихся сторонами спора»⁸. Исходя из соображений об укреплении доверия и устранении сомнений, добрососедстве и дружбе, китайская сторона в принципе согласилась на проведение с АСЕАН консультаций по «правилам поведения»⁹.

Китай и АСЕАН 15 марта 2000 г. провели в Таиланде неофициальные консультации, на которых обменялись составленными каждой из сторон текстами «Правил». Из-за достаточно больших расхождений между сторонами в отношении обязывающих действий, а также неразрешимости китайско-вьетнамского спора о затрагиваемой сфере, разработка «Правил» отнюдь не пошла успешно, и на ряде последующих консультаций заметного прогресса достигнуто не было.

В июле 2002 г. на 35-й встрече министров иностранных дел АСЕАН в Бандар-Сери-Бегаване (Бруней) Малайзия в целях выхода из тупика предложила заменить «Правила» компромиссной и необязывающей «Декларацией», что было принято министрами иностранных дел АСЕАН, которые после встречи в совместном заявлении сказали о том, что АСЕАН будет поддерживать тесное сотрудничество с Китаем и прилагать усилия к выработке «Декларации»¹⁰. После этого Китай и АСЕАН провели интенсивные контакты и консультации, в результате которых была согласована «Декларация о поведении сторон в Южно-Китайском море» (DOC). Тогдашний заместитель министра иностранных дел Китая Ван И 4 ноября того же года совместно с министрами иностранных дел десяти стран АСЕАН подписал ее на 8-м саммите АСЕАН в Пномпене (Камбоджа)¹¹.

«Декларация о поведении сторон в Южно-Китайском море» (далее — «Декларация») включает 10 статей. Ее основное содержание заключается в подтверждении стимулирования мирной, дружественной и гармоничной среды в регионе Южно-Китайского моря. Стороны принимают обязательство в соответствии с общепризнанными принципами международного права, в т.ч. в соответствии с «Конвенцией ООН по морскому праву» 1982 г., решать спор о территории и юрисдикции непосредственно затрагиваемыми суверенными странами мирным способом путем дружественных консультаций и переговоров, но не путем применения силы или угрозы силой. Стороны обязуются поддерживать свободу навигации и полетов в Южно-Китайском море; сохранять сдержанность и не предпринимать действий, ведущих к осложнению и расширению спора, а также влияющих на мир и стабильность, в том числе не будут предпринимать действий по заселению необитаемых островов, рифов, отмелей и банок, а также других природных образований, и будут конструктивным способом улаживать разногласия. Стороны выразили согласие на базе консенсуса всех сторон предпринимать усилия к достижению цели окончательной разработки правил поведения в Южно-Китайском море. Фокусом консультаций сторон по «Декларации» был спор о принадлежности островов и рифов Наньша. Главным образом стороны сосредоточились на том, чтобы предотвратить выход из-под контроля спора вокруг островов и рифов и новые действия по захвату островов и получению контроля над ними.

Следует отметить, что с приближением времени подписания «Декларации» у сторон возникло затруднение в вопросе о названии спорного региона. Большинство стран АСЕАН привыкли использовать английское Spratly Islands для обозначения архипелага Наньша, но не возражали и против того, чтобы китайская сторона использовала собственное китайязычное название «архипелаг Наньша» и англоязычное Nansha Islands. Вьетнам решительно придерживался использования названий Hoang Sa Islands и Truong Sa Islands (т.е. «архипелаги Сиша и Наньша» Китая), однако Китай никогда не признавал

наличия спора по архипелагу Сиша. Обсуждение «Декларации» также не затрагивало архипелаг Сиша, так что китайская сторона не могла принять требования вьетнамской стороны. Однако в условиях продолжающегося тупика, исходя из общей ситуации, китайская сторона согласилась на использование в «Декларации» таких общих формулировок, как «стороны Южно-Китайского моря», «свобода навигации и перелетов в Южно-Китайском море», «правила поведения в Южно-Китайском море». В отношении спора по островам и рифам лишь в общем заявлялось о том, чтобы «не предпринимать действий по заселению необитаемых островов, рифов, отмелей и банок, а также других природных образований», но не конкретизировалось, что речь идет об архипелаге Наньша.

«Декларация» внесла важный вклад в снижение градуса напряженности в споре вокруг Наньша и стабилизацию в регионе. Однако метод внесения неопределенности в сферу охвата «Декларации» создал предпосылки того, что спор вокруг Наньша мог разрастись в спор по Южно-Китайскому морю. В течение последующих месяцев и лет произошло дальнейшее смешение понятий «спор вокруг островов» и «спор вокруг моря», и под влиянием других факторов возник риск разрастания локального спора о разграничении островов и рифов Наньша и прилегающей акватории в полноценный спор вокруг Южно-Китайского моря.

В первое время после окончания холодной войны политика США в Южно-Китайском море состояла в том, чтобы не выносить суждений о легитимности территориальных притязаний сторон. США лишь подчеркивали необходимость разрешения территориальных разногласий мирным способом и одновременно уделяли внимание вопросу свободы навигации в Южно-Китайском море. В условиях тогдашней глобальной конфигурации безопасности улучшение китайско-американских отношений и разрядка в отношениях двух берегов пролива привели к тому, что Азия не находилась в фокусе внимания США. Возникавшие время от времени конфликты вокруг Наньша также не изменили позицию США не занимать чью-либо сторону в вопросе суверенитета. Американская сторона лишь подчеркивала необходимость разрешения территориального спора мирными средствами¹².

Десятилетие исподволь нагнетавшейся напряженности

На протяжении 10 лет после подписания «Декларации» фактически лишь Китай в основном соблюдал ее положения и принципы, не предпринимая действий, которые могли расширить спор, и активно стимулируя мирное сотрудничество и совместное освоение на море. Однако такие страны, как Вьетнам, Малайзия и Филиппины, с самого начала не стали всесторонне и добросовестно исполнять «Декларацию». Они непрерывно осуществляли перестройку и дополнительное строительство на занятых островах и рифах, усиливали административное управление, интенсифицировали добычу нефтегазовых ресурсов, то и дело задерживали китайских рыбаков и т.п. Все эти страны ориентировались на то, чтобы закрепить добытое путем незаконного захвата и отрицать наличие спора, а вовсе не «откладывать спор». Подобные действия непрерывно разогревали негативные эмоции народных масс и общественности Китая, так что обостренность их внимания к проблеме Наньша не шла на убыль.

В частности, наиболее активно проявлял себя Вьетнам. В апреле 2003 г. Вьетнам провел Конференцию в память 28-й годовщины «освобождения Наньша» и в июне тайно подписал с Индонезией соглашение о разделе континентального шельфа. В апреле 2004 г. Вьетнам впервые организовал туристическую поездку на Наньша. В начале 2005 г. в рамках изменения административного плана он отнес китайские архипелаги Сиша и Наньша в качестве административных уездов в подчинение городу Дананг и провинции Кханьхоа. В начале 2006 г. он совместно с Малайзией установил горячую линию ВМС для согласования решения вопросов освоения ресурсов Южно-Китайского

моря и спора о суверенитете над островами и рифами. В апреле он продолжил размечать нефтегазовые зоны в Наньша, а также объявил о том, что в сотрудничестве с иностранными предприятиями построит газопровод на Наньша. В мае 2007 г. с помощью арендованного российского гидрографического судна Вьетнам провел тотальное геологическое исследование и в июле объявил о проведении на части занятых им островов и рифов Наньша выборов «депутатов Национального собрания».

В апреле 2003 г. Малайзия по очереди направила 4 группы по проведению морских работ на 11 гидрографических судах для геолого-разведочных и измерительных мероприятий в акватории Наньгун-цзяо (Louisa Reef), а в мае провела международную регату в прилежащей к Даньвань-цзяо акватории. Кроме того, она впервые одобрила организацию туристическими агентствами туров на Юйя-аньша. В ноябре 2004 г. она выпустила марки, на которых часть островов и рифов Наньша были отмечены как малайзийская территория. В августе 2008 г. ее министр обороны в сопровождении почти 80 журналистов прибыл на риф Даньвань-цзяо и провозгласил суверенитет Малайзии над ним.

В апреле 2003 г. Филиппины провели на Чжунье-дао памятные мероприятия по случаю «25-й годовщины основания муниципалитета Калаяан. В июне 2006 г. были начаты работы по ремонту взлетно-посадочных полос и другой инфраструктуры аэропорта на Чжунье-дао. В марте 2008 г. Филиппины разместили на некоторых из занятых ими островов и рифов оборудование спутниковой связи.

Тем не менее, необходимо признать, что до 2009 г., несмотря на непрекращающиеся трения разного рода, обстановка в Южно-Китайском море в целом была контролируемой. Перелом в сторону осложнения произошел примерно в 2009 г., что в определенной степени было связано со сроком подачи информации о внешних границах континентального шельфа за пределами 200 морских миль в Комиссию ООН по границам континентального шельфа (до 13 мая 2009 г.). Но еще более существенным раздражителем стала корректировка азиатско-тихоокеанской стратегии США.

В январе 2009 г. администрация Обамы, придя к власти, сразу подала сигнал об исправлении ошибочного уклона внешней политики правительства Буша-мл. и перемещении ее приоритета в АТР. Очевидно, это укрепило уверенность некоторых сторон спора в возможности померяться силами с Китаем.

В период января—марта 2009 г. сенат и палата представителей парламента Филиппин приняли «Законопроект о базисной линии территориальных вод», в форме внутреннего закона определив принадлежащие Китаю Хуаньяндао и часть островов и рифов архипелага Наньша как территорию Филиппин. Невзирая на существование фактического спора по разграничению акватории в Южно-Китайском море, Вьетнам и Малайзия 6 мая совместно подали в Комиссию ООН по границам континентального шельфа проект его внешних границ в районах, где эти границы выходят за пределы 200 морских миль. Кроме того, 7 мая Вьетнам в одностороннем порядке подал проект границ континентального шельфа в Южно-Китайском море, заявив о своем суверенитете над принадлежащими Китаю архипелагами Сиша и Наньша. Это побудило Китай также подать в ООН предварительную информацию о внешних границах континентального шельфа за пределами 200 морских миль, чтобы предотвратить дальнейшее нанесение ущерба своим правам и интересам.

Также начались трения в Южно-Китайском море между Китаем и США. Только за 2009 г. в процессе разведки и контрразведки американских военных кораблей и китайских судов произошло по меньшей мере пять случаев противостояния. Наиболее известным стал инцидент с судном *Impeccable*.

В 2010 г. ускорились подвижки американской политики в отношении Южно-Китайского моря, в ней появился крен к «выбору, на чьей стороне стоять». Тогдашняя госсекретарь США Хиллари Клинтон в рамках участия в проходившей в Ханое (Вьетнам) встрече министров иностранных дел Регионального форума АСЕАН выступила с речью

по проблеме Южно-Китайского моря, заявив о том, что «свободное использование общей акватории в Азии» и «защита международного права в Южно-Китайском море» отвечают государственным интересам США. Она подчеркнула, что все стороны должны соблюдать международное право и выступать против применения силы или угрозы силой. По собственным воспоминаниям Клинтон, «все это были тщательно подобранные формулировки. Они стали ответом на прозвучавшие ранее заявления китайской стороны о том, что ее экспансионистские территориальные требования в данном регионе относятся к ее “ключевым интересам”»¹³. Вслед за этим Клинтон неоднократно делала целенаправленные заявления по поводу азиатско-тихоокеанской политики администрации Обамы и по проблеме Южно-Китайского моря. Военные США в значительной степени нарастили в Южно-Китайском море и вокруг него военное присутствие и военные учения.

В целях стабилизации обстановки в Южно-Китайском море и снижения напряженности в странах АСЕАН правительство Китая приложило значительные дипломатические усилия и достигло определенных подвижек. В июле 2011 г. на встрече министров иностранных дел в формате 10+1 на индонезийском острове Бали Китай и страны АСЕАН приняли руководящий курс реализации «Декларации». В рамках китайско-филиппинских и китайско-вьетнамских двусторонних контактов было также достигнуто определенное взаимопонимание. Однако усилия Китая не смогли компенсировать влияние, связанное с изменением азиатско-тихоокеанской стратегии США, и, тем более, не смогли побудить Филиппины и Вьетнам проявлять сдержанность.

Филиппины и Вьетнам продолжили осуществлять ремонт и дополнительное строительство на занятых островах и рифах Наньша, а также часто проводили военные учения с США вокруг Южно-Китайского моря. У некоторых стран проявилась склонность блокироваться против Китая. Они также непрерывно осуществляли действия, которые полностью игнорировали озабоченность китайской стороны. В марте 2011 г. филиппинские военные объявили о планах инвестировать 230 млн долл. в ремонт и приведение в порядок военных баз и аэропортов на островах Южно-Китайского моря. В период июня—июля Филиппины и Вьетнам провели в оспариваемых водах ряд военных учений совместно с внерегиональными силами. Кроме того, президент Филиппин Акино III выпустил указ о том, чтобы заменить общепринятое международное название «Южно-Китайское море» на «Западно-Филиппинское море». Тем самым Филиппины стремились закрепить свой статус государства, имеющего притязания на суверенитет в отношении соответствующих островов, рифов и акватории, и получили определенное одобрение со стороны официальных властей США. В марте 2012 г. Филиппины и Вьетнам достигли соглашения о проведении в Южно-Китайском море совместных военных учений и осуществлении совместного патрулирования морских границ. В апреле Вьетнам направил монахов для заселения в монастыри на занятых им островах и рифах Наньша.

Эти действия некоторых стран АСЕАН и США привлекли пристальное внимание СМИ в Китае. Широкое освещение в СМИ стимулировало мощную реакцию со стороны народных масс. В условиях двойного давления китайская политика сдержанности приближается к последнему рубежу.

За кулисами обострения напряженности в Южно-Китайском море

Можно сказать, что инцидент Хуаньяндао в апреле 2012 г. стал «последней каплей в чаше терпения» Китая, преступив предельную грань. Хуаньяндао входит в китайский архипелаг Чжунша и на востоке через Манильскую впадину граничит с Филиппинским архипелагом. В Американо-Испанском парижском договоре 1898 г., Американо-Испанском вашингтонском договоре 1900 г. и Англо-Американском договоре 1930 г. четко устанавливалось, что западным пределом границ территории Филиппин являются 118° восточной долготы, а Хуаньяндао лежит вне этих пределов. Вплоть до 1990-х го-

дов на издаваемых на Филиппинах картах остров Хуанъяньдао обозначался как лежащий за пределами территориальных границ Филиппин.

Когда 10 апреля 12 китайских рыболовецких судов занимались текущей деятельностью в лагуне Хуанъяньдао, им неожиданно преградили путь и вмешались в работу военные корабли Филиппин. Фотографии китайских рыбаков, раздетых филиппинскими военными по пояс и стоящих под палящим солнцем на палубе, заняли первые полосы всех основных СМИ и сайтов Китая, вызвав общенациональное обсуждение. Настроение общественности внутри Китая выразилось в бурной реакции на грубую провокацию Филиппин, и Китаю пришлось принять ответные действия. С одной стороны, он интенсифицировал дипломатические представления. С другой — направил патрульные суда и суда рыболовецкой администрации, чтобы они как можно быстрее прибыли к месту событий. Между двумя сторонами произошло ожесточенное противостояние. Лишь 3 июня суда филиппинской стороны полностью покинули лагуну Хуанъяньдао. В целях предотвращения новых провокационных действий со стороны Филиппин патрульные суда Китая остались в прилегающей к Хуанъяньдао акватории и начали осуществлять реальный контроль.

В это время со стороны Вьетнама также последовали новые действия. Парламент Вьетнама 21 июня рассмотрел и принял «Закон о море Вьетнама», направленный на то, чтобы за счет внутреннего законодательства создать видимость легитимности позиции вьетнамской стороны¹⁴. В день принятия данного закона тогдашний заместитель министра иностранных дел Китая Чжан Чжицзюнь вызвал посла Вьетнама в Китае Нгуен Ван Тхо и сделал суровое и справедливое представление. В тот же день Китай объявил об учреждении города окружного уровня Сяньша, правительство которого располагалось на острове Юнсиндао (Woody Island) в Сиша. К юрисдикции нового города были отнесены острова и рифы в юго-западной части архипелага Чжунша и их акватория. В последующие месяцы был предпринят ряд административных, судебных и военных мер по реализации создания города Сяньша.

Филиппины 22 января 2013 г. официально подали в Трибунал ООН по морскому праву арбитражный иск против Китая. В связи с этим МИД КНР неоднократно делал заявления, в которых отмечал, что «Филиппины и Трибунал пренебрегают тем, что сущность арбитражного дела состоит в территориальном суверенитете и морских границах, а также связанных с этим вопросах, и преднамеренно обходят стороной заявление об исключении, сделанное Китаем в 2006 г. в соответствии с положениями ст. 298 Конвенции ООН по морскому праву (далее — Конвенция).

Очевидно, что китайская сторона заняла совершенно негативную позицию в отношении инициированного Филиппинами арбитража. Филиппины заявили, что причина подачи ими арбитражного иска состоит в том, что консультации и переговоры с Китаем зашли в тупик. На самом же деле после инцидента вокруг Хуанъяньдао филиппинская сторона неизменно отказывалась от проведения какого-либо серьезного диалога с китайской стороной, не говоря уже о переговорах, а также не проводила консультаций с другими участниками DOC. Кроме того, в 2006 г. Китай в соответствии со ст. 298 Конвенции сделал заявление об исключении. Так как юрисдикция Трибунала затрагивает суверенитет, исторические права и предоставление прав, то такие вопросы были исключены Китаем из обязательных процедур разрешения споров. Независимо от результатов арбитража, в Конвенции не содержится никаких положений, позволяющих исполнять неблагоприятные для Китая результаты арбитража.

Обстановку усугубили следовавшие за этим инциденты вблизи рифа Жэньайцзяо и острова Чжунцзяньнань. В связи с риском распада корпуса военного судна Филиппин, севшего на мель у Жэньайцзяо в 1999 г., филиппинская сторона всегда искала случай вбить сваи на рифе, чтобы оккупировать его. В отношении этого китайская сторона сохраняла высокую бдительность и в марте 2014 г. успешно предотвратила движе-

ние к Жэньайцзяо филиппинского военного судна со стройматериалами на борту. Между судами двух стран произошло противостояние. Филиппины безудержно сгущали краски в СМИ, пытаясь привлечь международное внимание и добиться вмешательства США.

В мае 2014 г. Китай начал буровые работы на двух скважинах в рамках проекта «Чжунцзяньнань» (Triton Island) в акватории Сиша. С помощью морской нефтяной платформы Чжунцзяньнань-981 со 2 мая по 15 августа проводились буровые работы в акватории в 17 морских милях к югу от острова Чжунцзяньдао в составе Сиша. Работам попытались помешать порядка сотни судов, посланных правительством Вьетнама, что привело к многократным случаям преследований и даже столкновений между флотом морской полиции Китая и судами правоохранительных органов Вьетнама.

С учетом изменения общей ситуации в ЮКМ, а также исходя из гражданских и оборонных нужд на островах и защиты суверенитета, китайская сторона в 2013 г. запустила проекты дополнительного строительства на контролируемых ею островах архипелага Наньша. Все они находятся вдали от международных навигационных путей, и вопрос о каком-либо влиянии этих проектов на свободу мореплавания не возникал. Однако США и Филиппины выступили с обвинениями в адрес Китая, раздувая проблему. В связи с озабоченностью внешнего мира пресс-атташе МИД Китая Хуа Чуньин 9 апреля 2015 г. в ходе пресс-конференции дала подробные разъяснения и отметила, что китайское правительство начало ремонтные и строительные работы на некоторых обитаемых островах с целью улучшения условий труда и быта размещенного там персонала, лучшей защиты территориального суверенитета, морских прав и интересов, а также лучшего исполнения Китаем международной ответственности и обязательств в деле обеспечения спасения на море, охраны окружающей среды и безопасности судоходства, обслуживания рыболовного промысла. Соответствующее строительство вполне вписывается в рамки суверенитета страны, действия КНР не влияют на другие страны и не направлены против них¹⁵. Недавно сообщалось, что успешно осуществляется строительство ряда объектов, способных оказать общественные услуги международному сообществу: маяки, автоматические метеорологические станции, центры мониторинга океана и инфраструктура для морских исследований. Уже построено пять маяков для обеспечения безопасности мореплавания, четыре из которых официально начали работать.

Действия Китая отнюдь не были встречены с полным пониманием окружающими странами, выразившими свою озабоченность. США же активизировали вмешательство, подняв шумиху вокруг проектов укрепления островов, оказывая давление на Китай за счет риторики, будто проект «заходит слишком далеко и идет слишком быстро», они даже направили суда для плавания близ островов Наньша и Сиша. Все это было воспринято китайской стороной как серьезный вызов в сфере безопасности.

С точки зрения многих китайцев, США являются «невидимой рукой», стоящей за ростом напряженности в Южно-Китайском море. Прежде всего, в ходе ускоренной реализации стратегии «ребалансировки в АТР» США во все большей степени рассматривают Китай как основную цель. В 2013 г. США объявили об усилении своего военного присутствия в АТР путем размещения здесь к 2020 г. 60% военно-морских сил и 60% расквартированных за рубежом военно-воздушных сил. Кроме того, американские военные, изображая дело так, будто китайская «система преграждения доступа» (Anti-Access/Area Denial) угрожает им, активно продвигают такие концепции боевых действий, как «воздушно-морские операции» (Air-Sea Battle) с Китаем в качестве главной цели. Эти действия несомненно еще более осложнили и обострили ситуацию в Южно-Китайском море и в АТР в целом. Многие ученые Китая начали подозревать, что США могут создавать иллюзорные угрозы или кризисы в регионе, которые способны превратиться в самоисполняющееся пророчество.

С 2014 г. США стали более четко реагировать на действия Китая в ЮКМ и продемонстрировали настрой на непосредственное вмешательство в споры, зачастую на стороне его оппонентов, особенно своих союзников.

Выступая на слушаниях в палате представителей Конгресса 5 февраля 2014 г., помощник госсекретаря США по делам Восточной Азии и Тихого океана Дэниэл Рассел заявил, что недостаточная ясность притязаний Китая в ЮКМ порождает неуверенность, небезопасность и нестабильность в регионе. Он также потребовал от Китая прояснить позицию по вопросу о линии из девяти пунктов¹⁶. Это был первый четкий официальный комментарий, в котором США бросили вызов Китаю по проблеме Южно-Китайского моря. И конечно, американская сторона хорошо понимает, что в условиях нерешенности спора о территориальном суверенитете Наньша любая попытка прояснить вопрос о пунктирной линии или о притязаниях на морскую акваторию привела бы лишь к эскалации напряженности. В том же месяце главнокомандующий операций адмирал Джонатан Гринерт объявил о поддержке Соединенными Штатами Филиппин в их конфликте с Китаем¹⁷. Это наиболее сильное заявление, сделанное американской стороной в китайско-филиппинском споре вокруг Южно-Китайского моря. В августе в ходе встречи министров иностранных дел Регионального форума АСЕАН в Нейпидо (Мьянма) госсекретарь США Джон Керри прямо призвал к мораторию на рекламу и строительство сооружений на спорных островах и на действия, которые могут привести к дальнейшему обострению конфликта.

Стратегия «навязывания издержек» (cost imposing strategy) стала превращаться в США в политическую опцию. А именно, подразумевается использование различных инструментов, в том числе политических, дипломатических, военных, а также общественного мнения, чтобы повысить для Китая издержки любых действий в Южно-Китайском море и вынудить его отступить, не доводя дело до вооруженного конфликта. В 2015 г. в США была обнародована серия документов о стратегической безопасности. Это «Кооперативная стратегия морской мощи для XXI века», «Стратегия национальной безопасности», «Национальная военная стратегия» и «Стратегия морской безопасности в АТР». В каждом из них достаточно большой раздел посвящен Южно-Китайскому морю, при этом утверждается, что необходимо заставить Китай «заплатить цену».

С китайской точки зрения, значительное изменение американской политики в отношении Южно-Китайского моря не только ослабило позиции американской стороны как потенциального посредника, но и усилило опасения китайской стороны, что ее интересы и далее могут игнорироваться. Это побуждает Китай еще решительнее защищать собственные интересы, применяя все возможные меры.

Следуя за изменениями в политике, Соединенные Штаты стали чаще прибегать к направленным против Китая устрашающим и провокационным действиям. Например, военные силы США заметно повысили интенсивность ведения морскими и воздушными силами разведки с близкого расстояния в акватории близ островов и рифов китайского архипелага Наньша. Число полетов американских военных самолетов для проведения разведки с близкого расстояния выросло с примерно 260 в 2009 г. до более чем 1200 в 2014 г.¹⁸ Кроме того, в порядке «демонстрации мускулов» и отстаивания свободы мореплавания США регулярно направляют корабли для плавания в пределах 12-мильной зоны вокруг островов Наньша и даже неоспариваемых островов Сиша. Американский ракетный эсминец «Лассен» (USS Lassen) 27 октября 2015 г. вошел в акваторию в пределах 12 морских миль от рифа Чжуби-цзяо (Subi Reef) в составе Наньша. Ракетный эсминец ВМФ США «Кертис Уилбур» 20 января 2016 г. вошел в территориальное море у острова Чжунцзяндао в составе Сиша. В отличие от обычной практики, американские СМИ начали поднимать шумиху вокруг этих событий¹⁹. Глава Объединенного командования вооруженных сил США в зоне Тихого океана Гарри Харрис открыто заявил о расшире-

нии в будущем сферы подобных действий, усложнении их характера и о доведении частоты плаваний судов в ЮКМ до двух раз в квартал²⁰.

Кроме того, США также начали предпринимать другие действия по устрашению, направленные на Китай. В июле 2015 г. новый командующий Тихоокеанским флотом ВМС США Скотт Свифт на патрульном противолодочном самолете P-8A «Посейдон» совершил полет для проведения разведки с близкого расстояния над Южно-Китайским морем. Министр обороны США Эштон Картер 5 ноября выступил с речью по проблеме Южно-Китайского моря на авианосце «Теодор Рузвельт», причем в тот момент данный авианосец как раз находился в чувствительной акватории Южно-Китайского моря в 150–200 морских милях к югу от архипелага Наньша и примерно в 70 морских милях к северу от Малайзии. Стратегический бомбардировщик военных сил США B-52 в течение двух дней подряд, 8 и 9 ноября, совершил перелеты над акваторией вблизи островов и рифов Южно-Китайского моря, на которых Китай осуществляет строительство. В ходе визита на Филиппины министр обороны США Картер 15 апреля 2016 г. взобрался на борт авианосца «Джон Стеннис» и присоединился к патрулированию ЮКМ. Кроме того, то и дело происходят случаи так называемых безвредных проходов и пролетов в территориальные воды и территориальное воздушное пространство Китая военных судов и авиации США.

США сознательно усиливают систему союзов и военную сеть вокруг Южно-Китайского моря. С тех пор как реализуется «стратегия ребалансировки в АТР», США увеличили военное присутствие в окружающих Южно-Китайское море регионах, таких как Дарвин в Австралии, Чанги в Сингапуре, Филиппины и Малайзия. США также интенсифицируют сотрудничество с Малайзией, Индонезией и Вьетнамом по сбору разведывательной информации о ситуации на море и наращиванию способности ее анализа, увеличивают военную поддержку других стран — участниц спора вокруг архипелага Наньша, таких, как Филиппины и Вьетнам, в разведке, патрулировании и контроле за противодействием доступа. В марте 2016 г. в рамках 6-го американо-филиппинского ежегодного двустороннего диалога по безопасности было заявлено, что США будет позволено использовать шесть баз на Филиппинах. В апреле 2016 г. вновь прошли американо-филиппинские совместные маневры «Плечом к плечу». Тематика маневров была в высшей степени адресной и включала возвращение потерянного острова, защиту нефтяных скважин и др. Предполагаемым фоном как раз был нынешний спор вокруг Южно-Китайского моря.

Размещение военных сил США в Южно-Китайском море усиливает напряженность и ведет к преувеличению роли спора вокруг него в глобальной стратегической конфигурации. Похоже, что китайско-американское соперничество начинает превосходить другие противоречия в регионе и выдвигается на центральное место. Если оглянуться на эпоху после окончания холодной войны, то можно видеть, что США вмешивались практически во все раздоры и конфликты (зачастую играя в них ведущую роль), причем некоторые из них тянутся до сих пор. Это невольно заставляет китайцев задуматься о том, чего же хотят США в Южно-Китайском море на этот раз?

Китай будет наращивать потенциал контроля за ситуацией и стимулировать сотрудничество

Из вышесказанного очевидно, что развитие ситуации вокруг Наньша вплоть до нынешнего состояния представляет собой результат взаимного переплетения, влияния и взаимодействия многих факторов и обстоятельств. Кроме того, к такому развитию событий привели изменения международной обстановки и ситуации в сфере региональной безопасности. В числе факторов, которые привели к многочисленным зигзагам ситуации, фигурируют не только соображения, связанные с суверенитетом, ресурсами и стратеги-

ческой безопасностью, но и конфликты интересов. Сыграли свою роль и пробелы в исторической памяти каждой из сторон вкупе с информационными неувязками. Более того, внесли свою лепту взаимные догадки и подозрения о стратегических намерениях и политических целях друг друга. США являются крупной державой за пределами региона Южно-Китайского моря, их вмешательство и изменение позиции стало основным фактором осложнения обстановки в Южно-Китайском море с 2009 г. Всеобщее внимание привлекает вопрос о том, каким будет дальнейшее развитие ситуации? США следят за тем, какой следующий новый шаг предпримет Китай. В Китае же растут подозрения относительно намерений США. Очевидно, здесь существуют риски эскалации напряженности и даже опасность просчетов на стратегическом уровне.

На протяжении многих лет Китай придерживался постоянных целей в Южно-Китайском море. Они состоят в защите целостности территории, поддержании мира и спокойствия в регионе. Рассматривая Китай, нельзя пренебрегать историческим измерением. Хотя Китай сейчас вырастает в мощную страну, однако доставляющая боль историческая память жива. Наша страна, спотыкаясь, вошла в XX век, прижатая пятой империалистической агрессии и попрания национальных интересов. Народ Китая не может забыть позорного опыта неоднократных агрессий и притеснений со стороны внешних врагов на протяжении многих веков. Это — неизгладимые воспоминания страны и нации. Именно поэтому народ и правительство Китая неизменно испытывают острую чувствительность в вопросах, касающихся территориальной целостности, и ни в коем случае не допустят повторения прошлого, даже если речь будет идти о пяди земли. Это должны понимать и учитывать внешние наблюдатели, когда они рассматривают Китай и пытаются понять его поведение. В самом деле, сейчас уже не существует значительной внешней угрозы, которая могла бы бросить коренной вызов существованию и развитию Китая. Китай неуклонно идет путем мирного развития и прилагает усилия к стимулированию мира, развития и сотрудничества во всем мире. Убеждения и обязательства на этот счет не менялись и меняться не будут.

Председатель КНР Си Цзиньпин 28 апреля 2016 г. на министерской встрече в рамках Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии подчеркнул: Китай неуклонно защищает мир и стабильность в районе Южно-Китайского моря, защищает свой суверенитет и соответствующие права и интересы в Южно-Китайском море, придерживается позиции мирного решения споров путем дружественных консультаций и переговоров с заинтересованными сторонами²¹. Контакты министра иностранных дел Ван И со странами АСЕАН показывают, что Китай выдвинул идею движения по «двум колеям». С одной стороны, предполагается путем переговоров и консультаций непосредственно с заинтересованными странами надлежащим образом разрешить спор. С другой стороны, Китай и АСЕАН должны совместно поддерживать мир и стабильность в Южно-Китайском море. Эта идея снискала одобрение и поддержку многих стран. АСЕАН также осознала важность контроля обстановки и возвращения в русло диалога.

Цели Китая в Южно-Китайском море можно понимать в рамках следующих направлений.

Во-первых, базовая отправная точка китайской политики в отношении Южно-Китайского моря состоит в защите безопасности суверенитета страны, а также прав и интересов на море. Тактически Китай воздерживается от активных действий, то есть действует в духе самоограничения, но в то же время отвечает контрмерами на провокации. Китайский народ ни в коем случае не позволит какой-либо стране продолжать наносить ущерб суверенитету, правам и интересам Китая на островах и рифах Наньша, а также в прилегающей акватории, а потому имеет высокие ожидания в плане защиты правительством его национальных интересов. Что касается статус-кво, когда часть островов и рифов Наньша заняты другими странами, то Китай не откажется от своего суверенитета. Однако, с учетом того, что Китай значительно нарастил свои возможности по контро-

лю за ситуацией и предотвращению дальнейших потерь, было бы вполне разумно в условиях отсутствия какой-либо новой крупной угрозы продолжать придерживаться политики «откладывания спора и совместного освоения». Исход арбитража, инициированного Филиппинами, не изменит фундаментальную политическую линию Китая.

Во-вторых, политика Китая в отношении Южно-Китайского моря также привлекает во внимание вопросы свободы и безопасности мореплавания. Будучи международным транспортным маршрутом стратегического значения, ЮКМ является районом наиболее интенсивных коммерческих морских трасс. Ежегодно 40% мирового объема морских перевозок товаров проходит через Южно-Китайское море. Свобода и безопасность навигации в ЮКМ нужны всем ведущим экономикам мира, включая Китай. 70–80% его торговли и поставок энергоресурсов также зависят от морских путей в Южно-Китайском море. Китай является крупнейшим пользователем коридора Южно-Китайского моря. В то же время Южно-Китайское море является для китайского флота важным выходом на океанские просторы.

В-третьих, главным общим знаменателем в Южно-Китайском море для Китая и окружающих стран является поддержание мира и стабильности в регионе. У Китая нет мотивов и проектов получения так называемой региональной гегемонии. Китай всегда вел себя сдержанно и стремился держать под контролем противоречия и разногласия со сторонами спора именно ради сохранения мира в своем окружении. В связи с этим Китаю необходимо в дальнейшем предоставлять внешнему миру еще больше информации и для лучшего понимания оказывать еще больше общественных услуг в интересах повышения безопасности и благосостояния в регионе. Необходимо совместно со странами АСЕАН завершить выработку «Кодекса поведения в Южно-Китайском море» для утверждения регионального порядка, базирующегося на определенных правилах. В долгосрочной перспективе, будучи наиболее крупной прибрежной страной ЮКМ, Китай должен сохранять способность не только защищать себя, но и поддерживать мир и занять позитивную позицию для решения спора путем переговоров.

В-четвертых, общие стратегические интересы Китая и США в Южно-Китайском море — это обеспечение свободы и безопасности мореплавания и содействие процветанию и стабильности в регионе. Китай и США не являются сторонами спора вокруг Южно-Китайского моря. Поэтому две страны должны путем диалога и прояснения намерений друг друга выйти из ловушки дилеммы безопасности и недопонимания. Китай и США должны и могут продвигаться к сотрудничеству. По мере того, как Китай превращается в сильную морскую державу, обширные моря и океаны в рамках всего мира обретают растущую важность для его развития и глобального сотрудничества. Круг внимания Китая на море неизбежно выходит за пределы Южно-Китайского моря. Поэтому любые попытки строить догадки о намерениях Китая, исходя из обычной ментальности сухопутной державы, могут быть неточны.

Каким будет дальнейшее развитие ситуации, зависит от понимания и выбора различных сторон. В случае выбора сотрудничества можно достичь выигрыша для всех. В случае выбора противостояния возможен тупик и даже конфликт, от которого не выиграет никто.

-
1. Знакомство Китая с архипелагом Наньша можно проследить со времен династии Хань. В периоды Тан и Сун наблюдалось стремительное развитие знакомства Китая с Наньша, хозяйственной деятельности и освоения Наньша. Ко временам династии Мин Китай установил суверенитет над архипелагом Наньша, и с того времени официальные карты Китая стали включать архипелаг Наньша.

2. В 1939 г. Япония очертила семиугольную область в пределах 7–12 градусов северной широты и 111 градусов 36 минут — 117 градусов 30 минут восточной долготы в архипелаге Наньша с прилегающей акваторией, куда вошли острова Тайпиндао, Наньзыдао, Бэйзыдао и известные под общим названием «острова Синьнань». Тогда они находились под управлением города Гаосюн и администрации генерал-губернатора Тайваня.
3. МИД КНР, Кабинет исследования партийных документов ЦК КПК. Чжоу Эньлай вайцзяо вэньсянь: [Избранные дипломатические документы Чжоу Эньлая]. Чжунъян вэньсянь чубаньшэ, 1990. С. 38–46.
4. Сообщение агентства Синьхуа. Правительство Китайской Народной Республики со всей серьезностью заявляет, что ни в коем случае не позволит посягать на суверенитет Китая над архипелагом Наньша // Жэньминь жибао. 30.05.1956.
5. До 1974 г. как в нотах и заявлениях правительства, так и в печатной прессе и на официальных картах Вьетнама признавалось, что архипелаги Сиша и Наньша являются территорией Китая. Например, 4 сентября 1958 г. правительство КНР обнародовало «Заявление о территориальном море», в котором четко объявило всему миру, что «архипелаги Сиша и Наньша являются территорией Китая, и применяется сфера суверенитета над территориальным морем шириной 12 морских миль». Премьер-министр ДРВ Фам Ван Донг 14 сентября направил в адрес премьера КНР Чжоу Эньлая ноту, в которой заявил о «признании и одобрении» вышеуказанного заявления Китая, а также обязался в отношениях между странами «в полной мере уважать» суверенитет Китая над территориальным морем.
6. *A. V. H. Hartendorp. History of Industry and Trade of Phillipines: the Magsaysay Administration.* Manila: Philippine Education Co., 1961. P. 217. См. также: Сяо Сицин. Чжунфэй вайцзяо гуаньси: [Китайско-филиппинские дипломатические отношения]. Тайбэй чжэнчжун шуцзюй. 1995. С. 831.
7. В июле 1992 г. министр иностранных дел Китая Цянь Цичэнь в рамках участия в диалоге по итогам 25-й встречи министров иностранных дел АСЕАН в Маниле обменялся мнениями с министрами иностранных дел шести стран АСЕАН по проблеме Южно-Китайского моря и утвердил позицию китайской стороны об «откладывании спора и совместном освоении». Он отметил, что китайская сторона готова, когда созреют условия, путем переговоров с соответствующими странами искать путь разрешения проблемы.
8. ASEAN, 1998 Ha Noi Plan of Action. Ha Noi, December 15, 1998.
9. Чжунго вайцзяо: [Дипломатия Китая] / под общ. ред. Департамента политического планирования МИД КНР. Пекин: Шицзе чжиши чубаньшэ, 2000. С. 659.
10. ASEAN, 2002 Joint Communique of 35th ASEAN Minister Meeting, Bandar Seri Begawan, July 29–30, 2002.
11. *Nguyen Hong Thao. The 2002 Declaration on the Conduct of Parties in the South China Sea: A Note // Ocean Development & International Law, 34:3–4. P. 282–284.* Наньхай гэфан синвэй сюаньянь: [Декларации о поведении сторон в Южно-Китайском море]. URL: http://www.fmprc.gov.cn/web/wjb_673085/zzjg_673183/yzs_673193/dqzz_673197/nanghai_673325/1848051.shtml (дата обращения: 11.04.2016).
12. US Department of State Daily Briefing, May 10, 1995. URL: <http://www.state.gov/r/pa/prs/dpb/> (дата обращения: 11.04.2016). Примечание 13. Speech of Hillary Rodham Clinton, Vietnam, July 23, 2010. URL: <http://www.state.gov/secretary/rm/2010/07/145095.htm> (дата обращения: 11.04.2016).
13. *Hillary Rodham Clinton. Hard Choices.* Simon & Schuster, 2014. P. 79.
14. Ключевое содержание «Закона о море» Вьетнама таково. Сфера применения: различные акватории и острова, Hoang Sa Islands (Сиша) и Truong Sa Islands (Наньша), а также другие архипелаги, которые Вьетнам считает своими. Подчеркивается необходимость «раскрыть силы всей вьетнамской нации и предпринять различные необходимые меры», чтобы защитить суверенитет, суверенные интересы и юрисдикцию Вьетнама в акваториях, островах и архипелагах. В соответствии с «Конвенцией ООН по морскому праву» определяется режим акватории Вьетнама. Устанавливается, что территориальное море Вьетнама определяется методом прямых исходных линий. В особенности упоминается очень мало используемое материковыми странами понятие «архипелаг». Подчеркивается необходимость развивать морскую экономику и стимулировать международное и региональное сотрудничество, четко определяются роли сил патрулирования и проверки на море.

15. Вайцзяобу: Чжунго дуй Наньша буфэнь чжушоу даоцзяо дэ цзяньшэ хэцин хэли хэфа: [МИД: Строительные работы Китая на части островов и рифов Наньша соответствуют обстановке, являются разумными и законными]. Синьхуа, 09.04.2015. URL: http://news.xinhuanet.com/2015-04/09/c_1114920500.htm. (дата обращения: 11.04.2016).
16. Speech of *Daniel R. Russel*. Washington. DC. February 5, 2014. URL: <http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2014/02/221293.htm> (дата обращения: 11.04.2016).
17. *Jonathan W. Greenert*. Chief of Naval Operations, 13 February 2014. URL: <http://www.navy.mil/navydata/people/cno/Greenert/Speech/140213%20National%20Defense%20College%20of%20the%20Philippines%20remarks%20only.pdf> (дата обращения: 11.04.2016).
18. The challenge of responding to maritime coercion. URL: http://www.cnas.org/sites/default/files/publications-pdf/CNAS_MaritimeI_Cronin.pdf (дата обращения: 11.04.2016).
19. Чжуанцзя: Мэйго пиньфань дицинь чжэньча цзяньши Чжунго Наньхай саньда цзяньшэ: [Эксперты: США часто проводят разведку и мониторинг с близкого расстояния в отношении трех крупнейших сооружений Китая в Южно-Китайском море]. Жэньминьван. 03.06.2015). URL: <http://military.people.com.cn/n/2015/0703/c1011-27247801.html> (дата обращения: 11.04.2016).
20. Гофанбу синьвэнь фаяньжэнь: мэйцзюнь тайпиньян цзунбу сылин Халисы гуаньюй Наньхай яньлунь «сюэфа лиши чанчжи»: [В риторике командующего Объединенным командованием Вооруженных сил США в зоне Тихого океана Харриса по Южно-Китайском морю «не хватает базовых знаний по истории»]. Синьхуа. 28.01.2016. URL: http://news.xinhuanet.com/mil/2016-01/28/c_1117929534.htm (дата обращения: 11.04.2016).
21. *Си Цзиньпин*. Нинцзюй гунши, цуцзинь дуйхуа, гунчуан Ячжоу хэ Тайпиньян хэпин юй фаньжун дэ мэйхао вэйлай: [Ведя поиск консенсуса, содействуя диалогу, совместно создавать мирное и процветающее прекрасное будущее Азии и Тихого океана]. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2016-04/28/content_5068771.htm (дата обращения: 01.05.2016).

Политико-правовые основы морских конфликтов в АТР

© 2016

П.А. Гудев

Процесс усиления политико-экономического значения АТР в рамках существующей системы международных отношений сопровождается ростом конкурентной борьбы между его ключевыми игроками. Ряд стран по-своему трактует нормы международного морского права, стремясь обеспечить приоритетный уровень собственной безопасности — не только военной, но ресурсной и даже экологической. Попытки одних государств распространить свой суверенитет и юрисдикцию на острова, морские акватории, их живые ресурсы, а также минеральные ресурсы дна и его недр сталкиваются с противодействием других по недопущению ограничения их прав и свобод, закрепленных в рамках Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. Анализ того, насколько обоснованы те или иные правопритязания, какова их роль в усилении региональной конфликтности — главная цель данной статьи.

Ключевые слова: Мировой океан, АТР, КНР, США, Южно-Китайское море, Конвенция ООН по морскому праву 1982 г., делимитация морских пространств, исторические воды.

Говоря о проблеме обеспечения безопасности на море в Азиатско-Тихоокеанском регионе, об урегулировании существующих и потенциальных морских конфликтов, представляется важным учитывать отношение государств АТР к той международно-правовой базе, прежде всего к Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., которая по идее призвана быть одним из универсальных правовых регуляторов всех видов взаимоотношений между различными участниками морехозяйственной деятельности. Вне всяких сомнений, анализ исполнения ключевыми игроками региона положений и норм этого универсального международного соглашения имеет чрезвычайно важное значение. Так, например, именно позиция Пекина и Вашингтона по трактовке тех или иных конвенционных норм является основой напряженности в их взаимоотношениях. При этом Южно-Китайское море (ЮКМ) продолжает оставаться одним из самых беспокойных районов Мирового океана, где сталкиваются интересы целого ряда государств. Особое место с этой точки зрения занимает КНР, чья запросная позиция по многим вопросам носит явно завышенный характер и лишь весьма условно коррелируется с положениями современного международного морского права.

Проблемы исполнения конвенционных норм государствами АТР. Абсолютное большинство стран АТР — полноправные участники Конвенции 1982 г. Исключением из этого правила являются лишь некоторые государства: Камбоджа и Северная Корея подписали, но не ратифицировали Конвенцию; Колумбия и Сальвадор поступили таким же образом, а еще одно государство Южной Америки — Перу, побережья которого также

омываются водами Тихого океана, не подписало и не ратифицировало это международное соглашение, равно как и крупнейшая морская и военном-морская держава — США.

Нератификация Конвенции со стороны Камбоджи и Северной Кореи позволяет им не соблюдать те или иные конвенционные нормы. Камбоджа требует разрешительного порядка прохода иностранных военных кораблей через свое 12-мильное территориальное море, нарушая тем самым конвенционное право мирного прохода, а также настаивает на расширении своих полномочий в области обеспечения собственной безопасности в 24-мильной прилегающей зоне, в которой также введен разрешительный проход иностранных военных кораблей¹.

Северная Корея еще в 1977 г. установила вокруг своего побережья 50-мильную зону безопасности, которая отсчитывается от внешней границы территориального моря², хотя Пхеньян нигде не публиковал географические координаты исходных линий для его отчета. Правовой режим этой зоны фактически приравнен к правовому режиму внутренних вод: здесь запрещен любой проход иностранных военных кораблей, проход гражданских судов требует предварительного разрешения; запрещены любые виды морских промыслов и полеты над этой зоной; установлены санкции за нарушение режима зоны, включая обстрел и захват судна³.

Особое место в данном случае занимают США как один из главных игроков, имеющих масштабные стратегические интересы в АТР.

США придерживаются большей части положений Конвенции 1982 г., считая, что она кодифицировала устоявшиеся нормы обычного права. Еще Р. Рейган, отказавшись присоединиться к этому соглашению, заявил, что «США готовы действовать в соответствии с теми положениями Конвенции, которые не противоречат уже устоявшимся нормам международного обычного права»⁴.

Нормы обычного права формируются за счет сочетания двух элементов: установившейся, широко распространенной и последовательной практики государств; субъективного элемента, известного как *opinio juris*. Последний означает, что государство рассматривает то или иное обычное правило как норму международного права, как правило, юридически обязательное в международном плане. Это выражение воли государства, и когда другие государства также выражают волю в том же направлении, образуется молчаливое соглашение о признании обычного правила в качестве международно-правовой нормы⁵.

Конвенция 1982 г. действительно кодифицировала уже устоявшиеся нормы обычного права. Но считать, что этим все ограничилось — в корне неверно! Еще председатель III Конференции ООН по морскому праву (1973–1982 гг.) Томи Ко предостерегал от такого упрощенного рассмотрения: «Эта Конвенция не является конвенцией, кодифицирующей правовые нормы. Утверждение о том, что, за исключением Части XI, Конвенция представляет собой кодификацию обычного права либо отражает существующую международную практику, является неверным с фактической точки зрения и юридически необоснованным»⁶.

В рамках Конвенции были предложены новые нормы. Так, например, был введен особый режим разработки ресурсов Международного района морского дна. Однако для того, чтобы стать полноценной нормой обычного права, требуется его исполнение всеми государствами, включая не участвующих в Конвенции⁷. Кроме того, следует учитывать, что в ходе переговоров в рамках III Конференции ООН по морскому праву достичь консенсуса относительно применения принципа Общего наследия человечества (ОНЧ) не удалось и многие государства выступали против вводимого режима. По мнению заместителя генерального секретаря Международного органа по морскому дну М. Лоджа, попытки считать концепцию ОНЧ нормой обычного международного права — не более, чем обычная спекуляция⁸. То же самое касается и положений ст. 76 о континентальном

шельфе за пределами 200-мильной зоны, которые пока еще не стали нормами обычного международного права⁹.

Таким образом, у США, придерживающихся позиции относительно исполнения исключительно норм обычного права, есть потенциальная возможность игнорировать те или иные положения Конвенции 1982 г.

Кроме того, существуют области, где США позволяют себе иное, зачастую расширительное толкование конвенционных норм. Так, например, они считают, что военные изыскания (сбор океанографической, геофизической, химической, биологической и акустической информации в военных целях) не подпадают под категорию морских научных исследований¹⁰ и, соответственно, могут беспрепятственно реализовываться в исключительной экономической зоне (ИЭЗ) прибрежного государства¹¹. Под морскими научными исследованиями они готовы понимать деятельность, осуществляемую в морских пространствах для расширения знаний о морской среде в мирных целях, то есть океанографические, биологические, геологические, геофизические и другие исследования¹². Учитывая, что в Конвенции 1982 г. закреплено положение о необходимости получения от прибрежного государства одобрения на проведение научных исследований в его ИЭЗ, многие государства не соглашались с такими расширенными формулировками, которых придерживаются США. Нет ничего удивительного в том, что запросная позиция Вашингтона по данному вопросу является причиной их давнего конфликта с КНР, стремящейся пресечь осуществление американской разведывательной деятельности в прилегающих морских акваториях.

При этом США являются фактически единственным государством, которое оспаривает все правопритязания на пространства и ресурсы Мирового океана как путем подачи нот дипломатического протеста, так и путем демонстрации флага или же проведения военно-морских маневров. Для США, хоть и не участвующих в Конвенции, традиционно соблюдение принципа свободы судоходства имеет первостепенное значение. Однако «нравочения» США о необходимости строгого следования конвенционным нормам в условиях, когда они не только сами в ней не участвуют, но и оказались в этом отношении в весьма странной компании¹³, выглядят, по крайней мере, достаточно парадоксально.

Хотя, действительно, регион АТР — своеобразный «кладезь» конвенционного непослушания. Достаточно массовый характер (Вьетнам, Камбоджа, Тайвань, Таиланд, Филиппины, Южная Корея, Япония) носит в той или иной степени некорректное установление прямых исходных линий¹⁴ (например, на слишком далеком расстоянии от берега, с отклонением от общего направления береговой линии) для отсчета внутренних границ территориального моря, ИЭЗ и континентального шельфа. Китай в этом отношении пошел еще дальше: еще в 1958 г., а затем в 1996 г. на уровне национального законодательства он заявил об установлении прямых исходных линий вокруг Парасельских островов¹⁵, несмотря на то, что их государственная принадлежность оспаривается Вьетнамом. В 2012 г. прямые исходные линии были проведены вокруг островов Сенкаку (кит. — Diaoyu Islands)¹⁶ в Восточно-Китайском море, которые являются предметом территориального спора между КНР и Японией.

Массовый характер носит ограничение права мирного прохода для гражданских судов и военных кораблей третьих стран через 12-мильное территориальное море (Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Республика Корея, Малайзия, Филиппины, Тайвань)¹⁷. Правительство КНР при ратификации Конвенции 1982 г. заявило, что положения, касающиеся мирного прохода через территориальное море, не ставят под сомнение право прибрежного государства запрашивать у иностранного государства получения разрешения или же предварительного уведомления на проход своих военных кораблей. Некоторые страны (Вьетнам) ввели ограничение на максимальное количество военных кораблей, которые могут присутствовать в их территориальных водах. Помимо этого, вводятся ограничения на проход судов с атомной силовой установкой, перевозящих ядерные или дру-

гие опасные отходы (Малайзия). И если уведомительный порядок такого прохода хоть как-то коррелируется с нормами Конвенции 1982 г., то введение разрешительного порядка — это прямое нарушение конвенционных норм¹⁸.

Некоторые государства (Вьетнам, Камбоджа, КНР, Мьянма) претендуют на расширение своих полномочий в области обеспечения безопасности в 24-мильной прилегающей зоне¹⁹. При этом в Конвенции в прилегающей зоне может осуществляться лишь контроль за соблюдением таможенных, фискальных, иммиграционных и санитарных законов.

В 200-мильной ИЭЗ прибрежные страны обладают преимущественно ресурсной юрисдикцией. При этом 3 из 6 свобод открытого моря, не имеющих отношения к разработке ресурсов, — свобода судоходства, свобода полетов, свобода прокладки кабелей и трубопроводов — применимы к ИЭЗ²⁰. Однако целый ряд государств АТР ограничивает свободу судоходства, а иногда и полетов, в пределах своих ИЭЗ. Прежде всего это касается прохода военных кораблей, пролета военных самолетов, осуществления военноморских маневров и учений, сбора разведывательной информации. Так, КНР не только ограничивает военное судоходство в пределах своей ИЭЗ, но и в целях ограничения полетов американской разведывательной авиации не признает воздушное пространство над ИЭЗ в качестве международного²¹. Установление же КНР в 2013 г. зоны идентификации полетов — Air Defense Identification Zone (ADIZ) — над акваторией Восточно-Китайского моря вполне легитимно, однако прохождение процедуры идентификации не может быть применимо ко всем воздушным судам, как считает Пекин, а лишь к тем, которые собираются пересечь границу национального воздушного пространства (совпадает с внешней границей 12-мильного территориального моря).

Для обоснования своих претензий на расширение прав в области обеспечения безопасности активно используется экологически мотивированная риторика. Так, например, подчеркивается, что современное расширительное толкование понятия «безопасность» предполагает наличие таких ее видов, как экономическая, продовольственная, экологическая. Соответственно, их обеспечение также постепенно начинает рассматриваться как экономически детерминированное, а значит, отвечающее правам прибрежного государства в ИЭЗ. Наиболее показателен здесь пример КНР: Пекин утверждает, что использование гидролокаторов военными кораблями иностранных государств оказывает негативное воздействие на морских млекопитающих и состояние рыбных ресурсов в ИЭЗ КНР, что дает Китаю вполне легальное основание настаивать на запрете этого вида деятельности²².

Нарушения конвенционного режима происходят в пределах акваторий международных проливов. Так, Австралия в 2006 г. ввела обязательную лоцманскую проводку в Торресовом проливе с целью защиты уязвимой морской среды. Впервые был создан прецедент, когда право транзитного прохода через проливы, используемые для международного судоходства, было ограничено в интересах защиты окружающей среды²³. И хотя впоследствии Австралия согласилась распространять этот режим лишь на суда, намеревающиеся зайти в австралийские порты, а не следующие транзитом, другие государства уже готовы последовать ее примеру. Индонезия в 2008 г. заявила о том, что рассматривает вопрос и возможности введения такого же режима в Малаккском проливе²⁴.

Некоторые архипелажные государства (Филиппины²⁵, Индонезия²⁶) долгие годы настаивали на распространении режима внутренних вод, находящихся под их полным государственным суверенитетом, на все акватории вокруг своих архипелагов. Они также выступали против применения к этим акваториям права архипелажного прохода, соглашаясь лишь с применением права мирного прохода — гораздо более жестко регламентированной нормы. Ими не были установлены в полном объеме, как это предусмотрено Конвенцией 1982 г., схемы морских коридоров в рамках Международной морской организации.

Китай и проблема урегулирования ситуации в Южно-Китайском море. Особое место с точки зрения соблюдения конвенционных норм занимает КНР. С одной стороны, Пекин является не только полноправным участником Конвенции 1982 г, но и обоих дополнительных Соглашений — 1994 и 1995 г. — к ней. С другой стороны, сложно найти пример какой-либо другой страны, которая в таком масштабе игнорировала бы предписания, содержащиеся в Конвенции.

Такое отношение Пекина к нормам международного морского права во многом обусловлено несколькими причинами, зачастую сугубо исторического характера. Так, для Китая характерно достаточно скептическое отношение к нормам международного права, как к продукту западной цивилизации, которое, с этой точки зрения, нацелено в первую очередь на обслуживание интересов наиболее сильных и влиятельных государств этой части земного шара²⁷. Нет сомнений, что эта позиция лишь еще более укрепилась в сознании китайской политической элиты и экспертного сообщества в ходе работы III Конференции ООН по морскому праву (1973–1982 гг.). В ее рамках Пекин неоднократно выступал с иной точкой зрения по тем или иным вопросам, но с ней мало кто считался, а чаще всего ее просто игнорировали. Так, например, Китай изначально настаивал на необходимости ограничения права мирного прохода через территориальное море для военных кораблей зарубежных стран, однако такой подход не отвечал интересам крупнейших военно-морских держав того времени — СССР и США.

Претензии Пекина в отношении островов и акваторий ЮКМ строятся на апелляции к так называемой ограничительной морской линии из 9(11) пунктов, которую еще в 1947 г. провело правительство Гоминьдана. В пределах этой линии оказались несколько групп островов, океанических отмелей, банок и рифов:

- остров Пратас (Dongsha), занятый Тайванем, но оспариваемый КНР;
- Парасельские острова (Xisha), фактически занятые КНР, но оспариваемые Вьетнамом и Тайванем;
- риф Скарборо (Panatag) и банка Маклсфилд (Zhongsha), которые пока никем не заняты, но на них предъявляют свои претензии КНР и Тайвань, в то время как Филиппины заявляют о своих правах исключительно на риф Скарборо;
- острова Спратли (Nansha) заняты КНР (7 островов), Вьетнамом (27 островов), Малайзией (8 островов), Филиппинами (9 островов) и Тайванем (1 остров). При этом на распространение своего суверенитета на все без исключения острова претендуют КНР, Тайвань и Вьетнам, а на часть островов — Малайзия (11 островов), Филиппины (53 острова) и Бруней (без указания конкретных островов).

Несмотря на то, что юридический статус акватории в пределах этой линии нигде не был обозначен, а она сама была проведена без указания конкретных географических координат, позиция Пекина строилась на том, что на протяжении практически 40 лет со стороны других государств не поступало никаких протестов в ее отношении, что позволяет рассматривать воды внутри этой линии как «исторические».

Статус «исторических вод» предполагает возможность распространения на них конвенционного режима либо внутренних вод, либо территориального моря, в зависимости от предыдущей практики прибрежного государства по использованию этих пространств²⁸. Учитывая, что Пекин всячески ограничивал ведение тех или иных видов морехозяйственной деятельности со стороны других государств в пределах этой линии, можно предположить, что он исходил из их интерпретации именно как внутренних исторических вод²⁹. Это означает, что не только на все острова в рамках этой линии, но и на всю акваторию (а это около 80% всей площади ЮКМ, или 2,8 млн км²), живые и неживые ресурсы поверхностных вод, дна и недр должен был быть распространен полный суверенитет КНР. Наряду с претензиями на шельф и акватории вокруг Антарктики, это — одна из наиболее масштабных претензий на управление пространствами и ресурсами Мирового океана.

В 2009 г. Пекин направил карту с указанием данной линии в Комиссию по границам континентального шельфа в ответ на совместную заявку Малайзии и Вьетнама. В тексте, сопровождавшем эту карту было сказано: «Китай обладает бесспорным суверенитетом над всеми островами и смежными (примыкающими) водами (adjacent waters) Южно-Китайского моря, а также суверенными правами и юрисдикцией в отношении вод, дна и его недр, которые имеют отношение к этому морскому региону. Этой позиции последовательно придерживается китайское правительство, и она широко известна международному сообществу»³⁰.

Подобного рода правопритязания вызвали несогласие других стран региона. С их точки зрения, эта линия могла быть проведена исключительно для обозначения претензий на некоторые группы островов, но никак не в качестве доказательства того, будто вся акватория ЮКМ давно и априори находится под суверенитетом Пекина. Следует учитывать и то обстоятельство, что эта линия изначально содержала в себе 11 пунктиров, но затем 2 из них, проведенные в Тонкинском проливе, в 1953 г. были убраны, что свидетельствовало о ее неокончательном характере. Более того, в 2013 и 2014 г. Sinomaps опубликовало уже официальные карты, где была прочерчена дополнительная — десятая — линия вокруг Тайваня, говорящая о дополнительных претензиях Пекина. При этом наложение карт 1947, 2009 и 2013–2014 гг. друг на друга показывало несовпадение географических координат этих линий, а также их прохождение на предельно малом расстоянии от побережий других государств ЮКМ³¹.

Статус «исторических вод» требовал от КНР объемной доказательной базы. Он предполагал, что прибрежное государство последовательно, в течение длительного времени и наглядно демонстрировало, что оно осуществляет свой суверенитет над данными морскими пространствами, прилегающими к его побережью, которые рассматриваются им как жизненно важные для обеспечения его безопасности и экономического развития. Отсутствие такой практики, спорный характер ее реализации — веские основания не соглашаться с подобного рода правопритязаниями.

Китай, действительно, указывал на то, что он традиционно подчеркивал особую экономическую и оборонную значимость акваторий ЮКМ. Здесь у Пекина есть и будут неопровержимые доказательства. В частности, именно на таком его значении настаивали все последние китайские правительства. Однако слабость данной позиции заключается в том, что и для других государств ЮКМ, которое является полузамкнутым в рамках ст. 123 Конвенции 1982 г., его значение также чрезвычайно велико, более того, у них также есть своя история освоения и эксплуатации его пространств и ресурсов.

Понимая, что данная ситуация требовала расширения доказательной базы, китайские эксперты делали ссылки на исторические правооснования³². В частности, они заявляли, что большая часть островов ЮКМ была открыта еще во время династии Хань во II в. до нашей эры; в III в. нашей эры китайская миссия в Камбодже упоминает Парасельские острова и острова Спратли; между X и XIV вв. Южно-Китайское море традиционно относили к зоне китайских национальных интересов; между XV и XIX вв. эти острова были зафиксированы на многочисленных китайских картах; наконец, китайские рыбаки традиционно вели промысел в этих акваториях.

Однако ссылки на исторические правооснования, даже подкрепленные картами и документами, не могли сформировать универсальную доказательную базу для Пекина³³. Это связано с тем обстоятельством, что центральная власть на протяжении многих столетий, а особенно в XIX и XX в., была достаточно слабой и не могла эффективно контролировать акваторию ЮКМ и расположенные там острова. Именно поэтому ссылка на их исторический статус была достаточно спекулятивной³⁴.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что в решении Постоянной палаты третейского суда (ППТС) в Гааге по делу Филиппин против КНР от 12 июля 2016 г. исторические правопритязания КНР были признаны незаконными³⁵. Арбитраж пришел к вы-

воду, что их нелегитимность связана не с тем, что такого рода претензии не соответствуют нормам и положениям Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., а с тем, что статус исторических вод может быть применим преимущественно к заливам и другим морским акваториям, прилегающим к берегу. В Конвенции 1982 г. содержится ссылка на «исторические заливы» (ст. 10 [6]), но акватория ЮКМ, где расположен целый ряд государств, имеющих свои морские зоны и протестующих против «морского империализма» Поднебесной, никак не может быть с ними отождествлена. Исторические права КНР на ресурсы ЮКМ также были признаны необоснованными в связи с тем, что введенный Конвенцией институт 200-мильной ИЭЗ наделил прибрежные страны юрисдикцией в области разведки и разработки живых и неживых ресурсов.

Линия из 9 пунктиров, прочерченная Пекином, могла также трактоваться как претензия на те или иные «образования» ЮКМ (острова, скалы, обсыхающие возвышения, рифы, атоллы, банки и т.д.).

В соответствии с Конвенцией 1982 г. первую категорию «образований», которые приравниваются к сухопутным территориям и наделяются полным объемом прав в отношении морских пространств вокруг них, составляют острова. Ст. 121 гласит, что «остров представляет собой естественно образованное пространство суши, окруженное водой, которое находится выше уровня воды при приливе». Этот критерий является главным при определении того, может ли быть территориальное море, прилегающая зона, ИЭЗ и континентальный шельф установлены вокруг того или иного острова.

Ко второй категории, относятся те «образования», которые наделяются неполным набором прав. Так, «скалы, которые не пригодны для поддержания жизни человека или для самостоятельной хозяйственной деятельности, не имеют ни исключительной экономической зоны, ни континентального шельфа» (ст. 123 [3]), то есть вокруг них может быть образовано лишь 12-мильное территориальное море прибрежного государства.

К третьей категории, относятся «образования», которые не наделяются никакими правами в отношении морских пространств вокруг них. Сюда могут быть отнесены обсыхающие возвышения, рифы и атоллы. Условно в эту категорию попадают и искусственные острова, вокруг которых могут быть образованы лишь зоны безопасности (ст. 60).

Соответственно, практически все государства региона ЮКМ пытались путем «эффективной оккупации» тех или иных скал, рифов, банок и отмелей доказать, что они пригодны для жизни и хозяйственной деятельности, с целью их правовой квалификации в качестве полноценных островов. КНР за последние годы активизировала свою политику по созданию искусственных островов путем насыпания грунта, преимущественно вокруг обсыхающих при отливе возвышений.

Однако одна из проблем заключается в том, что Конвенция 1982 г. не содержит исчерпывающей классификации всех возможных островных территорий, которая позволила бы снять противоречия относительно того, что может считаться полноценным островом. В ней не обозначены права государств в отношении рифов (включая обсыхающие и окаймляющие рифы), атоллов, подводных банок, подводных возвышенностей, поднятий, вздутый, отрогов, отмелей, насыпей и т.д. Например, в отношении атоллов как естественно сформировавшихся участков суши за счет постепенного накопления коралловых отложений, достигающих крупных размеров и пригодных для жизни и той или иной хозяйственной деятельности, нет единого мнения о возможности приравнивать их статус к островам/скалам. В Конвенции не содержится четкого различия между понятиями: цепь островов — острова (island) — островки (islets) — малые острова (isles) — острова и островки, похожие на острова³⁶.

Определенные противоречия вносит практика судебных решений, в рамках которой те или иные острова были ограничены в правах на морские пространства (т.н. уменьшающий эффект), или же наоборот — скалы были приравнены к островам, а вокруг обсыхающих возвышений образовано территориальное море. Так, например, решением

Международного суда ООН по вопросу о разграничении между Румынией и Украиной в Черном море о. Змеиный хоть и был признан островом, а не скалой, на чем настаивала румынская сторона, но вокруг него не были образованы ни ИЭЗ, ни континентальный шельф Украины, а лишь 12-мильное территориальное море³⁷. Такое решение не осталось незамеченным в Пекине: КНР отправила уведомление в ООН с указанием на то, что вокруг всех о-вов Спратли может быть образовано не только территориальное море, но и 200-мильная ИЭЗ и соответствующий ей континентальный шельф³⁸, что можно считать своеобразным упреком за решение в отношении Змеиного³⁹.

В связи с этим важное значение имело решение ППТС по иску Филиппин против КНР.

Во-первых, было зафиксировано, что статус «образований» ЮКМ может определяться исключительно по их изначальному состоянию, то есть без учета каких-либо произведенных модификаций или земляных работ. Практика КНР по насыпанию островов была признана не ведущей к изменению их правового статуса, более того — было обозначено негативное воздействие на морскую среду и ее биоразнообразие в ходе таких работ.

Во-вторых, было подтверждено, что конвенционная формулировка о поддержании человеческой жизни и возможности ведения хозяйственной деятельности означает полную независимость «островов» от ресурсов за их пределами. Соответственно, все попытки снабжения (например, пресной водой) таких «образований» с материка, обустройства там инфраструктурных объектов с целью их правовой классификации в качестве островов были признаны нелегитимными.

Наконец, Арбитраж определил, что все без исключения острова Спратли — ни по отдельности, ни вместе — не могут формировать вокруг себя расширенные морские зоны, то есть не являются островами. Все находящиеся выше уровня воды при приливе острова Спратли (включая такие большие, как Itu Aba, Thitu, West York Island, Spratly Island, North-East Cay, South-West Cay) были квалифицированы как «скалы» с возможностью установления лишь режима территориального моря вокруг них.

Scarborough Shoal, Gaven Reef, McKennan Reef, Johnson Reef, Cuarteron Reef, Fiery Cross Reef были квалифицированы как изначально остающиеся над водой при приливе образования (high tide features), которые могут претендовать на установление 12-мильного территориального моря. Такие «образования», как Mischief Reef, Second Thomas Shoal, Subi Reef, Hughes Reef, в их естественном состоянии должны находиться под водой при приливе, являясь таким образом обсыхающими при отливе возвышениями без права на какие-либо морские зоны вокруг них⁴⁰.

Решение ППТС привело к усилению правовой позиции США, так как КНР не сможет теперь в полном объеме настаивать на нелегальном характере действий США в прилежащих к этим «образованиям» морских пространствах, считая, что на них распространяется ее суверенитет (в пределах территориального моря) или же юрисдикция (как в случае с ИЭЗ). В частности, в октябре 2015 г. USS Lassen осуществил проход в пределах 12 морских миль от береговой линии Subi Reef, превращенного КНР в искусственный остров⁴¹. По решению Арбитража Subi Reef признан обсыхающим при отливе возвышением, а значит, все предыдущие протесты КНР по запрету на проход американских кораблей рядом с ним становятся необоснованными.

Пекин, как в ходе рассмотрения иска Филиппин, так и по его итогам, неоднократно заявлял, что он не только не признает юрисдикцию данного Арбитража, но имеет право использовать свою апелляцию к положениям ст. 298 Конвенции 1982 г. Она дает возможность любому государству заявить о своем неприятии одного или нескольких из предписанных Конвенцией механизмов урегулирования споров (Международный суд ООН, Международный трибунал по морскому праву, Арбитраж, Специальный арбитраж) по отношению к целому ряду вопросов, а именно: споры, связанные с толкованием или применением статей 15, 74 и 83, касающихся делимитации морских границ; споры, свя-

занные с историческими заливами или правооснованиями; споры, касающиеся военной деятельности, включая военную деятельность государственных судов и летательных аппаратов, состоящих на некоммерческой службе; споры, касающиеся деятельности по обеспечению соблюдения законов в отношении осуществления суверенных прав или юрисдикции; споры, в отношении которых Совет Безопасности ООН осуществляет функции, возложенные на него Уставом.

Озвучивая свою позицию для ППТС, Пекин акцентировал внимание на том, что он не только не признает юрисдикцию Арбитража и призывает уважать положения статьи 298, но и считает, что наиболее эффективным способом урегулирования всех морских споров с соседними странами являются двухсторонние переговоры, а Филиппины своими действиями лишь дискредитируют и обесценивают суть статьи 298⁴². В официальном заявлении МИД КНР по итогам принятия ППТС своего решения было заявлено, что данный спор напрямую касается вопросов суверенитета и делимитации морских пространств, и, соответственно, не мог быть предметом рассмотрения Арбитража в рамках статьи 298⁴³.

Однако международный Арбитраж посчитал, что статья 298 не является препятствием для рассмотрения данного спора⁴⁴. Его аргументация сводилась к следующему. Во-первых, вопрос возможности установления предписанных конвенцией морских зон вокруг тех или иных «образований» ЮКМ не может быть приравнен к проблематике делимитации морских пространств. В особенности с учетом того факта, что ни один из островов и рифов ЮКМ, на которые претендовал Пекин, не может генерировать вокруг себя ИЭЗ. Во-вторых, исторические правооснования, перечисленные в статье 298, могут касаться лишь заливов и других морских акваторий, расположенных вблизи от берега. Сама практика КНР в рамках т.н. линии из 9 пунктов в большей степени свидетельствовала о стремлении распространить «исторический статус» не на воды ЮКМ, а лишь на его ресурсы. В-третьих, ссылка на положения статьи 298 относительно «споров, касающихся деятельности по обеспечению соблюдения законов в отношении осуществления суверенных прав или юрисдикции», не может быть применима, т.к. иск Филиппин не касается деятельности в пределах ИЭЗ КНР. В-четвертых, в связи с тем, что руководство КНР неоднократно настаивало на невоенном характере любых видов активности на островах ЮКМ, это положение статьи 298 также не может быть использовано китайской стороной.

Надо отметить, что около 20 государств сделали заявления в рамках статьи 298. Среди них: Австралия, Ангола, Аргентина, Беларусь, Великобритания, Испания, Италия, Канада, Мексика, Португалия, Таиланд, Украина, Франция, Чили, Южная Корея, а также и Российская Федерация. США, хоть и не являются участниками Конвенции, также сформулировали свою позицию на случай ее ратификации. Они заявили, что не соглашались применять обязательные процедуры урегулирования споров, предусмотренные Конвенцией для всех категорий споров, которые перечислены в статье 298. Для других категорий споров они выбирают специальный арбитраж, если он может быть к ним применим, и арбитраж — для всех остальных споров. Отдельно было подчеркнуто, что США сами будут определять, может ли тот или иной вид деятельности быть причислен к «военной деятельности» или «военным действиям», и такое определение не подлежит пересмотру. Также было оговорено, что проведение всех видов разведывательной деятельности на море является осуществлением военной деятельности, а значит к ней также не могут быть применимы конвенционные механизмы урегулирования споров⁴⁵.

В целом решение международного Арбитража, проигнорировавшее апелляции Пекина к положениям ст. 298 при одновременном учете весьма своеобразной позиции Вашингтона по этой проблематике ставит вопрос о действенности данной статьи. Та логика, к которой прибегли международные арбитры, с одной стороны, показывает пробелы в аргументации Пекина, особенно в части указаний на исторические правооснования,

которые были затем умело использованы Арбитражем. С другой стороны, масштабное игнорирование ссылок на ст. 298 было предпринято исключительно для того, чтобы обосновать правомерность рассмотрения филиппинского иска, в успешном исходе которого были заинтересованы многие государства АТР, включая США. Какие правовые последствия будет иметь этот прецедент — покажет время, но нельзя забывать, что для нашей страны положения ст. 298 являются важным аргументом по защите своих национальных интересов в отношении различных морских регионов, включая арктический.

Решение ППТС формально является обязательным для исполнения, и КНР здесь не может быть исключением, однако сегодня не существует никаких институциональных механизмов, способных заставить Пекин полностью исполнить предписания международного Арбитража. Особенно в свете того, что КНР изначально не признавал юрисдикцию ППТС в этом споре. Более того, никакие механизмы ООН — ни Генеральная Ассамблея, ни Совет Безопасности — никак не задействованы в этом процессе, равно как в контроле за исполнением норм и положений Конвенции. А учитывая то обстоятельство, что многие страны по итогам принятого решения поспешили сгладить свои позиции в отношении политики Пекина, можно предполагать, что процесс урегулирования будет развиваться исключительно в рамках двухстороннего формата, без привлечения внерегиональных игроков. На этом изначально настаивала КНР, и такая позиция, надо сказать, разделяется и Российской Федерацией, выступающей против любой интернационализации проблематики ЮКМ⁴⁶.

* * *

Подводя итоги, следует отметить, что значительная часть морских конфликтов и противоречий между странами АТР обусловлена тем обстоятельством, что между ними нет единства в отношении понимания и исполнения тех или иных норм Конвенции 1982 г. Неучастие в этом международном соглашении крупнейшей морской и военно-морской державы — США — если не дискредитирует установленный Конвенцией режим, то, как минимум, провоцирует другие государства избирательно исполнять те или иные конвенционные обязательства.

Следует также признать, что за те два десятилетия, которые прошли с момента вступления Конвенции в силу в 1994 г., сама система международных отношений претерпела существенные изменения. На авансцене мировой политики появились новые региональные и глобальные лидеры, стремящиеся жестко отстаивать свои национальные интересы. Правовые лакуны, содержащиеся в Конвенции (относительно режима исторических вод; военно-морской деятельности и научных исследований в ИЭЗ; классификации «островных территорий»), стали основанием для выдвижения обширных правоприязнаний.

Предельная концентрация конвенционных нарушений приходится на регион ЮКМ. Особенно выделяется запросная позиция КНР, которая зачастую плохо коррелируется с нормами международного морского права. При этом политика Пекина по последовательному продвижению своих претензий на разных уровнях ведет к тому, что она находит своих сторонников: ратифицировавший в 2011 г. Конвенцию Таиланд также настаивает на своем праве по ограничению военно-морской деятельности в пределах ИЭЗ. Все это порождает опасность изменения восприятия тех или иных конвенционных норм со стороны других государств. Размывание конвенционного режима в масштабах всего Мирового океана не отвечает ни интересам России, ни других крупнейших морских держав. Именно поэтому нарушения Пекином норм и положений международного морского права, своеобразная *legal warfare*⁴⁷ (юридическая война), должны быть, безусловно, ограничены.

Как представляется, на сегодняшнем этапе такая модель поведения КНР обусловлена приоритетным вниманием к проблеме обеспечения собственной безопасности в прилежащих морских акваториях. Однако по мере трансформации Китая из региональной державы в страну с глобальными интересами может произойти изменение в воспри-

ятии норм и положений международного морского права. Создание настоящего океанического флота, способного решать поставленные задачи в масштабах всего Мирового океана, приведут к более ответственному отношению КНР к существующему конвенционному режиму. Это обусловлено тем обстоятельством, что ст. 60 Венской конвенции о праве международных договоров⁴⁸ дает возможность другим странам не исполнять те нормы международного соглашения в отношении того государства, которое их нарушает. Именно поэтому можно предполагать, что в перспективе Китай может стать более заинтересованным в применении и защите универсальных норм, касающихся мирного прохода военных кораблей через территориальное море и свободы военного судоходства в пределах ИЭЗ. Именно по такому пути — от полного/частичного непризнания к признанию — шло развитие всех крупнейших военно-морских держав, включая СССР и США. Надо надеяться, что Пекин в этом отношении не станет исключением.

1. *Roach J. Ashley, Smith W. Robert. Excessive Maritime Claims. 3rd ed. Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 2012. P. 157, 250–251.*
2. *Maritime Claims Reference Manual. North Korea.*
URL: <http://www.jag.navy.mil/organization/documents/mcrm/KoreaNorth2016.pdf>
3. *Михайлов В. С. Проблема заключения мирного договора с Японией с точки зрения международного права // Вестник ДВО РАН. 2005. № 4. С. 29–38.*
4. *Statement on United States Oceans Policy. March 10, 1983.*
URL: <http://www.reagan.utexas.edu/archives/speeches/1983/31083c.htm>
5. *Вылегжанин А. Н., Каламкьян Р. А. Международный обычай как основной источник международного права // Государство и право. 2012. № 6. С. 81–83.*
6. *Конституция для океанов. Высказывания председателя Третьей конференции Организации Объединенных Наций по морскому праву Томи Т. Б. Ко.*
URL: http://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/koh_russian.pdf
7. *Harrison J. Making the Law of the Sea: a study in the development of international Law. N.Y.: Cambridge University Press, 2011. P. 51–59.*
8. *Lodge W. Michael. The Common Heritage of Mankind // The Law of the Sea Convention at 30: Success, Challenges and New Agendas / Ed. by D. Freestone. Leiden; Boston: Martinus Nijhoff Publishers, 2013. P. 60.*
9. *Tanaka Y. The International Law of the Sea. N.Y.: Cambridge University Press, 2012. P. 140–141.*
10. *Executive Report. 110th Congress. 1st Session. Exec. Rpt. 110–9 (December 19, 2007). P. 13, 21.*
URL: <http://www.gc.noaa.gov/documents/UNCLOS-Sen-Exec-Rpt-110-9.pdf>
11. *Kraska J. Maritime Power and the Law of the Sea. Expeditionary operations in World Politics. N.Y.: Oxford University Press, 2011. P. 271–276.*
12. *Свиных Е. Перспективы присоединения США к Конвенции ООН по морскому праву // Зарубежное военное обозрение. 2011. № 1. С. 78.*
13. *Неучастие США в Конвенции ставит их в один ряд с такими странами, как Андорра, Афганистан, Бурунди, Бутан, Венесуэла, Иран, Казахстан, Камбоджа, Киргизия, Колумбия, Ливия, Лихтенштейн, ОАЭ, Перу, Руанда, Сальвадор, Северная Корея, Сирия, Таджикистан, Туркменистан, Турция, Узбекистан, Центральная-Африканская Республика, Эритрея, Южный Судан.*
14. *Bateman S. State Practice Regarding Straight Baselines in East Asia — Legal, Technical And Political Issues. URL: https://www.iho.int/mtg_docs/com_wg/ABLOS/ABLOS_Conf5/Papers/Session7-Paper1-Bateman.pdf*
15. *Limits in the Seas. № 43. Straight Baselines. China. 1972. URL: http://www.state.gov/documents/organization/58832.pdf; № 117. 1996. URL: http://www.state.gov/documents/organization/57692.pdf*
16. *Statement of the Government of the People's Republic of China on the baselines of the territorial Sea of Diaoyu Dao. URL: http://www.un.org/depts/los/LEGISLATIONANDTREATIES/PDFFILES/DEPOSIT/chn_mzn89_2012_e.pdf; The Chart of Baselines of Diayou Dao. URL: http://www.un.org/Depts/los/LEGISLATIONANDTREATIES/PDFFILES/MAPS/chn_mzn89_2012.jpg*
17. *Roach J. Ashley, Smith W. Robert. Op. cit. P. 250–251.*
18. *Klein N. Maritime Security and the Law of the Sea. N.Y.: Oxford University Press, 2011. P. 35–40, 43.*

19. *Roach J. Ashley, Smith W. Robert*. Op. cit. P. 157.
20. *Rothwell D.R., Stephens T.* The International Law of the Sea. Oxford-Portland: Hart Publishing, 2010. P. 168.
21. Maritime Claims Reference Manual. China. URL: <http://www.jag.navy.mil/organization/documents/mcrm/China2016.pdf>
22. *Raine S., Miere Le Christian.* Regional Disorder: The South China Sea Disputes. Routledge, 2013. P. 47–48.
23. *Tanaka Y.* Op. cit. P. 105.
24. *Kraska J., Pedrozo R.* International Maritime Security. Leiden; Boston: Martinus Nijhoff Publishers, 2013. P. 269.
25. Limits in the Seas. № 142. Philippines.
URL: <http://www.state.gov/documents/organization/231914.pdf>
26. Ibid. № 141. Indonesia. URL: <http://www.state.gov/documents/organization/231912.pdf>
27. *Nong Hong.* UNCLOS and Ocean Dispute Settlement: Law and Politics in the South China Sea. Routledge, 2012. P. 109–153.
28. Международно-правовая квалификация морских районов в качестве исторических вод (теория и практика государств) / под ред. А.Н. Вылегжанина. М.: МГИМО, 2012.
29. *Storey I.* China's Bilateral and Multilateral Diplomacy in the South China Sea / Cooperation from Strength. The United States, China and the South China Sea. P. 54. URL: http://www.cnas.org/files/documents/publications/CNAS_CooperationFromStrength_Cronin_1.pdf
30. Communications received with regard to the joint submission made by Malaysia and Vietnam to the Commission on the Limits of the Continental Shelf. China.
URL: http://www.un.org/depts/los/clcs_new/submissions_files/mysvnm33_09/chn_2009re_mys_vnm_e.pdf
31. Limits in the Seas. № 143. China. Maritime Claims in the South China Sea.
URL: <http://www.state.gov/documents/organization/234936.pdf>
32. *Cronin P.M., Kaplan R.D.* US Strategy and the South China Sea // Cooperation from Strength: The United States, China and the South China Sea. P. 14. URL: http://www.cnas.org/files/documents/publications/CNAS_CooperationFromStrength_Cronin_1.pdf
33. *Storey I.* China's Bilateral and Multilateral Diplomacy in the South China Sea // Cooperation from Strength: The United States, China and the South China Sea. P. 54. URL: http://www.cnas.org/files/documents/publications/CNAS_CooperationFromStrength_Storey_1.pdf
34. *Dutton P.* An Analysis of China's Claim to Historic Rights in the South China Sea // Major Law and Policy Issues in the South China Sea / Ed. By Yann-huei, Keyuan Zou. Ashgate, 2014. P. 69–70.
35. The South China Sea Arbitration. The Republic of the Philippines v. the People's Republic of China). The Hague, 12 July 2016. The Tribunal Renders Its Award.
URL: <https://pcacases.com/web/sendAttach/1801>
36. *Тихачин К.В.* Роль островных территорий при разграничении морских пространств // Московский журнал международного права. 2008. № 3. С. 151–171.
37. Maritime Delimitation in the Black Sea (Romania v. Ukraine). No. 2009/9. 3 February 2009.
URL: <http://www.icj-cij.org/docket/files/132/14985.pdf>
38. CML/8/2011. 14 April 2011.
URL: http://www.un.org/depts/los/clcs_new/submissions_files/mysvnm33_09/chn_2011_re_phl_e.pdf
39. *Dutton P. A.* Cracks in the Global Foundation: International Law and Instability in the South China Sea // Cooperation from Strength: The United States, China and the South China Sea. P. 78.
URL: http://www.cnas.org/files/documents/publications/CNAS_CooperationFromStrength_Dutton_1.pdf
40. The South China Sea Arbitration (The Republic of the Philippines v. the People's Republic OF China) The Hague, 12 July 2016. The Tribunal Renders Its Award.
URL: <https://pcacases.com/web/sendAttach/1801>
41. *Lynn Kuok.* The U.S. FON Program in the South China Sea a lawful and necessary response to China's strategic ambiguity. URL: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/07/The-US-FON-Program-in-the-South-China-Sea.pdf>
42. Position Paper of the Government of the People's Republic of China on the Matter of Jurisdiction in the South China Sea Arbitration Initiated by the Republic of the Philippines. 2014/12/07 .
URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1217147.shtml

43. Full text of statement of China's Foreign Ministry on award of South China Sea arbitration initiated by Philippines. URL: http://news.xinhuanet.com/english/2016-07/12/c_135507744.htm
44. The South China Sea Arbitration (The Republic of the Philippines v. the People's Republic of China) The Hague, 12 July 2016. The Tribunal Renders Its Award.
URL: <https://pcacases.com/web/sendAttach/1801>
45. *Roach J. Ashley, Smith W. Robert*. Op. cit. P. 794–795.
46. URL: http://www.mid.ru/en/press_service/spokesman/briefings/-/asset_publisher/D2wHaWMCU6Od/content/id/2354135.
47. *Kraska J.* Op. cit. P. 320.
48. Венская конвенция о праве международных договоров.
URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml

Вьетнамо-китайские отношения и проблемы Южно-Китайского моря¹

© 2016

Нгуен Динь Лиет

Статья видного вьетнамского политолога, специалиста по взаимоотношениям СРВ и КНР, посвящена деликатной и острой проблеме вьетнамо-китайских разногласий в Южно-Китайском море. По утверждению автора, проблема ЮКМ не только «самая чувствительная» в отношениях между Вьетнамом и Китаем, но и «самая горячая точка» в плане региональной безопасности в Юго-Восточной Азии, а ее решение связано с мирными условиями развития в регионе и миром во всем мире. *Ключевые слова: Южно-Китайское (Восточное) море, вьетнамо-китайские отношения, кризис, территориальные воды, исключительная экономическая зона, континентальный шельф.*

Исследование вьетнамо-китайских отношений после их нормализации (с 1991 г. до наших дней) показывает наличие пяти главных проблем, разных по характеру, но имеющих неблагоприятную тенденцию с точки зрения развития этих отношений:

- во-первых, политическое доверие между двумя партиями и государствами все время снижается;
- во-вторых, постоянно растет торговый дефицит Вьетнама;
- в-третьих, китайские инвестиции во Вьетнаме влекут много последствий, тормозящих его развитие;
- в-четвертых, китайская «мягкая сила» оказывает влияние на все стороны жизни, общество и культуру Вьетнама;
- в-пятых, исторически унаследованные проблемы территориальных границ, и главная из них — проблема Южно-Китайского моря — все более погрязают отношения двух стран в состояние кризиса.

Меняющаяся обстановка последних лет показывает, что из пяти указанных проблем первопричиной и главным фактором, вызывающим напряженность в отношениях Вьетнама и Китая, является их конфликт в Южно-Китайском море.

Южно-Китайское море в планах Китая: активизация действий с целью утверждения своего суверенитета

По мере достижения новых успехов Китай шаг за шагом продвигался в Восточную Азию, опираясь на хорошо продуманную, крупномасштабную стратегию. Почти за 40 лет открытости и реформ он добился множества успехов, которые стали важной базой для его вступления в XXI век. Превращение во вторую, самую крупную и важную после США державу в мире определило его позиции и могущество, создало предпосылки для

Нгуен Динь Лиет, PhD, заместитель директора Института китайских исследований Вьетнамской академии общественных наук. E-mail: nguyendinhliem99@yahoo.com.

значительного регионального и глобального влияния. Стратегические планы Китая рассчитаны до 2025 года.

Политический курс, намеченный XVIII съездом КПК, исходит из того, что главной задачей КНР является развитие экономики на основе открытости и широкого экономического сотрудничества с регионом и остальным миром. Но на самом деле действия Китая в последние годы вызывают беспокойство во всем мире, особенно ввиду игнорирования им норм международного права в ЮКМ.

Усилив экономический потенциал и военную мощь, Китай отказался от так называемого *скрытного выжидания момента* и активизировал действия, направленные на утверждение своего суверенитета. Наш «*добрый сосед*» ясно показал стремление к монопольному господству в ЮКМ.

Китай неизменно выступает за разрешение споров в нем путем двусторонних переговоров, и каждый раз протестует против любых попыток делать это через многосторонние механизмы. В год, когда Вьетнам председательствовал на всех форумах в АСЕАН, Китай оказывал сильное дипломатическое давление с тем, чтобы не допустить включения этих проблем в повестку XVII саммита АСЕАН и других связанных с ним форумов.

21 июня 2012 г. Национальное собрание Вьетнама приняло Морской кодекс. Тут же министерство гражданской администрации КНР выпустило «Объявление об утверждении создания города уездного значения Сиша, на который возложена ответственность за управление Парасельскими островами, архипелагом Спратли и островами Пратас (Джунгша) с административным центром на острове Фулам в составе Парасельских островов». 19 июля 2012 г. Центральная военная комиссия КНР приняла официальное решение создать «военное командование» на острове Фулам.

23 июня 2012 г. китайская национальная нефтяная компания (CNOOC) объявила международный тендер на 9 блоков для добычи нефти общей площадью 160 129,38 кв. км, которые полностью находятся в ИЭЗ и на шельфе Вьетнама.

29 ноября 2012 г. Народный совет провинции Хайнань (КНР) принял «Регламент поддержания безопасности морской границы провинции Хайнань». Согласно этому регламенту, с 1 января 2013 г. пограничная полиция провинции получила право проверки, задержания и выдворения любого иностранного судна, «незаконно вторгшегося в район моря, находящийся под управлением местных властей». Общественное мнение многих стран оценило эту акцию как дерзость и произвол.

2 мая 2014 г. напряженность в ЮКМ серьезно возросла, когда Китай в одностороннем порядке выдвинул буровую установку «Океан 981» в ИЭЗ и на шельф Вьетнама. Примерно через две недели после этого, 13 мая 2014 г. министерство обороны Филиппин опубликовало фотографии, показывающие, как Китай в срочном порядке строит искусственные острова на каменных скалах и коралловых рифах на Парасельских островах и Спратли.

На затопляемом в прилив рифе Суби в архипелаге Спратли, где изначальная площадь равнялась примерно 100 кв. м, Китай имеет сейчас строительную площадку в 76 га (760 000 кв. м) — в 760 раз больше изначальной площади острова, построил там взлетно-посадочную полосу и гавань для рыболовных и сторожевых судов. На рифе Джонсон (вьет. Гакма) площадью 4128 кв. м Китай построил искусственный остров площадью 10,9 га (109 000 кв. м) с земляным покрытием в 4128 кв. м и 6 различными объектами, с гаванью, способной принимать суда длиной до 130 м.

Та же картина на ряде других скал и рифов².

Попытки стимулировать развитие туризма

Как и в прошлом, в настоящее время Китай стремится всячески поощрять туризм на Парасельские острова, пытаясь приблизить всю инфраструктуру на островах к материке

путем предоставления транспортных услуг для путешествий на эти острова, создания там филиалов банка Китая, официально связанных с континентальной банковской системой КНР, расширения сети телевизионного вещания на созданный город Сиша и т.д.

Усиление службы морского дозора

В целях использования полувоенных сил для защиты и контроля в ЮКМ Китай создал целую флотилию под руководством Главного управления морского дозора. 8 мая 2011 г. Китай принял решение передать в эскадру, несущую патрульную службу в ЮКМ, новый корабль водоизмещением 1500 тонн и длиной 88 м, доведя тем самым до 13 количество кораблей своей патрульной службы. Силы морского дозора КНР к 2020 г. должны возрасти с 9000 до 15000 человек. Количество патрульных судов вырастет с 350 в 2015 г. до 520 в 2020 г. Эти силы решено подкрепить уже в 2015 г. 16 самолетами воздушной разведки.

Рост капиталовложений в геологоразведку и добычу полезных ископаемых

Стратегия расширения жизненного пространства, осуществляемая Китаем, предусматривает усиление и развитие морской экономики путем увеличения добычи нефти и газа и реализации стратегии «выхода на большие глубины». Государственная нефтяная корпорация КНР (CNOOC) предложила иностранным компаниям 19 блоков для сотрудничества в добыче нефти и газа в прибрежных районах, в том числе 12 блоков, расположенных в восточной части и 7 в западной части ЮКМ. За 5 лет по плану должно быть вложено 350 млрд юаней (54 млрд долл.) в разработку этих блоков. В мае 2011 г. CNOOC сдала огромную буровую установку, получившую № 981. 9 мая 2012 г. эта установка официально приступила к бурению в районах с глубиной в 3000 м. Это было исключительно важное событие, означавшее для Китая новый шаг вперед в истории разведки нефтегазовых месторождений, которая была перенесена с континента в море и из мелководья в глубоководные районы. Известно, что около 70% запасов нефти и газа в ЮКМ находятся именно в глубоководных районах (площадью 1,54 млн кв. км). Китай стал первой страной, начавшей самостоятельную разведку нефти и газа в этих районах. До этого для разведывательного бурения на дне приходилось в основном заключать контракты с американскими и норвежскими компаниями.

Увеличение вылова рыбы было достигнуто после введения в ЮКМ флотилии кораблей, включая плавбазу «Хай нам бао ша 001» («Пески Южного моря»). Таких плавбаз в мире всего четыре. Она имеет на борту 4 перерабатывающих завода, где по две недели трудятся 600 рабочих. Ее сопровождает танкер водоизмещением 20 тыс. т и отряд вспомогательных кораблей. Это позволяет китайским рыбакам вести непрерывный промысел на протяжении 9 месяцев. Сейчас в провинции Хайнань работает около 27 тыс. рыболовных судов, в том числе около 2000 водоизмещением от 100 тонн и выше. Директор рыболовной и морской службы провинции Хайнань считает, что надо отказаться от устаревшей установки «суверенитет наш, споры отложить, использовать вместе» и перейти к новой формуле: «суверенитет наш, использовать самостоятельно, действовать активно».

Активизация разведочных работ, замеры и картографирование ЮКМ

Это — новая установка, которой Китай придает особое значение и усиленно проводит ее в жизнь с 2012 г. Создано специальное управление, которое руководит и координирует пропаганду и осуществляет контроль над общегосударственным рынком карт. Это картографическое управление издает все карты, относящиеся к ЮКМ, и карты островов этого моря, которые публикуются, способствуя проведению политического курса и одновременно распространяя в массах сведения о его территории.

Южно-Китайское море в отношениях Вьетнама с Китаем

В начале XXI века в общественном мнении преобладала оптимистичная вера в то, что в ЮКМ наступит новый период мира, стабильности и сотрудничества во вьетнамо-китайских отношениях. Это особенно проявилось сразу после того, как были заключены Соглашение между СРВ и КНР о границах территориальных вод, исключительной экономической зоны и континентального шельфа в заливе Бакбо (Тонкинский) и Соглашение между правительствами СРВ и КНР о сотрудничестве в рыболовном промысле в заливе Бакбо. В это же время было принято Совместное заявление о всестороннем сотрудничестве между СРВ и КНР в новом веке. Реальные события последних лет показали, что, хотя общая тенденция к миру и стабильности пока сохранялась, обстановка в ЮКМ развивалась крайне сложно, создавая угрозу международным отношениям в регионе и мире в целом и, в частности, вьетнамо-китайским отношениям, сотрудничеству двух стран в сохранении безопасности в Восточной Азии.

Что касается ЮКМ, то в Заявлении Вьетнама и Китая в 2000 г. было ясно сказано: «Стороны обязуются строго выполнять соответствующие договоренности, достигнутые между двумя странами, активно сотрудничать, стремиться превратить границу между ними в границу мира, дружбы и длительной стабильности. Стороны подтверждают, что сохранят существующие механизмы переговоров по морским проблемам и будут терпеливо искать путем переговоров фундаментальное, долгосрочное решение, приемлемое для обеих сторон. До того, как проблема будет решена, стороны будут активно обсуждать и изыскивать все возможности для сотрудничества в таких областях, как защита окружающей среды на море, метеорология, гидрология, защита от стихийных бедствий, исходя из принципа сначала легкое, а сложное потом. Одновременно стороны не будут предпринимать ничего, что может дополнительно осложнить или расширить споры, не будут применять силу или угрожать силой. Стороны должны своевременно обсуждать и принимать необходимые меры для соответствующего разрешения возникающих разногласий в спокойном и конструктивном духе, не допуская, чтобы эти разногласия влияли на развитие нормальных отношений между сторонами»³.

Взаимные обязательства Вьетнама и Китая относительно проблем ЮКМ в первое время выполнялись. В течение ряда лет там сохранялась мирная обстановка. Экономическое сотрудничество Вьетнама и Китая в заливе Бакбо развивалось. С другой стороны, практика прошедших первых 10 лет показала, что соблюдение сторонами взятых обязательств оказалось совсем нелегким делом, и это все более усложняло отношения двух стран.

Опыт первых 10 лет XXI века показал, что решение спорных проблем суверенитета и развитие нормального сотрудничества взаимно влияют друг на друга. Успешное решение одной проблемы создает благоприятные условия для решения другой и наоборот. В течение 10 лет в целом руководство обеих стран старалось «своевременно обсуждать и достойно решать возникавшие разногласия в спокойном и конструктивном духе, не допуская, чтобы эти разногласия влияли на развитие нормальных отношений между сторонами» в соответствии с обязательствами по совместному «Заявлению о всестороннем сотрудничестве в новом веке». Однако во втором десятилетии XXI века ЮКМ стало все больше превращаться в «горячую точку» в отношениях двух стран, и, как говорилось выше, стало первопричиной, которая довела отношения Вьетнама с Китаем до самого низкого уровня.

Вьетнам и Китай в споре за суверенитет в ЮКМ

Прежде всего, надо признать, что Соглашение о границе территориальных вод, исключительной экономической зоны и континентального шельфа в заливе Бакбо, подписан-

ное правительствами СРВ и КНР 25 декабря 2000 г., ознаменовало новый этап в процессе разрешения споров в ЮКМ и сотрудничестве сторон по использованию его ресурсов.

Вышеупомянутое соглашение между правительствами СРВ и КНР явилось событием большого исторического значения в отношении между двумя странами. Оно соответствует позиции Вьетнама и общей тенденции в мире по разграничению акваторий вместе с исключительными экономическими зонами и границами континентального шельфа в тех случаях, когда ширина данного района не превышает 400 миль. Соглашение установило границы территориальных вод, а также ИЭЗ и континентального шельфа обеих сторон в заливе Бакбо по 21-й параллели северной широты, последовательно связанные друг с другом прямыми отрезками. Линия раздела оставила за Вьетнамом площадь, примерно на 8000 кв. км большую, чем за Китаем (в соотношении 1,135:1). Это был справедливый и приемлемый для обеих сторон результат. Хотя с момента заключения и вступления в силу соглашения о разграничении в заливе Бакбо возникали некоторые недоразумения и незначительные инциденты, в целом мир и стабильность в отношениях сторон удавалось сохранять, что способствовало экономическому сотрудничеству Вьетнама и Китая в «поясе» залива.

Главная проблема ЮКМ в настоящее время связана с двумя архипелагами — Парасельским и Спратли. Парасельские острова были полностью оккупированы Китаем с 1974 г. Архипелаг Спратли является объектом не только двустороннего спора Вьетнама и Китая, но также предметом многостороннего спора 5 государств и 6 сторон — Вьетнама, Китая, Филиппин, Малайзии, Брунея и Тайваня. Естественно, что мир и стабильность в ЮКМ касаются интересов многих государств, включая США, Японию и др., но в первую очередь это затрагивает интересы государств ЮВА.

Сотрудничество ради безопасности и развития является важной необходимостью и естественным стремлением всех прибрежных государств ЮКМ в отношении друг с другом. Поскольку Китай заявляет о своем *«бесспорном суверенитете»*, а другие государства тоже рассматривают свой суверенитет в этом море как *«имеющий стратегическое значение, не допускающее никакого компромисса»*, представляется, что в долгосрочной перспективе споры о суверенитете будет невозможно решить ни путем прямых переговоров между этими государствами, ни через Международный суд. В этих условиях мир и стабильность в ЮКМ не только являются жизненно важным интересом береговых государств, но и затрагивают интересы таких стран, как Япония, Корея, США, Индия и другие, в том, что касается свободы судоходства и международной торговли.

Принятая в 2002 г. в Пномпене АСЕАН и Китаем Декларация о поведении сторон в ЮКМ была направлена на сохранение статус-кво, поддержание мира и стабильности ради сотрудничества и развития в условиях, когда еще не было никакого юридически обязывающего кодекса правил поведения в нем сторон. Декларация гласила: *«Заинтересованные стороны участвуют в разрешении территориальных споров мирными средствами, не прибегая к угрозам или применению вооруженных сил, путем дружественного обмена мнениями и переговоров между непосредственно участвующими сторонами и опираясь на общепринятые нормы международного права, включая Конвенцию по морскому праву 1982 года»*⁴. Декларация утверждала также свободу судоходства и воздушных сообщений в ЮКМ. Участники обязались воздерживаться от любых действий, способных осложнить или усилить споры и повлиять на мир и стабильность в регионе.

Какое-то время после принятия этой Декларации не было ни одного военного столкновения между сторонами с целью установления суверенитета над островами. Несмотря на то, что Декларация не имела обязательной юридической силы, а «доверие» между сторонами было весьма ограничено, сохранение мира и относительной стабильности все же создало условия для некоторого продвижения вперед сотрудничества в вопросах безопасности и стабильности между странами региона.

Проблема в том, что до последнего времени Декларация 2002 г. не имела никаких конкретных директив по ее применению. Все стремятся к тому, чтобы появился, наконец, Кодекс поведения сторон в Восточном море, принятый АСЕАН и Китаем и имеющий обязательную силу для обеих сторон. Значение Декларации 2002 г. должно быть подтверждено, но вместе с тем необходимо видеть, что ее претворение в жизнь действительно идет трудно. С 2009 г. все обсуждения вопросов реализации этой Декларации зашли в тупик из-за позиции Китая, который выступал только за двусторонние переговоры и не хочет никаких многосторонних обсуждений с АСЕАН⁵.

За период с 2007 г. до настоящего времени Китай совершил целый ряд действий, которые значительно ослабили безопасность в регионе ЮКМ, а вьетнамо-китайские отношения стали более напряженными. Особого внимания заслуживает май 2009 г., когда Китай крайне жестко прореагировал на то, что Вьетнам и Малайзия вместе внесли свои претензии на шельф в ЮКМ в Комиссию ООН по границам материкового шельфа. По этому случаю Китай впервые представил в ООН официальную ноту с требованием суверенитета на акваторию моря в границах так называемой *линии бычьего языка*, которая охватывала более 80% всей акватории и включала оба вьетнамских архипелага — Парасельский и Спратли. Самым серьезным стало то, что с 2011 г. по настоящее время Китай усилил враждебные действия в ЮКМ, что привело к осложнению обстановки в регионе в начале второго десятилетия XXI века.

Оглядываясь на вьетнамо-китайские споры за суверенитет в ЮКМ за прошедший период, мы видим:

– во-первых, хотя переговоры на экспертном уровне между Китаем и Вьетнамом по проблемам ЮКМ и не принесли ожидаемых результатов, само наличие этого переговорного механизма имело определенное значение и было полезно для поддержания стабильности в отношениях двух стран;

– во-вторых, полное решение спора о суверенитете в ЮКМ таким образом, чтобы оно было приемлемо для обеих сторон, невозможно в ближайшем будущем из-за сложности самой проблемы. Поэтому все стороны, особенно Китай и Вьетнам, должны принять временные меры, которые были бы приемлемы для них, исходя из принципа «сохранения статус-кво» и одновременно обеспечивая мир и стабильность, создавая условия для сотрудничества и развития, для того, чтобы в отдаленной перспективе прийти к окончательному решению проблемы путем мирных переговоров.

Вьетнам и Китай: экономическое сотрудничество в ЮКМ

Вьетнамо-китайское экономическое сотрудничество в ЮКМ началось с «Соглашения о сотрудничестве в рыболовстве в заливе Бакбо», которое было заключено правительствами СРВ и КНР 25 декабря 2000 г. На его основе стороны установили район совместного промысла морепродуктов шириной около 30 миль от линии раздела, лежащий ниже 20⁰ северной широты. В первые годы выполнения этого Соглашения координация действий между сторонами была еще слабой, и поэтому произошло несколько инцидентов и заслуживающих сожаления столкновений. Но с 2008 г. вплоть до настоящего времени положение здесь начало улучшаться.

В 2004 г. премьер-министры Фан Ван Кхай и Вэнь Цзябао согласовали план вьетнамо-китайского экономического сотрудничества по модели «один пояс и два коридора», который открыл новую перспективу торгово-экономического сотрудничества обеих стран в «Поясе залива Бакбо». Залив Бакбо — часть ЮКМ⁶. На его берегах находятся китайские провинции Гуанси, Гуандун, Хайнань и вьетнамская провинция Куангбинь, город Хайфон, провинции Тхайбинь, Намдинь, Тханьхоа и Нгеан. Эти провинции Китая и Вьетнама располагают богатыми месторождениями нефти и благоприятными географическими и природными условиями для развития. Если будут налажены взаимные свя-

зи, то могут быть созданы благоприятные условия для сотрудничества между ними и взаимной дополняемости в целях развития.

Экономический пояс залива Бакбо занимает весьма благоприятное географическое положение на путях между странами АСЕАН и Китаем. В нем можно воспользоваться большими и разнообразными ресурсами для развития. Там есть транспортная морская система, связанная с сухопутными транспортными путями. Все вместе это создает хорошие условия для экономических связей между окружающими регионами.

В июле 2006 г. на Форуме экономического сотрудничества в заливе Бакбо, организованном в китайском городе Наньнин, была выдвинута идея экономического сотрудничества Китай — АСЕАН по модели «одна магистраль — два крыла», в которой одним из этих важнейших «крыльев» должно стать расширенное экономическое сотрудничество в заливе Бакбо. По мнению китайских экспертов, формула «один пояс и два коридора» — важная составная часть формулы «одна магистраль — два крыла»⁷. Из этого можно заключить, что для Китая экономическое сотрудничество в «поясе залива Бакбо» является неотъемлемой составной частью экономического сотрудничества в расширенной зоне залива Бакбо. Для Вьетнама экономическое сотрудничество с Китаем в «поясе залива Бакбо» также крайне необходимо и полезно.

Формирование этого экономического пояса позволит расширить все сферы сотрудничества между Китаем и Вьетнамом в торгово-экономических отношениях, в инвестициях, туризме, на транспорте, а также в области культурных обменов, защиты окружающей среды, эксплуатации и сохранения ресурсов залива Бакбо.

В первом десятилетии XXI века Китай придавал особое значение экономическому развитию прибрежных районов ЮКМ. Поэтому он был вынужден активно сотрудничать со странами региона, в первую очередь с Вьетнамом. Торгово-экономические отношения со странами АСЕАН имеют для Китая особую важность. Прежде всего, они необходимы для дальнейшего роста экономики в южных провинциях страны. За первые 20 лет реформ состоялось открытие прибрежных районов. Их экономика быстро росла. В заливе начали создаваться лучшие условия для развития, хотя это произошло почти на 10 лет позже, чем в других прибрежных районах. Китай наращивал торгово-экономическое сотрудничество с Вьетнамом и вообще с АСЕАН.

Для прибрежных государств «расширенной зоны залива Бакбо» большое значение имеет сотрудничество в использовании ресурсов моря. Есть даже мнение, что по запасам углеводородов ЮКМ можно сравнить с регионом Ближнего Востока. Очевидно, что Китай и страны ЮВА испытывают все большую и быстро растущую потребность в нефти и газе. По данным Агентства энергетической информации США, потребность прибрежных государств ЮКМ в сырой нефти в 2025 г. составит 15,1 млн барр. в сутки⁸. Разработка нефтегазовых месторождений ЮКМ является важнейшим мотивом, побуждающим страны региона отстаивать здесь свой суверенитет. Но этот вопрос потребует длительного времени для своего решения, в течение которого «жажда» нефти и природного газа в Китае и других странах региона будет все более усиливаться.

Необходимо найти какие-то временные пути «совместной разработки» этих ресурсов. Но непреодолимым препятствием в этом стал вопрос о месте такой совместной добычи углеводородов. В принципе стороны могут совместно использовать только те участки моря, которые они считают спорными. Но на практике есть районы, которые некоторые страны считают своими, тогда как другие, напротив, считают их спорными. Поэтому формула «споры временно отложить и разрабатывать вместе», предлагая Китаю, на деле оказывается трудно реализуемой. Это наглядно показала практика ее применения в совместных геологических исследованиях трех сторон в ЮКМ в 2005–2008 гг. Установку «споры отложить и разрабатывать вместе» Китай выдвинул, имея в виду, что суверенитет останется за ним.

Сотрудничество в рыболовстве в заливе Бакбо тоже не избежало влияния споров о суверенитете. ЮКМ считается одним из самых богатых в мире мест по ресурсам морепродуктов. В нем насчитывается до 2500 видов морепродуктов и 500 видов кораллов. Общее количество ежегодно добываемой продукции достигает 8 млн тонн и составляет 10% от мировой добычи. В то время как в заливе Бакбо было проведено разграничение суверенитета, в других оставшихся районах ЮКМ споры вокруг суверенитета стали серьезным препятствием для добычи морепродуктов, особенно для вьетнамских рыбаков, традиционно ведущих лов рыбы в районах Парасельских островов и Спратли. Китай по собственному усмотрению задерживает вьетнамские рыболовецкие суда, а то и обстреливает рыбаков (события 2005 г.), в одностороннем порядке объявляет запрет на ловлю рыбы в ряде районов ЮКМ на произвольно устанавливаемый срок. Так, мораторий на ловлю рыбы, введенный Китаем в 2010 г., осуществлялся в течение 10 недель с мая по июль. Поэтому сотрудничество Вьетнама и Китая в разработке ресурсов ЮКМ очень ограничено. Оно может быть расширено при условии улучшения сложившейся там напряженной обстановки.

Короче говоря, отношения между Вьетнамом и Китаем в последние годы то «теплили», то становились вновь напряженными в зависимости от проблем ЮКМ. Это проявлялось в двух областях: в спорах из-за островов и участков моря и в торгово-экономическом сотрудничестве.

Южно-Китайское море и проблема региональной безопасности

Споры в ЮКМ возникли с начала XX века, но стали особенно острыми и сложными примерно с его второй половины. В этот период споры из-за суверенитета над островами оказались тесно связаны с развитием морского права (начиная с Женевской конвенции 1958 г. до Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.), с развитием добычи нефти с морского дна и ростом международного значения транспортных коммуникаций, проходящих через это море. С геополитической, геостратегической и экономической точек зрения в ЮКМ не только идет спор из-за островов и акватории моря между Вьетнамом, Малайзией, Филиппинами и Брунеем, с одной стороны, и Китаем и Тайванем — с другой, но усиливаются геостратегические противоречия между державами, имеющими интересы в регионе, в первую очередь, между США и Китаем. Его военные мероприятия, особенно меры по усилению контроля над ЮКМ, осуществленные в последнее время, серьезно угрожают миру и региональной безопасности.

Планы Китая в сфере региональной безопасности

ЮКМ является одновременно щитом, защищающим безопасность Китая с юга, и его морскими воротами, через которые, минуя Индию, он попадает на Ближний Восток и в Африку. Оно рассматривается Китаем как плацдарм, на котором необходим его военный контроль с тем, чтобы исключить любую внешнюю угрозу. Военные базы в южной части материкового Китая, связанные с базами в ЮКМ и по берегам Индийского океана, образуют «жемчужное ожерелье» из опорных точек, простирающееся до Ближнего Востока. В Китае хорошо понимают важность выхода в море и того, что подъем и процветание Китая должны опираться на использование морей, как это было раньше со многими странами, такими, как Испания, Португалия, Голландия, Англия, Япония и США. С идеей стать хозяином океана, построить мощную морскую державу XVIII съезд КПК официально утвердил морскую стратегию страны, которая заявила о своей решимости усилить разработку ресурсов моря, развивать морскую экономику, защищать экологическую среду, права и государственные интересы на море.

Как ожидается, Китай сможет осуществить свою цель обретения статуса морской державы примерно в период 2030–2035 гг. Один из планов руководителей Китая, связанных с этим статусом, состоит в том, чтобы такие страны, как Япония, Филиппины

и Вьетнам, больше «не могли делать погоду» и «постепенно приучились к тому, чтобы использовать процветание экономики великого Китая для собственного развития в условиях экономической и политической зависимости от Китая».⁹ Грандиозный замысел построить мощную морскую державу нацелен на то, чтобы сделать Китай хозяином Тихого океана, установить экономическое и геополитическое господство на материке.

Почти все форумы АСЕАН и Восточноазиатский саммит, несмотря на протесты Китая, обсуждают проблему ЮКМ. Были моменты, когда Китай попадал в изоляцию на этих международных форумах, что наносило ущерб китайской дипломатии. Китай побуждает крупные державы мира, особенно США, ускоренными темпами вновь укреплять свои позиции в Азии. Тот факт, что Китай наращивает мощь своих ВМС, побуждает также страны региона и страны, находящиеся за его пределами, стремиться к большей взаимосвязи.

В настоящее время Китай столкнулся с противоречиями в ЮКМ на трех уровнях:

– с государствами, провозгласившими свой суверенитет в этом море;

– с США;

– со странами, имеющими «связанные с этим интересы», как например, с Японией, Индонезией, Южной Кореей, Австралией.

Китай подтолкнул ближайших партнеров к одностороннему сближению, побуждая их к созданию блока, и привел к образованию «мягкого» союза с ними в ЮКМ. Наряду с этим его действия привели к тому, что некоторые страны, не желающие вмешательства Китая, сформировали недружественное окружение против него.

Возвращение США в Азию — создание равновесия или стратегическое противостояние?

«Возвращение США в Азию» при администрации Б. Обамы означает также их «возвращение в Южно-Китайское море». Цели этого «возвращения» были наглядно показаны в выступлении тогдашнего министра обороны США Р.М. Гейтса на IX диалоге Шангрила в Сингапуре¹⁰. В нем Гейтс дал понять, что США вмешаются, если какая-то страна «применит силу» для решения споров или воспрепятствует свободе судоходства.

«Возвращение» США в Азию выглядит как реальный шанс осуществления идеи *стратегического баланса в регионе*. Хотя никто не может предсказать станет ли XXI век с возвращением США в Азию «американским веком АТР» или китайским, но все могут легко увидеть, что главная тенденция в регионе связана с китайско-американскими отношениями сотрудничества и одновременно ожесточенной геополитической и экономической конкуренцией между ними.

В действительности, США никогда не покидали Азию. «Возвращение в Азию» для США на практике означает возобновление и усиление их роли в западной части Тихого океана. США расширили торгово-экономические отношения, довели до финала переговоры о создании Транстихоокеанского партнерства, усилили свое военное присутствие. Объективно «возвращение США в Азию» нацелено на ослабление давления Китая на страны региона, которые тоже должны были внести соответствующие коррективы в свою политику для получения из этого для себя максимальной выгоды. В этом отношении Филиппины и Мьянма представляют два примера довольно заметных стратегических изменений.

Проводя политику расширения союзнических связей, США укрепили уверенность Филиппин в собственных силах, поощрив на более жесткий отпор давлению со стороны Китая. Ослабление китайского давления позволило и Мьянме принять решение об обновлении политических и экономических институтов страны путем реформ и открытости, начать демократизацию и создание рыночной экономики, интегрироваться в региональное и мировое сообщество.

Последствия американского «возвращения в Азию» в каждой стране имеют свои особенности, но в целом они имеют две стороны: позитивную и негативную, дают шанс и одновременно являются вызовом. Возврат США в ЮВА — часть их общего «возвращения в Азию». В отличие от СВА, где США имеют важных военных союзников — Японию, Южную Корею и в дополнение к ним Тайвань, в ЮВА у США есть только Филиппины и Таиланд в роли «союзников вне НАТО», а также тесные связи с Сингапуром. Кроме того, Индонезия, Малайзия, Бруней и три страны Индокитая — все имеют свои особенности в отношениях с США и Китаем.

За прошедшие годы Китай быстро наращивал свое влияние в АСЕАН. При этом нельзя сказать, что позиции США в ЮВА сильно ослабли или стали слабее китайских. В политическом плане у США есть союзники, а у Китая их нет. В военном отношении перевес явно остается на стороне США. В торгово-экономических отношениях Китай занимает сильные, но не прочные позиции. США укрепляют и продвигают торгово-экономические отношения со странами АСЕАН. Геополитическое соперничество США и Китая в ЮВА оказывает всестороннее влияние на все государство ЮВА. Союзные США страны продолжают опираться на их поддержку, но одновременно ограничивают противостояние с Китаем. Мьянма широко открывает двери для сближения с США и Западом, но одновременно не прерывает своих отношений с Китаем. Другие страны тоже поддерживают баланс в отношениях с США и Китаем. Внешнеполитический курс АСЕАН в целом как региональной организации тоже направлен на поддержание этого равновесия в отношениях с США и Китаем.

Вьетнам — особый случай. Он сохраняет традиционные отношения с Китаем, с которым он связан общностью политического строя, но одновременно испытывает серьезное давление с его стороны в отношении суверенитета и территориальной целостности страны. США — важный партнер Вьетнама, но сотрудничество с США также ставит Вьетнам перед вызовами, требующими осторожности и бдительности. Основу политики Вьетнама представляет установка на независимость, опору на собственные силы, гибкость политического курса, соответствующую реакцию и изменения в зависимости от положения в каждой области и в каждом конкретном случае.

Перемещение центра тяжести в стратегии и экономике США в АТР непосредственно повлияло на политику Китая в ЮКМ и значительно усилило геополитические и экономические противоречия между ними. Для того, чтобы избежать конфликта, обе стороны пытаются направить отношения в русло согласия, чтобы соблюсти взаимные интересы.

Заключение

Южно-Китайское море имеет не только геополитическое и геоэкономическое, но и важное геостратегическое значение. Проблема ЮКМ превратилась в актуальную проблему глобального характера. Именно поэтому споры в этом районе для Китая не ограничены рамками вьетнамо-китайских отношений и региональной безопасности.

Такие страны, как США, Россия, Индия, Япония, Австралия, имеют определенные интересы в ЮКМ. Поэтому в спорах по его проблемам всегда есть и их участие. Когда споры достигают глобального масштаба, то для их разрешения требуются многосторонние методы с участием многих сторон и при определенных правилах их поведения, соответствующих нормам международного права. Роль крупных держав в спорах и столкновениях в ЮКМ исключительно важна. Они служат противовесом Китаю, создают баланс сил, а также являются силой, стоящей между участниками противостояния. На практике происходит спор между Китаем, как новой поднимающейся державой со своими планами в отношении глобальной стратегии, с одной стороны, а с другой — рядом государств ЮВА, значительно более слабых по сравнению с Китаем. Тот факт, что ряд дру-

гих держав участвуют в этом споре, хотя и в ограниченном масштабе, помогает и благоприятствует решению спора и всего конфликта.

Для Вьетнама проблема ЮКМ в настоящее время и в будущем будет самой чувствительной в отношениях с Китаем и самой «горячей точкой» в плане региональной безопасности. Перед Вьетнамом встает задача четко определить для себя краткосрочную, средние — и долгосрочную цели в ЮКМ в экономической, политической и военной областях. Он должен выработать дипломатический курс в отношениях с Китаем, США, странами АСЕАН, включая те, которые участвуют и не участвуют в споре с Китаем. В *долгосрочном* плане первостепенное значение имеет также определение сферы суверенитета Вьетнама в ЮКМ. После уточнения конкретных границ суверенитета, могут быть определены и цели борьбы за возвращение или защиту этого суверенитета. В *среднесрочном плане*, опираясь на существующее положение и возможное развитие событий, необходимо выработать внутреннюю и внешнюю политику, экономические, политические и военные меры, которые будут служить этим целям.

В *краткосрочном порядке* до 2020 г. цель Вьетнама в спорных районах — «сохранить статус-кво». По своему содержанию эта цель тоже делится на три задачи:

– укреплять и надежно защищать те районы, в которых Вьетнам уже имеет суверенитет;

– упорно добиваться возвращения островов, которые были под суверенитетом Вьетнама, но в настоящее время оккупированы нашими оппонентами (прежде всего, это Парасельские острова);

– сотрудничать со всеми сторонами (Китай, США, АСЕАН) в защите мира, стабильности и совместном развитии в ЮКМ.

Исходя из этих требований, необходимо строить внешнеполитические отношения с Китаем, странами АСЕАН, особенно с теми, кто участвует в спорах в ЮКМ, с США и с другими странами, имеющими там свои интересы.

В условиях все более мощного подъема Китая Вьетнаму необходимо еще более прочное общенациональное согласие, более ясная и единая политика для того, чтобы создать лучшие условия в отношениях с Китаем.

Можно сказать, что проблемы ЮКМ являются ключом к вьетнамо-китайским отношениям, который Китай держит в своих руках. Но можно быть уверенным, что при любых условиях у Вьетнама хватит разума и мудрости, умения сочетать национальную силу народа с движущими силами эпохи для надежной защиты Родины, развития и строительства богатой страны.

Исходя из изложенной выше единой позиции правительства Вьетнама, решение спорных проблем ЮКМ связано не только с государственными и национальными интересами, но и с мирными условиями развития в регионе и миром во всем мире. Что касается будущих лет, то напрашиваются следующие выводы:

Необходимо использовать все средства для устранения факторов, вызывающих волнения в ЮКМ. Мир, сотрудничество, стабильность в этом море — в интересах всех связанных с ним государств и всего мира. Ни в коем случае нельзя допускать, чтобы решение проблем ЮКМ вызвало противоречия внутри нашего народа, привело к подрыву социальной стабильности. Для этого, как нам представляется, Вьетнам должен вести прямые переговоры с участвующими странами, как ради общих интересов, так и ради интересов каждой страны в отдельности. Необходимо применить принцип — «ты сядь на мое место, а я — на твое», чтобы обсуждать и находить приемлемый выход для обеих сторон. В решении каждой проблемы ЮКМ необходимо соблюдать международное право.

Следует усилить дипломатическую деятельность, добиться того, чтобы весь мир поддержал позиции Вьетнама по проблемам ЮКМ, придерживаться принципа сохранения статус-кво. Можно рассмотреть возможности совместного использования ресурсов ЮКМ в спорных районах на базе совместного суверенитета спорящих сторон.

Очень может быть, что Китай не согласится с нашей дипломатической стратегией по проблемам ЮКМ. Однако успех соответствующих международных научных конференций, состоявшихся в последние годы в Ханое, показал высокую оценку этой политики. И поэтому необходимо продолжать еще более широко внедрять ее как в сознание мировой общественности, так и внутри страны. Необходимо создать организационные рамки для участия неофициальных организаций и обмена мнениями, выстраивая согласие между партией и народом, не допуская, чтобы проблемы ЮКМ превращались во внутренние национальные противоречия, приводящие к подрыву социальной стабильности. В силу сложности и важности этих проблем мы должны спокойно искать наиболее выгодные и реально возможные пути их решения.

1. Автор употребляет в оригинале статьи вьетнамское название «Восточное море», которое изменено на «Южно-Китайское море» (ЮКМ). — *Прим. ред.*
2. URL: <http://vietnamnet.vn/vn/tuanvietnam/240162...>
3. Tuyên bố chung về hợp tác toàn diện trong thế kỷ mới giữa nước CHXHCN Việt Nam và nước CHND Trung Hoa: [Общая декларация о всестороннем сотрудничестве между СРВ и КНР] // Nhân dân: [Нян зан]. 26.12.2000.
4. Declaration on the Conduct of Parties in the South China Sea. URL: <http://www.asean sec.org>.
5. A diplomatic viclong for China // South China Morning Post. 31.10.2009.
6. Залив Бакбо имеет площадь более 126 тыс. кв. км. В самой широкой части он простирается на 310 км, а в самой узкой — 207 км.
7. *Vi Thu Tiên*. “Một trục hai cánh” và “Hai hành lang, một vành đai” // Kỷ yếu Hội thảo. Hanoi: Nxb Khoa học Xã hội, 2007, tr 61–62: [Ви Тху Тиен. «Одна ось — два крыла» и «Один пояс — два корридора» // Материалы симпозиума. Ханой: Изд-во «Общественные науки», 2007. С. 61–62].
8. URL: <http://www.cia.doe.gov/emeu/cabs/south China Sea/ Back ground.html>.
9. URL: <http://www.biendong.net/binh-luan/1118-trong-l-trinh-tr-thanh-cng-quc-bin-trung-quc-s-khong-tha-hip-v-ch-quyn.html>; <http://nguoilotgach.blogspot.com.au/2013/01/trung-quoc-xay-dung-cuong-quoc-bien.html>.
10. *Robert M. Gates*. Strengthening Security Partnerships in the Asia-Pacific. [Выступление на 9-й конференции на высоком уровне по азиатской безопасности. Диалог Шангрила. Сингапур. 5 июня 2010 г.].

Тайваньский вопрос в современных китайско-американских отношениях

© 2016

А.В. Волошина

В статье рассматривается роль тайваньского вопроса на современном этапе китайско-американских отношений. Автор утверждает, что несмотря на ощутимое смягчение межбереговых противоречий во времена администрации Ма Инцзю и снижение вероятности того, что тайваньский вопрос станет причиной конфликта между Китаем и Америкой, исторические разногласия между Пекином и Вашингтоном по поводу Тайваня так и не были разрешены. Победа на тайваньских президентских выборах кандидата ДПП Цай Инвэнь может стать новым вызовом для отношений между КНР и США.

Ключевые слова: Китай, политика США, «возвращение в Азию», Тайвань, Северо-Восточная Азия, коренные интересы, продажи оружия, новая администрация.

Более шести десятилетий проблема Тайваня оказывает существенное влияние на состояние и динамику развития китайско-американских отношений, внося в них постоянный элемент напряженности. Как утверждал в 2003 г. один из ведущих американских экспертов по азиатскому региону Алан Ромберг, это «единственная проблема в современном мире, которая могла бы реально привести к войне между [этими] двумя крупными державами»¹.

Изменение баланса сил между Китаем и США после 2008 г., провозглашение и реализация Соединенными Штатами стратегии «возвращения в Азию», а также объявление Китаем цели построения междержавных отношений нового типа с США ставят перед китайским руководством задачу осмысления места «тайваньского вопроса» в современной американской политике, поиска путей эффективного управления этой проблемой для минимизации ее негативного влияния на отношения двух стран при гарантированном обеспечении собственных интересов.

Позиция Китая по тайваньскому вопросу заключается в том, что «Тайвань является частью священной территории Китайской Народной Республики»², и КНР выступает единственным законным представителем всего китайского народа. Несмотря на нынешнее размежевание, ставшее следствием гражданской войны в Китае, по итогам которой в 1949 г. Коммунистическая партия Китая объявила о провозглашении Китайской Народной Республики, а гоминьдановское правительство Чан Кайши было вынуждено отступить на остров Тайвань, материковый Китай и Тайвань «относятся к одному Китаю и являются двумя неразделимыми частями единого целого»³. Согласно действующей Конституции КНР, «завершение великого дела воссоединения Родины — священный долг всего китайского народа, в том числе и наших соотечественников на Тайване»⁴. Позиция КНР по вопросу недопущения сепаратизма была раскрыта в принятом Всекитайским собранием народных представителей (ВСНП) 14 марта 2005 г. законе «О противодействии расколу страны»: с одной стороны, документ призывал к более широкому спектру обменов и к достижению «мирного объединения посредством консультаций и пере-

говоров», подчеркивая недопущение вмешательства сил извне в этот процесс, являющийся внутренним делом Китая, а с другой стороны, устанавливал три случая, когда КНР имеет право прибегнуть к «немирным средствам и другим необходимым мерам для защиты суверенитета и территориальной целостности Китая» (ст. 8). Эти случаи включают ситуацию, когда сепаратистским силам удастся добиться фактического отторжения острова от Китая, или возникнет угроза такого отторжения, или все возможности мирного воссоединения будут полностью исчерпаны⁵. Таким образом, подчеркивая приоритетность мирного пути к достижению воссоединения, этот документ легитимизировал право КНР на применение силы в данном вопросе.

Исходя из указанных выше документов, КНР заявляет о том, что курс, проводимый Соединенными Штатами в отношении Тайваня со времен гражданской войны в Китае до настоящего времени, включающий поддержку тайваньских властей и продажу оружия Тайваню, является непосредственным вмешательством во внутренние дела Китая и неуважением коренных интересов страны⁶. В качестве основополагающих документов, зафиксировавших руководящие принципы для решения тайваньского вопроса в отношениях между КНР и США, Китай признает Шанхайское коммюнике от 28 февраля 1972 года, Коммюнике об установлении дипломатических отношений между КНР и США от 16 декабря 1978 года и Китайско-американское совместное коммюнике от 17 августа 1982 года. Так, в Шанхайском коммюнике было закреплено, что США осознают, «что все китайцы по обе стороны Тайваньского пролива признают, что существует только один Китай и что Тайвань — часть Китая. Правительство Соединенных Штатов не ставит эту позицию под сомнение»⁷. В Совместном коммюнике об установлении дипломатических отношений 1978 г. стороны заявили об установлении дипломатических отношений с 1 января 1979 г. на основе признания Соединенными Штатами «правительства Китайской Народной Республики в качестве единственного законного правительства Китая» и признания позиции Китая, что «существует лишь один Китай, и Тайвань — это часть Китая»⁸. Данное коммюнике подразумевало прекращение дипломатических отношений США с Тайванем (с оговоркой, что «народ Соединенных Штатов будет поддерживать культурные, торговые и другие неофициальные связи с народом Тайваня») и завершение действия между США и Тайванем «Договора совместной обороны» 1954 г., в соответствии с которым Америка выступала гарантом безопасности острова. Принятие третьего основополагающего для архитектуры китайско-американских отношений документа было продиктовано желанием урегулировать противоречия между двумя сторонами, которые ранее были «отложены в сторону» при заключении соглашения об установлении дипломатических отношений — главным образом это касалось вопроса американских продаж оружия Тайваню⁹. В этом коммюнике правительство США заявило, что «оно не стремится проводить политику долгосрочных продаж оружия Тайваню, что его продажи оружия Тайваню не будут превышать как в качественном, так и в количественном отношении уровень поставок последних лет за период после установления дипломатических отношений между Соединенными Штатами и Китаем и что оно намерено постепенно сокращать свои продажи оружия Тайваню вплоть до окончательного разрешения вопроса через какой-то период времени»¹⁰.

Со своей стороны Соединенные Штаты, также ссылаясь на эти три коммюнике в качестве основополагающих документов по урегулированию тайваньского вопроса, добавляют к ним четвертый — Закон об отношениях с Тайванем, который был принят Конгрессом США в апреле 1979 г. для того, чтобы гарантировать сохранение надежных отношений с Тайванем в сфере безопасности, экономики, культуры, несмотря на разрыв с ним дипломатических отношений. В документе подтверждается, что поскольку поддержание мира и стабильности в западной части Тихого океана лежит в сфере интересов США, любые попытки «определить будущее [Тайваня] какими бы то ни было средствами кроме мирных» будут рассматриваться в качестве «угрозы миру и безопасности в за-

падной части Тихого океана и вызовут глубокую обеспокоенность Соединенных Штатов». Закон призывает США поддерживать «способность оказать сопротивление какому бы то ни было использованию силы или других форм принуждения, которые поставили бы под угрозу безопасность, или социальную, или экономическую систему народа Тайваня» и «предоставлять Тайваню оружие оборонительного характера»¹¹. Для того, чтобы реализовать возможность для оказания отпора попыткам использовать силу в отношении Тайваня, закон предписывает президенту США проинформировать Конгресс о существовании «какой бы то ни было угрозы безопасности, или общественной, или экономической системе народа Тайваня и возникающей из этого... угрозы интересам Соединенных Штатов» и совместно определить «в соответствии с конституционными процедурами... [ответное] действие Соединенных Штатов»¹².

Более того, кроме данного документа в качестве «краеугольного камня» своей политики в отношении Тайваня США указывают так называемые шесть гарантий президента Р. Рейгана. Эти гарантии были переданы в устной форме Цзян Цзинго главой Американского института на Тайване¹³ Джеймсом Лилли в то время, как переговоры США с КНР относительно третьего коммюнике подходили к концу, вызывая все большее беспокойство в Тайбэе. Данные «шесть гарантий» предполагали, что США не устанавливают дату прекращения продажи оружия Тайваню; не проводят предварительные консультации с КНР в отношении продажи оружия Тайваню; не будут играть роль посредника между КНР и Тайванем; не будут пересматривать Закон об отношениях с Тайванем; не изменят свою позицию в отношении суверенитета над Тайванем; а также не будут оказывать давление на Тайвань по вступлению в переговоры с КНР¹⁴.

Заложенный таким образом политический фундамент китайско-американских отношений по тайваньскому вопросу оказался хрупким и противоречивым. Во-первых, его слабость заключается в неоднозначном характере нормоустанавливающих текстов трех совместных китайско-американских коммюнике, что создало основу для существующих сегодня разночтений и сохранения коренных противоречий между США и КНР по этой проблеме. Так, во всех трех коммюнике Америка придерживалась стратегии неопределенности, не конкретизируя собственную позицию по вопросу о суверенитете Тайваня. Не было определенности и в вопросе о продажах оружия: в коммюнике 1982 г. отсутствовали пояснения, что именно подразумевается под понятием «постепенного» сокращения продаж оружия Тайваню, какой уровень продаж будет братья за ориентир для последующего сокращения, не было трактовки понятия «долгосрочные» в отказе США от проведения «политики долгосрочных продаж оружия». Эти неясности и отсутствие определенной даты завершения продаж привели к разночтениям. Тогда как Китай считает, что достигнутая договоренность подразумевает уменьшение и завершение американских продаж оружия через определенное время без каких-либо дополнительных условий и что текущие продажи нарушают обязательство Вашингтона уважать суверенитет Китая, в трактовке Соединенных Штатов это коммюнике закрепляет приверженность Пекина мирному разрешению конфликта между материком и Тайванем, а не обязательство того, что американские продажи оружия закончатся к какой-то определенной дате.

Во-вторых, Пекин рассматривает Закон об отношениях с Тайванем 1979 г. как несовместимый с тремя упомянутыми коммюнике. Позиция Соединенных Штатов состоит в том, что поскольку Закон об отношениях с Тайванем принят Конгрессом США, он не только совместим с этими коммюнике, но и превосходит их по важности. Таким образом, установив дипломатические отношения с КНР и исключив Китайскую Республику из категории суверенных государств, Вашингтон фактически сохранил право обращаться к «народу» Тайваня как международному актору в рамках внутреннего законодательства. Соединенные Штаты не только настаивают, чтобы две стороны разрешили межбереговые противоречия мирно, но посредством этого документа законодательно закрепили

возможность американского вмешательства в этот процесс, если действия материка будут идти вразрез с этим предпочтением.

Фактором, еще более усложнившим взаимодействие в формате КНР—США—Тайвань, стали активизировавшиеся с 1990-х годов процессы демократизации на Тайване, предоставившие возможность участия в политической жизни самым широким слоям тайваньского общества. На политической арене Китайской Республики возникли новые силы, отстаивающие идею существования Тайваня как отдельной, независимой страны со своей самобытной историей и национальной идентичностью. Одной из них стала созданная в 1986 г. Демократическая прогрессивная партия (ДПП). «Резолюция о будущем Тайваня», принятая ДПП на национальном партийном съезде в 1999 г., изложила позицию партии по поводу статуса Тайваня и обозначила цели ее деятельности следующим образом: «Тайвань — суверенная и независимая страна... Тайвань, хотя и именуемый Китайской Республикой в соответствии с действующей Конституцией, не попадает под юрисдикцию Китайской Народной Республики»¹⁵. Эта партийная платформа, утверждающая, что де-факто остров уже является независимым, разрушила основу, исходя из которой континентальный Китай мог бы поддерживать отношения с этой организацией. Таким политическим фундаментом на сегодняшний день Пекин считает, во-первых, признание тайваньской стороной так называемого консенсуса 1992 года, во-вторых, отказ от проявлений сепаратизма и продвижения идеи «независимости Тайваня». «Консенсус 1992 года» — это договоренность, достигнутая в результате консультаций по деловым вопросам межбереговых отношений в ноябре 1992 г. двумя негосударственными организациями — Ассоциацией по развитию связей между обоими берегами Тайваньского пролива (со стороны материка) и Фондом обменов через Тайваньский пролив (со стороны Тайваня). Тогда обе стороны пришли к согласию о необходимости соблюдения принципа «одного Китая», решив интерпретировать его каждая по-своему. Значимость «консенсуса 1992 года» для отношений материка и Тайваня была подчеркнута Си Цзиньпином на встрече с почетным председателем Гоминьдана Китая Лянь Чжанем: «Это как якорь, на котором держатся межбереговые отношения... При разрушении этой основы межбереговые отношения снова вернуться на старый путь тревожности и потрясений»¹⁶. Таким образом, если Гоминьдан, хотя и не признает легитимный статус правительства КНР как представителя всего Китая, соглашается с принципом «одного Китая» и придерживается «консенсуса 1992 года», то ДПП отказывается принять как принцип «одного Китая», так и «консенсус 1992 года» в какой бы то ни было форме.

Ярким примером того, как может обостриться ситуация вокруг Тайваня, стал период пребывания у власти тайваньского президента, представителя ДПП Чэнь Шуйбяня. Рискованные политические шаги этого деятеля, такие, как продвижение идеи принятия новой конституции, аннулирование Совета национального объединения и Программы национального объединения в начале 2006 г., подача заявки на членство в ООН под официальным наименованием «Тайвань», а также провокационная риторика с отсылками к тому, что Тайвань является независимым от КНР государством, нарушали сложившийся статус-кво в Тайваньском проливе, что было неприемлемо для КНР и США. В стремлении избежать возникновения кризиса между двумя сторонами пролива, который мог бы вылиться в китайско-американский конфликт, оба государства стали проводить отчасти параллельный политический курс, направленный на сдерживание администрации Чэнь Шуйбяня: с принятием закона «О противодействии расколу страны» Китай четко обозначил линию, за которую Тайваню не следовало переходить, а США подвергли публичной критике действия Чэнь Шуйбяня и упрекнули тайваньскую сторону в готовности «игнорировать интересы безопасности своего самого верного друга», США, и «поставить под угрозу интересы безопасности народа Тайваня ради краткосрочной политической выгоды»¹⁷. Более того, позиция США трансформировалась от отказа как-либо обозначить статус Тайваня к признанию того, что на данный момент он не является государством¹⁸.

Победа на президентских выборах 2008 г. кандидата от партии Гоминьдан Ма Инцзю ознаменовала переход взаимодействия Пекина и Вашингтона по поводу тайваньского вопроса на новый этап.

Уже во время своей предвыборной кампании Ма Инцзю обозначил, что его политический курс будет направлен на улучшение отношений с материком, выдвинув следующий принцип: «нет объединению, нет независимости, нет использованию силы»¹⁹. В своей инаугурационной речи он заявил о приверженности поддержанию статус-кво в Тайваньском проливе на основе Конституции Китайской Республики и подтвердил готовность запустить переговорный процесс с материком на базе «консенсуса 1992 года»²⁰. И действительно, с первых месяцев вступления Ма Инцзю в должность между двумя берегами пролива развернулось активное сотрудничество. Были возобновлены официальные встречи между Фондом обменов через Тайваньский пролив и Ассоциацией по развитию связей между берегами пролива, приостановленные с 1999 г. Последовало бурное развитие экономического сотрудничества: уже к июлю 2008 г. были запущены прямые чартерные рейсы по выходным, и группам китайских туристов было разрешено посещать Тайвань²¹. К ноябрю того же года было достигнуто соглашение относительно запуска прямого авиасообщения, включая рейсы по будням, прямые грузоперевозки, прямое почтовое сообщение и создание площадки для обсуждения вопросов безопасности пищевых продуктов²². Важнейшим событием для двух сторон стало заключение в июне 2010 г. Рамочного соглашения об экономическом сотрудничестве (РСЭС) между берегами Тайваньского пролива, которое должно было создать базис для будущей экономической либерализации, предполагавшей устранение торговых барьеров в соответствии с нормами ВТО и подразумевавшей переговоры по заключению соглашения о свободной торговле. Более того, с молчаливого согласия Китая благодаря «гибкой дипломатии» Ма Инцзю, решившего не добиваться вступления в ООН и избежать провоцирования материка стремлением к членству в организациях, требующих государственного статуса, Тайвань получил в 2009 г. статус наблюдателя в Всемирной организации здравоохранения под названием «китайский Тайбэй». Осенью 2013 г. Тайвань присутствовал в качестве «гостя» на ежегодной сессии Организации международной гражданской авиации²³.

Развивавшееся сотрудничество позволило совершить настоящий прорыв в политических уровнях, на которых велись консультации между КНР и Тайванем. После подписания Рамочного соглашения об экономическом сотрудничестве в 2010 г. переговоры перешли с уровня неправительственных организаций на уровень чиновников в ранге заместителей министров с обеих сторон. Знаменательным событием стал обмен визитами глав тайваньского Совета по делам материкового Китая Ван Юйци и Канцелярии Госсовета КНР по делам Тайваня Чжан Чжицзюня в 2014 г., в ходе которых были установлены механизмы нормализации каналов связи между соответствующими ведомствами²⁴. А 7 ноября 2015 г. состоялась первая с 1949 г. историческая встреча лидеров обеих сторон Тайваньского пролива: председателя КНР Си Цзиньпина и президента Китайской Республики Ма Инцзю.

Таким образом, в общей картине развития межбереговых отношений в период с 2008 по 2016 г. преобладала положительная динамика. На фоне заявлений президента Ма Инцзю о стремлении наладить отношения с Китаем и бурной активизации сотрудничества между берегами Тайваньского пролива риск развязывания вооруженного конфликта уменьшался и, следовательно, исчезала видимая необходимость сохранения постоянной вовлеченности Америки в дела этого района. Поэтому в американских политических и научных кругах возникли широкие дискуссии по поводу того, какую роль будет играть Тайвань в политике новой американской администрации президента Б. Обамы с учетом изменившейся атмосферы в межбереговых связях и растущей значимости китайско-американского сотрудничества.

В основном дебаты велись между приверженцами двух точек зрения: сторонниками сохранения Тайваня в качестве важного элемента американской стратегии в Восточной Азии и сторонниками «отказа» от Тайваня. Представителями с той и другой стороны являлись известные американские политические деятели, отставные генералы, бывшие дипломаты, эксперты-китаисты и специалисты по международной безопасности.

Среди сторонников «отказа от Тайваня» можно выделить бывшего заместителя председателя американского Объединенного комитета начальников штабов адмирала Уильяма «Билла» Оуэнса²⁵, бывшего советника президента США по национальной безопасности Збигнева Бжезинского²⁶, профессора Портлендского государственного университета Брюса Джилли²⁷, профессора политологии и международных отношений Университета Джорджа Вашингтона Чарльза Глейзера²⁸, американского дипломата Чарльза Фримана²⁹, профессора политологии Чикагского университета Джона Миршаймера³⁰, старшего научного сотрудника института Катона Теда Галена Карпентера³¹, редактора журнала *Foreign Policy* Дэвида Роткопфа³² и ряд других экспертов.

Логика сторонников «отказа» от Тайваня заключается в том, что баланс сил между КНР и США все больше смещается в сторону Китая, увеличивающего свою военную и экономическую мощь. После того, как Гоминьдан вернулся к власти и администрация Ма Инцзю продемонстрировала готовность начать переговорный процесс с континентальным Китаем, Соединенные Штаты должны сократить или скорректировать свои обязательства перед Тайванем в сфере безопасности. Поскольку остров входит в число «коренных интересов» Китая, то, во-первых, тайваньский вопрос является наиболее вероятным источником «возгорания» китайско-американского военного конфликта, а во-вторых, он накладывает ограничения на осуществление всестороннего сотрудничества и укрепление стратегического взаимодоверия между Китаем и США. Эксперты подчеркивали, что время в тайваньском вопросе играет на руку Китаю, ведя к объединению на условиях материка, а возможные издержки и риски конфликта в Тайваньском проливе для США растут: из-за развития военных технологий и наращивания военной мощи Китая Тайвань уже не является стратегически выгодным объектом для ведения боевых действий, так как находится в зоне досягаемости для ударов ракетных комплексов КНР³³. Как выразился Дэвид Роткопф, редактор журнала *Foreign Policy*, остров является просто одной из «рудиментарных позиций, которые мы [Соединенные Штаты] больше не можем позволять себе поддерживать». Он утверждал, что на самом деле Америка вступила в свою так называемую эпоху пределов, когда ее вовлеченность в дела каких-либо регионов должна обуславливаться наличием жизненно важных интересов. Тайвань же таковым не является. «Он предлагает нам очень мало истинных стратегических преимуществ... и, конечно, не стоит того, чтобы ввязываться из-за него в войну, независимо от того, что говорили США в течение многих десятилетий»³⁴. Сторонники данной точки зрения высказывали предложения по внесению изменений или отмене Соединенными Штатами Закона об отношениях с Тайванем, если Китай в качестве предпосылки возьмет обязательство не размещать в материковой части ракеты, направленные на Тайвань. Таким образом Китай и США могут не только избежать развязывания конфликта, но и устранить препятствие для развития двусторонних отношений, укрепить двустороннее сотрудничество в решении крупных региональных и глобальных проблем, например, по ядерной проблеме Корейского полуострова, изменению климата, финансовой стабильности, ядерному нераспространению и т.д. Бывший сотрудник Гарвардского университета Пол Кэйн в своей статье «Чтобы спасти нашу экономику, избавьтесь от Тайваня» предложил несколько иной план: Соединенные Штаты могут отказаться от Тайваня, прекратить оказание ему военной помощи, продажу оружия, отменить Закон об отношениях с Тайванем в обмен на списание 1,14 триллионов долл. долга США со стороны КНР. Свое предложение эксперт объяснил тем, что, с его точки зрения, государственный долг является самой большой угрозой безопасности для Америки, а тайваньский вопрос — просто на-

следие холодной войны. Соединенные Штаты не имеют стратегических интересов на Тайване, постепенная интеграция Тайваня с материком представляется неизбежной, поэтому в этих условиях отказ от Тайваня позволит избежать риска военного конфликта между США и КНР, поспособствует мирному подъему Китая и развитию китайско-американского сотрудничества, подчеркивал Пол Кэйн³⁵.

Американский эксперт Брюс Джилли утверждал, что после прихода к власти президента Ма Инцзю и быстрого развития межбереговых отношений стала возможна «финляндизация» Тайваня³⁶. Такой сценарий подразумевает превращение Тайваня в нейтральную силу, а не стратегического союзника США, что успокоило бы опасения Пекина по поводу того, что остров станет препятствием для военных и коммерческих амбиций Китая в регионе. Джилли считает, что «финляндизированный» Тайвань, идущий на некоторые уступки Пекину, мог бы способствовать улучшению ситуации в области демократии и прав человека в самом Китае. В результате «финляндизация» устранит дилемму безопасности из китайско-американских отношений и увеличит шансы на мирный подъем Китая³⁷.

К сторонникам сохранения американской позиции и действующих обязательств по отношению к Тайваню можно отнести профессора кафедры стратегии в Военно-морском колледже США Джеймса Холмса, его коллегу Тоши Йошихару³⁸, старшего научного сотрудника Американского института предпринимательства Даниэля Блюментала³⁹ и Майкла Маззу⁴⁰, бывшего заместителя помощника секретаря Государственного департамента США, директора научно-исследовательского института «Проект 2049» Рэндалла Шрайвера⁴¹, профессора Джорджтаунского университета Нэнси Такер и старшего научного сотрудника Центра стратегических и международных исследований Бонни С. Глейзер⁴², профессора колледжа Дэвидсона Шелли Ригер⁴³, вице-президента Фонда Карнеги «За международный мир» Дугласа Паала⁴⁴, директора Центра исследований Восточной Азии Брукингского института Ричарда Буша⁴⁵ и ряд других экспертов.

Эта группа исследователей подчеркивает, что «сохранение» Тайваня соответствует стратегическим интересам Соединенных Штатов. Во-первых, отмечается важная роль Тайваня как естественного препятствия для проецирования Китаем военной мощи в западную часть Тихого океана⁴⁶. Исследователи ставят под сомнение вывод сторонников «отказа от Тайваня», что решение тайваньского вопроса в пользу КНР разрешит большинство противоречий между США и Китаем и поспособствует развитию сотрудничества между ними. Напротив, подчеркивают они, разногласия между двумя державами носят структурный характер и во многом являются противоречиями, которые обычно появляются между существующим гегемоном и восходящей великой державой. Поэтому отказ Америки от Тайваня поколеблет уверенность союзников США, особенно Японии и Южной Кореи, в данных им обязательствах и ослабит систему альянсов Америки. Он может иметь не стабилизирующий эффект, а наоборот, подтолкнет Пекин к принятию дальнейших, более агрессивных шагов. Таким образом, если Америка откажется от Тайваня, то безопасность США и их восточноазиатских союзников будет находиться под угрозой⁴⁷. По логике экспертов, присоединение Тайваня будет знаменовать прорыв Китая через «первую цепь островов», приобретение военно-морским флотом и военно-воздушными силами КНР крайне выгодной стратегической позиции для проекции своей мощи в Восточно-Китайское, Южно-Китайское моря и далее, что бросит, в итоге, вызов контролю США над Тихим океаном⁴⁸. Сторонники этой точки зрения также подчеркивают, что Тайвань следует поддерживать в качестве образца свободы, демократии и рыночной экономики в регионе. Демократический Тайвань представляет успешное воплощение этих американских ценностей и может сыграть свою роль в их продвижении и в материковой части Китая⁴⁹.

Кроме того, эти исследователи считают, что, хотя приход Ма Инцзю к власти и был отмечен улучшением межбереговых отношений, сторонники «отказа» от Тайваня переоценили значение этой «оттепели». Нормализация межбереговых отношений в сфе-

ре экономики и их начавшаяся институционализация не распространились на сферы политики и безопасности. А поэтому перспективы взаимодействия сторон отнюдь не безоблачны, и в будущем их отношения может ждать стагнация⁵⁰.

Следует отметить, что в этой группе сторонников дальнейшей поддержки Тайваня выделяются две ключевые позиции. Так, например, Ричард Буш, Дуглас Паал, Бонни Глейзер поддерживают сохранение американского курса в его нынешнем виде, то есть всех действующих американских обязательств по отношению к Тайваню, но они не рекомендуют продолжать качественно укреплять отношения между США и Тайванем, особенно в военной сфере. Такие эксперты, как Джеймс Холмс, Тоши Йошихара, Дэн Блюменталь, выступают не только за сохранение текущей политики в отношении Тайваня, а продвигают идею дальнейшего укрепления американо-тайваньского военного сотрудничества и более активного использования «тайваньской карты» в рамках стратегии «возвращения США в Азию».

Китайскими исследователями был проведен тщательный анализ развернувшихся в США внутренних дебатов⁵¹. Эксперты пришли к выводу, что главной причиной подъема дискуссий о пересмотре американской политики по отношению к Тайваню стало относительное изменение в соотношении китайской и американской мощи после финансового кризиса 2008 г. Ослабление США и увеличивающаяся взаимозависимость двух держав не замедлили сказаться на их отношениях, заставив американских деятелей задуматься о пересмотре политического курса в отношении Китая и тайваньского вопроса⁵². Однако, несмотря на позитивный настрой, реализация Соединенными Штатами стратегии «возвращения в Азию» и последовавшая после некоторого перерыва продажа оружия Тайваню в 2010 г. заставили большинство китайских исследователей занять гораздо более реалистичную позицию. Так, отзываясь по поводу американских мнений об «отказе» от Тайваня, исследователи стали заявлять, что китайская сторона не должна «вводить себя в заблуждение» идеями, не являющимися американским политическим «мейнстримом», а вместо этого следует ориентироваться на официальную американскую линию — Конгресс США и дипломатические чиновники неоднократно подтверждали, что Америка не собирается отказываться от своих гарантий Тайваню⁵³. Как утверждает китайский исследователь Чжу Чжунбо, реализация Америкой стратегии «возвращения в Азию» обусловлена целью поддержания ее глобальной гегемонии, и элементом этой стратегии является сдерживание Китая. Поэтому, рассматривая тайваньский вопрос с точки зрения своих основных стратегических интересов, Америка сохранит приверженность Закону об отношениях с Тайванем и «шести гарантиям». Эксперт делает вывод, что в перспективе отказ США от своего влияния на Тайвань маловероятен и будущая политика США в отношении Тайваня сохранит свой общий курс с учетом каких-либо небольших корректировок⁵⁴.

Практическая реализация американского курса в последние годы, в целом, подтвердила эти заключения. Америка продолжала оказывать поддержку Тайваню. Так, еще в ходе своего первого государственного визита в КНР в ноябре 2009 г. президент Б. Обама публично подтвердил сохранение приверженности США Закону об отношениях с Тайванем. Общая политика американского правительства оказалась направлена на поддержание статус-кво в тайваньском вопросе, а не его изменение. Поэтому Америка предпочла избегать резких движений в отношении острова, реализуя аспекты своей стратегии «возвращения в Азию» через своих основных союзников, которые в Северо-Восточной Азии представлены Японией и Южной Кореей. По мнению исследователей Китайского института международных проблем, в немалой степени такое положение дел стало возможным благодаря успеху китайской дипломатии, обозначившей для США «красную линию» по вопросам, касающимся Тайваня⁵⁵. Например, Китай занял более жесткую позицию в отношении американских продаж оружия острову. Резкая реакция Пекина последовала на объявленную Соединенными Штатами продажу оружия в 2010 г. Китайская сторона заявила, что эти действия Америки негативно скажутся на двустороннем вза-

модействии по международным и региональным проблемам, а также повлекут за собой заморозку военных обменов, откладывание совещаний по вопросам международной безопасности, нераспространения и контроля над вооружениями на уровне заместителей министров и введение санкций в отношении американских оборонных предприятий, связанных с продажами оружия Тайваню. На практике Китай приостановил китайско-американское военное сотрудничество с января по октябрь 2010 г., а также отказал в визитах высокопоставленным деятелям США. Так, например, в июне 2010 г. на предложение Министерства обороны США о визите в Пекин министра обороны Р. Гейтса Китай ответил, что сейчас для этого «неподходящее время»⁵⁶. Как следствие, следующие американские продажи оружия Тайваню носили нерегулярный характер (производились в 2011, 2015 гг. на суммы 5,9 млрд долл. и 1,83 млрд долл. соответственно) и, хотя встречались Китаем с неизменной критикой, не нарушали «красной линии» Пекина относительно того, чтобы в пакете продаж не фигурировали истребители F-16C/D и дизель-электрические подводные лодки. Более того, китайские исследователи отмечают, что перед продажей оружия в 2011 г. Соединенные Штаты фактически провели предварительные консультации с китайской стороной. По информации некоторых экспертов, ведущееся обсуждение доходило до конкретного списка поставляемых вооружений⁵⁷. Эти факты свидетельствовали о дальнейшей корректировке американской позиции по поводу «шести гарантий» Р. Рейгана, в числе которых, как было указано выше, присутствовало заверение в том, что США не будут проводить предварительных консультаций с КНР в отношении продажи оружия Тайваню. Эти «ослабления» в следовании «шести гарантиям» привели к тому, что в апреле 2014 г. на заседании подкомитета сената США на вопрос республиканца Марко Рубио, по-прежнему ли администрация Б. Обамы сохраняет приверженность всем «шести гарантиям», помощник госсекретаря США по делам Восточной Азии и Тихого океана Дэниел Рассел не смог дать четкого и однозначного ответа, ограничившись расплывчатым заявлением о том, что «шесть гарантий продолжают играть важную роль в нашем подходе [к тайваньскому вопросу]»⁵⁸.

Общая нацеленность Америки на сохранение стабильных отношений в районе пролива и решение не разыгрывать «тайваньскую карту» в ходе реализации своей стратегии «возвращения в Азию» была отмечена китайской стороной. Так, после переговоров с госсекретарем США Джоном Керри в сентябре 2013 г. министр иностранных дел КНР Ван И заявил, что «тайваньский вопрос находится в контролируемом состоянии»⁵⁹. Исследователи Китайского института международных проблем в своем аналитическом докладе 2015 г. также отмечали, что при условии поддержания стратегической сдержанности и Китаем, и США тайваньский вопрос будет оставаться в числе «управляемых» разногласий между двумя странами⁶⁰.

Приход к власти на Тайване новой администрации во главе с лидером ДПП Цай Инвэнь в результате прошедших в январе 2016 г. президентских выборов вновь актуализировал вопрос о том, как будут складываться отношения в рамках «треугольника» Китай—США—Тайвань. Доктрина ДПП, как было отмечено выше, заявляет о фактической независимости Тайваня, и, исходя из этой позиции, Цай Инвэнь до сих пор не признала «консенсус 1992 года». В своем инаугурационном обращении новый президент предпочла придерживаться стратегии двусмысленности. Она отметила, что будет следовать Конституции Китайской Республики как избранный в соответствии с ней президент и выделила в качестве элемента существующей политической основы межбереговых отношений «факт проведения в 1992 году переговоров между двумя организациями, представляющими каждую из сторон пролива..., когда было достигнуто совместное признание необходимости отложить разногласия для поиска точек соприкосновения»⁶¹. Ее заявление позволило избежать кризиса в межбереговых отношениях, с одной стороны, но с другой — не удовлетворило Пекин, который потребовал высказать четкую позицию относительно признания принципа «одного Китая»⁶². Продолжающаяся до сих пор неопре-

деленность поколебала политическую основу взаимодействия между берегами Тайваньского пролива и привела к застою в работе механизма консультаций и переговоров между Канцелярией Госсовета КНР по делам Тайваня и тайваньским Советом по делам материковой части, а также Ассоциацией по развитию связей между берегами Тайваньского пролива и Фондом обменов через Тайваньский пролив⁶³. Пекин не собирается отказываться от своей принципиальной позиции: условием для начала конструктивных переговоров и дальнейшего развития отношений с Тайванем является отказ администрации Цай Инвэнь от поддержки независимости и принятие «консенсуса 1992 года». В данной ситуации новый президент Тайваня активизировала усилия своей дипломатии не только на традиционном американском, но и на японском и южноазиатском направлениях. Представителем Тайваня в Токио Цай Инвэнь назначила Се Чантина, служившего премьер-министром с 2005 по 2006 гг. при администрации Чэнь Шуйбяня. Беспрецедентно высокий уровень политического чиновника, направляемого на дипломатическую работу в Токио, демонстрирует значение, придаваемое новой тайваньской администрацией этим отношениям. По словам Се Чантина, инструкции, данные ему президентом, включают задачу дальнейшего углубления и укрепления основывающихся на уже солидном фундаменте двусторонних связей между народами Японии и Тайваня⁶⁴. В свою очередь японские премьер-министр С. Абэ и министр иностранных дел Ф. Кисида тепло встретили новость о победе Цай Инвэнь, публично назвав Тайвань «давним другом и образцом демократии» и выразив надежду на укрепление связей с островом при ее президентстве⁶⁵. Энтузиазм, проявленный Японией по поводу прихода к власти на Тайване кандидата оппозиционной партии, выступающего за противодействие сближению с материком, стал причиной вызова китайской стороной японского посла в Пекине для «инструктажа» по поводу позиции КНР по тайваньскому вопросу и напоминания о принципе «одного Китая»⁶⁶. Китай видит тревожащие признаки в участвовавших в последние месяцы интервью Цай Инвэнь японским и американским газетам с заявлениями о том, что Тайвань является «независимым и суверенным государством», считая, что Тайбэй стремится добиться большей поддержки от Токио и Вашингтона⁶⁷. Также внимание Пекина обратила на себя провозглашенная администрацией Цай Инвэнь политика «движения на юг», предполагающая экономическое сближение со странами АСЕАН в целях ослабления зависимости острова от материка. Судя по событиям последних месяцев, «несговорчивость» Тайваня влечет ряд не совсем желательных для него последствий: по данным тайваньского правительства, с середины мая по середину августа 2016 г. число туристических групп, прибывающих из Китая, упало почти на 40% по сравнению с тем же периодом прошлого года, а общее количество посетителей с материка в августе — на 32%⁶⁸. Решение Организации международной гражданской авиации не приглашать Тайвань в качестве «гостя» на свое заседание в сентябре 2016 г. заставило иностранных наблюдателей предположить, что причиной тому послужили натянутые отношения между Пекином и Тайбэем⁶⁹. В этой ситуации чувствительность Китая в отношении того, какую позицию займут США и какие шаги будут предприниматься ими по отношению к Тайваню, лишь возрастает.

Что касается Соединенных Штатов, то, приветствуя назначение тайваньского президента, Америка в то же время с осторожностью подходит к появившейся напряженности в межбереговых отношениях. Как подчеркнула январская статья в американском издании *Wall Street Journal*, комментируя проходившие в 2016 г. тайваньские президентские выборы, победа Цай Инвэнь может стать «потенциальной головной болью для Вашингтона»⁷⁰. На данный момент Америка не может просто отстраниться от межпроливных отношений, так как союзники и партнеры США, вероятно, воспримут этот уход как знак того, что гарантии безопасности США больше не являются заслуживающими доверия. Более того, широкая поддержка острову обеспечивается благодаря существующему в Конгрессе США крупному тайваньскому кокусу (*caucus*): так, в мае 2016 г. палата представителей Конгресса приняла резолюцию, провозглашающую, что Закон об отношениях

с Тайванем и «шесть гарантий» остаются «краеугольным камнем» американо-тайваньских отношений, и призывающую президента США и Госдепартамент к «публичному, активному и последовательному» подтверждению приверженности им⁷¹. После соответствующего рассмотрения 6 июля 2016 г. это решение было единогласно одобрено сенатом США⁷². Таким образом, Америка продолжает сохранять приверженность обязательствам перед Тайванем, в том числе военного характера. Однако, как отмечает Ричард Чэнь Шуйбяня, США не могут позволить себе безоговорочно поддерживать все действия Цай Инвэнь и будут выступать против любых поступков, носящих, по их мнению, провокационный характер. Исследователь считает, что Америке, возможно, вновь придется вернуться к практиковавшейся при Чэнь Шуйбяне политике сдерживания до тех пор, пока межбереговые отношения не вернутся в более устойчивое состояние⁷³. Представляется, что оптимальным вариантом развития событий для Вашингтона стало бы поддержание стабильности в отношениях между Пекином и Тайбэем и одновременное сохранение Тайваня в сфере своего стратегического влияния, что создавало бы менее благоприятную среду для Китая и добавляло «козырей» позиции США.

Таким образом, перед новым тайваньским президентом стоит сложная задача балансирования между внутренними и внешними политическими силами. Наравне с выработкой политики, удовлетворительной для своей партии и тайваньского населения, Цай Инвэнь следует убедить материк в готовности продолжать конструктивное развитие межбереговых отношений на уровне, достигнутом в период президентства Ма Инцзю, и продемонстрировать Вашингтону, что она разделяет его стремление к поддержанию стабильности в районе пролива. Место, которое займет тайваньский вопрос в китайско-американских отношениях на современном этапе, будет во многом определяться тем, насколько успешно Цай Инвэнь удастся соблюсти этот баланс в своем политическом курсе. Что касается более отдаленной перспективы, то, как указывают китайские исследователи, нерешенность тайваньской проблемы неизбежно приведет к новым трениям между Пекином и Вашингтоном. Увеличение мощи Китая при сохранении американской способности влиять на Тайвань с целью сдерживания КНР станет серьезным препятствием на пути развития китайско-американских отношений нового типа и потребует того, чтобы стороны пришли к какому-либо соглашению.

1. *Romberg A.D.* Rein in at the Brink of the Precipice: American Policy toward Taiwan and U.S.-PRC Relations. Washington, D.C.: Stimson Center, 2003. P. 14.
2. Конституция КНР 1982 г. (с изм. 1988, 1993, 1999, 2004 гг.) // Законодательство Китая. URL: http://chinalawinfo.ru/constitutional_law/constitution.
3. *Си Цзиньпин.* Урегулировать отношения между двумя берегами Тайваньского пролива, стоя на высоте интересов всей китайской нации. Из тезисов выступления на встрече с почетным председателем Гоминьдана Китая У Босюном (13.06.2013) // Си Цзиньпин о государственном управлении. Пекин: Изд-во лит-ры на иностранных языках, 2014. С. 319.
4. Там же.
5. «Фань фэньле гоцзя фа» цюаньвэнь: [Полный текст Закона о противодействии расколу страны] // Синьхуа. 14.03.2005. URL: http://news.xinhuanet.com/newscenter/2005-03/14/content_2694168.htm.
6. См.: *Го Чжэньюань.* Чжун-мэй гуаньси чжун дэ тайвань вэньти: бяньхуа юй инсян: [Тайваньский вопрос в китайско-американских отношениях: изменения и последствия] // Гоцзи вэньти яньцзю: [Исследования международных проблем]. 2007. № 2. С. 20–25.
7. Совместное американо-китайское коммюнике. Шанхай. 27 февраля 1972 г. («Шанхайское коммюнике») // Системная история международных отношений в 4 т. События и документы. 1918–2003 / под ред. А.Д. Богатурова. Т. 4. Документы. 1945–2003 / сост. Е.Г. Капустян, А.В. Мальгин, А.А. Соколов. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2004. С. 256.

8. Чжунхуа жэньминь гунхэго хэ Мэйлицизянь хэчжунго гуаньюй цзяньли вайцзяо гуаньси дэ лянхэ гуябао (ицзюиба нянь шиэр юэ шилю жи): [Совместное коммюнике Китайской Народной Республики и Соединенных Штатов Америки об установлении дипломатических отношений (16 декабря 1978 года)] // Сайт посольства КНР в США. URL: <http://www.china-embassy.org/chn/zmgx/zywj/lhgb/t705074.htm>.
9. Как заявлял министр иностранных дел КНР Хуан Хуа госсекретарю США Александру Хейгу, прибывшему в Пекин в 1981 г.: «Сотрудничество между Соединенными Штатами и КНР не может развиваться без достижения понимания по продажам оружия Тайваню, которые являются посягательством на суверенитет КНР и представляют серьезную угрозу развитию американско-китайских отношений». См.: *Goldstein S.M. China and Taiwan*. Cambridge: Polity Press, 2015. P. 61.
10. Чжунхуа жэньминь гунхэго хэ Мэйлицизянь хэчжунго лянхэ гуябао (ицзюабэр нянь ба юэ шици жи): [Совместное коммюнике Китайской Народной Республики и Соединенных Штатов Америки (17 августа 1982 года)] // Сайт Министерства иностранных дел КНР. URL: http://www.fmprc.gov.cn/web/ziliao_674904/1179_674909/t4924.shtml.
11. Taiwan Relations Act. January 1, 1979 // American Institute in Taiwan. URL: <http://www.ait.org.tw/en/taiwan-relations-act.html>.
12. Там же.
13. Американский институт на Тайване играет роль неофициального представительного органа США.
14. *Feldman H. President Reagan's Six Assurances to Taiwan and Their Meaning Today* // WebMemo. The Heritage Foundation. 2007. Oct. 2, № 1653. P. 2.
15. DPP Resolution on Taiwan's Future. Kaohsiung, 8 May 1999 // New Taiwan Ilha Formosa. URL: <http://www.taiwandc.org/nws-9920.htm>.
16. *Си Цзиньпин*. Вместе осуществим китайскую мечту о великом возрождении китайской нации. Выступление на встрече с почетным председателем Гоминьдана Китая Лянь Чжанем (18.02.2014) // *Си Цзиньпин*. Указ. соч. С. 327.
17. *Christensen T.J. A Strong and Moderate Taiwan*. Speech to U.S.-Taiwan Business Council. Defense Industry Conference, Annapolis, Maryland. 2007. Sept. 11. // U.S. Department of State. Archive. URL: <http://2001-2009.state.gov/p/eap/rls/rm/2007/91979.htm>.
18. Томас Кристенсен, заместитель помощника Госсекретаря США по делам Восточной Азии и Тихого океана в обращении к Американско-тайваньскому торговому совету в сентябре 2007 г. заявил: «Мы не признаем Тайвань в качестве независимого государства, и мы не принимаем утверждение, что провокационные заявления о независимости Тайваня каким-либо образом благоприятствуют поддержанию статус-кво или мира и стабильности в Тайваньском проливе... Мы хотели бы вновь заявить о том, что мы не поддерживаем членство Тайваня в международных организациях, которые требуют статуса государства». См.: *Christensen T.J. Op. cit.*
19. *Goldstein S.M. Op. cit.* P. 119.
20. Full text of President Ma's Inaugural Address // The China Post. 2008. May 21. URL: <http://www.chinapost.com.tw/taiwan/national/national-news/2008/05/21/157332/p3/Full-text.htm>.
21. С 2011 г. было разрешено посещение Тайваня и индивидуальным туристам.
22. См.: 2009 Чжунго гоцзи дивэй баогао: [Доклад о международном статусе Китая 2009] / Чжан Ювэнь, Хуан Жэньвэй. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2009. С. 191–209.
23. *Goldstein S.M. Op. cit.* P. 123.
24. Лидеры двух берегов Тайваньского пролива еще в прошлом году начали обсуждать возможность встречи // Жэньминь жибао. 06.11.2015 URL: <http://russian.people.com.cn/n/2015/1106/c31521-8972737.html>.
25. *Owens B. America Must Start Treating China as a Friend* // The Financial Times. 17.11.2009. URL: <http://www.ft.com/cms/s/0/69241506-d3b2-11de-8caf-00144feabd0.html#axzz4EAaVINaA>.
26. *Brzezinski Z. 8 Geopolitically Endangered Species* // Foreign Policy. 2013. Jan. 3. URL: http://www.foreignpolicy.com/articles/2012/01/03/8_geopolitically_endangered_species.
27. *Gilley B. Not So Dire Strait: How the Finlandization of Taiwan Benefits U.S. Security* // Foreign Affairs. 2010. Vol. 89. № 1 P. 44–60.
28. *Glaser Ch. Will China's Rise Lead to War? Why Realism Does Not Mean Pessimism* // Foreign Affairs. 2011. March—April. № 2. P. 80–91.
29. *Freeman Ch.W. Jr. Beijing, Washington, and the Shifting Balance of Prestige: Remarks to the China Maritime Studies Institute* // Middle East Policy Council. May 10. 2011. URL: <http://www.mepc.org/articles-commentary/speeches/beijing-washington-and-shifting-balance-prestige>.

30. Mearsheimer J.J. Say Goodbye to Taiwan // *The National Interest*. March/April 2014. URL: <http://nationalinterest.org/issue/say-goodbye-taiwan-9931>.
31. Carpenter T.G. Taiwan and Other Security Clients Are Not Valuable Allies // *National Interest*. 2011. Aug. 3. URL: <http://nationalinterest.org/blog/the-skeptics/taiwan-other-security-clients-are-not-valuable-allies-5770>.
32. Rotkopf D. Can the U.S. Afford to Continue Supporting Taiwan? // *Foreign Policy*. 01.02.2010. URL: http://rotkopf.foreignpolicy.com/posts/2010/02/01/can_the_us_afford_to_continue_supporting_taiwan.
33. См.: Brzezinski Z. *Op. cit.*; Mearsheimer J.J. *Op. cit.*
34. Rotkopf D. *Op. cit.*
35. Kane P. To Save Our Economy, Ditch Taiwan // *New York Times*. 2011. Nov. 10. URL: <http://www.nytimes.com/2011/11/11/opinion/to-save-our-economy-ditch-taiwan.html>.
36. Свою идею он выводит, основываясь на работах датского политолога Ханса Муритцена, в 1988 г. предложившего общую теорию «финляндизации», известную как «адаптивная политика». Муритцен подчеркнул принципиальную разницу между состоянием «финляндизации» и марионеточным государством, пояснив, что «финляндизированное» государство идет на некоторые уступки «большому соседу», чтобы гарантировать важные элементы своей независимости и оставаясь внутренне суверенным. Безопасность, таким образом, достигается через интеграцию, а не конфронтацию.
37. Gilley B. *Op. cit.* P. 44–60.
38. Holmes J. R., Yoshihara Toshi. *Red Star over the Pacific: China's Rise and the Challenge to U.S. Maritime Strategy*. Annapolis: Naval Institute Press, 2013. 312 p.
39. Blumenthal D. Rethinking U.S. Foreign Policy towards Taiwan // *Foreign Policy*. 2011. March 2. URL: <http://foreignpolicy.com/2011/03/02/rethinking-u-s-foreign-policy-towards-taiwan/>
40. Mazza M. Don't Ditch Taiwan // *American Enterprise Institute*. 2011. Nov. 11. URL: <https://www.aei.org/publication/dont-ditch-taiwan/>
41. Blumenthal D., Schriver R., Stokes M., Hsiao R., Mazza M. *Asian Alliances in the 21st century* // Project 2049 Institute. 2011. URL: https://project2049.net/documents/Asian_Alliances_21st_Century.pdf
42. Tucker N.B., Glaser B. Should the United States Abandon Taiwan? // *The Washington Quarterly*. 2011. Vol. 34. № 4. P. 23–37.
43. Rigger Sh. Why Giving Up Taiwan Will Not Help Us with China // *Asian Outlook*. 2011. Nov. 29. № 3. URL: <http://www.aei.org/outlook/foreign-and-defense-policy/regional/asia/why-giving-up-taiwan-will-not-help-us-with-china/>
44. Paal D.H. Taiwan: Outlook for Cross-Strait Relations // *Carnegie Endowment for International Peace*. 2012. June 12. URL: <http://www.carnegieendowment.org/2012/06/12/taiwan-outlook-for-cross-strait-relations/bkih>.
45. Bush R.C. *Uncharted Strait* // *Brookings Policy Brief Series / The Brookings Institution*. 2013. Jan. 14. URL: <http://www.brookings.edu/research/papers/2013/01/14-taiwan-bush>.
46. van Tol Jan, Gunzinger M., etc. *Air Sea Battle: A Point-of-Departure Operational Concept* // *Center for Strategic and Budgetary Assessments (CSBA)*. 2010. May 18. URL: <http://www.csbaonline.org/publications/2010/05/airsea-battle-concept/>
47. Rehman I. Why Taiwan Matters. A Small Island of Great Strategic Importance // *The National Interest*. 2014. Feb. 28. URL: <http://nationalinterest.org/commentary/why-taiwan-matters-9971>.
48. Blumenthal D. *Op. cit.*; Mazza M. *Op. cit.*
49. Rigger Sh. *Op. cit.*; Mazza M. *Op. cit.*
50. Paal D.H. *Op. cit.*
51. См.: Ли Лу, Чжан Цинцай, Хуан Си. Мэйго сюэцзе гуаньюй Мэй дуй Тай цзюнь шу чжэньцэ дэ бяньлунь: [Дебаты американских ученых по поводу политики американских продаж оружия Тайваню] // Сяньдай гоцзи гуаньси: [Современные международные отношения]. 2011. № 10. С. 36–41; Тао Вэньчжао. Цзиньлай мэйго чжику гуаньюй Мэй дуй Тай чжэньцэ дэ чжэньлунь: [Недавние дискуссии американских научно-исследовательских институтов о политике США по отношению к Тайваню] // Сяньдай гоцзи гуаньси. 2012. № 2. С. 1–7.
52. См.: Лю Фэйтао. Мэйго шэ Тай чжэньцэ бяньлунь цзи Тай цзюнь шу чжэньцэ цзоуши: [Дебаты об американской политике по отношению к Тайваню и тенденции в политике продаж оружия] // Гоцзи вэньти яньцзю: [Исследования международных проблем]. 2012. № 4. С. 57.

53. Ху Линвэй. «Я-тай синь гэцзю ся дэ Тайхай цзюйши» сюэшу яньтаохуэй цзуншу: [Итоги симпозиума «Ситуация в Тайваньском проливе в условиях новой обстановки в АТР»] // Тайвань яньцзю: [Исследования Тайваня]. 2013. № 2. С. 80.
54. См.: Чжу Чжунбо. Шэ тай вайцзю линюй дэ жогань цянъянь вэньти юй сыкао: [Несколько актуальных вопросов и мыслей по поводу связанной с Тайванем дипломатии] // Гоцзи чжэнчжи яньцзю: [Исследования международной политики]. 2014. № 6. С. 53–75.
55. Лю Фэйтао, Тэн Цзяньцзюнь, Шэнь Ямэй, Цуй Лэй, Ду Лань. Чжун-мэй фэньци гуань кун дэ лилунь юй шицзьянь и чжэнчжи, цзинци, аньцюань вэй ши цзю: [Теория и практика сдерживания и контроля китайско-американских разногласий с точки зрения политики, экономики, безопасности] // CIIS яньцзю баогао (Чжунго гоцзи вэньти яньцзю юань): [Исследовательский отчет CIIS (Китайский институт международных исследований)]. 2015. № 11. С. 48.
56. East Asian Strategic Review 2011 / The National Institute for Defense Studies. Tokyo: The Japan Times, 2011. P. 117.
57. Лю Фэйтао, Тэн Цзяньцзюнь, Шэнь Ямэй, Цуй Лэй, Ду Лань. Там же. Чжу Чжунбо. Указ. соч. С. 59–60.
58. US Senator Rubio seeks answers on the 'six assurances' // Taipei Times. 05.04.2014. URL: <http://www.taipetimes.com/News/front/archives/2014/04/05/2003587314/1>.
59. Ван И хуэйу Кэли тань тайвань вэньти: цзай кэ кун дэ чжуантай чжи нэй: [Ван И встречается с Керри для обсуждения тайваньского вопроса: находится в контролируемом состоянии] // Да-кунван. 21.09.2013. URL: <http://news.takungpao.com/taiwan/shizheng/2013-09/1915753.html>.
60. Лю Фэйтао, Тэн Цзяньцзюнь, Шэнь Ямэй, Цуй Лэй, Ду Лань. Там же.
61. Full Text of President Tsai's Inaugural Address // Focus Taiwan. News Channel. 20.05.2016. URL: <http://focustaiwan.tw/news/aip/201605200008.aspx>.
62. Bush R.C. Tsai's Inauguration in Taiwan: It Could Have Been Worse // The Brookings. 23.05.2016. URL: <http://www.brookings.edu/blogs/order-from-chaos/posts/2016/05/23-tsai-ing-wen-inauguration-taiwan-bush>.
63. Ответственность за застой в работе механизма коммуникаций между берегами Тайваньского пролива лежит на Тайване // Жэньминь жибао. 30.06.2016. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2016/0630/c31521-9079616.html>.
64. Hsieh Promises to Deepen Ties with Japan // Taipei Times. 10.06.2016. URL: <http://www.taipetimes.com/News/front/archives/2016/06/10/2003648280>.
65. Цит. по: Chen Yo-Jung. Taiwan Elections: An Opportunity for Japan? // The Diplomat. 29.01.2016. URL: <http://thediplomat.com/2016/01/taiwan-elections-an-opportunity-for-japan/>
66. Там же.
67. См.: Beijing Warns Taipei after Tsai Discussed 'Independence' in Interviews // People's Daily. 09.10.2016. URL: <http://en.people.cn/n3/2016/1009/c90000-9124160.html>.
68. См.: Taiwanese Official Criticizes China's Move to Limit Visitors to Island // Nikkei Asian Review. 22.09.2016. URL: <http://asia.nikkei.com/Politics-Economy/Economy/Taiwanese-official-criticizes-China-s-move-to-limit-visitors-to-island>.
69. Tsai 'Upset' with Taiwan's Exclusion from UN Body Meeting due to China Interference // Nikkei Asian Review. 23.09.2016. URL: <http://asia.nikkei.com/Politics-Economy/Policy-Politics/Tsai-upset-with-Taiwan-s-exclusion-from-UN-body-meeting-due-to-China-interference?page=1>.
70. Taiwan Vote Sparks Concerns from Beijing to Washington // The Wall Street Journal. 14.01.2016. URL: <http://www.wsj.com/articles/taiwan-vote-sparks-concerns-from-beijing-to-washington-1452745057>.
71. Reaffirming the Taiwan Relations Act and the Six Assurances as Cornerstones of United States-Taiwan Relations. 114th Congress (2015–2016) // URL: <https://www.congress.gov/bill/114th-congress/house-concurrent-resolution/88/text>.
72. Reaffirming the Taiwan Relations Act and the Six Assurances as Cornerstones of United States-Taiwan Relations (Senate. 2016. July 6) // URL: <https://www.congress.gov/congressional-record/2016/07/06/senate-section/article/S4837-1>.
73. См.: Bush R. Taiwan's January 2016 Elections and Their Implications for Relations with China and the United States // Order from Chaos. Foreign Policy in a Troubled World / Asia Working Group. The Brookings Institution. Paper 1. Dec. 2015, p. 23.

Экономика

Реформа структуры предложения сельхозпродукции и проблема продовольственной безопасности Китая

© 2016

Л.Д. Бони

Реформа направлена на решение структурных противоречий и диспропорций, возникших в системе предложения сельхозпродукции и в структуре продовольственного баланса КНР, охватывая производство, импорт, складские запасы. Главная задача реформы: перевести развитие основных отраслей аграрной экономики на рыночные рельсы, привести предложение в соответствие с рыночным спросом, сформировать новую систему эффективного предложения с рациональной структурой и надежной гарантией, чтобы в полной мере удовлетворять потребительский спрос.

Ключевые слова: реформа, система предложения продовольствия, механизм ценообразования, рыночные цены, закупки и хранение, импорт зерна, баланс спроса и предложения, продовольственная безопасность.

Сегодня в китайской деревне последовательно разворачиваются два направления глубоких реформ — земельная (*ту гай*) и зерновая (*лян гай*): первая охватывает ряд направлений институциональных преобразований в земельной системе и землепользовании, вторая представляет комплекс структурных преобразований в сфере предложения сельхозпродукции, прежде всего продовольственной. Эти реформы, непосредственно связанные с решением проблемы продовольственной безопасности страны, в широком смысле положили начало переходу к новой модели развития аграрной экономики, ускоряя модернизацию сельского хозяйства. Остановимся здесь на второй реформе, касающейся структуры предложения сельхозпродукции, чаще именуемой в Китае «зерновой реформой» (*лян гай*).

Всекитайское совещание по экономическим вопросам (декабрь 2015 г.) впервые поставило задачу структурной реформы в сфере предложения в масштабах всей экономики, сделав акцент на пяти основных направлениях: сокращении излишних производственных мощностей, снижении себестоимости, сокращении складских запасов, урегулировании структуры производства, подтягивании отстающих звеньев. Всекитайское совещание по работе в деревне (конец декабря 2015 г.) заявило о начале перестройки в сфере сельскохозяйственного предложения, лишь скорректировав основные направления применительно к агросфере. Фактически эта реформа направлена на устранение много-

численных противоречий и дисбалансов, накопившихся за долгие годы экстенсивного развития экономики, и на преодоление новых вызовов, связанных с глубокими изменениями внутренних и внешних условий последнего десятилетия.

Второе из названных совещаний обозначило такие цели: *«привести предложение в соответствие с рыночным спросом, сформировать новую систему эффективного предложения с рациональной структурой и надежной гарантией, чтобы в полной мере удовлетворять спрос потребителя в части количества, качества и ассортимента продукции»*¹. Одновременно были сформулированы основные направления реформы: изменение механизма ценообразования, сокращение излишних складских запасов, снижение себестоимости, урегулирование структуры производства, подтягивание отстающих звеньев, под которыми имеются в виду синхронизация 4-х модернизаций (преодоление отставания модернизации сельского хозяйства) и достижение на селе критериев общества среднего достатка (*сяокан*).

Спрос и предложение — взаимосвязанные элементы рыночного механизма (состояние рынка зависит от соотношения их величин). Спрос определяется платежеспособностью потребителей, а предложение — совокупностью товаров, поставляемых производителями. Предложением именуется количество товаров или услуг, которое производители готовы продать по определенной цене в данный момент.

Основной источник предложения есть производство, плюс к тому — товарные запасы и импорт. Предложение составляет неотъемлемую составляющую «баланса спроса и предложения», то есть продовольственного баланса страны. Оно зависит от наличия ресурсов, необходимых для производства, от технологии производства; важный его фактор — издержки производства (себестоимость). Высокие издержки ограничивают предложение, низкие — расширяют его возможности.

Отметим, что непривычный для сельского хозяйства экономический термин «предложение» как объект реформы впервые введен в практику инновационного процесса в аграрной сфере, как и в экономике страны в целом, и в этом заслуга принятой 5-м пленумом ЦК КПК (2015 г.) новой концепции развития (*фацжань синь линянь*). Эта концепция включает 5 принципов: инновации (*чжуансинь*), согласованность (*сетяо*). «зеленое развитие», то есть экологический ракурс (*люйсэ*), открытость (*кайфан*), совместное использование результатов развития (*гунсян*). Именно в таком ключе комплексного подхода китайские специалисты анализируют и начинают реформировать структуру сельскохозяйственного предложения, взаимно увязывая все три ее звена — производство, запасы (на начало года), импорт (этого года).

Прежде всего реформа должна решить первоочередную задачу сбалансирования спроса и предложения сельхозпродукции, формирования эффективной и надежной основы продовольственного баланса страны. Одновременно она решает важную стратегическую задачу — создание инновационного «предложения по-новому», то есть повышение статуса предлагаемой продукции (ее качества, многообразия ассортимента, питательной ценности, ценовой доступности) как необходимой материальной основы для развития потенциала внутреннего спроса, в том числе потребительского, превращения его в важнейшую движущую силу формирующейся новой модели экономического развития страны. Для этого предложение должно соответствовать изменениям спроса, требования которого резко выросли. Это — борьба за развитие внутреннего спроса и повышение конкурентоспособности китайской продукции на мировом рынке. 5-й пленум ЦК КПК (2015 г.) указал: *«Мы должны стимулировать спрос по-новому, создавать предложение по-новому. Лишь таким образом можно, в конечном счете, обеспечить движущие силы нашей экономики»*².

В сфере сельскохозяйственного предложения в Китае главным звеном выступает производство (за исключением отдельных видов продукции — например, соевых бобов).

Запасы и импорт регулируют масштаб и структуру предложения, обеспечивая баланс спроса и предложения по количеству, ассортименту и качеству продукции.

Рассмотрим эту реформу преимущественно через призму ее центрального звена — предложения продовольственной продукции, или конкретнее — зерна как главного стратегического продукта питания в стране (напомню, что согласно методике китайской статистики, понятие «зерно» включает помимо собственно зерновых культур, также соевые бобы и клубнеплоды, последние из расчета 1:4). Не случайно слова «зерно» и «продовольствие» в китайском языке отражены одними и теми же иероглифами — «ляньши». Кстати китайские специалисты, да и крестьяне предпочитают именовать анализируемые нами преобразования просто «зерновой реформой» (*лян гай*).

Начиналась эта реформа на фоне сравнительно хороших результатов развития аграрной экономики последнего 5-летия (да и целого 10-летия). И это — положительный ее аспект. Начиная с 2004 г., благодаря новой политике поддержки сельского хозяйства производство зерна и доходы крестьян росли 12 лет кряду: согласно данным ГСУ КНР, 2015 г. ознаменовался рекордным в истории страны урожаем зерна в 621,44 млн т (в т.ч. свыше 572,25 млн т собственно зерна); чистый среднедушевой доход крестьян составил 11 422 юаня, при фактических темпах его роста в последние 6 лет — 7,5%.

Эти два важнейших для Китая показателя позволяют официальной китайской статистике признать состояние его сельского хозяйства относительно хорошим. Но ситуация не однозначна. Наряду с определенными успехами в аграрной сфере уже к началу первого десятилетия XXI в. все сильнее проявляются признаки исчерпанности потенциала экстенсивной модели развития, ее хронические проблемы и противоречия. А с началом мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. появились новые вызовы, принесенные изменениями условий экономического развития внутри страны и вовне. Вот почему сегодня, признавая наличие глубоких проблем, требующих смены самой модели развития, для ее решения руководство страны неотложную задачу видит в преодолении в первую очередь новых вызовов и противоречий, все более тормозящих дальнейшее движение. Основные из них таковы:

– «*перевернутость цен*» *внутреннего и мирового рынков* как результат взаимодействия многих факторов, в том числе последовательного роста закупочных цен на сельхозпродукцию в стране, достигших «потолка», т.е. уровня мировых цен и даже превысивших последние. Так, в 2015 г. превышение внутренних цен на рис составило 66,88%, пшеницу — 21,14%, кукурузу — 58,14%, свинину — 98,35%, соевые бобы — 15,79%, сахар — 108,72%, хлопок — 38,31%³. Отсюда — падение конкурентоспособности китайской сельхозпродукции на мировом рынке, резко возросшие масштабы импорта, негативно влияющего на внутренний рынок (затоваривание), на производство и доходы производителей («трудно продавать») и пр.;

– *тенденция ускоренного роста себестоимости производства* (в условиях высоких темпов экономического развития), подгоняющая рост цен на сельхозпродукцию. Так, с 2009 по 2013 г. рост себестоимости риса составил 70,86%, пшеницы — 84,72%, кукурузы — 34,96%, живых свиней — 50,88%, соевых бобов — 67,43%, сахарного тростника — 59,99%, хлопка — 67,68%⁴. Давление этих двух видов цен (производства и себестоимости) все более сужает долю чистой прибыли от производства: доходы от земледелия составляют ныне менее четверти доходов подрядного двора, тогда как более половины их поступает от заработка на стороне;

– *феномен одновременного роста производства, импорта, запасов*, получивший название «*три роста враз*», как следствие серьезных структурных противоречий в системе предложения зерна, ее полной разбалансированности;

– *исчерпанность политики стимулирования роста в аграрном секторе* в рамках ограничений «желтой корзины» ВТО⁵;

— предельная ограниченность ресурсов (пашни, воды) и выход на опасный уровень загрязненности сельскохозяйственной среды как сигналы истощенности возможностей экстенсивного, растратного характера использования природных ресурсов для расширения сельхозпроизводства.

Эти вызовы повлекли серьезные структурные противоречия в системе предложения сельхозпродукции, включая все основные ее виды (зерно в первую очередь), негативно влияя на продовольственный баланс страны и развитие сельского хозяйства в целом.

Сегодня продовольственный баланс Китая оценивается как «напряженно сбалансированный» (в начале 2000-х годов считался просто «напряженным»). Что касается производства, то в 2015 г. валовой сбор зерна составил 621,44 млн т при общем потребительском спросе на уровне 640–645 млн т, то есть дефицит составлял 20–25 млн т⁶. Но если сложить объемы производства, импорта и запасов зерна того же года, то получится, что суммарный объем предложения превышал общественный спрос на зерно. В действительности же предложение все еще не удовлетворяет спроса. Нынешнее состояние продовольственного баланса эксперты Минсельхоза КНР определяют как «недостаточный по количеству, при одновременном наличии структурного дефицита и излишка»⁷. Диспропорции в структуре предложения зерна особенно наглядны в сферах импорта и товарных запасов.

Импорт зерна в последние годы рос высокими темпами, достигнув в 2015 г. 124,77 млн т, в том числе по соевым бобам — 81,69 млн т. При дефиците спроса в 20–25 млн т зерна, импорт, призванный его восполнить, в действительности превышает дефицит почти на 100–105 млн т⁸. Анализ структуры импорта показывает, что около 66% его пришлось на соевые бобы, а преобладающую часть остального импорта — 31,5%, или 39,27 млн т, составили «заменители кукурузы» — ячмень, гаолян, кукурузная барда и маниок, идущие на корм скоту. Импорт собственно зерна в 2012 г. составил 13,17 млн т (рост более чем вдвое против 2011 г.), в 2014 г. — 18,75 млн т (рост — 39% против предшествующего года), при этом 60% роста пришлось на «заменители» кукурузы. В 2015 г. импорт собственно зерна составил 32,18 млн т (рост на 71,6%) при том, что ячменя и гаоляна было закуплено в 5,4 раза больше, чем в 2014 г.)⁹.

Масштабность импорта Китаем сои есть, как подчеркивают эксперты, объективная потребность рынка. Здесь нет возможностей адекватного расширения посевов сои. По подсчетам экспертов, чтобы произвести 80 млн т соевых бобов (а таков был объем импорта в 2015 г.), при нынешнем уровне урожайности и условий их производства потребовалось бы 40 млн га пашни, или 1/4 пахотного клина страны (!) Ныне КНР производит примерно 12 млн т соевых бобов, что покрывает лишь 1/7 часть спроса, и без ввоза сои стране не обойтись¹⁰. Рост импорта «заменителей» кукурузы обусловлен дешевизной: низкими таможенными тарифами (в пределах 2–5%), низкими импортными ценами. Импорт этих «заменителей» наносит основные «удары» по внутреннему рынку КНР, вытесняя с него отечественных производителей (чья продукция уходит на склады). Такова одна из важных причин дисбаланса производства и спроса¹¹.

Товарные запасы зерна. При росте его производства и импорта неизбежно множатся и складские запасы. Система запасов и хранения фактически утратила роль регулятора баланса спроса и предложения, превратившись в своего рода «амортизатор» от ударов перепроизводства и от перегибов с импортом. Импортированное зерно идет на рынок, отечественное — на склады. Для такой страны как Китай, с его огромным населением, дефицитом сельхозресурсов и нестабильными условиями развития, запасам зерна всегда придавалось особое значение. Они, как правило, превышали средние эффективные нормы запасов зерна, предусмотренные ФАО (17–18% от годового фонда потребления). По словам заместителя директора Института макроэкономики Госкомитета по развитию и реформе Ма Сяохэ, «Китаю достаточно иметь запасы зерна в размере 30% от годового фонда потребления, но не 70%, как сегодня»¹². Чрезмерные запасы неэффектив-

ны, обременительны для государства в финансовом плане. Более того, они серьезно влияют на динамику цен.

Наиболее серьезная ситуация сложилась с предложением кукурузы. Валовое производство ее в 2015 г. составило 224,58 млн т при объеме потребления — 175 млн т. Причем треть ее хранится на временных складах, качество снижается, зерно портится¹³. По последним данным, складские запасы только в трех провинциях Северо-Востока Китая и районах Внутренней Монголии на начало 2016 г. превысили 250 млн т, что намного больше годового потребления кукурузы всей страны¹⁴. Крестьяне столкнулись с проблемой реализации зерна, падением доходов, перерабатывающие предприятия — с непомерным ростом себестоимости и цен на сырье, что повлекло остановку производства: в трех провинциях Северо-Востока остановилась половина всех перерабатывающих предприятий, остальные работают на дотации местных властей, предпочитая дешевое импортное сырье. По подсчетам Комитета по развитию и реформе пров. Хэйлуцзян, по четырем видам издержек, связанным с хранением зерна (по закупкам, управлению, дотациям на проценты и по контролю продукции), государство ежегодно должно выделять дотации из расчета 275 юаней за 1 т зерна, и по мере продления сроков хранения государственным финансам все труднее выдерживать такие нагрузки¹⁵. (Простой расчет показывает, что только дотации на годичное хранение 250 млн т кукурузы могут обойтись государству в 58,75 млрд юаней). А вот еще пример: запасы хлопка на складах страны три года подряд превышали 10 млн т, и при его приобретении по высоким закупочным ценам у производителей из-за большой разницы цен двух рынков скрытые убытки государства составили более 60 млрд юаней¹⁶.

В целом, по оценке китайских специалистов, так называемое «неэффективное» предложение зерна сегодня превышает 50 млн т¹⁷. Налицо дефицит соевых бобов и избыток кукурузы. Таковы масштабы структурного дисбаланса спроса и предложения зерна.

Последствием «перевернутости цен» на внутреннем и внешнем рынках стало падение конкурентоспособности китайской сельхозпродукции на мировом рынке. Причин этой «перевернутости» много. Основные факторы роста цен на сельхозпродукцию внутри КНР, с одной стороны, — высокая и продолжающая расти себестоимость производства, с другой — политика закупочных цен, обеспечивавшая их ежегодное повышение вне зависимости от спроса. Факторы, стимулировавшие падение мировых цен на сельхозпродукцию, таковы: 1) спад мирового производства и спроса как следствие кризиса 2008–2009 гг., пик падения пришелся на 2-ю половину 2012 г., в 2015 г. спад их составил 30–40% (в долл.)¹⁸; 2) падение цен на энергоносители как следствие финансового кризиса; 3) зигзаги курса китайской валюты: в результате цены на импортную продукцию при переводе из долларов в юани теряют 26% стоимости¹⁹; 4) падение цен на морские перевозки — основного пути китайского импорта (со 130 до 30 долл. за 1 т зерна в 2015 г. при перевозке из Мексиканского залива в Гуанчжоу²⁰). Взаимодействие указанных внутренних и внешних факторов повлекло «перевернутость цен» двух рынков на зерно и иную сельхозпродукцию: цены внутреннего рынка оказались намного выше мировых, что открыло внутренний рынок для растущих потоков дешевого импорта. «Удары» дешевого импорта зерна по внутреннему рынку КНР все больше дезорганизуют систему предложения, создают проблемы для реализации продукции крестьян, затоваривание складских запасов и пр. Причем создавшееся положение дисбалансов и противоречий затрагивает не только зерно, но и перспективы развития земледелия в целом. О серьезности ситуации и необходимости «большого прорыва» в рассматриваемой здесь реформе высказался на 4-й сессии ВСНП 12-го созыва (март 2016 г.) зам. главы руководящей группы по работе в деревне, зав. Канцелярии ЦК КПК Чэнь Ивэнь: *«В 13-й пятилетке положение будет серьезным: как не импортировать зерно, хлопок, масло, сахар, мясо, молоко, эти самые важные виды продукции, если они дешевле и себестоимость их ниже? Что же делать? Сельское хозяйство Китая подошло в какой-то степени к кри-*

тической черте... Если не будет инновационного духа реформы, не будет осуществлен большой прорыв, то положение будет становиться все более скверным... Нельзя дальше тянуть время»²¹.

Реформа в сфере предложения кукурузы. Курс на структурную реформу в сфере предложения сельхозпродукции, выдвинутый упомянутым Всекитайским совещанием по работе в деревне (конец декабря 2015 г.) и утвержденный 4-й сессией ВСНП 12-го созыва (март 2016 г.), был включен в Программу 13-го пятилетнего плана экономического и социального развития Китая на 2016–2020 гг. Поскольку наибольшая разбалансированность спроса и предложения налицо по кукурузе, руководство КНР решило начать структурную реформу в сфере сельскохозяйственного предложения именно с этой культуры. Данная реформа есть своего рода пилотный проект «поиска пути», и если окажется успешной, за ней последуют реформы в сферах предложения риса, пшеницы и пр. Документ ЦК КПК № 1 за 2016 г. сформулировал цели этих реформ так: «Следуя принципам *“рынок определяет цены”, “разделение цены и дотаций”*, активно продвигать реформу системы закупок и хранения кукурузы, добиваясь, чтобы цены на нее отражали отношения рыночного спроса и предложения; *притом комплексно учитывать рациональные доходы крестьян, финансовые возможности государства, согласованное развитие технологических цепочек отрасли, создавать систему дотаций производителям кукурузы»²².*

Ясно, что формулы *«рынок определяет цены», «разделение цены и дотаций»* указывают главное направление реформы системы предложения, а именно: принуждение рынка играть роль главного регулятора спроса и предложения сельхозпродукции, чтобы восстановить сбалансированное развитие производства и предложения продукции. Основные целевые задачи реформы, опирающиеся на эту концепцию, самым непосредственным образом затрагивают нынешнюю политику поддержки сельского хозяйства, т.е. ту политику, что за последние 12 лет (2004–2015 гг.) была, по сути, стимулом и гарантией роста производства и доходов крестьян, стабилизации социальной обстановки, обеспечения продовольственного баланса страны. В чем же дело?

В основу политики поддержки сельского хозяйства (точнее, *зерновой политики*), сформированную в 2004–2006 гг., были заложены как минимум 4 сущностных фактора²³: 1) отмена сельхозналога; 2) дотации крестьянам под производство зерновых; 3) ликвидация системы единых государственных закупок и снабжения зерном (т.е., либерализация зернового рынка); 4) политика минимальных закупочных цен на важнейшие виды зерновых (рис, пшеницу) в основных зерноводческих районах. С 2008 г. ее дополнили политикой закупочных цен под временное хранение на кукурузу, соевые бобы, рис, семена рапса, а после 2011 г. включили хлопок и сахар.

Первый и третий факторы носили одноразовый характер, но их значение для развития рынка зерна и роста крестьянских доходов очевидно. А политика закупочных цен и политика дотаций стали долгосрочной движущей силой развития отрасли, гарантией поддержания активности производителей, роста доходов в последнее десятилетие. Эта политика включает механизм ценообразования, систему дотаций, систему закупок и хранения запасов и, фактически, является регулятором соотношения спроса и предложения продовольствия, продовольственного баланса страны.

Механизм ценообразования, будучи ключевым звеном политики поддержки сельского хозяйства, после ликвидации системы единых госзакупок и снабжения зерном, либерализации зернового рынка в течение 4–5 лет еще только приспосабливался к законам рынка. Когда государство ввело (с 2004 г.) *политику минимальных закупочных цен* на два основных вида зерновых — пшеницу и рис в основных районах производства, то в условиях низких (в те годы) рыночных цен она действительно обеспечивала возмещение себестоимости и какую-то прибыль производителям в зависимости от условий, рыночный спрос еще как-то регулировал производство. Но с 2008–2009 гг. при ускоренном росте себестоимости наметилась тенденция сокращения доходов крестьян и снижения

их активности в развитии производства. Чтобы предотвратить нежелательные тенденции, правительство перешло к ежегодному «регулированию», а фактически к последовательному повышению уровня минимальных закупочных цен и временных закупочных цен под хранение (росла себестоимость, повышались закупочные цены), которые за 7 последующих лет (2008–2014 гг.) почти удвоились²⁴.

Тогда же, с 2004 г. была принята политика прямых дотаций крестьянам под развитие зернового производства — второй важный стимул роста доходов и производства. Дотаций было введено 4 вида: 1) дворам, производящим зерно; 2) на покупку семян элитных сортов зерна; 3) на покупку сельхозтехники; 4) комплексные дотации на средства сельхозпроизводства (с 2006 г.). Два последних вида дотаций, помимо прочего, сыграли важную роль в стимулировании процесса механизации сельского хозяйства. За прошедшие 10 лет суммарный объем этих 4-х видов дотаций вырос с 14 млрд (2004 г.) до 170 млрд юаней (2014 г.), или более чем в 12 раз²⁵.

Начиная с 2008 гг., согласно решению правительства, *дотации были включены в рамки политики минимальных закупочных цен*, чтобы поднять последние на более высокий уровень. «Слияние» закупочных цен с дотациями имело неоднозначный эффект: с одной стороны, двойной рост закупочных цен оказался достаточным, чтобы стимулировать рост производства, ускорить повышение доходов (впервые начал сокращаться разрыв в уровне доходов населения города и деревни); с другой, — будучи тесно увязанными с закупочными ценами, дотации, произвольно повышая цены, способствовали расстройству сигналов рынка. Так, в 2014 г. закупочная цена 1 цзиня (0,5 кг) риса в действительности содержала 0,3–0,4 юаня дотаций (22% цены), а рынок не различает, где цена и где дотации. Вмешательство в рыночное регулирование привело к отклонению рыночных цен, рынок перестал быть регулятором производства и предложения. Это положило начало нарушению баланса спроса и предложения продукции. Сами закупки зерна по государственным минимальным закупочным ценам, как и закупки под временное хранение, получили особое название *«тоши шоугоу»* (т.е., «закупки по ценам, подтянутым к рынку»). Среди китайских экспертов для обозначения госзакупок используется особый термин — *«политический рынок»* (*чжэньцз ши*), т.е. рынок, где господствуют закупки по ценам, *«подтянутым к рынку»*, в противовес *«рыночному»*, т.е. реальному рынку (*шичан ши*).

В те же годы (с 2008–2009 гг.) произошло резкое снижение мировых цен (до 30–40% к 2015 г.) как следствие мирового финансового кризиса, в результате сильно возросшие минимальные закупочные цены и временные закупочные цены не только сравнялись с уровнем мировых цен, но и существенно их превысили (по зерновым — в среднем на 30–50%), а по некоторым другим видам продукции даже больше. Разница в ценах на зерно составила до 600–800 юаней за 1 т и более. Возникшая *«перевернутость цен»* двух рынков, как уже говорилось выше, привела к ряду негативных тенденций в развитии общественного производства агросферы, по сути, к отрыву производства и предложения от рыночного спроса. Таким образом, фактически произошло изменение сущности политики поддержки сельского хозяйства, она стала важной причиной роста диспропорций в производстве и предложении зерна, поставила под угрозу доходы производителей. В официальных и научных кругах КНР складывается мнение, что эта политика, дав результаты в благоприятных условиях, сегодня *«по сути, изжила себя, изменила свое внутреннее содержание и функции»*²⁶. Встал вопрос о ее смене.

Итак, первейшая задача реформы вынудить зерновые цены внутреннего рынка вернуться на уровень, определяемый рыночным спросом, т.е. фактически на уровень мирового рынка (иначе говоря — на цены импорта), и таким образом поставить заслон «ударам» дешевого импорта, оживить внутренний рынок зерна и его производство, поднять ценовую конкурентоспособность китайской сельхозпродукции на мировом рынке. Соответственно намечены следующие шаги реформы: 1) реформировать механизм ценообразования; 2) оживить субъекты рынка разных форм собственности по закупкам и ре-

лизации кукурузы; 3) сократить излишние складские запасы, расширяя переработку зерна и восстанавливая все технологические цепочки кукурузной отрасли; 4) гарантировать рациональные доходы производителей этой культуры²⁷.

Перестройка механизма ценообразования — центральное звено реформы. Исходя из поставленных задач и концепции «рынок определяет цены», «разделение цены и дотаций», предстоит осуществить следующие два шага: 1) перейти от политики минимальных закупочных цен и политики закупочных цен под временное хранение к *политике целевых цен* на продукцию сельского хозяйства. Целевые цены устанавливаются по принципу — себестоимость плюс рациональная прибыль, разница в ценах (целевой и рыночной) возмещается производителям в форме дотаций, отделенных от цены; 2) преобразование системы и политики дотаций крестьянам — важный элемент перестройки механизма ценообразования на зерно. Установка на разделение цены и дотаций означает отмену функции последних, как прямой ценовой надбавки и придание ей функции надбавки к доходу производителя, что, с одной стороны, оживит рынок, с другой — поднимет или хотя бы сохранит доход производителя, поддержит его активность в развитии производства. Этот шаг требует формирования определенного дотационного фонда, чтобы обеспечить возмещение неизбежных потерь дохода крестьян при снижении закупочных цен, и создания нового механизма передачи дотаций производителю. Соответственно должна измениться вся система и формы дотаций в сельском хозяйстве в связи с исчерпанием возможностей политики дотаций, определяемой правилами «желтой корзины» ВТО, в направлении от прямых дотаций к косвенным.

Следует отметить, что реформа механизма ценообразования — главное и наиболее сложное направление реформирования системы предложения. Это реформа системного характера, призванная институционально скорректировать ценовую систему и политику в сельском хозяйстве КНР, чтобы осуществить реальный переход к рынку.

Одновременно предстоит создать многоосновную систему закупок и реализации кукурузы через оживление субъектов рынка разных форм собственности. Переход к рыночным ценам на кукурузу — необходимая предпосылка формирования многоканальной хозяйственной деятельности в сфере обращения зерна и ликвидации монопольного положения на рынке государственной системы закупок и хранения зерна, возникшей после 2008–2009 гг., когда из сферы обращения зерна были фактически вытеснены предприятия негосударственных форм собственности. Это — важная мера по оживлению рынка.

При этом поставлена задача «ввести систему ответственности местных правительств и органов управления соответствующих отраслей и финансовых структур по контролю и управлению деятельностью предприятий по закупкам и хранению разных форм собственности, чтобы обеспечить поступление кукурузы на склады и безопасность кредитных средств»²⁸. То есть, шаги по либерализации рынка дополняются усилением политики макрорегулирования.

Еще одно направление реформы — **развитие промышленности по переработке зерна**, призванное постепенно ликвидировать его огромные излишние складские запасы, стимулируя восстановление и развитие хозяйственной деятельности многочисленных перерабатывающих предприятий разных форм собственности. При этом предстоит переориентировать их хозяйственную деятельность на внутренний рынок в части закупок сырья. Несомненно, что для этого потребуются устранить состояние «*перевернутости цен*», что представляет собой «ключевое звено» реформы. Как первый шаг в этом направлении введены специальные дотации для стимулирования переработки складских запасов кукурузы.

Не менее трудная задача — **гарантировать рациональные доходы производителям зерна**. Перестраивая систему и политику дотаций, надо решить сложную задачу: как в условиях крайне низких мировых цен на зерно, после перехода на рыночный механизм, восполнить (в рациональных пределах) ущерб крестьянам, избежав при этом ново-

го резкого спада производства? Как обеспечить продовольственную безопасность страны и устойчивое наращивание доходов крестьян? Учитывая прямую взаимосвязь роста доходов производителей и роста производства, руководством КНР поставлена задача: «*всячески избегать резкого ущерба основным доходам крестьян, чтобы в очередной раз не произошло замедления темпов производства*». Разрабатывается новая система дотаций производителям, отвечающая обстановке в стране и принципам ВТО, чтобы крестьяне в условиях сильных рыночных колебаний смогли стабильно пройти трудный этап²⁹.

Первые шаги реформы. Указанные направления реформы охватывают две основные, тесно взаимосвязанные системы в сфере обращения зерна — *систему цен и систему закупок, реализации и хранения зерна*, поэтому реформаторские меры, как правило, одновременно затрагивают обе эти системы, что можно наблюдать в ходе осуществления реформы.

Шаг первый: с 2014 г. развернуты эксперименты *по переводу на целевые цены закупок хлопка в Синьцзяне и соевых бобов* — в трех провинциях Северо-Восточного Китая и восточных районах Внутренней Монголии; *шаг второй:* в начале 2015 г. были *стабилизированы минимальные закупочные цены на пшеницу и рис* (они сохранились на уровне 2014 г., т.е. впервые с 2008 г. удалось приостановить их повышение); *шаг третий:* летом 2015 г. в основных районах производства семян рапса были *приостановлены закупки этой культуры под временное хранение* (рыночные цены упали, выданная крестьянам денежная дотация смягчила положение, но убытки производителей из-за резкого снижения цен, с 2,45 до 1,34 юаня за цзинь, оказались серьезными³⁰); *шаг четвертый:* с сентября 2015 г. были начаты преобразования *по переходу на рыночные цены кукурузы*. (Согласно указанию Госсовета КНР, закупочная цена на кукурузу под временное хранение снижена на 240 юаней за тонну, с 2240 до 2000 юань/т, или на 10,7%. Убытки производителей при этом могли составить до 20 млрд юаней, хотя новой цене, 2000 юань/т или 1 юань/цзинь, еще далеко до уровня мировых, примерно 1600 юань/т или 0,8 юань/цзинь. Предстоит дальнейшее снижение закупочных цен еще более чем на 20%)³¹. Основная проблема при проведении реформы цен — финансовые возможности государства и размер дотаций, чтобы возместить основные убытки крестьян, т.е. хотя бы покрыть себестоимость. Одновременно развернулась работа *по урегулированию структуры сферы предложения*, включая все ее звенья — производство, товарные запасы, импорт.

Структура производства. В конце апреля 2016 г. Минсельхоз КНР обнародовал «*Доклад о перспективах развития сельского хозяйства Китая на 2016–2025 гг.*»³². По его прогнозам, производство риса и пшеницы в 2016 г., может составить соответственно 208,99 млн т и 130,1 млн т³³, с расчетом сбалансировать спрос и предложение, обеспечить «*абсолютную безопасность*» снабжения страны продовольствием³⁴.

Основные изменения затронут кукурузу: согласно Докладу, по предварительным расчетам, в 2016 г. посевная площадь под кукурузой сократится по сравнению с прошлым годом более чем на 1,17 млн га, а валовое производство — почти на 10 млн т. Сокращение посевов кукурузы происходит впервые после 2009 г. По планам, в рамках урегулирования структуры производства в ближайшие пять лет (до 2020 гг.) площади под кукурузой в ряде районов с неблагоприятными погодными и производственными условиями планируется сократить на 3,35 млн га, стабилизировав их на уровне 6,7 млн га. Предстоит перепрофилировать структуру производства с уклоном к более тесному сочетанию растениеводства, животноводства и кормовых культур, с введением в севооборот специализированных сортов кукурузы, соевых бобов, элитных кормовых трав, яровой пшеницы, прочих зерновых и бобовых культур³⁵. Эти изменения должны ослабить давление на складские запасы, стимулировать снижение цен на кукурузу. В основном районе производства — Северо-Восточном Китае планируется сократить ее посевы примерно на 670 тыс. га, заменив частично соей. Это соответствовало бы сокращению складских запасов кукурузы на 2,5 млн т³⁶. Что касается соевых бобов, то, по предваритель-

ным оценкам, в 2016 г. их посевы впервые с 2009 г. увеличатся на 288,1 тыс. га. В 2016 г. их дефицит может составить 82,3 млн т, т.е. в основном сохранится на уровне 2015 г.³⁷

Как это отразится на валовом производстве зерна в 2016 г.? Если удастся стабилизировать производство риса и пшеницы на уровне прошлого года (что при благоприятной погоде не исключено), а производство кукурузы сократится на 10 млн т (по плану), то валовой сбор собственно зерна может оказаться лишь на 10 млн т ниже прошлогоднего, т.е. 562,25 млн т. Валовой сбор зерновых также снизится на 10 млн т (из-за кукурузы) — до 610 с лишним млн т. Впрочем, специалисты Госкомитета по развитию и реформе считают, что сокращение валового сбора будет меньше: многие крестьяне успели купить семена и произвести посев кукурузы до начала объявления о снижении закупочных цен. К тому же действует закон инерции. Содержится в докладе и прогноз тенденций потенциального роста себестоимости сельхозпродукции, как и сохранения низкого уровня мировых цен в ближайшие 5–10 лет³⁸ (последнее помешало бы решению задач преодоления «перевернутости цен» двух рынков, поставленных перед реформой).

Структура импорта зерна. В первую очередь, предпринимаются шаги в направлении более эффективного использования протекционистской системы ВТО касательно импорта, оптимизируется структура импорта зерна в рамках разработки мер по постепенной ликвидации «неэффективного предложения», что затронет ряд «заменителей» кукурузы.

Китай, как член ВТО, в рамках системы таможенных квот имеет право на импорт важнейших видов зерна (пшеницы, риса, кукурузы) в установленном объеме, суммарно не превышающем 4% валового производства зерна, по самому низкому тарифу (1%): для пшеницы — 9,638 млн т, риса — 5,32 млн т, кукурузы — 7,3 млн т. При превышении этого объема, установленного квотами, таможенный тариф (выплачиваемый китайской стороной) повышается сразу до 65%. Сегодня Китай частично уже не укладывается в установленные квоты, а дальнейший рост цен внутреннего рынка на зерно в ближайшие годы, когда Китай с 2009–2011 гг. превратился в чистого импортера этих трех видов зерна, может в ближайшие годы превысить себестоимость импорта, облагаемого тарифом в 65%, согласно расчетам экспертов. Таким образом, чтобы пользоваться успешно защитой системы таможенных квот ВТО, Китай начинает снижать цены внутреннего рынка.

Сокращение излишков складских запасов. Давление товарной массы на складские запасы зерна (кукурузы) напрямую зависит от динамики валового производства, закупок и импорта. Хотя в 2015 г. были занижены временные закупочные цены на кукурузу, ее закупки в 2015/2016 производственном году (с апреля 2015 г. по апрель 2016 г.) заметно выросли — до 120 млн т против 83 млн т в 2014/2015 гг. Но это лишь усиливает давление на складские запасы³⁹. Поэтому основные усилия направлены пока что на восстановление и расширение мощностей переработки зерна. С этой целью более чем удвоены дотации предприятиям под переработку кукурузы, приобретаемой с государственных складов (со 150 до 350 юаней за 1 т)⁴⁰.

Вместе с тем, согласно основным принципам и концепции реформы, структурная перестройка сельскохозяйственного предложения ни в коем случае не должна повлечь ослабление зернового производственного потенциала страны. Непременным условием реформы, ее основным принципом, так называемой нижней чертой (*цзибэнь диясянь*) названо «обеспечение продовольственной безопасности» страны. Это значит, что в отношении риса и пшеницы как основных зерновых культур для нужд питания реформа на ближайшее время задерживается (но не отменяется). Система минимальных закупочных цен на рис и пшеницу остается в силе, хотя будет совершенствоваться. Пока что лишь в 2015 г. замораживались их минимальные закупочные цены (на уровне предшествующего года). Такая осторожность обусловлена стремлением обеспечить стабильность производства и предложения именно по этим видам зерновых, как непосредственно отвечающих за выполнение новой стратегии продовольственной безопасности, принятой в

2013 г. Тем не менее, как подчеркивают китайские эксперты, реформирования цен на рис и пшеницу все равно не избежать — иначе «возникнет хаос со сравнительными ценами на зерновые». Да и чересчур затягивать реформу нельзя, ибо ситуация с этими культурами может оказаться хуже, чем сегодня с кукурузой. Таким образом, реформа механизма ценообразования и структуры предложения охватывает лишь четыре вида продукции: соевые бобы, хлопок, семена рапса, кукурузу. Но, как говорится, «лиха беда начало».

Руководитель Государственного управления по зерну Жэнь Чжэнсяо считает, что основным выходом из положения должно стать энергичное развитие глубокой переработки зерна, чтобы одновременно и склады разгрузить, и высокую себестоимость производства снизить (за счет прироста добавленной стоимости при переработке)⁴¹. Вместе с тем, по его словам, «производство и спрос на зерно в КНР еще долгое время останутся в состоянии напряженного баланса, положение с продовольственной безопасностью по-прежнему будет серьезным... Нельзя вдруг разом сократить производство зерна, восстановить прежнее состояние зерновой экономики... Нельзя лишь по наличию полных складов зерна судить о продовольственной безопасности Китая, считая, что все в порядке»⁴². Видимо, для таких суждений есть основания.

Одна из задач структурной реформы в сфере сельскохозяйственного предложения, указанных выше, — снижение высокой себестоимости производства сельхозпродукции. «Корень зла» здесь напрямую связан с традиционным способом производства мелкого распыленного крестьянского хозяйства, жестко ограниченного чрезмерно малым подушевым размером пашни. Решение этой проблемы китайские ученые и практики неизбежно связывают со сменой самой модели развития аграрной экономики, модернизацией сельского хозяйства. Но это — дело долгосрочное и архисложное. В повестке дня стимулирование новых форм хозяйствования, как-то: создание хозяйств крупных зерновых дворов, семейных ферм, крестьянских кооперативов, сельских предприятий, развивающих масштабное хозяйство и в силу этого стремящихся к повышению эффективности и снижению себестоимости производства и высокой рентабельности, как его основы. Отсюда проистекает задача усиления направляющей роли масштабного хозяйства в осуществлении реформы системы предложения⁴³.

Вместо заключения: проблемы на пути реформы

Можно видеть, что успех структурной реформы в сфере предложения, с ее концепцией «рынок определяет цены», зависит от полного восстановления и развития роли рынка во всей аграрной сфере, включая ее важнейшую отрасль — зерновую. Поэтому сегодня все значимей становится отказ государства от прямого административного вмешательства в рынок. Проблема реформы, — считает Чэнь Ивэнь, — в том, что «при этом недопустимы меры административного принудительного порядка. Действовать можно лишь через механизм конкуренции, а конкуренция — это наши цены, которые должны противодействовать дешевому импорту на пороге нашего внутреннего рынка»⁴⁴.

Зерновое производство, как наименее рентабельная отрасль земледелия и как основа продовольственной безопасности страны, в условиях политики открытости, особенно со вступлением Китая в 2001 г. в ВТО, было защищено системой инструментов макрорегулирования, фактически сводивших роль рынка до минимума или вообще перекрывавших действие рыночного механизма. Сегодня же зерновая экономика (а фактически, все основные отрасли агросферы) впервые по-настоящему начинает постепенный поэтапный переход к рынку.

Но наряду с либерализацией рынка усиливается роль макрорегулирования, что отвечает концепции «социалистической рыночной экономики с китайской спецификой». В частности, на уровне провинций предпринимается комплекс мер административного

характера по управлению и контролю за реализацией стратегии продовольственной безопасности Китая. Это, безусловно, необходимо, но суть — в характере контроля.

В 2014 г. введена (фактически воссоздана) система ответственности губернаторов за продовольственную безопасность на уровне провинций (в 1990-х годах ее называли «системой ответственности губернатора за «мешок риса»). В последний день 2015 г. было обнародовано Уведомление Госсовета КНР «О методах проверки реализации системы ответственности губернатора за продовольственную безопасность провинции»⁴⁵. Согласно этому документу, создается постоянная рабочая группа контроля из представителей 10 ведущих министерств для проверки и оценки работы губернаторов в сфере реализации стратегии продовольственной безопасности с ежегодными письменными отчетами по ряду показателей этой работы. К этому прилагается таблица по 6 основным направлениям работы губернаторов по осуществлению программы продовольственной безопасности страны с критериями оценки по 100-бальной системе⁴⁶. И это вполне закономерно, так как система ответственности губернаторов рассматривается как «базовая система по реализации национальной стратегии продовольственной безопасности»⁴⁷. Основные направления работы губернаторов в этом плане, предлагаемые методы проверки и оценки их работы выглядят, на первый взгляд, мерами сугубо административного характера. А ведь «зерновая реформа», базирующаяся на переходе к рынку как регулятору спроса и предложения продовольствия, уже идет. Китайские эксперты задаются вопросом: *удастся ли в столь противоречивых условиях прорвать «мертвый узел» «политического рынка?»*⁴⁸.

Оценивая положение в ведущих отраслях аграрной экономики за последнее десятилетие, можно прийти к выводу, что важнейшей причиной возникших в сельском хозяйстве КНР вызовов стало *фактически отсутствие рынка в новых условиях «открытости»*. Подводя итоги развития экономики за первое десятилетие в рамках ВТО. Комитет по развитию и реформе Госсовета КНР сделал в 2011 г. вывод, что сельское хозяйство Китая, развиваясь в условиях членства в ВТО, смогло эффективно воспользоваться предоставленными шансами и, вопреки прогнозам, практически безболезненно включилось в мировые хозяйственные связи⁴⁹. В числе факторов такого успеха были названы активная стратегия внешней торговли, большая работа по совершенствованию системы импорта-экспорта сельхозпродукции и регулирование рынка⁵⁰. Ведущий специалист по проблемам внешней торговли сельхозпродукцией и управления рынком Чэн Гоцян (Центр изучения развития при Госсовете КНР) конкретизировал этот курс следующим образом: *«Сегодня в условиях ожесточенной конкуренции на мировом рынке зерна Китай ни в коем случае не должен так легковерно открываться... Мы отнюдь не отказались от защиты, отнюдь не открыли рынок нараспашку, а использовали меры структурной защиты в отношении основных видов сельхозпродукции, применили определенные меры защиты»*⁵¹. Действительно, как говорил Чэн Гоцян, основные стратегические отрасли аграрной экономики, связанные со столь важными национальными интересами страны как продовольственная безопасность и пр., оказались прочно «защищенными», но, как оказалось, не в условиях рынка, а от рынка.

В аграрной экономике страны такими зонами стратегических ресурсов прежде всего оказались зерно и земля в деревне. И там, и там до сих пор практически нет рынка. Чэнь Ивэнь в связи с этим отмечает: *«Китайские крестьяне могут работать на земле? Конечно, могут производить и зерно, и масличные, но их продукция дорогая, в этом они уступают другим. Нет рынка. Это самая большая проблема»*⁵².

Таким образом, оказалось, что все эти годы в сельском хозяйстве имело место фактически механическое сосуществование рыночных отраслей (овощи, фрукты, продукция водного промысла и пр.) и ведущих отраслей (зерно, хлопок и др.), полностью регулируемых государством (планом) через систему разного рода закупочных цен и пр., где цены административным способом «подтягивались к рынку». Учитывая меры, пред-

принимаемые сегодня в процессе реформы в сфере предложения кукурузы с целью перехода на цены мирового рынка, в конечном счете, всех отраслей агросферы, можно говорить о том, что за 15 лет пребывания в ВТО не удалось создать какого-то механизма эффективной увязки «плана» и «рынка». В теоретическом плане нет никаких известных разработок по реальной состыковке «плана» с «рынком», по крайней мере, в аграрной экономике страны. А существует ли такой механизм вообще в природе? Развертывающаяся реформа подтверждает, что основой регулирования общественного производства является все-таки рыночный механизм, а система макрорегулирования лишь ответственна за поддержание адекватного порядка на рынке, справедливой конкуренции и т.п., т.е. за соблюдение законов функционирования рынка. Не это ли имеет в виду установка 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва (2013 г.) — «дать рынку право играть решающую роль в размещении ресурсов» и притом развивать макрорегулирование?

Почему так долго удавалось благополучно наращивать валовое производство зерна и других культур «нерыночными методами» в условиях открытости? Этому действительно способствовало сочетание благоприятных условий мирового рынка и внутри страны. Об этом говорят и китайские специалисты: «Наше вступление в рынок, на которое мы согласились, в действительности было лишь предоставлением рыночного шанса, который давал возможность импорту прийти на внутренний рынок. Но еще надо было учитывать внутреннее предложение и спрос, цены и другие условия торговли»⁵³.

После мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. внешние и внутренние условия экономического развития резко изменились, что и создало ту ситуацию, которой боялись и к которой готовились в Китае еще при вступлении в ВТО. Справедливо отвергнув 15 лет назад «шоковую терапию» как модель перехода к рынку, сегодня — спустя целостный период развития — ряд ведущих отраслей аграрной экономики (зерновая отрасль — особенно) оказался на пороге не менее болезненного реального вхождения в мировой рынок. И это будет долгий и болезненный процесс, особенно для сельских производителей. Но без такого «прорыва» нет, по нашему мнению, перспектив модернизации сельского хозяйства и решения аграрных проблем Китая.

-
1. URL: http://www.gov.cn/zhengce/2015-12/26/content_5028027.htm.
 2. Чэнь Ивэнь. Доклад на конференции «Аграрные проблемы Китая и развитие». URL: http://china/caixin/com/2016-02-27/100913511_1/html.
 3. Чжунго гайгэ. 2015. № 3. С. 45.
 4. Там же. С. 47.
 5. По вопросу о мерах поддержки производителей члены ВТО обязаны ежегодно сообщать о госпрограммах поддержки сельского хозяйства. Меры поддержки классифицируются по категориям «корзин». «Желтая корзина» включает поддержку, оказывающую нерыночное влияние на производство и торговлю, т.е. искажающую рынок (например, цены на продукцию и дотации, непосредственно связанные с производством). Для Китая уровень поддержки сельхозпроизводителей в рамках «желтой корзины», ограниченный 8,5% стоимости сельхозпродукции, уже фактически превышен. Меры «зеленой корзины» носят косвенный характер поддержки, имеют лишь незначительное нерыночное влияние на торговлю, их финансирование не ограничивается (инфраструктурное строительство, меры борьбы со стихийными бедствиями, научные исследования и пр.).
 6. Чэнь Ивэнь. Доклад на конференции «Аграрные проблемы Китая и развитие»...
 7. Чэн Гоцянь. Настоящие проблемы продовольственной безопасности Китая // Чжунго гайгэ. 2015. № 3. С. 33.
 8. Нунье цзинцизи вэньти. 2016. № 3. С. 4.
 9. Там же. С. 7.
 10. Там же.
 11. Чэнь Ивэнь. Направления урегулирования зерновой политики. URL: http://rdi.cass.cn/show_news.asp?n=36693.

12. URL: <http://china.caixin.com/2015-08-03/100835494.html>.
13. URL: http://rdi.cass.cn/mtjj/201604/t20160411_2960393.shtml.
14. URL: <http://china.caixin.com/2016-04-27/100937540.html>.
15. URL: <http://china.caixin.com/2016-02-14/100908905.html>.
16. У Чжэнцзюнь. Проблемы в сельскохозяйственном предложении.
URL: <http://opinion/caixin/2015-12-28/100893316/html>.
17. Чэнь Ивэнь, Хань Цзюнь, Ду Ин анализируют пути реформы сферы предложения сельхозпродукции в 2016 г. URL: <http://china.caixin.com/2016-01-14/100899129/html>.
18. Чэнь Ивэнь. Доклад на конференции «Аграрные проблемы Китая и развитие»...
19. Там же.
20. Нунье цзинци взньти. 2016. № 3. С. 5.
21. Чэнь Ивэнь. Безопасность продовольствия уже превратилась в безопасность отрасли.
URL: <http://topics.caixin.com/2016-03-10/100918369.html>.
22. Документ ЦК КПК. № 1. 2016. URL: <http://china.caixin.com/2016-01-27/100904449.html>.
23. Чэнь Ивэнь. Доклад на конференции «Аграрные проблемы Китая и развитие»...
24. Там же.
25. URL: <http://china.caixin.com/2015-05-26/100812508.html>.
26. Там же.
27. Нунье цзинци взньти. 2016. № 3. С. 8.
28. Там же.
29. Там же.
30. Чэнь Ивэнь. Доклад на конференции «Аграрные проблемы Китая и развитие»...
31. Чэнь Ивэнь. Направления урегулирования...
32. URL: <http://china.caixin.com/2016-04-26/100936680.html>.
33. В Докладе об исполнении плана 12-й пятилетки (см.: Жэньминь жибао. 19.03.2016) сказано, что производство зерна в 2016 г. может быть стабилизировано на уровне выше 550 млн т (без каких-либо пояснений). Если имеется в виду только собственно зерно, то эта цифра вполне соответствует нашим примерным расчетам валового сбора собственно зерна за 2016 г. — 562,25 млн т., или более 550 млн т., а весь валовой сбор зерна — 611,44 млн т. или более 610 млн т.
34. Эти данные фактически повторяют сведения ГСУ КНР за 2015 г., согласно которым, валовое производство риса составило 208,25 млн т, пшеницы — 130,19 млн т, кукурузы — 224,58 млн т. Если сюда не вкралась ошибка, то это может означать стабилизацию производства этих двух видов зерновых в 2016 г. точно на уровне предшествующего года.
URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/201602/t20160229_1323991.html.
35. Чжунго лянши цзинци. 2015. № 12. С. 22.
36. URL: <http://china.caixin.com/2016-04-27/100937540.html>.
37. URL: <http://china.caixin.com/2016-04-26/100936680.html>.
38. Там же.
39. URL: <http://china.caixin.com/2016-05-13/1000943275.html>.
40. Чжунго лянши цзинци. 2015. № 12. С. 25.
41. URL: <http://topics.caixin.com/2016-03-07/100916869.html>.
42. URL: <http://china.caixin.com/2016-04-26/100936730/html>.
43. Документ ЦК КПК. № 1. 2016. URL: <http://china.caixin.com/2016-01-27/100904449.html>.
44. URL: http://china.caixin.com/2016-02-27/100913511_1.html.
45. Чжунго лянши цзинци. 2015. № 12. С. 1.
46. Там же. С. 10–14.
47. Там же. С. 4.
48. URL: <http://china.caixin.com/2016-02-14/106908905.html>.
49. «Гоцзи маон»: [Мировая торговля]. 2011. № 12.
50. Подробно см.: Бони Л.Д. «Сельское хозяйство Китая: 10 лет в условиях ВТО» // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. М.: Изд. дом «Дело», 2012. С. 282–311.
51. Чжунго нунцунь яньцзю баогао: [Исследовательский доклад по китайской деревне] / Министерство сельского хозяйства КНР. Пекин, 2005. С. 302–303.
52. Чэнь Ивэнь. Безопасность продовольствия...
53. Чжунго нунцунь яньцзю баогао. С. 302–303.

Роль зарубежных китайцев в развитии южной ветки Экономического пояса Шелкового пути

© 2016

А.В. Афонасьева

В статье проанализировано экономическое влияние зарубежных китайцев (*хуацяо*) в регионах КНР и Пакистана, через которые пройдет южная ветка Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП). Рассмотрены территориальная структура инвестиций и отраслевая структура компаний *хуацяо*, а также отраслевая структура экономики городов и провинций на китайском участке южной ветки ЭПШП и отраслевая структура китайских предприятий в Пакистане. Дана оценка возможности *хуацяо* влиять на строительство южной ветки ЭПШП.

Ключевые слова: КНР, Пакистан, зарубежные китайцы (*хуацяо*), Экономический пояс Шелкового пути (ЭПШП).

В 2013 г. председателем КНР Си Цзиньпином была официально объявлена новая концепция Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП), которая, с одной стороны, должна стать катализатором развития западных районов страны, с другой — создать максимально благоприятные условия для «выхода за рубеж» китайских частных и государственных предприятий.

Зарубежные китайцы (*хуацяо*), у которых за несколько столетий сложилась развитая система бизнес-связей в странах пребывания, а их совокупный капитал достиг порядка 5 трлн долл., рассматриваются в КНР как важный экономический и социальный ресурс в строительстве ЭПШП.

В общих чертах Экономический пояс Шелкового пути подразделяется на три основные ветки — северную, центральную и южную. Маршруты каждой из них — пока что в стадии проекта. По южной ветке официально оглашен участок КНР — Пакистан, но в отдаленной перспективе планируется продлить ее до Афганистана, откуда маршрут может пойти через другие страны Среднего и Ближнего Востока, Центральную Азию и Африку.

Конкретный маршрут южной ветки по китайской территории: из пров. Гуандун, г. Гуанчжоу в пров. Хунань, города Чанша и Хуайхуа, далее в города Чунцин и Чэнду, Нгава-Тибетско-Цяньский автономный округ (пров. Сычуань), г. Голмо, уезды Чарклык и Черчен, округа Хотан и Кашгар (Синьцзян-Уйгурский автономный район). Длина китайского участка составит порядка 6079,7 км.

По территории Пакистана первоначально предполагалось проложить ветку через города Исламабад и Карачи — 1400 км, но затем была официально анонсирована прокладка китайско-пакистанского экономического коридора (протяженность от китайского Кашгара до пакистанского порта Гвадар 2700 км)¹. То есть в итоге общая протяженность южной ветки должна составить 8279,7 км.

Афонасьева Алина Владиславовна, кандидат экономических наук, ученый секретарь, старший научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: alina-afonasyeva@yandex.ru.

Статья подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-07-50008.

Экономическое влияние зарубежных китайцев в зоне китайской части южной ветки ЭПШП

Южная ветка берет начало в пров. Гуандун — «малой родине» большинства *хуацяо*, 80% которых являются выходцами из этой провинции. Численность населения провинции составляет 107 млн человек, на нее приходится 61,3% валового регионального продукта (ВРП), 43% инвестиций в основные производственные фонды, 64,5% потребления и 82,9% внешнеторгового оборота южных приморских районов (к которым относятся также провинции Фуцзянь, Хайнань и Гуанси-Чжуаньский автономный район. Доля Гуандуна в ВВП КНР составила 10,6%, в инвестициях в основные производственные фонды — 5,1%, в потреблении — 10,6%, в экспорте-импорте — 25,6%². В отраслевой структуре экономики провинции высоки удельный вес сферы услуг и промышленности — 48,4% и 43,4% ВРП соответственно, г. Гуанчжоу ориентирован в основном на сферу услуг — 64,53% ВРП, высока и роль промышленности — 30,85% ВРП (табл. 1).

Из пров. Гуандун маршрут следует в пров. Хунань, относящуюся к центральным районам страны. Численность ее населения — 66,6 млн человек, доля в ВРП центральных районов — 19,3%, в инвестициях в основные производственные фонды — 16,9%, в потреблении — 18,9%, в экспорте-импорте — 11,8%. Доля провинции в объеме ВВП, инвестиций в основные производственные фонды, в потреблении, внешней торговле КНР составляет соответственно 4,2%, 4,0%, 3,8% и 0,6%³. По структуре экономики пров. Хунань, города Чанша и Хуайхуа ориентированы на промышленность и сферу услуг, в ВРП Хунани доля этих отраслей — 45,8% и 44,7%, в Чанша — 46,7% и 40,8%, в Хуайхуа — 39,3% и 41,5%, в ВРП Хуайхуа относительно высока доля аграрного сектора — 14,4% (табл. 1).

Далее маршрут переходит в западные районы: г. Чунцин — пров. Сычуань — Цинхай — Синьцзян-Уйгурский АР. Общая численность населения города, двух провинций и автономного района составляет 134,5 млн человек, доля в ВРП западных районов и в ВВП страны — соответственно 39,3% и 8,4%, в инвестициях в основные производственные фонды региона и страны — 37,4% и 9,2%, в потреблении — 39,3% и 8,4%, во внешней торговле — 58,5% и 4%⁴.

Чунцин по структуре экономики ориентирован на промышленность и сферу услуг — 43,8% и 39,2% соответственно. Так же ориентирована пров. Сычуань — 43,1% и 36,6% (Чэнду — 38,1% и 49,9%; Нгава-Тибетско-Цянский АО — 40,8% и 34,1%), доля аграрного сектора в ВРП также относительно высока — 12,9% (Нгава-Тибетско-Цянский АО — 15,1%). В ВРП пров. Цинхай доля промышленности и сферы услуг — 47,2% и 32,8%, в г. Голмо промышленность дает 79,45% ВРП, а сфера услуг — 21%. В целом, СУ-АР также ориентирован на промышленность и сферу услуг при относительно высокой доле первой сферы в ВРП, однако по городам маршрута южной ветки ЭПШП данные существенно различаются: уезд Чарлык ориентирован на промышленность и аграрный сектор — 63,78% и 26,26%, уезд Черчен — на аграрный сектор и сферу услуг — 45,3% и 36,7%, округа Хотан и Кашгар ориентированы преимущественно на сферу услуг — 49,1 и 38,7% и аграрный сектор — 31,3 и 33,3% соответственно (табл. 1).

Таким образом, южная ветка ЭПШП проходит от высокоразвитого Тихоокеанского побережья Китая к отсталым, преимущественно аграрным, уездам и округам западных районов, причем в девяти из одиннадцати пунктах этой части маршрута удельный вес сферы услуг в ВРП выше 32% (табл. 1), что сулит всестороннюю логистическую поддержку ее строительству и развитию.

Проанализируем территориальную структуру инвестиций зарубежных китайцев по провинциям, через которые пройдет китайская часть южной ветки ЭПШП. В пров. Гуандун среднегодовой объем прямых инвестиций *хуацяо* составляет 18,4 млрд долл. — 73,3% среднегодового объема прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в провинции. Почти аналогичен удельный вес инвестиций *хуацяо* в ПИИ в г. Гуанчжоу (73,1%), что в абсолютных цифрах составляет 3,5 млрд долл.

Таблица 1

**Отраслевая структура экономики регионов китайской части южной ветки
Экономического пояса Шелкового пути, %⁵**

	1-я сфера	2-я сфера		3-я сфера
		в т.ч. промышленность		
Южные приморские районы				
пров. Гуандун	4,8	46,8	43,4	48,4
г. Гуанчжоу	1,45	34,02	30,85	64,53
Центральные районы				
пров. Хунань	4,1	51,2	45,8	44,7
г. Чанша	4,1	55,1	46,7	40,8
г. Хуайхуа	14,4	44,1	39,3	41,5
Западные районы				
г. Чунцин	8,2	52,6	43,8	39,2
пров. Сычуань	12,9	50,5	43,1	36,6
г. Чэнду*	4,3	45,8	38,1	49,9
Нгава-Тибетско-Цянский АО	15,1	50,8	40,8	34,1
пров. Цинхай*	9,53	57,64	47,2	32,83
г. Голмо*	0,95	78,05	70,45	21
Синьцзян-Уйгурский АР	17,5	46,6	38,2	35,9
уезд Чарклык	26,26	66	63,78	7,74
уезд Черчен	45,3	18	10,26	36,7
округ Хотан	31,3	19,6	7,7	49,1
округ Кашгар	33,3	28	15,76	38,7

Примечание: расчеты производились по среднегодовому показателю за 2012–2014 гг. Для районов, отмеченных «» расчет производился по данным за 2011–2013 гг.*

Влияние инвестиций *хуацяо* на экономику провинции и города также почти совпадает, их удельный вес в ВРП: 1,83% и 1,42%, а в инвестициях в основные производственные фонды: 5,03% и 4,98% для пров. Гуандун и г. Гуанчжоу соответственно (табл. 2).

Среднегодовой объем прямых инвестиций *хуацяо* в пров. Хунань составляет 1,52 млрд долл., или 20,6% среднегодового объема ПИИ, 0,4% ВРП и 0,5% инвестиций в основные производственные фонды.

В Чунцине и в пров. Сычуань среднегодовой вклад *хуацяо* в ПИИ составляет 2,08 и 4,57 млрд долл. соответственно, или 46,2% ПИИ в городе и в провинции. Влияние *хуацяо* на экономику Чунцина и Сычуани слабее, чем в Гуанчжоу, доля их инвестиций в ВРП составляет 1,03% и 1,1%, а в инвестициях в основные производственные фонды — 1,25% и 1,43% соответственно для города и провинции.

В пров. Цинхай и в СУАР удельный вес инвестиций *хуацяо* в ПИИ несколько выше, чем в Чунцине и Сычуани: 50% и 47,5%, однако в абсолютных цифрах это всего лишь 80 млн и 190 млн долл. соответственно. Невелико их влияние и на экономику данных территорий: доля инвестиций *хуацяо* в ВРП Цинхая и СУАР составляет соответственно 0,24% и 0,16%, а в инвестициях в основные производственные фонды — 0,21% и 0,18% (табл. 2).

Практически во всех городах и провинциях предприятия *хуацяо* заняты преимущественно в обрабатывающей промышленности (табл. 3). Причем начиная с 2008 г. в развитой приморской пров. Гуандун отмечается их приумножение в высокотехнологичном секторе. В пров. Хунань предприятия зарубежных китайцев сосредоточены на экологическом сельском хозяйстве, производстве новых материалов, биотехнологиях.

Таблица 2

**Прямые инвестиции зарубежных китайцев
в районе китайской части южной ветки ЭПШП⁶**

	Инвестиции хуацяо, млрд долл.	Доля в ПИИ, %	Доля в ВВП/ВРП, %	Инвестиции в основные производственные фонды, доля в %
КНР	85,0	73,1	0,9	1,2
пров. Гуандун	18,4	73,3	1,83	5,03
г. Гуанчжоу	3,5	73,1	1,42	4,98
пров. Хунань	1,52	20,6	0,4	0,5
г. Чунцин	2,08	46,2	1,03	1,25
пров. Сычуань	4,57	46,2	1,1	1,43
пров. Цинхай*	0,08	50	0,24	0,21
Синьцзян-Уйгурский АР*	0,19	47,5	0,16	0,18

Примечание: ПИИ — прямые иностранные инвестиции. Расчеты производились по среднегодовому показателю за 2012–2014 гг. Для районов, отмеченных «*», расчет производился по данным за 2011–2013 гг.

Таблица 3

**Отраслевая структура предприятий хуацяо
в китайской части южной ветки ЭПШП, %⁷**

	Первая сфера	Обрабатывающая промышленность	В высоких технологиях	Сфера услуг
Южные приморские районы				
пров. Гуандун	1	89	23	10
Центральные районы				
пров. Хунань	экологическое земледелие	...	Новые материалы, биотехнологии	...
Западные районы				
г. Чунцин	0	67	-	33
пров. Сычуань	все отрасли			
пров. Цинхай
Синьцзян-Уйгурский АР	67	0	0	33

Примечание: в выборке учтены наиболее успешные компании зарубежных китайцев, ведущих бизнес в КНР и являющихся лауреатами конкурса «100 лучших компаний зарубежных китайцев» разных лет.

В Чунцине они по-прежнему заняты в традиционных отраслях обрабатывающей промышленности и в сфере услуг. В пров. Сычуань ведут бизнес во всех отраслях экономики. В СУАР их предприятия заняты сельскохозяйственным бизнесом и оказанием риэлторских услуг. Из всех компаний хуацяо (оценивая объективно) лишь в пров. Гуандун и, отчасти, в Чунцине и Сычуани они способны сыграть одну из ключевых ролей в строительстве и развитии южной ветки ЭПШП (не только в пределах КНР, но и вне ее) — за счет экспорта товаров, услуг и капитала в отдаленные регионы Китая и в развивающиеся страны благодаря их причастности к китайской и международной сети деловых связей.

Оценка влияния китайского бизнеса на пакистанском участке ЭПШП

Число постоянно проживающих в Пакистане *хуацяо* составляет менее 4000 человек — 0,002% населения этой страны. Проживают в основном в городах — Карачи, Лахоре, Исламабаде и Равалпинди⁸.

Кроме *хуацяо*, в стране, по официальным данным, находится порядка 6000–8000 тыс. китайских рабочих и *экспатов* (наемных сотрудников, приезжающих на работу по приглашению представительства той или иной китайской корпорации), численность каковых год от года множится⁹.

Таблица 4

Отраслевая структура китайских предприятий в Пакистане (2014–2015 гг.) в %¹⁰

	Пакистан	Исламабад	Карачи	Лахор
Первая сфера	10,53	7,69	16,22	8,57
Добывающая промышленность:	6,14	-	8,12	-
- энергоресурсы	4,4	7,69	2,7	2,86
- руда	1,75	-	5,41	-
Сельское хозяйство, рыболовство	4,39	-	8,12	5,71
Вторая сфера	52,63	61,52	32,43	68,57
Обрабатывающая промышленность	30,7	30,77	24,32	-
- тяжелая	25,44	23,1	21,62	34,29
- легкая	5,26	7,69	2,7	5,71
Строительство	21,93	30,77	8,12	28,57
Третья сфера	36,84	30,77	51,35	22,86
Электро-, газо-, тепло- и водоснабжение	-	-	-	-
Транспортные услуги	4,39	5,13	5,41	-
Услуги связи и телекоммуникации	2,63	7,69	-	-
Торговые услуги	14,91	10,26	21,62	14,29
Финансовые услуги	4,39	5,13	5,41	2,86
Гостиничное хозяйство и туризм	0,88	-	2,7	-
Консалтинг	4,39	2,56	5,41	2,86
ИТ	2,63	-	2,7	2,86
Логистика	1,75	-	5,41	-
Искусство	0,88	-	2,7	-

Примечание: в Пакистане насчитывается 65 крупных китайских компаний, все они учтены при расчете табличных данных, из них 15 учтены в двух, 9 — в трех, 3 — в четырех, 1 — в пяти отраслях экономики.

Китайский бизнес присутствует во всех сферах экономики Пакистана. В его отраслевой структуре доминируют вторая и третья сферы экономики — 52,63% и 36,84% соответственно. В первой сфере занято лишь 10,53% китайских предприятий. Аналогична отраслевая структура китайских предприятий в Исламабаде и Лахоре, где 61,52% и 68,57% из них соответственно относятся ко второй сфере, 30,77 и 22,86% — к третьей. И лишь 7,69% и 8,57% — к первой.

В Карачи абсолютное большинство китайских предприятий занято в третьей сфере экономики (51,35%), на вторую сферу приходится 32,43% предприятий, на первую — 16,22%. Отдельно по городам и в целом по Пакистану китайские предприятия второй сферы экономики — это преимущественно заводы тяжелой обрабатывающей

промышленности и строительные фирмы; среди предприятий третьей сферы, кроме торговых фирм, заметную долю занимает финансовый сектор, транспортные и консалтинговые фирмы. В некоторых городах довольно много китайских телекоммуникационных и логистических фирм (табл. 4).

Рассмотренные данные указывают на масштабность китайского присутствия в экономике Пакистана. Не скупясь на многомиллиардные кредиты, Китай уже многие годы участвует в прокладке на территории этой страны железных и шоссейных дорог, строительстве атомных электростанций и т.д.

Китайские предприятия, фигурирующие в приведенных здесь таблицах, в большинстве представляют собой крупные государственные корпорации: из 65 компаний только 2 являются частными.

Что касается компаний *хуацяо*, то это в основном рестораны китайской кухни, медицинские центры и косметологические салоны¹¹. Эти компании нельзя считать значимой силой для продвижения южной ветки ЭПШП в Пакистане, хотя в некоторой степени они также способствуют формированию благоприятной среды для китайского бизнеса. Об этом косвенно свидетельствует тот факт, что китайские государственные корпорации в большинстве своем открывают представительства и филиалы как раз в тех городах, где обосновались *хуацяо* — Исламабаде, Лахоре, Карачи.

* * *

Одна из особенностей южной ветки ЭПШП состоит в том, что эта магистраль берет начало на крупнейшей «малой родине» зарубежных китайцев — в пров. Гуандун, которая в свое время экономически поднялась главным образом благодаря инвестициям и пожертвованиям *хуацяо*. В настоящее время *хуацяо* сохраняют ключевое влияние в экономике провинции, развивают высокотехнологичные производства, а трудоемкие производства в целях экономии на налогах перебрасывают в центральные и западные районы КНР, в том числе и вдоль линии южной ветки ЭПШП, способствуя развитию этих территорий.

Хуацяо присутствуют и ведут хозяйственную деятельность и на пакистанском участке южной ветки ЭПШП, причем главным двигателем развития Шелкового пути являются крупные китайские госкорпорации и государственный капитал, осуществляющие вывод избыточных производств с территории КНР, и обеспечивающие строительство крупнейшего регионального экономического, транспортного, телекоммуникационного и энергетического узла — китайско-пакистанского экономического коридора, призванного закрепить влияние КНР в Азии и обеспечить продвижение интересов китайского бизнеса на Ближнем Востоке и в Африке.

1. China Pakistan Economic Corridor (CPEC). URL: <http://boi.gov.pk/InfoCenter/CPEC.aspx> (дата обращения: 08.09.2016).
2. Гуандун тунци няньцзянь 2015: [Статистический ежегодник пров. Гуандун 2015]. Табл. 3–1. URL: <http://www.gdstats.gov.cn/tjnj/2015/directory.html> (дата обращения: 15.09.2016); Чжунго тунци няньцзянь 2015: [Китайский статистический ежегодник 2015]. Табл. 3–9, 3–17, 10–3, 11–9. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2015/indexch.htm> (дата обращения: 15.09.2015); Чжунго тунци няньцзянь 2014. Табл. 3–22, 10–3, 11–9. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2014/indexch.htm> (дата обращения: 15.09.2015); Чжунго тунци няньцзянь 2013. Табл. 2–22, 5–3, 6–10. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2013/indexch.htm> (дата обращения: 15.09.2015).
3. Там же.
4. Там же.
5. Рассчитано по: Гуандун тунци няньцзянь 2015. Табл. 2.1, 2–15. URL: <http://www.gdstats.gov.cn/tjnj/2015/directory.html> (дата обращения: 07.09.2016); Хунань

- тунци няньцзянь 2015: [Статистический ежегодник пров. Хунань 2015]. Табл. 2–5, 19–5. URL: <http://hntj.gov.cn/sjfb/tjnj/15tjnj/indexch.htm> (дата обращения: 07.09.2016); Хунань тунци няньцзянь 2014. Табл. 2–7, 19–2. URL: <http://hntj.gov.cn/sjfb/tjnj/14tjnj/indexch.htm> (дата обращения: 07.09.2016); Хунань тунци няньцзянь 2013. Табл. 2–5, 19–2. URL: <http://hntj.gov.cn/sjfb/tjnj/13tjnj/indexch.htm> (дата обращения: 07.09.2016); Чунцин тунци няньцзянь 2015: [Статистический ежегодник г. Чунцин 2015]. Табл. 2.6 URL: <http://cyfd.cnki.com.cn/N2015110103.htm> (дата обращения: 07.09.2016); Сычуань тунци няньцзянь 2015: [Статистический ежегодник пров. Сычуань 2015]. Табл. 2–4, 2–8, 12–14. URL: <http://www.sc.stats.gov.cn/tjcbw/tjnj/2015/index.htm> (дата обращения: 07.09.2016); Сычуань тунци няньцзянь 2014. Табл. 2–8. URL: <http://www.sc.stats.gov.cn/tjcbw/tjnj/2014/index.htm> (дата обращения: 07.09.2016); Сычуань тунци няньцзянь 2013. Табл. 2–8. URL: <http://www.sc.stats.gov.cn/tjcbw/tjnj/2013/index.htm> (дата обращения: 07.09.2016); Цинхай тунци няньцзянь 2014: [Статистический ежегодник пров. Цинхай]. Табл. 25–1, 25–2. URL: <http://cyfd.cnki.com.cn/N2014110019.htm> (дата обращения: 07.09.2016); Цинхай тунци няньцзянь 2013. Табл. 25–1. URL: <http://cyfd.cnki.com.cn/N2013100037.htm> (дата обращения: 07.09.2016); Цинхай тунци няньцзянь 2012. Табл. 26–1. URL: <http://cyfd.cnki.com.cn/N2012090080.htm> (дата обращения: 07.09.2016); Синьцзян тунци няньцзянь 2014: [Статистический ежегодник Синьцзян-Уйгурского автономного района 2014]. Табл. 2–1, табл. 2–10. URL: <http://cyfd.cnki.com.cn/N2014120108.htm> (дата обращения: 07.09.2016); Синьцзян тунци няньцзянь 2013. Табл. 2–10. URL: <http://cyfd.cnki.com.cn/N2013100046.htm> (дата обращения: 07.09.2016); Синьцзян тунци няньцзянь 2012. Табл. 2–10. URL: <http://cyfd.cnki.com.cn/N2012110029.htm> (дата обращения: 07.09.2016).
6. Рассчитано по: Гуандун тунци няньцзянь 2015. Табл. 2–1, 2–15, 5–2, 6–23. URL: <http://www.gdstats.gov.cn/tjnj/2015/directory.html> (дата обращения: 09.09.2016); Хунань тунци няньцзянь — 2015. Табл. 2–5, 5–2, 6–9, 19–56. URL: <http://hntj.gov.cn/sjfb/tjnj/15tjnj/indexch.htm>; Хунань тунци няньцзянь 2014. Табл. 19–54. URL: <http://hntj.gov.cn/sjfb/tjnj/14tjnj/indexch.htm>; Хунань тунци няньцзянь 2013. Табл. 19–55. URL: <http://cyfd.cnki.com.cn/N2013120093.htm>; Чжунго тунци няньцзянь 2015. Табл. 10–1, 10–3, табл. 11–14. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2015/indexch.htm> (дата обращения: 09.09.2016); Чжунго тунци няньцзянь 2014. Табл. 10–3. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2014/indexch.htm> (дата обращения: 09.09.2016); Чжунго тунци няньцзянь 2013. Табл. 5–1, табл. 6–13. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2013/indexch.htm> (дата обращения: 09.09.2016); Синьцзян тунци няньцзянь 2014. Табл. 2–1, табл. 4–1, табл. 5–6. URL: <http://cyfd.cnki.com.cn/N2014120108.htm> (дата обращения: 09.09.2016).
7. Источники: Чжунго цяоцзы цие фачжань няньду баогао — 2008: [Годовой доклад по развитию компаний с капиталом зарубежных китайцев в КНР — 2008]. Пекин, 2009. С. 145–148; Хайвай хуашань цай Чжунго. Чжунго цяоцзы цие фачжань няньду баогао — 2014: [Зарубежные китайские предприниматели в КНР. Годовой доклад по развитию компаний с капиталом зарубежных китайцев в КНР — 2014]. Пекин, 2014. С. 70. URL: <http://www.chinanews.com/zgj/2013/07-01/4986662.shtml>; URL: <http://mt.sohu.com/20160605/n453009730.shtml>.
8. Хуажэнь цзинци няньцзянь 2012–2013: [Экономический ежегодник по этническим китайцам, проживающим за рубежом 2012–2013]. Пекин, 2013. С. 52.
9. Чжунго тунци няньцзянь 2015. Табл. 11–22. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2015/indexch.htm> (дата обращения: 09.09.2016); Чжунго тунци няньцзянь 2013. Табл. 6–21. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2014/indexch.htm> (дата обращения: 09.09.2016).
10. Составлено и рассчитано по материалам сайта Торгпредства КНР в Пакистане. URL: <http://pk.mofcom.gov.cn/article/catalog/201005/20100506915665.shtml> (дата обращения: 15.09.2016).
11. Хуажэнь цзинци няньцзянь 2012–2013. С. 52.

Малые и средние предприятия Японии в условиях глобализации

© 2016

М.О. Демина, С.К. Лысенко, Д.А. Щербаков

В статье рассматривается функционирование японских малых и средних предприятий в условиях глобализации, оказавшей влияние на внутренний рынок Японии и приведшей к изменению отношений между малым и крупным бизнесом. Японские МСП участвуют в процессах глобализации не только путем традиционного экспорта капитала или товаров и услуг, но и в «пассивной» форме — без вывода своей деятельности за пределы страны. Отдельное внимание в статье уделено способам поддержки, которые японское правительство предлагает малому и среднему бизнесу с целью расширения его участия в мировой экономике.

Ключевые слова: малые и средние предприятия (МСП), Япония, экспорт, импорт, инвестиции, глобализация.

Последние годы стали действительно тяжелыми для малых и средних предприятий (МСП) из-за глобализации японской экономики. Прежде большая часть японских предприятий малого и среднего бизнеса состояла в отношениях субподряда (*ситаукэ*) с крупными промышленными корпорациями и занималась производством материалов, деталей и компонентов. Однако сегодня многие крупные предприятия закупают необходимые компоненты у иностранных производителей, продукция которых в силу меньших издержек на факторы производства оказывается дешевле японских аналогов. Наиболее ярко эта тенденция проявляется в электротехнической отрасли, где достаточно широко распространена модуляризация, то есть использование в производстве конечного продукта модулей (частей), соответствующих единым международным стандартам и потому взаимозаменяемых¹.

Для малого бизнеса независимое производство также имеет свои сложности. С ускорением темпа жизни из-за повсеместного внедрения в нее новых технологий, продукция начала устаревать гораздо быстрее. Если в 1980-х годах средний срок жизнеспособности товара на рынке составлял 5 лет, то сейчас этот показатель снизился до полутора лет более чем для 30% товаров². Малым и средним предприятиям, производящим конечную продукцию и ориентирующимся в первую очередь на спрос, из-за ограниченно-

Демина Мария Олеговна, преподаватель Школы востоковедения Факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», аспирант ИДВ РАН. E-mail: maridemina@gmail.com;

Лысенко Софья Константиновна, член НСО Школы востоковедения Факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». E-mail: lussonya@gmail.com;

Щербаков Денис Аркадьевич, кандидат экономических наук, доцент, заместитель руководителя Школы востоковедения Факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; научный сотрудник Российского университета дружбы народов. E-mail: dshcherbakov@hse.ru.

сти ресурсов трудно своевременно удовлетворять стремительно меняющиеся потребности населения и конкурировать с более дешевыми продуктами-заменителями, появляющимися на рынке. Еще одной серьезной проблемой является снижение внутреннего спроса в Японии, вызванное затянувшимся дефляционным кризисом.

Потеряв заказчиков внутри Японии, все больше МСП пытаются выносить бизнес за пределы страны, чаще всего в Китай или Юго-Восточную Азию, что увеличивает товарооборот с этими странами. Согласно отчету Токийской торгово-промышленной палаты за 2015 г., каждое третье японское предприятие, участвующее в международной торговле, относится к малому и среднему бизнесу, а к 2017 г. в международную торговлю планируется вовлечь 10 000 новых МСП³. Несмотря на то, что количество МСП, ведущих дела вне Японии, постепенно возрастает, доля малых и средних фирм, ориентированных на местное производство, остается неизменной (на уровне 98%)⁴.

В настоящее время, действительно, можно говорить об интернационализации деятельности ряда японских МСП, которые осуществляют прямой экспорт, инвестируют средства в создание зарубежных филиалов, заключают партнерские отношения с другими зарубежными компаниями. При этом необходимо учитывать различия в стратегиях ведения бизнеса в странах Азии и в странах Европы и США.

Согласно результатам опроса, проведенного компанией Mitsubishi UFJ Research and Consulting, большая часть японских МСП, выводящих свою деятельность за рубеж, поставляют на рынки других стран товары и услуги, идентичные реализуемым ими в Японии (около 80% и для западных, и для азиатских стран). Среди причин, по которым японские предприятия никак не изменяют товарную линейку, самой популярной является убежденность в том, что японское качество высоко ценится, и товары, аналогичные производимым в Японии, будут иметь высокий спрос. Другой популярный аргумент — уверенность, что вкусы зарубежных потребителей в конкретной области совпадают с японскими (в его пользу высказались 25% и 29% респондентов, работающих на азиатских и западных рынках соответственно). Примерно столько же владельцев предприятий не считают адаптацию производимых ими товаров и услуг целесообразной (22% и 28,5% соответственно). Такие причины, как высокие затраты на адаптацию продукции или отсутствие сведений о вкусах зарубежных потребителей, назывались сравнительно небольшим числом представителей МСП и не превысили 5% как для азиатских, так и для западных рынков⁵.

Лишь 20% японских МСП адаптирует свои товары/услуги в соответствии со спросом на принимающих рынках, причем только 5% от общего количества поставляемых товаров/услуг являются уникальными. Особое внимание уделяется предпочтениям зарубежных потребителей в области функциональности и качества (54% и 63% для азиатских и европейских стран соответственно), а также сравнительно доступной стоимости товаров и услуг (45% и 34% соответственно). Следует отметить, что культурная близость и сходство потребительских предпочтений Японии и выбранного региона является важным фактором не более чем для 10% МСП⁶.

По мнению большинства владельцев японских МСП, товары или услуги, поставляемые ими на зарубежные рынки, превосходят по качеству продукцию их конкурентов. Однако если для владельцев бизнеса, ориентирующихся на азиатские рынки, этот показатель составил около 79%, для западных стран он оказался ниже — около 67%. Примерно 15% предпринимателей считают поставляемые ими в азиатские страны товары или услуги аналогичными уже имеющимся на рынках, а в случае со странами Запада этот вариант ответа оказался популярнее: его выбрали приблизительно 27% респондентов. Сравнительно небольшое число японских бизнесменов считают поставляемую ими на зарубежные рынки продукцию ниже местной по качеству⁷.

Что касается цен, то предприниматели считают стоимость своих товаров и услуг выше местных в 64% случаев для азиатских рынков и 55% — для европейских⁸.

Приведенная статистика подтверждает, что подавляющее большинство японских малых и средних предприятий, экспортирующих продукцию за рубеж или имеющих иностранные филиалы, не заинтересованы в изменении ассортимента в соответствии с местными потребительскими предпочтениями и уверены, что благодаря высокому качеству их товары и услуги будут пользоваться спросом даже при сравнительно высокой цене. Такая позиция вполне объяснима для тех производителей, которые ориентируются не на конечного потребителя (модель B2C, *business to consumer*), а на запросы более крупных компаний (B2B, *business to business*), причем преимущественно японского происхождения. Надо отметить, что на подобные компании приходится большая доля японских МСП, действующих за рубежом. Особенно это касается азиатских стран, которые долгое время, вплоть до начала 2000-х годов, рассматривались японскими инвесторами исключительно как производственная база для экспорта продукции в третьи страны или реэкспорта в Японию, но не как емкий внутренний рынок со спросом на высококачественную продукцию.

Примечательно, что даже в условиях транснационализации крупного японского бизнеса межфирменные связи с подрядчиками и поставщиками (*кэйрэцу*) в некоторых отраслях оказались довольно устойчивыми. Открывая сборочные заводы за рубежом, японские корпорации предпочитают закупать комплектующие у своих партнеров в Японии, которые в основном представлены МСП, и таким образом поддерживают сложившиеся долгосрочные отношения. Более того, по мере успешного функционирования заводов головных компаний в других странах ключевые поставщики тоже принимают решения о переносе своих производств в эти страны. Такая схема, в частности, использовалась при освоении рынков западноевропейских стран в 1990-е годы.⁹

Наиболее вероятная причина таких устойчивых межфирменных связей кроется в том, что обе стороны — и заказчик, и подрядчики — в них заинтересованы. Заказчик создает благоприятные условия для работы малых и средних предприятий, осуществляющих подрядную работу: оказывает технологическую поддержку в целях совершенствования процесса производства, участвует в разработке новых продуктов с учетом запросов конечного потребителя, проводит тренинги для повышения квалификации персонала, на льготной основе финансирует расширение деятельности компании-подрядчика. Подрядчик в свою очередь берет на себя ряд негласных обязательств: поддерживает требуемый высокий уровень качества, строго соблюдает временные рамки, установленные производителем (что особенно важно в рамках системы *just-in-time*), готов поставлять небольшие партии эксклюзивных продуктов, обновлять ассортимент в соответствии с потребностями заказчика и т.д. Таким образом, головная компания и поставщик работают в тесной связке, а транзакционные издержки, которые могут возникнуть при потенциальной смене поставщика, достаточно высоки. Самые устойчивые связи между крупным бизнесом и МСП в рамках производственных объединений наблюдаются в тех отраслях, где практически нет модуляризации, например, в автомобилестроении¹⁰.

Тенденция к сохранению межфирменных связей между японскими компаниями при создании зарубежных производственных центров может быть проиллюстрирована статистическими данными: это внушительный объем импорта промежуточной продукции и комплектующих из Японии в сочетании с концентрацией японских прямых инвестиций в конкретных отраслях. Для примера приведем статистику по внешнеэкономическим отношениям Японии и КНР — страны, которая до сих пор считается крупнейшей производственной базой японских корпораций. На рис. 1 можно выделить два периода наращивания японских инвестиций в китайскую экономику: первый из них пришелся на 1990-е годы, с пиком в 1995 г., второй начался в 2003 г. и длился до конца первого десятилетия XXI в. Первый период характеризовался концентрацией японских инвестиций в электротехнической отрасли, тогда как второй — сопровождался созданием совместных японо-китайских предприятий по выпуску автомобилей, переносом ряда малых и

средних производителей автомобильных комплектующих на территорию КНР и образованием производственных кластеров.

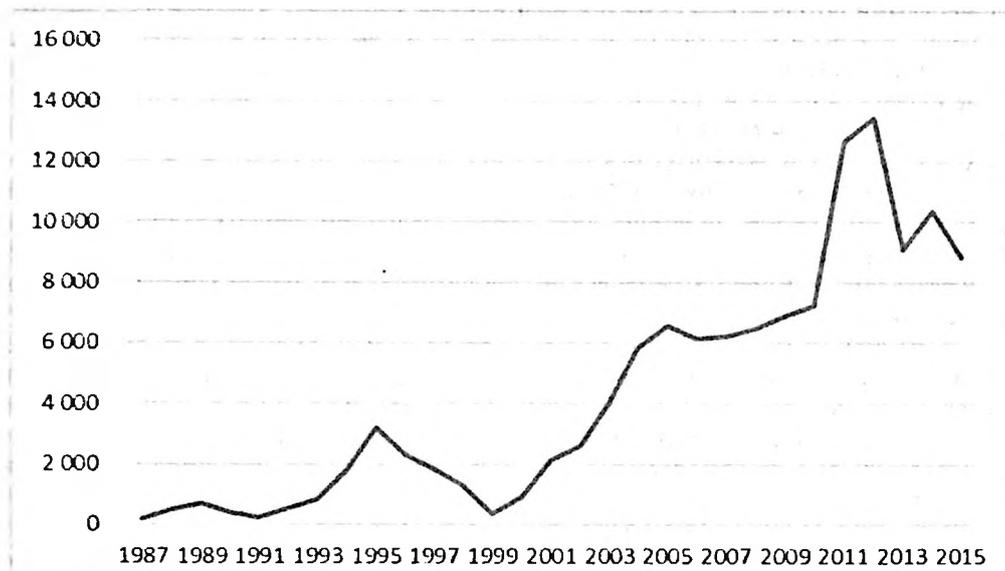

Рис. 1. Японские прямые иностранные инвестиции в КНР 1987–2015 гг., млн долл.

Составлено по данным японской внешнеторговой организации JETRO. URL: <https://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics/>

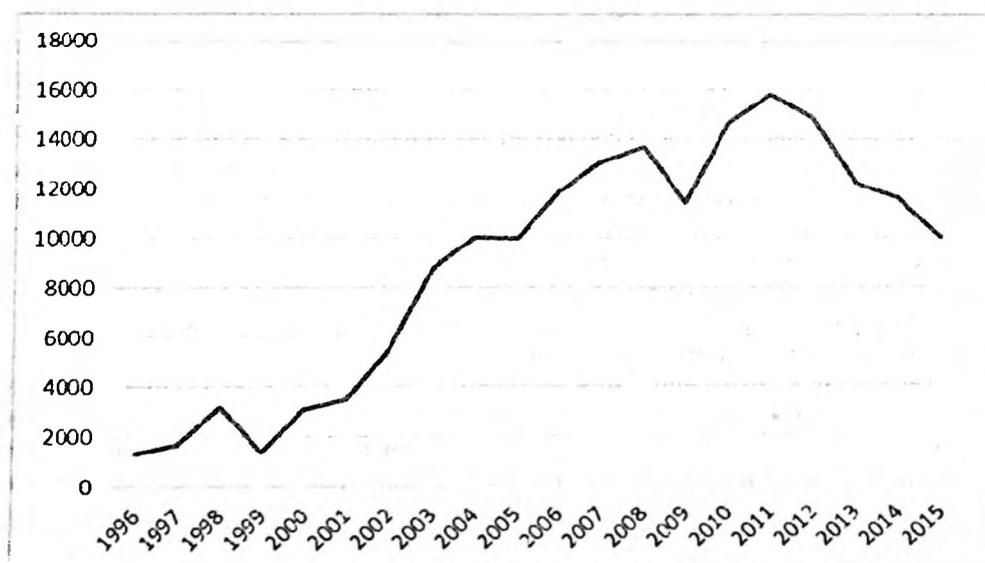

Рис. 2. Экспорт электронных компонентов из Японии в КНР 1996–2015 гг., млн долл.

Составлено по данным торговой статистики ООН: URL: <http://comtrade.un.org/>

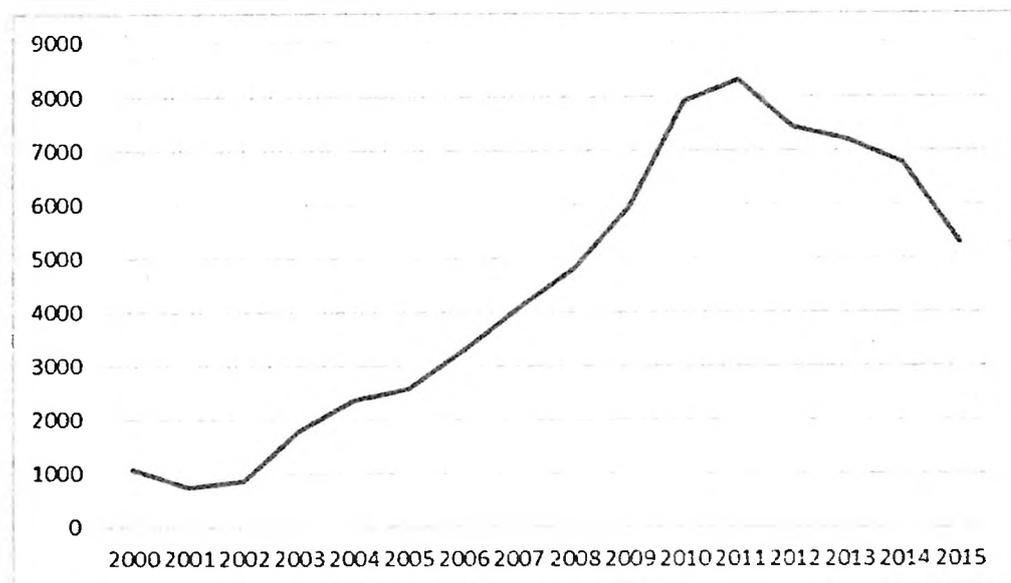

Рис. 3. Экспорт автомобильных запчастей из Японии в КНР 2000–2015 гг., млн долл.

Составлено по данным торговой статистики ООН. URL: <http://comtrade.un.org/>

Параллельно, с небольшим временным лагом, наращивались объемы поставок промежуточной продукции и комплектующих из Японии: на рис. 2 отображена динамика стоимости импортированных электронных компонентов, на рис. 3 — автомобильных запчастей. На приведенных графиках видно, что с 2011 г. эти поставки имели тенденцию к снижению, что объясняется, с одной стороны, ростом объема закупок комплектующих из других стран, с другой стороны, увеличением количества местных поставщиков, представленных малыми и средними компаниями японского происхождения.

Если перейти на микроуровень и рассмотреть конкретные кейсы японских малых и средних компаний-поставщиков, действующих в КНР, то можно заметить, что в последние годы они становятся более независимыми, диверсифицируя своих заказчиков, и используют более гибкие подходы к организации своей деятельности. Так например, в 2002 г. один из японских подрядчиков компании Сапоп для более полной загрузки производственных мощностей, вынесенных в Китай, стал поставлять компоненты для конкурентов головной компании¹¹.

Некоторые компании-подрядчики опережают своих основных заказчиков с локализацией производства. Например, подрядчики первого уровня компании Toyota — Denso, Aisin Seiki и др. — начали инвестировать в китайскую экономику сразу после того, как головной компанией было принято соответствующее решение, но задолго до официального запуска первого совместного завода Toyota-Tianjin Auto в 2002 г. На момент открытия завода в КНР уже функционировали 56 операционных блоков поставщиков Toyota¹². Главными условиями такого успешного экспорта подрядной системы *кэйрэцу* в новую институциональную среду стали как информационная поддержка со стороны головной компании, так и тесные связи между фирмами-поставщиками, объединенными в группу Tianjin Kyoho Liaison Group. Члены этой группы, которые первыми вышли на китайский рынок, предоставляли остальным поставщикам консультации и иные услуги по продвижению продукции.

Схожая по своим функциям структура была создана ранее и в электротехнической отрасли, однако она объединяла малые и средние компании, входившие в состав разных *кэйрэцу*. В начале 1990-х годов японские поставщики электронных компонентов, имев-

шие филиалы в КНР, создали организацию Techno Centre с целью поддержки своих коллег из Японии, которые только задумывались об инвестициях в китайскую экономику. Сейчас эта организация не только консультирует представителей японского малого и среднего бизнеса, но и построила промышленный парк площадью около 6 га в районе г. Шэньчжэнь с производственными помещениями, общежитиями, предприятиями общественного питания, очистными сооружениями, электростанцией и прочей инфраструктурой. Все это предназначено для японских арендаторов и соответствует принятым высоким стандартам. Кроме того, Techno Centre предоставляет услуги по набору персонала, берет на себя вопросы прохождения таможенных процедур. На все услуги установлены конкретные цены, японский предприниматель, таким образом, избавлен от лишней неопределенности и может довольно точно планировать свои расходы. Стоит отметить, что услуги Techno Centre востребованы не только японскими малыми и средними предприятиями, но и крупными компаниями: именно в этом промышленном парке заработал первый в Китае производственный центр Fuji Xerox¹³.

Относительно небольшая доля японских МСП в КНР ориентирует свое производство не только на японские или западные компании, но и на китайский бизнес. В таких случаях несомненными преимуществами японских производителей оказываются высокое качество продукции, технологическая оснащенность, большой опыт работы, способность разрабатывать новые технологические решения в соответствии с запросами заказчика. Однако успех таких связей зависит от того, насколько японские предприниматели способны гибко и оперативно реагировать на нужды китайского рынка и снижать себестоимость поставляемой продукции¹⁴.

Японские МСП, которые нацелены на запросы китайского конечного потребителя, пока немногочисленны, но их количество постепенно растет. Многие позиционируют себя поставщиками товаров или услуг премиум-класса. Например, компания Kazumi, которая с 2008 г. занимается организацией свадеб в европейском стиле и имеет собственный банкетный зал в Шанхае¹⁵. Фирмы, производящие продукцию среднего ценового сегмента, сталкиваются с большой конкуренцией со стороны местных производителей, а также испытывают сложности, связанные с продвижением товаров в экономически неоднородном пространстве со слабой логистической инфраструктурой. Для преодоления подобных трудностей и для укрепления своих позиций японские малые и средние предприятия нередко создают операционные альянсы с китайскими фирмами. К такой стратегии прибегла японская Comfort-Lab, которая производит и реализует стельки для обуви в Китае¹⁶.

Отдельные японские МСП используют преимущества глобализации, не выводя свою деятельность за пределы Японии. Речь идет об импорте товаров из-за границы, производстве товаров и услуг, ориентированных в основном на иностранных туристов, или приеме на работу иностранных граждан. Опрос Mitsubishi UFJ Research and Consulting выявил, как подобные операции влияют на деятельность МСП в целом. В ответах часто указывались такие положительные эффекты, как рост количества деловых партнеров на территории Японии (32% опрошенных), снижение издержек, связанных с импортом (30%), а также сбор информации о зарубежных рынках и методах ведения бизнеса за границей (21,4%). Кроме того, были названы и такие преимущества, как повышение репутации предприятия, а также приобретение интеллектуальной собственности, например, патентов. Тем не менее в 14% случаев никаких особенных положительных эффектов представителями предприятий замечено не было¹⁷.

В то же время среди основных сложностей, связанных с импортом товаров, представители МСП назвали контроль за доставкой, сложности с контролем качества, а также изменение закупочных цен в связи с колебаниями обменных курсов¹⁸.

Другим важным способом участия в процессах глобализации для малого и среднего бизнеса является производство товаров или услуг для иностранных граждан, посещающих Японию, преимущественно для туристов. Туристический бизнес на сегодня-

ний день является одним из наиболее процветающих и прибыльных в Японии. По данным японского министерства туризма, в 2015 г. Японию посетило рекордное за последние 45 лет число туристов — 19,7 млн человек. К 2020 г. планируется ежегодно привлекать в Японию как минимум 20 млн иностранных туристов. Показатель, достигнутый в 2015 г., на 47,3% превысил показатель 2014 г., когда Японию посетило 13,4 млн человек, и почти в четыре раза увеличился по сравнению с 2003 г. (5,2 млн), когда была начата кампания Visit Japan по привлечению в Японию зарубежных гостей. Она обеспечила постоянный приток средств: так например, в 2015 г. иностранными туристами в Японии была потрачена рекордная сумма в 3,5 трлн иен¹⁹.

Малые и средние предприятия активно участвуют в туристическом бизнесе, предоставляя зарубежным гостям самые разнообразные виды услуг, в первую очередь размещение в гостиницах и отелях. В среднем количество МСП, ориентированных на обеспечение проживания для иностранных туристов, в два раза превышает количество аналогичных крупных предприятий, при этом около 40% туристов выбирают именно места, предоставляемые МСП. Согласно опросу, проведенному Японским туристическим агентством в 2010 г., МСП, работающие с иностранными туристами, в целом оказываются более эффективными, чем те предприятия малого и среднего бизнеса, которые ограничиваются только японской клиентурой: доля задействованного номерного фонда у них составляет 57% и 34% соответственно²⁰.

Среди основных сложностей, с которыми сталкиваются МСП, работающие с иностранными туристами, наиболее распространенной является проблема преодоления языкового барьера: о ней сообщают примерно 40% представителей предприятий, опрошенных Mitsubishi UFJ Research and Consulting. Кроме того, называются и такие проблемы, как неспособность доступно объяснить клиентам особенности предоставляемых товаров или услуг, сложности с обеспечением необходимого количества товаров или услуг в условиях колебания спроса. Однако около четверти опрошенных не видят никаких трудностей в работе с иностранными туристами. Более того, многие МСП, занятые в туристическом бизнесе, активно перестраивают свои бизнес-модели с учетом запросов иностранных клиентов: предоставляют инструкции на иностранных языках к реализуемым товарам и услугам, создают иноязычные интернет-сайты для продвижения своих предприятий среди иностранцев, организуют дополнительное обучение персонала, производят специально ориентированные на иностранцев товары и услуги и т.д.²¹

Наконец, третьим из рассматриваемых в данной статье способов участия японских МСП в международной интеграции бизнеса является прием на работу иностранных граждан, проживающих на территории Японии. Среди МСП, поставляющих за границу производимые ими товары или услуги, около 31,5% нанимают иностранную рабочую силу. Иностранцы на этих предприятиях в основном заняты в сфере продаж (31%), работают на должностях специалистов (30%), а также на административных и даже управленческих должностях (24,5% и 19,7% соответственно). В то же время предприятия, которые реализуют свою продукцию исключительно на японском рынке, предоставляют рабочие места иностранцам только в 12% случаев, в основном это рабочие вакансии (36%), административные должности (26%) и должности специалистов (23%). Кроме того, подобные предприятия часто предоставляют иностранцам вакансии под неполную занятость или же в качестве подработки (16%)²².

На сегодняшний день одной из ключевых задач для частных и правительственных организаций, занимающихся поддержкой японских МСП, является предоставление им действенной и широкомасштабной помощи по таким направлениям, как повышение общего уровня конкурентоспособности и технической оснащенности предприятий, сбор информации о зарубежных рынках и успешный выход на них. С этой целью ежегодно запускаются всевозможные программы по обучению и подготовке персонала, предоставлению структур для зарубежного инвестирования и проведения внешнеторговых операций.

В Японии существует несколько основных организаций, в которых МСП могут получать информацию о продвижении бизнеса за границей. Одной из таких организаций является основанная в 1956 г. Национальная федерация объединений малого бизнеса²³. Она предоставляет малым и средним предприятиям подробные данные о странах — реципиентах капитала, выпускает ежемесячный журнал по проблемам зарубежного инвестирования, организует лекции ведущих специалистов по вопросам поддержки малых предприятий, инвестиционной политике иностранных правительств и т.д. Кроме того, организуется дополнительное обучение персонала малых предприятий в Токийской и Кансайской школах бизнеса²⁴.

Другим важным агентом поддержки МСП за границей является Японская организация содействия развитию внешней торговли и инвестициям (далее — JETRO)²⁵. Как и Федерация малого бизнеса, она предоставляет владельцам предприятий детальную информацию об инвестиционном климате за рубежом. JETRO занимается постоянным мониторингом экономического положения разных стран мира, исследует общие тенденции развития мировой экономики. Важным направлением деятельности JETRO по интернационализации малого и среднего бизнеса является разработка централизованных программ по выводу МСП за рубеж. В частности, в 2013 г. в Сан-Паулу был запущен проект — Платформа по зарубежному расширению японского малого и среднего бизнеса. Это первая в своем роде программа, которая нацелена на успешное развитие японских МСП за границей через освещение местного законодательства и сотрудничество с местными организациями²⁶. Кроме того, JETRO проводит регулярные отраслевые выставки с приглашением иностранных участников как в Японии, так и за рубежом. МСП, таким образом, получают возможности для встреч и переговоров с представителями зарубежных фирм. Ярким примером подобных мероприятий является ежегодная Международная выставка малого и среднего бизнеса в Гонконге²⁷.

Другие организации также проводят аналогичные выставки. Например, Организация малого и среднего бизнеса и региональных инноваций ежегодно устраивает «Выставку создания новых ценностей», на которой демонстрируются продукты и технологии, разработанные японским малым и средним бизнесом за прошедший год. В 2015 г. выставку посетило в общей сложности 49 551 человек, в ее работе приняли участие 455 предприятий²⁸.

Еще одним важным направлением деятельности по поддержке МСП становится политика по повышению технического уровня производства, которая направлена на улучшение качества и конкурентоспособности выпускаемых товаров и услуг. Это может быть финансовая помощь государственным и частным НИИ, разрабатывающим технологии для МСП, масштабные научно-исследовательские проекты с привлечением ведущих специалистов, проведение ежемесячных «рынков обмена технологиями» и т.д. Для улучшения качества рабочей силы во многих префектурах открываются краткосрочные курсы для повышения квалификации менеджеров МСП, а для снижения текучести персонала правительственными организациями внедряются системы по выплате выходных пособий работникам предприятий, что повышает привлекательность рабочих мест²⁹.

* * *

В заключение можно утверждать, что для многих малых и средних предприятий участие в процессах глобализации является одним из наиболее благоприятных вариантов дальнейшего развития бизнеса. Для владельцев японских МСП, принимающих непосредственное участие в интернационализации бизнеса, проще осуществлять выход на рынки стран Азии, чем на рынки Европы или США. Там они чувствуют себя более уверенно, обладают большей степенью осведомленности о ситуации на рынках, могут позволить себе выставлять относительно высокие цены на свои товары и услуги, поскольку убеждены в высоком спросе на поставляемую продукцию, который обусловлен

заказами со стороны крупных японских корпораций. Хорошее знание рыночной ситуации — результат деятельности ассоциаций японских компаний, уже имеющих опыт работы на азиатском направлении.

Японское правительство также активно помогает малым и средним предприятиям выходить на международные рынки через реализацию ряда проектов, направленных на подъем конкурентоспособности предприятий, предоставление необходимого образования для персонала, занятого на этих предприятиях, а также проведение масштабных международных выставок.

Некоторые японские МСП успешно используют преимущества глобализации, не покидая территории страны. Эти предприятия импортируют товары, произведенные за границей, принимают на работу иностранных граждан. Большое количество японских МСП работают в туристической индустрии, которая в настоящее время обеспечивает колоссальные вливания средств в японскую экономику, а стремительный рост этой отрасли создает благоприятную почву для дальнейшего создания новых предприятий.

1. White paper on Small and Medium Enterprises in Japan: Structural Change in Japanese Society and the Dynamism of Small and Medium Enterprises / Japan Small Business Research Institute. 2005. P. 36.
2. Ibidem.
3. Тю:сё: кигё:-но кокусай тэнкай-ни кансуру дзю:тэн ё:бо : [Меры, необходимые для разворачивания интернационализации малого и среднего бизнеса] / Токийская торгово-промышленная палата. 2015.
4. *Motohashi Kazuyuki*. Globalization of Japanese Firms and its Impact on Domestic Economy. URL: <http://www.mo.t.u-tokyo.ac.jp/seika/files/APPC-paper.pdf> (дата обращения: 10.12.2015).
5. Cit. ex. White paper on Small and Medium Enterprises in Japan: Rebuilding from the Earthquake and Surmounting Growth Constraints / Japan Small Business Research Institute. 2011. P. 269.
6. Ibid. P. 271.
7. Ibid. P. 270.
8. Ibidem.
9. *Демина М. О.* Японский капитал в ЕС: новый этап освоения производственного сектора // Япония наших дней. 2014. № 2 (20). С. 70.
10. *Aoki K., Lennerfors T. T.* Whither Japanese keiretsu? The transformation of vertical keiretsu in Toyota, Nissan and Honda 1991–2011 // Asia Pacific Business Review. 2013. Т. 19. № 1. С. 73.
11. *Guo Y.H.* Small and medium enterprises as pioneers in the expansion of global production networks: A case study of the Japanese electronics industry in Guangdong, China // Entrepreneurship & Regional Development. 2012. Т. 24. № 3–4. С. 151.
12. *Hatani F.* Pre-clusterization in emerging markets: the Toyota group's entry process in China // Asia Pacific business review. 2009. Т. 15. № 3. С. 374–377.
13. *Guo Y.H.* Op. cit. P. 151–154.
14. Кэ Д. Никкэй тю:сё: сапурай:но тю:гоку сидзё: кайтакун кансуру инко:сацу : [Исследование способов освоения китайского рынка малыми и средними предприятиями-поставщиками японского происхождения] // Адзиа Кэйдай. 2015. Т. 56. № 1.
15. Kazumi Company Outline. URL: <http://www.kazumi-corp.co.jp/company/outline.html> (дата обращения: 19.06.2016).
16. White paper: Rebuilding from the Earthquake... P. 294.
17. Ibid. P. 282.
18. Ibidem.
19. *Otake Tomoko*. Visitors to Japan surge to record 19.73 million, spend all-time high ¥3.48 trillion // The Japan Times. 19.01.2016. URL: <http://www.japantimes.co.jp/news/2016/01/19/national/japan-sets-new-inbound-tourism-record-2015-comes-just-short-20-million-target/#.V3ImJ7iLTIU> (дата обращения: 19.06.2016).
20. Cit. ex. White paper on Small and Medium Enterprises in Japan: Rebuilding from the Earthquake... P. 284–285.

21. Ibid. P. 287.
22. Ibid. P. 288–289.
23. National Federation of Small Business Associations (NFSBA).
URL: <http://www.chuokai.or.jp/en/index.htm>.
24. Outline of activities // NFSBA. URL: <http://www.chuokai.or.jp/en/act/act.htm> (дата обращения: 21.04.2015).
25. Japan External Trade Organisation (JETRO). URL: <http://www.jetro.go.jp/en/>
26. Launching SME Overseas Expansion Platform in Brazil// JETRO, 2013.
URL: http://www.jetro.go.jp/en/jetro/topics/1305_topics1.html (дата обращения: 21.04.2015).
27. World SME Expo: Connecting the World SMEs // JETRO, 2014. URL: http://www.jetro.go.jp/j-messe/tradefair_en/WorldSME_43124 (дата обращения: 21.05.2016).
28. Син кати со:зо:тэн : [Выставка создания новых ценностей].
URL: <http://shinkachi.smgj.go.jp/токуо/2015/> (дата обращения: 18.06.2016).
29. *Лебедева И. П.* Малый бизнес в Японии. М.: Восток-Запад, 2004. С. 42–45.

Военное строительство

Роль ядерного оружия и ракетных войск в военной доктрине КНР

© 2016

А.В. Шлындов

В статье излагается история создания ядерного оружия в КНР, раскрывается содержание современной ядерной доктрины Китая. Дана детальная характеристика ракетных войск НОАК, содержатся выводы о перспективах развития этого вида вооруженных сил КНР.

Ключевые слова: НОАК, ядерное оружие, ракетные войска, межконтинентальная баллистическая ракета, баллистическая ракета промежуточной дальности, баллистическая ракета средней дальности, подвижный грунтовой ракетный комплекс.

История создания ядерного оружия в КНР

КНР является пятым официальным членом клуба ядерных держав. Этот статус Китая закреплен в Договоре о нераспространении ядерного оружия, подписанном и ратифицированном Пекином в 1992 г. В силу того что в последние десятилетия Китай уверенно выходит по многим показателям своего развития на второе после США место в мире, в политике Пекина все более отчетливо прослеживаются сигналы, свидетельствующие о том, что он позиционирует себя как вторая сверхдержава современного мира со всеми вытекающими из этого статуса правами и намерен играть ключевую роль в решении не только региональных, но и глобальных проблем современного мирового развития. Китай всегда рассматривал свой ядерный статус как неременный атрибут великой державы. В современных условиях, когда КНР претендует на роль сверхдержавы, способной оспорить глобальную гегемонию США, вопросы, касающиеся позиции китайского руководства в отношении ядерного оружия, приобретают особую актуальность.

Работы по программе создания ядерного оружия в Китае начались в середине 1950-х годов при активном участии Советского Союза, который к моменту разрыва советско-китайских связей в научно-технической, технологической и военной сферах передал китайским специалистам значительную часть документации по созданию ядерного оружия и средств его доставки, а также оказал весомую помощь в формировании основ ядерной индустрии КНР. Это позволило Китаю самостоятельно завершить свой ядерный

проект, венцом которого явилось успешное испытание в 1964 г. первого китайского ядерного устройства.

Чтобы лучше понять современную позицию КНР в отношении ядерного оружия, необходимо проследить ее развитие с момента принятия китайским руководством политического решения о его создании. Оно было принято, скорее всего, в период Корейской войны, когда на стороне Северной Кореи в боевых действиях против так называемых сил ООН, возглавлявшихся США, активное участие приняли регулярные соединения НОАК, что фактически лишило Америку возможности одержать быструю и решительную победу в той войне с приемлемыми для американской общественности потерями.

Осознавая, что колоссальные политические и военные усилия США в условиях активной военной помощи КНДР со стороны СССР и КНР с ее фактически неограниченными людскими ресурсами не приведут к планируемым результатам, в Вашингтоне серьезно рассматривали вопрос о применении против Китая ядерного оружия. В США был принят план нанесения ядерных ударов не только по группировкам китайских народных добровольцев на территории КНДР, но и по городам КНР. Естественно, что в таких условиях основным побудительным мотивом китайского руководства к созданию ядерного оружия являлся вопрос не только существования режима власти КПК, но и выживания китайской нации. Нельзя согласиться с мнением некоторых западных специалистов о том, что Мао Цзэдун, в отличие от советских и американских руководителей, никогда не рассматривал ядерное оружие как ключевой военный фактор, который может оказать решающее воздействие на ход и исход войны, и поэтому его применение в боевых действиях никогда реально не планировалось. Ограниченность этого утверждения становится очевидной, если вспомнить заявление китайского вождя на состоявшемся в 1957 г. в Москве Совещании коммунистических и рабочих партий. В своем выступлении Мао Цзэдун назвал атомную бомбу «бумажным тигром», призвал не бояться ее, так как она позволит окончательно покончить с империализмом. В результате этого якобы откроются перспективы беспрепятственного строительства коммунизма в масштабе всей планеты.

Следует тем не менее признать, что в тот период военный аспект позиции китайского руководства в отношении ядерного оружия не был доминирующим. На ее формирование не меньшее воздействие оказывал комплекс неполноценности Китая как государства, который выработался у него в процессе неравноправного общения с западными странами, рассматривавшими его как объект своей экспансии, обеспечивавшей возможность безнаказанно грабить Китай, эксплуатировать его ресурсы, получая колоссальную прибыль. Этот комплекс начал зарождаться в период опиумных войн, получил свое развитие в годы подавления «боксерского» восстания и укрепился в период японской агрессии в конце 30-х годов прошлого века.

Сохранению указанного комплекса способствовало и ощущение китайским руководством положения «младшего брата» в отношениях с СССР, т.е. подчиненной роли КНР в советско-китайском альянсе 1950-х годов. Как заявил в частной беседе один китайский ученый, «помощь СССР в период расцвета советско-китайской дружбы в какой-то мере оскорбляла Китай, который исторически позиционировал себя как великая держава — центр мира». Этим можно объяснить замалчивание китайскими историками значения советской помощи как в антияпонской войне китайского народа, так и в победе возглавлявшихся КПК сил над гоминьдановцами и в послевоенном развитии Китая. Многие китайские ученые, в частности, отрицают роль СССР в индустриализации КНР, создании ядерного оружия и средств его доставки, реализации космической программы и т.д.

Современная ядерная доктрина Китая

Ядерная доктрина — составная часть военной доктрины государства, в которой излагается его официальная позиция относительно всего комплекса вопросов ядерного оружия, касающихся его применения, развития, базирования, обеспечения безопасности, контроля за распространением, передачей (торговлей) ядерных технологий и материалов.

Необходимо отметить, что официального документа под названием военная или ядерная доктрина, в котором в развернутом виде была бы представлена официальная позиция руководства КНР в отношении ядерного оружия, в Китае не существует. Тем не менее ее можно в довольно полном виде выстроить, опираясь на материалы съездов КПК, официальные выступления китайских лидеров, издающиеся Министерством обороны КНР «Белые книги», статьи военных ученых и т.д.

Существенное влияние на формирование ядерной доктрины Китая оказывают международные договоры, касающиеся ядерного оружия. КНР в 1996 г. подписала Договор о всеобъемлющем запрещении испытаний ядерного оружия. Несмотря на то, что Договор до сих пор не ратифицирован, Пекин соблюдает его положения. В 1992 г. Китай подписал Договор о нераспространении ядерного оружия. В соответствии с его положениями КНР взяла на себя обязательства не передавать кому бы то ни было ядерное оружие или ядерные устройства, а также контроль над таким оружием или устройствами и никоим образом не помогать, не поощрять и не побуждать какое либо неядерное государство к производству или к приобретению ядерного оружия или ядерных взрывных устройств.

Китай, поддерживая усилия СССР и США, а затем России и США по сокращению их наступательных ядерных вооружений, отказывается от присоединения к этому процессу по крайней мере до тех пор, пока ядерные арсеналы этих двух крупнейших ядерных стран в количественном отношении не будут сопоставимы с китайским.

Основные положения современной ядерной доктрины Китая в части, касающейся применения ядерного оружия, сводятся к следующему:

1. Китай не применит ядерное оружие первым. Никогда и ни при каких обстоятельствах он не станет применять ядерное оружие и не будет угрожать его применением неядерным государствам или странам, находящимся в зонах, свободных от ядерного оружия.

Приверженность современного китайского руководства указанному принципу означает, что оно рассматривает ядерное оружие скорее как политический инструмент, обеспечивающий сдерживание потенциальных противников от применения оружия массового поражения против КНР, нежели как реальное средство ведения войны, обеспечивающее ее победоносное завершение. Китай, имеющий самые многочисленные в мире вооруженные силы, оснащенные достаточно современным обычным вооружением, может обеспечить себе победу над любым потенциальным противником на всех направлениях по периметру национальных границ без применения ядерного оружия с приемлемым для него уровнем потерь. Применение потенциальным противником ядерного оружия во многом лишает КНР имеющихся преимуществ. Более того, в условиях имеющегося количественного и качественного превосходства в ядерных средствах нанесение им массированного обезоруживающего ядерного удара ставит под вопрос не только возможность достижения победы, но само выживание КНР как государства.

2. Как средство сдерживания ядерный потенциал КНР должен обладать способностью гарантированно нанести потенциальному противнику неприемлемый для него ущерб в ответном ударе.

Следование второму принципу означает, что ядерное оружие Китая даже после первого обезоруживающего удара должно сохранить свою боевую устойчивость.

Нанесение ответного удара должно обеспечить решение следующих задач: подвить волю противника к продолжению военных действий, дезорганизовать систему его государственного и военного управления, сделать невозможным или существенно ослабить проведение противником любых войсковых операций, максимально ослабить его экономический и военный потенциал, необходимый для продолжения войны.

Все это в конечном итоге должно убедить политическое руководство противника в невозможности одержать победу в войне и заставить его отказаться от ее продолжения на приемлемых для Китая условиях.

По мнению китайского политического и военного руководства, повышение боевой устойчивости ядерных средств в условиях возможного массированного обезоруживающего удара вероятного противника как с применением ядерного, так и высокоточного обычного оружия, должно обеспечиваться следующими мерами: 1) постановкой на боевое дежурство мобильных средств — подвижных грунтовых ракетных комплексов и боевых железнодорожных ракетных комплексов; 2) увеличением численности и боевых возможностей морских стратегических ядерных сил; 3) повышением надежности прикрытия позиционных районов ядерных сил средствами ПВО/ПРО; 4) усилением охраны позиционных районов ядерных средств против формирований специальных операций противника и террористов; 5) усилением защищенности шахтных пусковых установок (ШПУ) баллистических ракет, а также пунктов базирования и позиционных районов мобильных ракетных комплексов; 6) повышением надежности боевого управления ядерными средствами; 7) созданием и принятием на вооружение комплексов противодействия создаваемой США глобальной противоракетной обороне; 8) повышением эффективности маскировки ШПУ МБР и мобильных ракетных комплексов.

Оценка китайским руководством военных угроз КНР

Вопрос о взаимной угрозе в отношениях России и Китая по крайней мере на официальном уровне полностью и окончательно снят. Это закреплено на договорно-правовом уровне. В Совместной декларации об основах взаимоотношений между Российской Федерацией и КНР от 18 декабря 1992 г. подчеркивается, что «все спорные вопросы между двумя государствами будут решаться мирными средствами». Они «не будут прибегать к силе или угрозе силой в какой бы то ни было форме в отношении друг друга, в том числе с использованием территорий, территориальных вод и воздушного пространства третьих стран... ни одна из Сторон не будет участвовать в каких-либо военно-политических союзах, направленных против другой Стороны, заключать с третьими странами каких-либо договоров и соглашений, наносящих ущерб государственному суверенитету и интересам безопасности другой Стороны».

Практическим подтверждением отсутствия фактора взаимной угрозы стало подписание между двумя странами 3 сентября 1994 г. Совместного заявления о взаимном ненацеливании стратегических ядерных средств и неприменении первыми друг против друга ядерного оружия.

Еще одним важным шагом в сторону повышения доверия в военной области стало подписание в ходе состоявшегося в октябре 2009 г. официального визита председателя правительства России В.В. Путина Соглашения о взаимном информировании о пусках баллистических ракет.

Заключение 16 июля 2001 г. Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и КНР ознаменовало качественной новый этап в развитии партнерских отношений двух государств.

В Московском совместном заявлении глав двух государств от 16 июля 2001 г. Договор именуется «программным документом, определяющим развитие российско-ки-

тайских отношений в новом веке...». В нем «в юридической форме закреплена мирная идеология двух государств и их народов: навеки друзья и никогда — враги».

При этом руководство Китая, как это явствует из заявлений его официальных лиц, материалов съездов КПК и работ китайских военных теоретиков, на современном этапе рассматривает США как ядерную сверхдержаву, представляющую главную угрозу для КНР. Политическое и военное руководство Китая исходит из того, что США, пытаясь сохранить свою глобальную гегемонию, достигнутую в результате геополитического поражения Советского Союза, обеспечивающую им благоприятные условия для собственного процветания и развития за счет эксплуатации ресурсов других стран, включая Китай, будут использовать все доступные средства для сохранения и укрепления такого положения.

В силу того, что Китай в последнее десятилетие совершил мощный рывок в экономической, технологической и военной сферах и по основным показателям развития догоняет США, в Вашингтоне, по мнению китайского руководства, считают КНР единственным государством современного мира, способным оспорить американскую мировую гегемонию, что в глазах американской правящей элиты автоматически делает его одним из главных объектов враждебных внешнеполитических, экономических и военных акций Вашингтона, а также союзных и ориентированных на него стран.

В Пекине считают, что США в качестве крайнего средства давления на Китай могут шантажировать его угрозой применения ядерного оружия, а в исключительных случаях способны пойти на массированное применение против КНР ядерного или высокоточного оружия в обычном оснащении, особенно в ситуации развертывания высокоэффективной эшелонированной глобальной системы противоракетной обороны (ПРО), способной с достаточной степенью надежности обеспечить их собственную безопасность. Совместное применение системы ПРО и высокоточного оружия в обычном оснащении, не говоря уже о ядерных средствах, позволяет одержать победу даже над мощной ядерной державой. Реальность такого сценария подтверждается результатами проведенных в США учений, которые продемонстрировали, что при нанесении первыми массированных ударов по достаточно крупному индустриально развитому государству с применением обычных высокоточных средств в количестве 3500–4000 ед. в течение нескольких часов последнее несет неприемлемые потери и лишается возможности сопротивляться¹.

Роль и значение Ракетных войск НОАК

С момента создания собственного ядерного оружия политическое и военное руководство КНР рассматривало баллистические ракеты как самое эффективное и надежное средство его доставки к цели. В ядерном планировании основное предпочтение было отдано ракетным войскам, которые считаются главным инструментом сдерживания агрессии против КНР. Ракетные войска НОАК — новое название Второго артиллерийского корпуса, которое они получили 31 декабря 2015 г. Одновременно с этим был повышен их статус. Из отдельного рода НОАК они были переведены в самостоятельный вид вооруженных сил КНР. Как отмечают китайские военные специалисты, эти изменения отражают первостепенную значимость Ракетных войск НОАК в системе сдерживания агрессивных поползновений со стороны вероятных противников, главным из которых недвусмысленно именуется США.

В состав этих войск по-прежнему включены как стратегические, так и оперативные и оперативно-тактические системы ракетного вооружения.

Ракетные войска, как указывалось выше, в политическом плане предназначаются для сдерживания потенциальных противников от совершения широкомасштабного нападения на КНР с применением оружия массового поражения или высокоточных средств

в обычном оснащении. В военном плане их главная задача — нанесение в случае совершения агрессии против КНР с применением ядерного или обычного высокоточного оружия ударов по объектам противника совместно с морскими стратегическими ядерными силами и дальней авиацией. Им также отводится одна из главных ролей в системе предупреждения о ракетном нападении, постоянном наблюдении и контроле за околоземным космическим пространством, уничтожении космических аппаратов и баллистических ракет противника, ведении космической разведки, обеспечении функционирования многоуровневой информационно-коммутиционной сети, систем связи, управления, разведки, целеуказания и компьютерных систем.

Система управления Ракетными войсками НОАК

В ходе проводимой в КНР реформы оборонной системы государства существенно изменена система управления вооруженными силами, включая Ракетные войска НОАК. Последние были выведены из подчинения Генерального штаба НОАК и стали напрямую подчиняться Центральному Военному Совету (ЦВС) КНР. В результате за счет сокращения лишнего звена в вертикальной структуре управления войсками уменьшается время прохождения приказов, отдаваемых ЦВС КНР. Если раньше эти приказы по специальным каналам связи направлялись в соответствующее управление Генерального штаба НОАК, то теперь они сразу поступают в главный штаб Ракетных войск. Следует подчеркнуть, что прерогатива отдачи приказа о боевом применении Ракетных войск, а также о приведении их в соответствующую степень боевой готовности принадлежит исключительно ЦВС КНР как главному органу управления системой обороны страны. В этом приказе указываются конкретные цели для нанесения ракетных ударов, их координаты, время пусков ракет для каждого формирования, интервалы пусков для каждого расчета. Даются инструкции относительно маршрутов движения подвижных грунтовых ракетных комплексов в районы рассредоточения после осуществления ими пусков ракет.

Степени боевой готовности Ракетных войск НОАК

Система приведения Ракетных войск в различные степени боевой готовности в результате реформы, по всей видимости, не подверглась изменениям. Их, как и прежде, три. Третья степень предполагает осуществление плановой повседневной деятельности войск, их личного состава, обычный режим проведения тренировок, обучения, занятий. Вторая степень боевой готовности Ракетных войск НОАК объявляется в случае получения ЦВС КНР информации о возможности применения вероятным противником ядерных средств или обычного высокоточного оружия. Она требует, чтобы расчеты баллистических ракет были готовы к пускам. Подвижные грунтовые ракетные комплексы и системы управления и обслуживания должны находиться в готовности к выдвигению в свои позиционные районы и развертыванию в заранее подготовленных подземных укрытиях.

Самая высокая степень боевой готовности Ракетных войск — первая. При получении приказа ЦВС КНР о приведении их в первую степень готовности расчеты ракетных средств должны быть развернуты и находиться в полной готовности к немедленному осуществлению пусков ракет при получении соответствующего приказа ЦВС КНР. После осуществления пусков ракет мобильные пусковые установки и обслуживающие их системы рассредоточиваются и ожидают разведанные о результатах ударов.

Концепция применения Ракетных войск НОАК

Китайское политическое и военное руководство считает, что Китай как великая держава современного мира должен обладать полноценной триадой ядерных сил, дополненной высокоточными средствами поражения в обычном оснащении. В количественном

и качественном отношении этот потенциал должен быть способен сохранить в боеспособном состоянии определенное количество, прежде всего ядерных средств, достаточное для нанесения агрессору неприемлемого для него ущерба в ответном ударе, то есть после массированного применения противником ядерного или высокоточного оружия по объектам на территории КНР. Ввиду пока еще довольно низкой эффективности системы предупреждения о ракетном нападении (информационных средств обнаружения пусков ракет), систем их сопровождения, наведения средств поражения и самих средств поражения ракет и их боевых блоков применение Ракетных войск НОАК планируется только в ответном ударе возмездия. Как отмечалось выше, китайское политическое и военное руководство считает, что КНР должна обладать ядерным потенциалом, обеспечивающим возможность сохранить в боеспособном состоянии количество ядерных средств, достаточное для нанесения ответного удара и причинения противнику неприемлемого ущерба после массированного применения последним ядерного или высокоточного оружия в обычном оснащении по объектам на территории КНР.

В ответном ударе должны быть практически одновременно задействованы все выжившие после такого внезапного обезоруживающего удара противника ядерные средства Китая — межконтинентальные баллистические ракеты (МБР), баллистические ракеты подводных лодок, крылатые ракеты большой дальности наземного, морского и воздушного базирования. Баллистические ракеты промежуточной, средней и малой дальности должны быть применены по территории государств Восточной Азии, где расположены военные базы и объекты противника.

В силу неравноценности компонентов существующей в настоящее время у КНР триады ядерных сил основная роль в ответном ударе возмездия отводится Ракетным войскам НОАК. Конечная цель такого ответного удара, как отмечалось выше, убедить политическое руководство противника в невозможности одержать победу в войне и заставить его отказаться от ее дальнейшего продолжения.

При этом главнейшей политической задачей китайского ядерного потенциала остается сдерживание потенциального противника от прямой агрессии против КНР с применением как оружия массового уничтожения, так и высокоточных средств поражения в обычном оснащении.

Китайские специалисты считают, что угроза применения ядерного потенциала КНР может заставить противника отказаться от применения ядерных средств при неблагоприятном для него ходе военных действий с применением обычного вооружения.

С созданием высокоэффективной системы предупреждения о ракетном нападении китайские специалисты не исключают применения ядерных средств в ответно-встречном ударе. Некоторые китайские эксперты в дискуссионном плане ставят вопрос о правомерности нанесения превентивного удара по объектам на территории противника при получении агентурной разведкой достоверных данных о готовящемся нападении на КНР с широкомасштабным применением ядерного или высокоточного оружия в обычном оснащении.

Выбор целей для ответного удара

Для нанесения неприемлемого ущерба противнику существенно сокращенным нарядом ядерных средств, выживших после нанесения последним внезапного обезоруживающего удара, определяется набор целей, подлежащих первоочередному поражению в ответном ударе возмездия. В их число входят политические и экономические центры противника, включая крупные города. Считается, что нанесение ядерных ударов по мегаполисам, которые приведут к массовой гибели жителей и разрушению городской инфраструктуры, позволит сломить боевой дух населения и подорвать его волю к продолжению войны. К первоочередным целям относятся также наиболее значимые для обеспече-

ния жизнедеятельности государства объекты инфраструктуры, которые обеспечивают его способность вести войну.

Особое место в списке целей, подлежащих первоочередному поражению, занимают потенциально опасные объекты: химические предприятия, атомные электростанции, водохранилища, гидроэлектростанции, плотины, нефте- и газохранилища. Поражение таких объектов во много раз увеличивает масштабы разрушений и приводит к еще большему числу жертв среди населения.

С развертыванием США глобальной системы ПРО, способной нейтрализовать оставшийся в боеспособном состоянии после внезапного обезоруживающего удара потенциал ракетно-ядерных средств Китая, в число первоочередных целей для ответного удара включаются и ключевые объекты этой системы.

В контексте реализации мер по повышению боевой устойчивости ядерных сил Китая, указанных в документах и материалах, составляющих его ядерную доктрину, основной упор КНР делает на развертывании мобильных ракетных комплексов. С каждым годом в группировке Ракетных войск НОАК увеличивается количество подвижных грунтовых ракетных комплексов (ПГРК) новых модификаций. Уже в краткосрочной перспективе ожидается поступление на вооружение Ракетных войск боевых железнодорожных ракетных комплексов (БЖРК). По сообщению американского издания *Washington Free Beacon* со ссылкой на разведслужбы США, 5 декабря 2015 г. вооруженные силы Китая провели испытательный запуск МБР «Дунфэн-41» с железнодорожной мобильной установки².

Китайские специалисты самое серьезное внимание уделяют проблеме усиления защищенности ракетных комплексов как с точки зрения повышения их боевой устойчивости к воздействию факторов ядерного взрыва, так и с позиции повышения скрытности для космической разведки вероятного противника. В районах постоянного базирования (в пунктах постоянной дислокации) соединений (частей), оснащенных ПГРК, имеются подземные тоннели или специально оборудованные горные выработки и природные пещеры, в том числе те, в которых во время освободительной борьбы против японских агрессоров находились заводы по сборке авиационной техники и другого вооружения. В таких подземных укрытиях размещаются боксы для ПГРК и обслуживающих систем.

Проводятся работы по усилению защищенности шахтных пусковых установок, в этих же целях совершенствуются транспортно-пусковые контейнеры МБР. Расширяется имеющаяся в ракетных войсках собственная рассчитанная для передвижения (провода) сверхтяжелой техники укрепленная дорожная система, включающая железнодорожные пути от мест базирования соединений (частей) ракетных войск до их позиционных районов, оборудованных специальными, замаскированными под гражданские объекты укрытиями. Многие железнодорожные пути дублируются. Способ передвижения (транспортировки) ракетных систем выбирается в зависимости от состояния дорожной сети после применения противником ядерного или обычного высокоточного оружия.

С принятием на вооружение БЖРК, которые в настоящее время находятся в стадии испытаний, железнодорожные пути Ракетных войск КНР будут соединены с общей железнодорожной сетью страны, что позволит им под видом обычных гражданских грузовых составов передвигаться по всей территории КНР и оставаться незаметными для средств космической разведки противника.

Большое значение придается вопросам оперативной маскировки и мерам по введению в заблуждение вероятного противника. Объекты Ракетных войск НОАК, позиционные районы баллистических ракет и пути выдвижения к ним маскируются под гражданские. В период учений перемещение ракетных комплексов осуществляется в ночное время, соблюдается режим радиомолчания, отключаются РЛС и другие электронные средства, работа которых может быть вскрыта средствами космической разведки вероятного противника.

Серьезные меры принимаются для повышения надежности охраны объектов Ракетных войск НОАК от диверсионных групп противника. Совершенствуются как оптико-электронные средства, так и техническое оснащение подразделений охраны и разведки, внедряются роботизированные системы охраны и беспилотные летательные аппараты.

В Китае активно ведутся НИОКР по созданию новых и совершенствованию уже имеющихся средств преодоления ПРО. Этому вопросу уделяется самое серьезное внимание при разработке новых ракетных комплексов. Китайские специалисты считают, что наиболее перспективными направлениями в решении задачи преодоления ПРО являются сокращение разгонного (активного) участка траектории полета МБР; увеличение количества разделяющихся головных частей индивидуального наведения (РГЧ ИН); создание новых видов боевого оснащения с трудно прогнозируемой траекторией полета; оснащение боевых блоков ложными боеголовками и аппаратурой от средств радиоэлектронного противодействия; применение различных отражателей, затрудняющих обнаружение МБР или их боевых блоков.

По всем этим направлениям Китай добился весьма внушительных успехов. Одним из последних и наиболее значимых достижений в этой области является создание в КНР сверхскоростного аппарата («глайдера») WU-14, успешное испытание которого было проведено над территорией страны 9 января 2014 г. По оценкам американских специалистов, он запускается межконтинентальной баллистической ракетой, затем отделяется и продолжает полет в режиме планирования на высоте примерно 100 километров от поверхности Земли. На пути к цели гиперзвуковой «глайдер» маневрирует в околосреднем пространстве на скоростях, почти в 10 раз превышающих скорость звука, то есть примерно 11 000 км/час, или 8–12 Ма (махов), а для наведения на цель использует бортовой радар³. Как отмечают американские эксперты, перспективная система ПРО США рассчитана на перехват целей, летящих со скоростью до 5 Ма. То есть WU-14 может уверенно преодолевать американскую ПРО, оставаясь неуязвимым⁴.

Количественный и качественный состав Ракетных войск НОАК

По данным Международного института стратегических исследований (IISS, Лондон), в Ракетных силах НОАК на конец 2015 г. на вооружении состояло всего 458 баллистических ракет. Из них 66 МБР: DF-4 (CSS-3) — 10 ед., DF-5A (CSS-4 Mod 2) — 20 ед., DF-31 (CSS-9 Mod 1) — 12 ед., DF-31A (CSS-9 Mod 2) — 24 ед. Баллистических ракет промежуточной дальности DF-3A (CSS-2 Mod 2) — 6 ед. Ракет средней дальности 134 ед.: DF-16 (CSS-11) — 12 ед., DF-21/DF-21A (CSS-5 Mod 1/2) — 80 ед., DF-21C (CSS-5 Mod 3) — 36 ед., противокорабельных баллистических ракет DF-21D (CSS-5 Mod 5) — 6 ед. Баллистических ракет малой дальности 252 ед., в том числе: DF-11A/M-11A (CSS-7 Mod 2) — 108 ед.; DF-15M-9 (CSS-6) — 144 ед. Крылатых ракет наземного базирования DH-10 — 54 ед.⁵

По данным разведсообщества США, на вооружении Ракетных войск НОАК имеется приблизительно 75–100 МБР, включая DF-5A (CSS-4 Mod 2) и DF-5B (CSS-4 Mod 2) шахтного базирования; подвижные грунтовые ракетные комплексы DF31 (CSS-9 Mod 1) и DS-31A (CSS-9 Mod 2) с твердотопливной баллистической ракетой межконтинентальной дальности и баллистическими ракетами промежуточной дальности DF-4 (CSS-3)⁶.

Этот арсенал дополняют ПГРК DF-21 (CSS-5 Mod 6) с твердотопливной баллистической ракетой средней дальности. DF-5 (CSS-4) — жидкотопливная ракета межконтинентальной дальности шахтного базирования. Эта ракета первая из линейки китайских межконтинентальных баллистических ракет. Она состоит на вооружении Ракетных войск НОАК с 1981 г. Стартовый вес МБР DF-5 (CSS-4) 183000 кг. Она оснащена одной ядерной боеголовкой весом 3900 кг, мощностью 1–3 мегатонн, дальность указанной МБР составляет 12000 км⁷. Эта МБР первая из арсенала китайских ядерных средств, которая

способна поразить цели на всей территории США. Инерциальная система наведения обеспечивает ей достаточную для ядерной боеголовки такой мощности точность. Круговое вероятное отклонение (КВО) составляет 800 м. Последующая модификация указанной МБР DF-5A (CSS-4) оснащена системой преодоления ПРО. Она имеет более высокую точность и увеличенную дальность. Ее КВО составляет 300 м, а дальность с боеголовкой весом 3200 кг достигает 13000 км. Часть МБР этого типа оснащается 4–6 РГЧ ИН мощностью по 150–300 килотонн каждая⁸.

На основе МБР DF-5 была разработана ракета-носитель «Великий поход»-2С, которая широко использовалась в процессе реализации космической программы КНР. МБР DF-5 и DF-5A в плановом порядке снимаются с вооружения, а им на смену приходят ПГРК DF-31/DF-31A (CSS-9 Mod 1/CSS-9 Mod 2). Часть МБР DF-5 в краткосрочной перспективе предполагается заменить на находящиеся в стадии испытаний сверхтяжелые БЖРК DF-41 (CSS-X-10) с боевым блоком весом 2500 кг и дальностью 12000–15000 км. DF-31 — первая китайская твердотопливная трехступенчатая мобильная ракета межконтинентальной дальности (8000 км). Она оснащена одной головной частью весом 1050 кг и мощностью 1 мегатонна. В модификации DF-31A МБР имеет по сравнению с базовой версией большую дальность, достигающую 11700 км, что позволяет ей поразить любую точку на территории США. Она оснащена 3–4 РГЧ ИН весом до 1750 кг⁹.

Мобильная пусковая установка (ПУ) МБР DF-31A является усовершенствованной копией ПУ советской мобильной баллистической ракеты SS-20 на шасси Минского автомобильного завода. Это шасси обладает целым рядом преимуществ по сравнению с платформой китайской разработки, использовавшейся в базовой модификации DF-31: она позволяет передвигаться по грунтовым дорогам без специального покрытия, что существенно повышает мобильность ракетного комплекса, обладает большей грузоподъемностью и устойчивостью.

Арсенал китайских МБР дополняют баллистические ракеты промежуточной дальности DF-3A (CSS-2). Ракета этого типа оснащена одной боеголовкой весом 2200 кг и имеет дальность 4750 км¹⁰.

Особое внимание китайские специалисты уделяют разработке высокоточных систем вооружения в обычном оснащении. Это баллистические и крылатые ракеты, способные наносить точечные удары по малоразмерным и хорошо защищенным целям. В настоящее время в НОАК уже принята на вооружение целая серия баллистических и крылатых ракет в обычном оснащении. В зоне их досягаемости находятся американские военные базы на территории Японии, включая Окинаву, и Южной Кореи. Недавно принятая на вооружение Ракетных войск НОАК мобильная высокоточная баллистическая ракета средней дальности DF-26 способна поразить объекты американской базы на о. Гуам.

Следует особо отметить тот факт, что китайским разработчикам удалось создать не имеющие аналогов в мире мобильные высокоточные баллистические ракеты DF-21D и DF-26, специально предназначенные для поражения крупных надводных кораблей, включая авианосцы. Ракеты DF-21D поступили на вооружение Ракетных войск НОАК и уже развернуты на боевых позициях. Их дальность поражения морских и наземных малоразмерных целей достигает 2000 км. На вооружение начали поступать еще более эффективные ракеты этого класса DF-26. Эти ракеты в перспективе предполагается оснащать гиперзвуковыми боевыми частями. В таком оснащении ракета может преодолевать американскую систему ПРО и поражать морские и береговые цели на дальности до 4000 км. Для DF-21D в Китае ведется разработка разделяющейся боевой части с блоками индивидуального наведения. Одна ракета может поразить не один, а два-три корабля или малоразмерных наземных объекта. Для устойчивого целеуказания помимо спутников будет использоваться загоризонтная РЛС большой дальности¹¹. Высокоточные баллистиче-

ские ракеты представляет серьезную угрозу для авианосных ударных групп США в западной части Тихого океана.

Некоторые российские и зарубежные эксперты подвергают сомнению оценочные данные о численности ракетно-ядерных средств КНР, фигурирующие в ежегодных выпусках ИСС, Стокгольмского международного института исследований проблем мира (SIPRI) и докладах министерства обороны США Конгрессу. В частности, этой точки зрения придерживаются такие известные российские специалисты, как А. Храмчихин и А. Арбатов. Последний в своем интервью, опубликованном на страницах еженедельника «Аргументы и факты», утверждает, что «можно с уверенностью говорить только про 300 с небольшим боеголовок, которые видны со спутников на суше и на море. Но, по некоторым оценкам, на самом деле у КНР уже больше 1000 боеголовок. Китайцы прорыли в центральных районах страны огромные тоннели протяженностью в тысячи километров (!), делалось это стройбатом “второй артиллерии”, так они называли свои РВСН... В этих тоннелях могут быть спрятаны десятки или сотни мобильных ракетных установок, которые нельзя увидеть из космоса»¹².

На наш взгляд, эти сомнения, подтверждаемые довольно весомыми доводами, трудно оспорить. Китай действительно обладает мощным потенциалом по производству ядерных материалов, необходимых для создания ядерных боеприпасов, и средств их доставки. Простые подсчеты возможностей КНР по производству ядерных боеприпасов и баллистических ракет по годам приводят к выводу, что оценочный количественный состав ядерного арсенала КНР, базирующийся на данных космической разведки США, существенно занижается. Реальное количество ракетно-ядерных средств Китая, по всей видимости, уже не так отстает от российского и американского. При его научно-техническом и промышленном потенциале Китай в течение нескольких лет способен догнать и Россию, и США как по количеству, так и по качеству ядерных боеприпасов и средств их доставки.

В подтверждение такого вывода следует отметить, что в условиях создания США многоэшелонной глобальной системы ПРО, такое увеличение ядерных средств Китая выглядит вполне оправданным. Ядерная доктрина Китая, как отмечалось выше, предполагает применение ракетно-ядерных средств, главным образом МБР, в ответном ударе возмездия после нанесения противником массированного обезоруживающего удара. В этом случае количество выживших ядерных средств напрямую зависит от их общей численности. При наличии 75–100 МБР после такого удара оставшееся их небольшое количество может быть перехвачено глобальной системой ПРО США. Таким образом, эффект сдерживания ограниченным по численности арсеналом ядерных средств стратегической дальности оказывается минимальным.

По мере укрепления своего экономического и военного потенциала, Пекин все более решительно защищает национальные интересы на международной арене. Предвидя возможность жесткого противодействия такому курсу Китая со стороны США, которые при определенных условиях не исключают оказания силового нажима на КНР, включая ядерный шантаж, и даже нанесение внезапного обезоруживающего удара с применением ядерного или обычного высокоточного оружия, китайское руководство уделяет самое серьезное внимание решению задачи совершенствования своего ядерного потенциала по сдерживанию таких агрессивных поползновений. При этом основной упор делается на расширение возможностей по нейтрализации возросшей угрозы со стороны США в связи с развитием американских перспективных стратегических систем, таких как космические ударные средства, высокоточное оружие и эшелонированная глобальная система ПРО.

1. Военно-промышленный курьер (ВПК). 2016. № 25 (640).
2. Там же.
3. Там же.
4. Цит. по: «Национальная оборона». 2014. № 7. С. 102.
5. The Military Balance: 2015. The Annual Assessment of Global Military Capabilities and Defense Economics / The International Institute for Strategic Studies. London, 2016. P. 237.
6. Annual Report to Congress: Military and Security Development Involving the Peoples' Republic of China / Office of the Secretary of Defense. [Washington (DC)], 2016. P. 25.
7. Missile Threat. A Project of the George C. Marshall and Claremont Institutes. URL: <http://missilethreat.com/all-missiles> (дата доступа: 20.08.2016).
8. Ibid.
9. Ibid.
10. Ibid.
11. Национальная оборона. 2016. № 1. С. 12.
12. Аргументы и факты. 2016. № 25. 22 июня.

История

Русско-китайские отношения в 1891–1896 гг. и деятельность российского посланника в Пекине А.П. Кассини

© 2016

Е.О. Старовойтова

Во время деятельности А.П. Кассини в качестве российского посланника в Пекине относится ряд событий, оказавших значительное влияние на развитие политики России не только в Китае, но на Дальнем Востоке и в мире в целом: китайско-японская война 1894–1895 гг. и заключение Симоносекского мирного договора; учреждение Русско-Китайского банка (1895); подписание русско-китайского договора об оборонительном союзе против Японии и о строительстве КВЖД (1896). Очевидно, личность русского посланника в Пекине могла оказывать влияние на развитие отношений между сторонами, а потому достойна отдельного упоминания.

Ключевые слова: внешняя политика, русско-китайские отношения, посланник в Пекине граф А.П. Кассини.

Русско-китайские отношения в конце XIX — начале XX в. за довольно непродолжительный период прошли сложный путь от заключения сторонами взаимовыгодных соглашений в сфере пограничного размежевания, торговли, финансов до военного конфликта и практически полного отдаления.

В конце XIX в. правительство Российской империи перешло к активной внешней политике на Дальнем Востоке. Связано это было, в первую очередь, с тем, что в то время Восточная Азия стала зоной столкновения стратегических интересов крупнейших капиталистических держав мира — таких, как Великобритания, Германия, Франция, США, а также Япония, в борьбе за раздел сфер влияния.

В свою очередь цинское правительство также изменило свою политику в отношении третьих стран, сделав ее более прагматичной.

Старовойтова Елена Олеговна, ассистент кафедры теории общественного развития стран Азии и Африки Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: e.o.starovoytova@mail.ru.

Статья подготовлена в рамках проекта, поддержанного грантом Российского гуманитарного научного фонда, № 15-01-00231а «Русско-китайские отношения в 1861–1901 гг. Материалы и документы».

Как отмечает А.Д. Воскресенский, со второй половины XIX в. «внешний фактор [в развитии русско-китайских отношений] стал превалирующим и начал оказывать непосредственное влияние на внутренние объективные и субъективные факторы как в России, так и в Китае»¹. Основной задачей русской дипломатии в то время было «обеспечение российских интересов на Дальнем Востоке вне зависимости от какого-либо иностранного влияния»². Следствием подобной стратегии стало заключение в 1858 г. Айгуньского и Тяньцзиньского договоров, в 1860 г. — Пекинского, а в 1881 г. — Санкт-Петербургского. Это позволило отношениям между двумя государствами вступить в стадию так называемого стабильного равновесия, которая продолжалась вплоть до начала XX в.³ В то же время следует отметить, что это была новая фаза в процессе российско-китайского социокультурного взаимодействия⁴.

Среди факторов, повлиявших на дальнейшее развитие отношений между сторонами, стоит назвать коренные изменения в экономической системе и общественной мысли России. Укрепившиеся к началу 1890-х годов в умах значительной части русских государственных деятелей идеи империализма обусловили изменения во внешней политике в пользу смещения к широкомасштабному экономическому проникновению в сопредельные регионы, прежде всего в Персию и Китай.

В 1891 г. начинается строительство великого Сибирского железнодорожного пути, призванного соединить Дальний Восток России с ее европейской частью. Инициатором строительства стал назначенный в 1892 г. на пост министра финансов Российской империи С.Ю. Витте. Таким образом, с начала 1890-х годов именно министр финансов становится главным стратегом российской дальневосточной политики, заключающейся в мирном экономическом проникновении в Китай, создании подконтрольной России «буферной зоны» на границе и обретении незамерзающего порта на Желтом море.

Говоря о Цинской империи, следует напомнить, что со второй половины XIX в. страна столкнулась с рядом внутренних и внешнеполитических вызовов, коренным образом изменивших ход ее дальнейшего развития. Разрушительные последствия поражения в опиумных войнах и восстания тайпинов поставили руководство империи перед необходимостью осуществления значительных преобразований во всех сферах жизни государства. Итогом этих событий стали попытки проведения властями так называемой политики самоусиления (*цзыцян юньдун*), или «движения за усвоение заморского опыта» (*янгу юньдун*), идеологами которого стали великий князь Гун⁵ и Ли Хунчжан⁶. Несмотря противоречивые итоги этого движения, оно дало и ряд положительных результатов. В их числе — заметный толчок в направлении модернизации китайской экономики, преобразования в армии, а также внедрение в дипломатическую практику Китая институтов западного международного права. В ходе осуществления политики «самоусиления» в Китае развернулись активные дискуссии относительно возможностей использования иностранного опыта⁷. Однако примечателен тот факт, что, стараясь провести реформы, китайские государственные деятели того времени обращались за «помощью» к западным державам, а не к России. Например, преобразования в китайской армии вельсь при участии немецких военных инструкторов.

Что касается внешней политики, то уже с 1870-х—1880-х гг. международное положение страны претерпело заметные изменения. Связано это было прежде всего с активизацией политики западных держав и Японии в Дальневосточном регионе. В 1872 г. Япония аннексировала Ликейские острова⁸, а в 1874 г. при поддержке США совершила попытку захвата острова Тайвань. В 1870-х—1880-х гг. США также активизировали свою колониальную политику на Дальнем Востоке и Тихом океане, в частности в Корее и на островах Самоа. В то же время Франция постоянно предпринимала попытки вторжения в Индокитай с целью захвата территории современного Вьетнама. Вследствие этих событий в 1884 г. разгорелась китайско-французская война, в ходе которой Китай потерпел поражение и был вынужден подписать китайско-французский Тяньцзиньский

договор 1885 г., лишивший его протектората над Тонкином⁹ в пользу Франции. В том же 1885 г. Великобритания осуществила захват Бирмы. Таким образом, империя Цин за очень короткое время лишилась большого числа «вассальных» территорий, в результате чего исчез «пояс дружественных [Китаю] государств», и страна оказалась «в окружении» колониальных держав¹⁰.

Можно предположить, что на фоне западных держав и Японии Российская империя виделась китайской администрации наименьшим злом. И действительно, в цели российских властей на тот период не входил колониальный раздел Китая. Как писал в своих «Воспоминаниях» С.Ю. Витте, «я пришел тогда к заключению, которого держался все время, что России наиболее выгодно иметь около себя соседом своим — сильный, но неподвижный Китай, что в этом заключается залог спокойствия России со стороны Востока, а, следовательно, и будущего благоденствия Российской Империи»¹¹. Министр финансов небезосновательно полагал, что «если мы возьмем какую-либо часть Китая, то и другие Державы сделают то же самое, таким образом, начнется дележ китайской империи, который поведет к новым столкновениям»¹².

Однако сам Витте неоднократно говорил о том, что единой стратегии развития отношений с Китаем в то время в России не существовало. Император Александр III придерживался довольно сдержанной политики в Дальневосточном регионе. Причиной этого, на наш взгляд, могло служить и то обстоятельство, что, как признавался сам Витте, «в то время, в сущности говоря, было очень мало лиц, которые знали бы, вообще, что такое Китай, имели бы ясное представление о географическом положении Китая, Кореи, Японии, о соотношении всех этих стран; вообще в отношении Китая наше общество и даже высшие государственные деятели были полные невежды»¹³.

С вступлением на престол в 1894 г. Николая II ситуация немного изменилась, что было связано прежде всего с особенностями личности самого государя. Как писал Витте: «Государь Император желал вообще распространить влияние России на Дальний Восток и увлекался этой идеей именно потому, что в первый раз он вышел, так сказать, на свободу поездкою на Дальний Восток»¹⁴. Но, конечно, в то время у него никакой определенной программы не сложилось; было лишь только стихийное желание двинуться на Дальний Восток и завладеть тамошними странами»¹⁵.

В связи с этим заслуживает особого рассмотрения деятельность тогдашнего российского посланника в Пекине. С 1891 по 1896 г. эту должность занимал граф Артур Павлович Кассини (1835–1919), представитель знатного итальянского рода из Сардинии, потомственный дипломат. Дед Артура Павловича, Виктор поступил на русскую службу в 1790 г. и был назначен поверенным в делах при папском дворе. Отец же его, Павел Викторович Кассини (1797–1875) служил генеральным консулом России в Триесте и Венеции. Сам Артур Павлович, как и его родной брат Михаил, в 1854 г. окончил Императорский Александровский лицей¹⁶ и начал службу в том же году переводчиком при Министерстве иностранных дел, где довольно быстро стал продвигаться по службе. До своего назначения в качестве посланника в Пекине Кассини успел поработать в составе российских дипломатических миссий в Саксонии и Дании, был министром-резидентом при Ганзейских вольных городах в Гамбурге. А.П. Кассини можно было назвать опытным дипломатом, однако он, конечно, вряд ли был знаком с китайской спецификой.

Как отмечал в своих мемуарах Юрий Яковлевич Соловьев, секретарь российской миссии в Пекине с 1895 по 1908 г., «Кассини попал в Китай случайно, по протекции министерских доброжелателей. Место посланника в Китае с содержанием в 45 тысяч рублей позволяло ему постепенно расплачиваться с долгами». Соловьев писал также, что «в то время, т.е. до 1896 г. — начала русской экспансии на Дальнем Востоке, служба в Пекине считалась захолустным постом»¹⁷. Однако уже современники признавали, что личность Артура Павловича сыграла не последнюю роль в развитии русско-китайских отношений в описываемый период.

Вот как оценивали достижения Кассини в качестве посланника в Пекине его современники: «Уже тогда в общих чертах были намечены те обширные исторические задачи, которые надлежало решить в связи с постройкою Сибирской железной дороги. Заслуга приготовления почвы в Китае для нынешних событий неоспоримо принадлежит графу Кассини. Изучив в точности характер китайцев и относясь всегда внимательно к их заявлениям, пользуясь обстоятельными промахами английской дипломатии, граф за свое шестилетнее пребывание в Пекине успел шаг за шагом оттеснить Англию с прежней ее позиции. Лучше всего такое положение дел отражалось в англо-китайской печати, которая ежедневно изливала свое раздражение в едких статьях против России и ее пекинского представителя, приписывая им всевозможные завоевательные замыслы»¹⁸.

Примечательно, что, как отмечал Соловьев, своеобразное противостояние между русскими и англичанами существовало и в стенах дипломатического корпуса в Пекине тех лет. По его словам, Кассини был очень близок с французским посланником Жераром, прибывшим в столицу Цинской империи в 1894 г., тем более, что Кассини даже в быту предпочитал говорить и вести переписку только на французском языке. «Отношения между русской и французской миссиями были настолько близки, что у нас в шутку утверждали, что в национальные праздники предполагается совместное богослужение нашего архимандрита Амфилохия¹⁹ с католическим епископом Фавье»²⁰. А вот отношения его с английской миссией были довольно натянутыми: «При всей своей ловкости Кассини иногда пасовал перед англосаксонской деловой прямолинейностью и в особенности перед американской грубоватостью. Этим объяснялась и неохота, с которой Кассини говорил по-английски, хотя он и владел этим языком довольно хорошо. Принимая англичан или американцев, он обыкновенно обращался к кому-нибудь из нас с просьбой служить ему переводчиком»²¹. Таким образом, внешнеполитическая ситуация вокруг Китая середины 1890-х годов, когда Россия и Франция проводили совместную политику в противовес Великобритании, влияла и на межличностные отношения в кругах пекинских дипломатов того времени.

На время деятельности Кассини в качестве посланника в Пекине пришелся и военный конфликт между Китаем и Японией, разгоревшийся в 1894 г. и ставший серьезным испытанием для российско-китайских отношений. Именно в этот период и Россия, и Китай столкнулись с вызовом, брошенным им изменяющимся миропорядком, и были вынуждены искать способы ответить на этот вызов. В этот момент российская дипломатия и лично посланник в Пекине были подвержены особому давлению. Перед Кассини стояла необходимость угадывать изменчивые настроения высших российских государственных деятелей и должным образом доносить их до своих визави в Пекине.

Современные китайские исследователи русско-китайских отношений указанного периода признают, что во время и после китайско-японской войны 1894–1895 гг. судьба Китая во многом зависела от наиболее заинтересованных держав, посланники которых играли далеко не последнюю роль в развитии описываемых событий. Авторы тайваньского издания «История русско-китайских отношений» отмечают: «Русский посланник Кассини в Тяньцзине поддерживал тесные контакты с Ли Хунчжаном, постоянно проявляя пристальный интерес к развитию корейского вопроса, направляя к Русскому императорскому двору просьбы о скорейшем принятии категорических мер относительно японской интервенции, что укрепляло веру Китая в Россию»²².

Еще до начала мирных переговоров с Японией, в феврале 1895 г. Ли Хунчжан посещал Кассини, интересуясь, какой будет реакция России на требования японской стороны. Однако русский посланник в тот момент не смог дать четкого ответа на этот вопрос, что, по мнению Г.В. Ефимова, свидетельствовало об «отсутствии ясно выраженных решений Санкт-Петербурга»²³.

Описывая события китайско-японской войны 1894–1895 гг., современники и исследователи дают им довольно однозначную оценку, говоря о том, что они продемонст-

пировали всю степень разложения верхушки цинского государства и несостоятельность его внешней политики. «Японо-китайская война явилась наглядным проявлением преимущества капиталистической эволюции Японии над продолжающим господствовать в Китае феодальным способом производства»²⁴. В числе итогов войны называют не только потерю протектората над Кореей, но и усиление противоречий внутри Китая, в том числе рост антиманьчжурских настроений и движения против иностранцев. Однако в большинстве работ, посвященных истории русско-китайских отношений, эта война упоминается лишь вскользь, и значение ее для дальнейшего развития российской политики на Дальнем Востоке часто бывает недооценено.

Тем не менее, на наш взгляд, это короткое военное противостояние оказало существенное влияние на дальнейшее положение дел в Дальневосточном регионе. Попытки оценить события китайско-японской войны осуществлялись в России еще в середине XX в., когда Япония вновь развернула агрессию в отношении Китая, что потенциально угрожало и нашей стране. Так, Н. Нозиков отмечал в своей монографии: «Для царской России война эта имела особый военный интерес: 1) военные действия происходили в районах Кореи и Маньчжурии, которые легко могли стать в будущем театром борьбы России с соседними государствами; 2) военные действия велись между государствами, являвшимися соседями России на Дальнем Востоке, и, значит, при той или иной политической комбинации вероятными противниками»²⁵. Подтверждают это мнение и слова Военного министра Российской империи П.С. Ванновского, прозвучавшие в 1895 г.: «Нельзя вести твердой политики с ручательством, что до войны дело не дойдет»²⁶.

В мемуарах участника описываемых событий, высокопоставленного конфуцианского ученого и чиновника Вэн Тунхэ приводятся такие слова, якобы произнесенные посланником Кассини после начала конфликта между Китаем и Японией: «Во время китайско-японского военного конфликта обстановка в Корее была нестабильна и преодолеть его мирным путем было неудобно. Если бы произошло вторжение в пределы российского [влияния], то российская армия непременно бы жестко отреагировала, в противном случае [Россия] бы выпала на время из игры. Если после примирения Китая и Японии японцы по-прежнему будут долго оккупировать Корею, русскому двору придется найти способ не позволить им единолично занимать полуостров. Если китайско-японская война не прекратится, потерь будет непременно много, [но] в конечном счете, придется заключать мир. Лучше уж воспользоваться тем, что враг еще не осуществил вторжение, скорее обсудить способ прекращения войны»²⁷. При этом тайваньские авторы добавляют, что эти слова посланника «разочаровали» Ли Хунчжана²⁸.

Не стоит забывать, что непосредственно после окончания войны и подписания Симоносекского мирного договора в высших кругах российской власти решалось, как проводить дальнейшую политику в отношении Китая и Японии, в том числе, какую из сторон поддержать.

Вот какие соображения высказывались на тайном совещании у министра иностранных дел князя А.Б. Лобанова-Ростовского, состоявшемся 30 марта 1895 г.: «По мнению Его императорского высочества, нам необходимо сохранить хорошие отношения с Японией, т.к. она является сильной морской державой и, по своему положению в Тихом океане, всегда будет естественным врагом нашего врага — Англии. При настоящих условиях, для нас было бы наиболее выгодным перейти негласно на сторону Японии и, не мешая ей впредь, вступить с нею в соглашение относительно соблюдения наших интересов. Таким путем, ничего не теряя, мы приобретем сильного союзника на случай могущих возникнуть в будущем осложнений с Англией»²⁹.

Однако условия Симоносекского мирного договора, согласно которому Китай отказывался от суверенитета над Кореей и передавал Японии права на аннексию острова Тайвань, Пескадорских островов³⁰, а также Ляодунского полуострова с южной полосой Маньчжурии, вступали в конфликт с коренными геополитическими интересами Россий-

ской империи. Как докладывал Кассини, в случае занятия японцами Ляодуна «...влияние и голос Японии неминуемо должны будут приобрести преобладающее, почти исключительное значение, само собой разумеется, в явный ущерб влиянию прочих держав, имеющих политические и торговые интересы в Китае»³¹. На упомянутом выше тайном совещании у министра иностранных дел звучало и такое мнение: «Было бы даже выгодней уступить Японии южную часть Кореи, а самим занять какой-либо порт на корейском побережье, чем допускать японцев в Маньчжурию. Необходимо поэтому попытаться дипломатическим путем убедить японское правительство отказаться от Маньчжурии; если такая политика окажется безуспешной, то прибегнуть к силе»³².

Действительно, среди возможного развития событий обсуждался, в том числе и военный конфликт с Японией. Согласно предложениям, звучавшим от сторонников осуществления военного сценария, России следовало организовать военную операцию против японского флота и произвести бомбардировку японских портов, после чего возможно начало сухопутной операции при поддержке Китая и Кореи. Как выразился Лобанов-Ростовский: «Мы приобрели бы при этом роль спасителя Китая, который оценил бы нашу услугу и согласился бы потом на исправление мирным путем нашей границы»³³. Однако эти предложения были отвергнуты военным министром: «Великий князь генерал-адмирал³⁴ полагает, что нам ни в коем случае не следует начинать враждебных действий против Японии. Если мы вступаем в войну, то на стороне Японии несомненно окажется Англия, а быть может, и Германия. Наша эскадра достаточна для японцев, но не для англичан»³⁵.

Таким образом, ставка в высших эшелонах российской власти была все же сделана на укрепление дальнейшего сотрудничества с Китаем в противовес усилению Японии в регионе. Однако усилия российской дипломатии по «убеждению» Японии отказаться от соблюдения части условий Симоносекского мирного договора не принесли желаемого результата. Попытки китайских властей добиться отсрочки ратификации неравноправного мирного соглашения также не увенчались успехом. Но стоит отметить, что Россия была не единственной стороной, недовольной столь внезапным и стремительным укреплением позиций Японии в регионе. Именно поэтому стал возможным демарш трех держав, когда России, Германии и Франции путем выдвижения совместного ультиматума японскому правительству удалось добиться его отказа от аннексии Ляодунского полуострова в обмен на увеличение размера китайской контрибуции.

Такое положение дел как нельзя лучше соответствовало интересам российской дипломатии. С одной стороны, России в текущий момент удалось избежать распространения японского влияния в регионе, входящем в сферу ее непосредственных интересов. С другой — она представляла верным союзником и защитником интересов Китая, что способствовало дальнейшему развитию двусторонних отношений и приведению в жизнь планов министра финансов С.Ю.Витте по осуществлению экономической экспансии в Китае.

По словам князя Лобанова-Ростовского: «Если настоящее положение наше на Дальнем Востоке нас удовлетворяет и мы стремимся лишь к тому, чтобы закрепить его за собою, — то, конечно, мы не найдем лучшего союзника, чем Китай, с которым у нас никогда не было вооруженных столкновений, невзирая на совершенно открытую сибирскую границу нашу и часто возникавшие недоразумения. Китайская империя вряд ли так скоро оправится от настоящего разгрома и делается опасной для нас, даже если Пекинское правительство приступит к необходимым внутренним реформам. Более удобного соседа с нашей стороны нельзя желать»³⁶.

Что касается реакции цинских властей, то, как отмечал Г.В. Ефимов, «идея союза с Россией стала быстро приобретать популярность в правящих кругах страны», они «собирались укрепить международное положение своей страны путем новых уступок той или иной державе, в частности России. Они ничего не делали для укрепления обороноспособности страны и развития ее экономической мощи, надеясь на новые внешнеполитические комбинации»³⁷.

Свидетельством этому стали дальнейшие скорые успехи российской дипломатии в Китае. В июле 1895 г. Россия совместно с Францией предоставила Китаю кредит в размере 400 млн франков для выплаты военной контрибуции. Особенность данного займа заключалась в том, что само русское правительство выступало гарантом его погашения. В декабре 1895 г. император Николай II подписал устав Русско-Китайского банка, коммерческой организации, призванной усилить экономическое влияние России в Китае.

Можно предположить, что личность тогдашнего посланника в Пекине, его конкретные действия, а также близкие отношения с представителями французской дипломатической миссии сыграли не последнюю роль в столь успешном проведении российской дальневосточной политики. Примечательно, что китайские авторы, как уже было отмечено выше, зачастую приписывают Кассини довольно жесткие высказывания. Например, авторы коллективной монографии «От Нерчинского договора до визита Ельцина» упоминают посланника, рассказывая о переговорах, предшествовавших подписанию русско-китайского договора об аренде земель для строительства КВЖД, которые проходили в ноябре 1895 г., приводят такие сведения без ссылки на какой-либо источник: «Посланник России в Китае Кассини совершил визит в Цзунлиямэнь³⁸, чтобы выдвинуть официальные требования об аренде земель для строительства железной дороги. Вместе с тем он с угрозой заметил, что если Китай не даст своего согласия, то, невзирая на дипломатические отношения, России придется взаимодействовать с Японией с тем, чтобы найти новый путь решения этого вопроса»³⁹.

Подтверждением того, что Кассини имел в то время немалое влияние в Пекине, может служить эпизод с отправкой китайской делегации в Россию для участия в церемонии коронации Николая II в мае 1896 г. Изначально на коронацию планировалось отправить сановника Ван Чжичуня, но именно Кассини возразил против данной кандидатуры, указывая на недостаточный высокий статус этого дипломата, и посланником был назначен сам Ли Хунчжан, несмотря на многочисленные протесты его недоброжелателей в Пекине.

Стоит ли напоминать о том, что в рамках этого визита, состоявшегося весной–летом 1896 г., был подписан русско-китайский договор об оборонительном союзе против Японии, а затем и договор о строительстве КВЖД на территории Маньчжурии. Таким образом, нельзя не согласиться с мнением все того же Соловьева, который полагал, что «граф Кассини принял в Пекине непосредственное участие в выполнении первой части русского плана — получении выхода к незамерзающему морю через китайскую территорию»⁴⁰.

В своей монографии А.В. Лукоянов отмечает: «Несмотря на провозглашение С.Ю. Витте программы строго экономической экспансии, большинство чиновников полагало, что это лишь новое средство для территориальных присоединений, видя в перспективе реюущее российское знамя над Маньчжурией и Кореей. Высказывания о таком будущем нередки, их можно обнаружить у многих сановников. Но они не дают оснований к прямолинейному выводу об агрессивной политике России в регионе: реально для захвата или завоевания Маньчжурии и Кореи ничего не делалось, даже на уровне разработки программы или плана»⁴¹.

Подтверждается это мнение и в работах Е.В. Добычиной. Автор подчеркивает, что с 1895 г. произошло заметное усиление российской агентурной разведки на Дальнем Востоке и в Китае, в частности. «В действительности уже в 1895–1897 гг. российские военные агенты имели здесь секретных осведомителей среди местного населения, влиятельных лиц различных общественных кругов и иностранцев»⁴². Однако, согласно выводам исследователя, «в России тогда не существовало единого мнения относительно проведения преобразований в Китае. Министр иностранных дел А.Б. Лобанов-Ростовский, опасаясь возможного усиления Поднебесной империи, вместо обширного плана реформ предлагал ограничиться на первое время командированием в страну нескольких офицеров в качестве инструкторов, которые и стали бы проводниками российского влияния в китайской армии. Глава военного ведомства П.С. Ванновский считал, что в сложившейся

политической обстановке усиление Китая было бы не менее полезно для России, чем принятие мер по развитию вооруженных сил на ее сибирских окраинах, так как могло предотвратить более опасную угрозу со стороны Японии»⁴³.

Обращаясь к итогам китайско-японской войны 1894–1895 гг., тогдашний командующий войсками Приамурского военного округа Н.И. Гродеков писал: «Закончившаяся в настоящем году японо-китайская война в значительной степени выяснила не только политические отношения и задачи двух главнейших азиатских держав, но вместе с тем пролила свет и на целый ряд вопросов, которые доньше представлялись в известной доле сомнительными и гадательными»⁴⁴. Речь шла прежде всего об усилении империалистических амбиций Японии, а также о плачевном состоянии военных сил Китая.

В связи с этим вполне адекватным видится ответ российской дипломатии, стремившейся в противовес заметно возросшему влиянию Японии и Запада в Китае укрепить двустороннее сотрудничество с соседом, с одной стороны, оказывая ему поддержку, а с другой — добываясь для себя режима наибольшего благоприятствования.

Сложность международной обстановки, а также недостаток внутренних ресурсов как с одной, так и с другой стороны, привели к тому, что успехи российской дипломатии носили лишь краткосрочный характер. Тем не менее события первой половины 1890-х годов повлияли не только на дальнейшее развитие русско-китайских отношений, но и на всю обстановку на Дальнем Востоке, и далеко не последнюю роль в их развитии играли представители дипломатических корпусов всех заинтересованных сторон.

Среди иных достижений российской дипломатии в Китае необходимо упомянуть учреждение русской концессии в г. Ханькоу в мае 1896 г. Обычно, обращаясь к этому событию, упоминают о достижениях российского консула в Тяньцзине П.А. Дмитриевско-го. Однако если обратиться к его переписке с А.П. Кассини, можно утверждать, что российский посланник в Пекине также приложил большие усилия для скорейшего учреждения русской концессии. В частности, добрые отношения российского и французского посланников позволили Дмитриевскому заручиться поддержкой французского консула в Ханькоу при разрешении определенных затруднений касательно вопроса о размерах концессии, возникших в марте 1896 г.⁴⁵

После ратификации секретного Московского договора 1896 г. Кассини покинул Пекин, а его преемником стал А.П. Павлов. Сам Кассини продолжил свою дипломатическую деятельность, став в 1897 г. Чрезвычайным посланником, а в 1898 г. получив статус Чрезвычайного и Полномочного Посла в США, где прослужил до 1904 г.

Стоит отметить, что американские современники достаточно высоко оценивали личность и дипломатические качества Артура Павловича, а также считали его большим специалистом по международным отношениям, отдельно подчеркивая его осведомленность в дальневосточных делах. Такое мнение о Кассини встречается в одной из североамериканских газет начала XX в.: «До приезда сюда Кассини служил посланником в Пекине. Там он совершил беспрецедентный поступок, отказавшись представить мандат о своем назначении кому-либо, кроме самого Императора. Китайское Министерство иностранных дел пыталось убедить его изменить свою позицию, но тщетно. В результате он был удостоен аудиенции у Императора, что возымело огромное влияние на китайские умы. Когда завершилась война между Китаем и Японией, именно он проложил путь для европейской комбинации, которая вынудила Японию отказаться от запланированных территориальных притязаний. Затем он добился приобретения Порт-Артура и Дальнего. Таким образом, он был активно вовлечен в события, которым суждено было стать историческими»⁴⁶.

К сожалению, деятельность А.П. Кассини в качестве посланника в Пекине в 1891–1896 гг. освещена в отечественной научной литературе крайне скудно. Рассказывая о событиях тех лет, исследователи зачастую ограничиваются цитированием официальной переписки, а роль посланника в их работах сводится лишь к трансляции воли выше-

стоящего руководства. Возможно, это обусловлено недостатком документальных свидетельств о деятельности Артура Павловича в Китае.

Иной подход мы можем наблюдать у китайских авторов. Они, наоборот, склонны к тому, чтобы трактовать те или иные события и их участников, давая им более эмоциональную оценку. В частности, граф Кассини описывается как жесткий переговорщик, не идущий на компромиссы, всячески отстаивающий интересы России. При этом складывается впечатление, будто Кассини при общении со своими оппонентами в Китае зачастую высказывает свое личное мнение и чуть ли не руководит всей политикой Российского государства в Китае. Видимо, это традиция восходит к тем описаниям, которые давали графу Кассини китайские современники. Иллюстрацией этому утверждению может служить казус с так называемой Конвенцией Кассини. Речь идет о публикации в британской газете *North China Herald* от 30 октября 1896 г. статьи, в которой черновые наброски, подготовленные посланником для ведения переговоров в Цзунлиямэнь по поводу соглашения между Россией и Китаем о строительстве КВЖД и аренде портов были представлены в качестве подписанного соглашения⁴⁷. Примечателен тот факт, что современные китайские авторы продолжают упоминать и обсуждать этот документ и его влияние на развитие русско-китайских отношений, в том числе, разворачивая дискуссии на научно-популярных интернет-порталах, посвященных истории империи Цин⁴⁸.

Так или иначе, становится очевидным, что личность тогдашнего русского посланника в Китае, как и личности других русских дипломатов и государственных деятелей, могла оказывать непосредственное влияние на ход развития отношений между сторонами, а потому достойна отдельного упоминания и более подробного изучения. Недаром в настоящее время китаеведы все больше внимания уделяют проблеме вклада конкретных дипломатов в развитие русско-китайских отношений. В частности, в феврале 2016 г. этот вопрос обсуждался в стенах Санкт-Петербургского государственного университета в рамках международной научной конференции «Духовная миссия русской дипломатии в Китае».

1. *Воскресенский А.Д.* Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. М.: ООО «Издательский центр научных и учебных программ», 1999. С. 169.
2. Там же. С. 170.
3. Там же. С. 175.
4. *Самойлов Н.А.* Периодизация истории социокультурного взаимодействия России и Китая до 1917 г.: методологические подходы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология, востоковедение, журналистика. 2009. Вып. 1. Ч. 2. С. 213–214.
5. Айсингиоро Иснь (1833–1898) — государственный деятель времен правления маньчжурской династии Цин. Младший брат императора, правящего под девизом Сяньфэн с 1850 по 1861 г. Удостоен титула Великого князя Гун. С 1861 по 1884 г. был регентом при малолетнем императоре Тунчи.
6. Ли Хунчжан (1823–1901) — выдающийся государственный деятель и дипломат позднейцинского Китая. Наместник провинции Чжили. К концу XIX в. стал фактическим руководителем всей внешней политики Цин.
7. *Самойлов Н.А.* Борьба тенденций в общественно-политической мысли Китая периода политики «самоусиления» // *Всемирная история и Восток*. М., 1989. С. 115–124.
8. Острова Люцю, или Рюкю — группа островов в Восточно-Китайском море, находившихся в вассальной зависимости от императора Цин.
9. Тонкин — историческое название Северного Вьетнама.
10. *Филимов Г.В.* Внешняя политика Китая 1894–1899 гг. М.: Гос. изд-во полит. лит.-ры, 1958. С. 36–39.
11. *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 1. Л.: Лениздат: 1924. С. 35.
12. РГИА, Ф. 1622. Оп. 1. Д. 115. Л. 5.
13. *Витте С.Ю.* Указ. соч. С. 35.

14. В 1890–1891 гг. Николай совершил путешествие, в рамках которого посетил Индию, Сингапур, Индонезию, Сиам и Японию, где было совершено неудачное покушение на его жизнь.
15. *Витте С.Ю.* Указ. соч. С. 35.
16. На рубеже 1843–1844 гг. Царскосельский лицей, переименованный в Александровский лицей, был переведен в Санкт-Петербург в здание на Каменноостровском проспекте. Лицей был закрытым учебным заведением, дававшим среднее и высшее юридическое образование с филологическим уклоном. Его выпускниками были многие известные государственные деятели и дипломаты, в том числе работавшие в Китае.
17. *Соловьев Ю.Я.* Воспоминания дипломата. 1893–1922. М.: Изд-во соц.-эк. лит-ры, 1939. С. 51–52.
18. Граф А.П. Кассини // Новое время. Санкт-Петербург. № 7951 от 18(30) апреля 1898 г.
19. Архимандрит Амфилохий (Лутовинов) — начальник 17-й Российской духовной миссии в Пекине (1883–1896 гг.).
20. *Соловьев Ю.Я.* Указ. соч. С. 60.
21. Там же. С. 70.
22. Чжун'э гуаньси ши: [История русско-китайских отношений]. Ч. 2. Тайбэй: Саньминь, 2008. С. 154.
23. *Ефимов Г.В.* Указ. соч. С. 104.
24. *Чудодеев Ю.В., Каткова З.Д.* Китай—Япония: любовь или ненависть? М: РИО Упрполиграфиздат, 1995. С. 54.
25. *Нозиков Н.* Японо-китайская война 1894–1895. М.: Воениздат, 1939. С. 5.
26. РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 113. Л. 5.
27. Цит. по: [История русско-китайских отношений]. Ч. 2. С. 159.
28. Там же.
29. РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 115. Л. 2(об.).
30. Острова Пэнху — группа островов, расположенных в Тайваньском проливе.
31. АВПРИ. Китайский стол. Д. 113. Л. 106. (Цит. по: Ефимов Г.В. Указ. соч. С. 109.)
32. РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 115. Л. 3.
33. Там же. Л. 4.
34. Великий князь Алексей Александрович Романов (1850–1908).
35. РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 115. Л. 4 (об.).
36. Там же. Д. 113. Л. 1.
37. *Ефимов Г.В.* Указ. соч. С. 115.
38. Цзунлиямэнь — созданная в Китае в 1861 г. государственная структура, ответственная за внешнюю политику.
39. *Ху Л., Цзинь Г., Шэнь Ц.* Цун Нибучу таяоэ дао Елицинь фанхуа. Чжун'эЧжунсу гуаньси 300 нянь: [От Нерчинского договора до визита Ельцина. 300 лет российско-китайских и российско-советских отношений]. Фучжоу:Фучзянь жэньминь, 1994. С. 83.
40. *Соловьев Ю.Я.* Указ. соч. С. 69.
41. *Лукоянов А.В.* Не отстать от Держав. Россия на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX вв. СПб: Нестор-История, 2008. С. 623.
42. *Добычина Е.В.* Русская агентурная разведка на Дальнем Востоке в 1895–1897 годах // Отечественная история. 2000. № 4. С. 162.
43. Там же. С. 166.
44. Цит. по: *Попов И.М.* Россия и Китай: 300 лет на грани войны. М.: «Издательство Астрель», 2004. С. 179.
45. Архив востоковедов ИВР РАН. Ф. 14. Оп. 1. Ед.хр. 42. Л. 5.
46. Rosen to succeed Cassini // Boston Evening Transcript May 10, 1905. P. 5.
47. The I.G. in Peking. Letters of Robert Hart. Chinese maritime customs 1868–1907. Vol. 1. Editors J.K. Fairbank, K.F. Bruner, E. MacLeod Matheson. Belknap Press of Harvard Univ. Press, 1975. P. 1091.
48. Пин Касини тедин: [Оценивая «Конвенцию Кассини»].
URL: <http://www.qinghistory.cn/qsyj/ztyj/zwgx/2005-08-12/25438.shtml>.

Дипломатическая деятельность востоковедов Д.Д. Покотилова и Д.М. Позднеева в Китае в 1895–1901 гг.

© 2016

Н.В. Петухова

В статье рассматривается деятельность двух выпускников факультета восточных языков Петербургского университета Д.Д. Покотилова и Д.М. Позднеева в Китае в конце XIX в. Оба представляли в Пекине интересы министерства финансов: Д.Д. Покотиллов в разные годы занимал должности в дипломатическом корпусе, Д.М. Позднеев провел важнейшие статистические исследования для российского правительства. Работа в русле практического востоковедения не ограничивала их сферу деятельности — оба были выдающимися учеными-востоковедами, авторами многих научных трудов.

Ключевые слова: русские дипломаты в Китае, российское востоковедение, Д.Д. Покотиллов, Д.М. Позднеев.

Взаимоотношения России и Китая перешли в активную стадию после заключения российско-китайского Пекинского договора в 1860 г. Во второй половине XIX в. европейские страны, и среди них Россия, проявляли нарастающую активность на территории Китая. Уже на следующий год после заключения Пекинского договора в китайской столице была учреждена постоянная дипломатическая миссия России. Тогда же прибыл первый постоянный аккредитованный посланник Лев Федорович Баллюэк. Посольства европейских стран были открыты раньше — после подписания серии Тяньцзиньских договоров в 1858 г. Российское представительство, как и дипломатические миссии других государств, располагалось в так называемом Посольском квартале, недалеко от императорского дворца.

Кроме посольства в Пекине в 1858 г. было учреждено нештатное консульство в Шанхае. В 1875 г. была утверждена штатная должность генерального консула в Шанхае, которую до 1880 г. занимал Константин Андрианович Скачков, известный русский китаевед¹. Во время пребывания в Китае он постоянно собирал книги, часть из которых была получена в дар от дяди китайского императора, интересовавшегося астрономическими изысканиями Константина Андриановича. Во второй раз штатное консульство в Шанхае было открыто в ноябре 1896 г.² при непосредственном содействии Д.Д. Покотилова. Он и его коллега Д.М. Позднеев, выпускники факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета, учились у знаменитых китаеведов — профессоров В.П. Васильева, Д.А. Пешурова, С.М. Георгиевского³.

Петухова Наталья Владимировна, ассистент кафедры теории общественного развития стран Азии и Африки Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: p.petukhova@spbu.ru.

Статья подготовлена в рамках проекта, поддержанного грантом Российского гуманитарного научного фонда № 15-01-00231а «Русско-китайские отношения в 1861–1901 гг. Материалы и документы».

Большой интерес представляет деятельность Покотилова и Позднеева в Китае в один из ключевых периодов российско-китайских отношений — накануне восстания ихэтуаней (1899–1901). Российский государственный исторический архив располагает материалами по этой теме (фонд 560)⁴. На основании архивных документов можно проследить судьбу русских представителей в Пекине, определить характер их деятельности, рассмотреть роль каждого в формировании представлений о Китае в российских правительственных кругах и их влияние на выработку основных направлений внешней политики России на Дальнем Востоке.

Важное значение для исследования этой темы имеют труды историка-китаеведа А.Н. Хохлова, посвященные деятельности русских китаистов в различных сферах — научной, дипломатической, просветительской⁵.

Дмитрий Дмитриевич Покотиллов родился 1 августа 1865 г. в Петербурге. Среднее образование будущий дипломат получил в 3-й военной гимназии и в гимназии при Историко-филологическом институте. Когда он был студентом кафедры китайского, маньчжурского и монгольского языков факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета, его командировали в степной район близ Астрахани для усовершенствования в калмыцком языке. По окончании университета его, как отличного специалиста по Востоку, приняли на службу в Азиатский департамент Министерства иностранных дел, предварительно подвергнув экзаменам по пяти предметам, установленным для лиц, избравших дипломатическое поприще⁶.

С декабря 1887 г. по октябрь 1892 г. Покотиллов находился в Китае, с 1891 г. в должности управляющего российским консульством в Фучжоу. В 1895 г., по возвращении в Петербург, Покотиллов перешел из Министерства иностранных дел в Министерство финансов и в середине того же года отправился в Китай в качестве финансового агента при Русско-Китайском банке, став чиновником по особым поручениям. Он поддерживал постоянную переписку с министром финансов Сергеем Юльевичем Витте и вошел в число его самых близких помощников, которым министр финансов полностью доверял. Покотилова даже называли «глазами и ушами Витте» на Дальнем Востоке.

В ноябре 1895 г. Покотиллов в своем донесении сообщает, что необходимость открытия консульства в Шанхае объясняется экономическими и политическими мотивами. В частности, расширение русской торговли керосином может встретить сопротивление конкурентов из иностранных государств, при этом русские останутся в Шанхае без дипломатической защиты или будут вынуждены просить покровительства у французского консула. Кроме того, французы получили концессию в Ханькоу, а также разрешение строить дорогу на юге Китая. Следует не допускать роста французского влияния в ущерб интересам России. Также важным становится вопрос о земельном размежевании в Шанхае: участки, выделяемые иностранцам, оформляются в долгосрочную аренду, поэтому России нельзя упустить такую возможность, тем более когда планируется строительство паровой линии между Владивостоком, корейскими портами и Шанхаем, и необходимы пристань и складские помещения. Шанхай — центр финансовой и коммерческой деятельности иностранцев в восточном Китае, поэтому оставаться русским без представительства недалеко, — доказывал Покотиллов в своих донесениях⁷.

Открытие консульства в Шанхае Покотиллов предлагал осуществить на сэкономленные в результате закрытия лишних консульских пунктов в Турции средства, подчеркивая, что на тот момент открытие консульства именно на Дальнем Востоке было бы наиболее актуальным и своевременным. Покотиллов указывал, что финансирование консульства в Шанхае также может быть осуществлено казначейством, что в сравнении с расходами консула в Нью-Йорке (где жизнь дорога в принципе) содержание генерального консульства в Шанхае не должно обходиться более чем в 14 000 рублей золотом в год⁸.

Через год, 25 ноября 1896 г. в Шанхае по представлению Министерства иностранных дел было учреждено генеральное консульство России.

Работа Д.Д. Покотилова в должности директора Русско-Китайского банка была тесно связана со строительством Китайско-Восточной железной дороги. Как члену прав-

ления КВЖД Покотилову удалось организовать курсы русского языка для подготовки переводчиков, столь необходимых для нужд дороги. Значение этих курсов трудно переоценить. Администрация КВЖД очень скоро ощутила недостаток квалифицированных переводчиков, при помощи которых можно было бы вести, не говоря уже про переписку, хотя бы переговоры с китайскими властями⁹.

Важность представляют и донесения Д.Д. Покотилова (а позже — Д.М. Позднеева) о внутренней обстановке в дипломатическом корпусе европейских держав. В телеграммах и письмах за 1897–1899 гг. неоднократно освещались вопросы взаимодействия русского посланника с европейскими дипломатами, а также взаимоотношения европейских представителей с цинским императорским домом и правительством Китая. В тот период сотрудники КВЖД, Министерства финансов и Министерства иностранных дел России работали в тесном взаимодействии.

В октябре 1897 г. поступило сообщение о том, что главный инспектор китайских таможен англичанин Роберт Харт вскоре будет уволен с занимаемой им с 1863 г. должности. Эти слухи впоследствии не подтвердились, но Покотилов успел сообщить, что Харт отправляется в отпуск, а место инспектора в его отсутствие займет его зять — Роберт Бридон. В свете этих событий предлагалось создание коллегии из представителей пяти государств для того, чтобы совместно осуществлять контроль за работой китайских таможен. Обязанности, которые лежали на Харте, должны быть распределены между этими инспекторами. Принципиальные вопросы будут решаться коллегиально, при этом каждый представитель руководствуется интересами своего консульства. Если Харт не вернется из отпуска по истечении шести месяцев, то указанный порядок должен быть введен.

В следующем году Бридон был назначен на должность помощника главного инспектора, которой ранее не существовало. Покотилов предположил, что это свидетельствует о скорой отставке Роберта Харта. Отставка действительно произошла, а Бридон временно занял должность своего тестя, однако только через 10 лет после этого сообщения — в апреле 1908 г.¹⁰

Другой представитель британской дипломатии в Китае — посол сэра Клод Макдональд — также неоднократно упоминается в донесениях Покотилова. В августе 1898 г. в письме Витте он сообщает о визите Макдональда в Цзунлиямэнь и его жалобах, что контракт на постройку железной дороги Пекин — Ханькоу отдали бельгийской компании. Это направлено против английских интересов, утверждал Макдональд. В обмен англичане потребовали контракт на сооружение любой другой дороги по выбору китайского правительства. Кроме того, сообщает Покотилов, английский представитель всегда настаивает на присутствии председателя Цзунлиямэня при переговорах, так как не доверяет Ли Хунчжану и подозревает его в особом расположении к России¹¹.

С Ли Хунчжаном связана переписка, относящаяся к осени 1898 г. 7 сентября (26 августа) Покотилов сначала кратко в телеграмме, а затем более развернуто в письме сообщает о его отставке из Цзунлиямэня. Слухи, ходившие в Пекине, подтвердились: Ли Хунчжан был уволен в связи с тем, что английский посланник обвинил его в потворстве России и Франции (в связи с заключением контракта на строительство дороги с бельгийцами). Д.Д. Покотилов пишет о недовольстве императора и высказывает мнение, что необходимо заступничество на правительственном уровне, потому что только благодаря стараниям Ли Хунчжана дела Китайско-Восточной железной дороги продвигаются. Покотилов также сообщает, что за три месяца 30 раз имел дело с китайским правительством по различным вопросам, касающимся строительства, и получил 25 ответов на свои запросы, а также предполагает, что теперь вероятны проволочки и задержки, ибо только благодаря Ли Хунчжану удавалось эффективно вести дела КВЖД.

В том же письме Покотилов сообщает о других инициативах императора: вразрез с традицией император категорично требует от министров исполнять распоряжения точно и в срок. В последнее время неотложных мер становится все больше, для их выполнения необходимы финансовые вложения, наличных денег в казне не хватает — начинают изыскивать средства. При этом прибегают к экономии, в том числе и при дворе:

были упразднены некоторые должности, без которых можно легко обойтись. В провинциальной администрации тоже сокращаются отдельные должности. Увольнения необходимо было произвести в кратчайшие сроки, при этом не ограничиваться формальными отписками, а на деле исполнить волю императора. Один из низших служащих представил доклад, где предложил императору воспользоваться опытом реформ в Японии и даже самому посетить соседнее государство для более близкого знакомства. Этот поступок показался вышестоящим чиновникам возмутительным, и только после нескольких настоячивых просьб доклад был представлен императору. Из-за задержки доклада были уволены служащие из канцелярии императора. На чиновников в Пекине эти события произвели тяжелое впечатление¹².

Реформаторская деятельность китайского императора осуществлялась под влиянием Кан Ювэя и продолжалась с 11 июня по 20 сентября 1898 г.¹³ Кан Ювэй в докладах на высочайшее имя (всего их было семь) рекомендовал повторить опыт реформ Мэйдзи в Японии и реформ Петра I в России, посвятив последним специальный документ — «Предварительная записка об административных реформах Российского [царя] Петра Великого» (*Цзинь-чэн Элосы Да Бидэбяньчжэньцзисюй*). Среди разрабатывавшихся им грандиозных проектов переустройства Срединной империи был план переселения китайцев в Бразилию для основания там Нового Китая¹⁴.

С 25 октября (6 ноября) для прежних адресатов поступают телеграммы и донесения, подписанные Д.М. Позднеевым, работавшим в то время под началом Д.Д. Покотилова в должности заведующего Пекинским отделением Русско-Китайского банка¹⁵. Он сообщает, что императрица отменила изданные ранее указы, а чтобы смягчить реакцию, распорядилась командировать двух китайцев за границу для изучения западного опыта в сфере торговли и промышленности. По словам Позднеева, эти лица были мало приспособлены для выполнения возложенной на них миссии. Императрица также пыталась завоевать расположение солдат и выделила 400 тысяч фунтов стерлингов из личных средств на уплату жалованья солдатам, которые участвовали в конфликтах с европейцами¹⁶.

Дмитрий Матвеевич Позднеев, ровесник Д.Д. Покотилова, был младшим братом известного востоковеда Алексея Михайловича Позднеева. После окончания Киевской духовной академии Дмитрий с 1889 по 1893 г. учился на факультете восточных языков Санкт-Петербургского университета¹⁷. С 1900 по 1903 г. служил в Китае в должности чиновника 6-го класса по особым поручениям Министерства финансов. Начало его переписки с С.Ю. Витте относится к концу 1898 г. В донесении от 28 ноября (10 декабря) 1898 г. Позднеев сообщает об аудиенции у китайского императора, на которой российский посланник¹⁸ вручил верительные грамоты. Император был бледен и слаб, с трудом поднялся из кресла после окончания аудиенции. После чего русский посланник поделился с Позднеевым, что аудиенция произвела на него удручающее впечатление, и он с трудом верит, что император сможет активно проводить в жизнь реформы Кан Ювэя. В конце года поступили сведения о новых назначениях в Цзунлинямэне. Правительство было не довольно положением дел в министерстве иностранных дел и пожелало добавить туда чисто китайский элемент, пригласив на должности чиновников из провинций. Значит, эпоха консерватизма будет продолжена и надежд на улучшение ситуации все меньше, заключает Позднеев¹⁹.

Весной 1899 г. Позднеев сообщает о положении внутри европейского дипломатического корпуса на частном примере. Бельгийский посланник попытался приобрести концессию в Ханькоу, для чего вступил в контакт с русским и французским консулами. Англичане возмутились и выдвинули свои условия, немецкий консул настроил японского против этой идеи, в результате бельгийцам было отказано. Им пришлось искать концессию в зоне русского влияния. При этом отмечалось, что, пока представители России и Франции спорят с английским консулом, у немцев развязаны руки. В самом деле, за год до этих событий Германия заключила с Китаем соглашение о сдаче в аренду бухты Цзяочжоу сроком на 99 лет и предоставлении горных и железнодорожных концессий в провинции Шаньдун²⁰.

На фоне этого беспокойства происходили события, ставшие первыми вспышками широкомасштабного восстания ихэтуаней. Покотиллов и Позднеев обращают внимание на следующие инциденты: 13 (25) октября 1898 г. сообщается о нападении китайских солдат на англичан в окрестностях Пекина; 19 июня (1 июля) 1899 г. телеграмма о том, что сожжено французское консульство в провинции Юньнань, избит китайцами французский студент в Пекине, в связи с чем ожидается визит в Цзунлиямэнь французского посланника. Когда началось восстание ихэтуаней, здание Русско-Китайского банка в Пекине было сожжено. Деятельность банка возобновилась только в сентябре 1901 г. уже в новых помещениях.

Д.М. Позднеев продолжил карьеру в должности директора Восточного института во Владивостоке, сменив на этом посту своего старшего брата. Впоследствии он просил об отставке по состоянию здоровья и, уехав в отпуск в Японию, задержался там на четыре года.

Востоковедов Д.Д. Покотилова и Д.М. Позднеева объединяла не только совместная работа на государственной службе, но и научная деятельность. В 1893 г. вышла в свет «История восточных монголов в период династии Мин. 1368–1634» Д.Д. Покотилова. Весьма обстоятельной рецензией на эту публикацию отозвался Д.М. Позднеев. Он подчеркивал, что автор ценой огромного труда и знаний путем изучения разрозненных исторических сведений сумел свести их в единое целое²¹.

Деятельность русских дипломатов в Китае отличалась от работы их коллег в Европе. Она была сопряжена с рядом трудностей, преодолеть которые помогало специальное образование. В первую очередь это освоение восточных языков, а также определенная специфика восточного мировоззрения. Первый декан факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета Александр Касимович Казем-Бек с момента основания факультета одной из основных целей считал подготовку дипломатических кадров. На примере работы Д.Д. Покотилова и Д.М. Позднеева в Китае в последние годы XIX в. можно убедиться, что эта задача была успешно выполнена.

За годы работы в должности директора Русско-Китайского банка Д.Д. Покотиллов приобрел репутацию прекрасного специалиста по Китаю, обладающего всеми необходимыми качествами для работы на дипломатическом поприще. В 1905 г. Покотиллов был назначен российским посланником в Пекине, и эта новость вызвала положительный отклик в прессе²². На протяжении шести лет работы по линии Министерства финансов, Д.Д. Покотиллов успешно сочетал научную и практическую деятельность, чутко реагировал на происходящие события на международной арене и давал им взвешенные оценки в своих публикациях. Д.М. Позднеев, сотрудничавший с Д.Д. Покотилловым в эти годы, за время пребывания в Китае составил экономическое обозрение торговли в китайских портах, по поручению Министерства финансов собирал и готовил документы для переговоров по вопросам торговых соглашений с Китаем. Также как Покотиллов, Позднеев не оставлял свои научные интересы и позднее, уже в Японии, составил и издал первый русско-японский иероглифический словарь.

Российские востоковеды, выпускники Санкт-Петербургского университета, в своей профессиональной деятельности зачастую не ограничивались одной сферой. Многие посвящали свою жизнь преподавательской и исследовательской карьере, другие сочетали научную и дипломатическую сферы. Практическое востоковедение, в частности китаеведение, приобрело особый статус именно в конце XIX — начале XX в. Важнейшие политические процессы на Дальнем Востоке привлекли внимание российской политической элиты к этому региону. Для эффективного решения задач, поставленных перед российскими представителями в Китае, последние должны были обладать глубокими познаниями в языке, культуре, истории страны, уметь правильно оценивать сложные социально-политические преобразования в Китае того времени. Необходимыми знаниями, безусловно, обладали Д.Д. Покотиллов и Д.М. Позднеев, авторы многих научных трудов и известные дипломаты конца XIX — начала XX в. В Санкт-Петербургском университете оба получили прекрасную подготовку к дальнейшей практической деятельности, неодно-

кратно совершали поездки в Китай и другие страны Востока. Это помогло им наилучшим образом проявить себя на дипломатическом поприще в самых сложных условиях. Оба занимали должности в Министерстве финансов в тяжелый для Китая период — во время восстания ихэтуаней. Д.Д. Покотилов через четыре года был назначен посланником Российской империи в Пекине. Д.М. Позднеев, выполнив в Китае огромную работу для Министерства финансов, в дальнейшем посвятил себя науке.

1. Магнитно-метеорологическая обсерватория в Русской духовной миссии в Пекине была построена под его руководством.
2. Шаронова В.Г. История русской эмиграции в Восточном Китае в первой половине XX в. М.; СПб. 2015. С. 27.
3. ЦГИА. СПб. Фонд 14. Опись 3. Дело 27138. Л. 34.
4. «По разнородной переписке по китайским делам (Донесения русских представителей о реформах, вводимых богдыханом в области народного образования, административного управления и т.п.; о мирном договоре, заключенном в Симоносеки, о необходимости учреждения русского генерального консульства в Шанхае и проч.)».
5. Хохлов А.Н. Китаист-дипломат Павел Керберг в Китае, Корее, Японии и на Гавайских островах // Вестник Центра корейского языка и культуры. Вып. 11. СПб, 2009. С. 55–75; *Он же*. Востоковед Е.И. Сычевский и его вклад в изучение современного ему цинского Китая // Россия и Китай: Сб. ст. СПб, 2009. С. 24–38; *Он же*. Поездка А.М. Позднеева в Монголию и Китай в 1892–1893 гг. // Россия и Монголия в свете диалога евразийских цивилизаций. М., 2002. С. 193198 и др.
6. Хохлов А.Н. Дмитрий Дмитриевич Покотилов // Вопросы истории. 2011. № 5. С. 36.
7. РГИА. Ф. 580. Оп. 28. Д. 2. Л. 11.
8. Там же. Л. 20.
9. Хохлов А.Н. Дмитрий Дмитриевич Покотилов. С. 39.
10. Robert Hart Project. Queens University. Belfast.
URL: <http://omeka.qub.ac.uk/exhibits/show/hart3511/retirement>.
11. РГИА. Ф. 580. Оп. 28. Д. 2. Л. 70–73.
12. Там же. Л. 53, 62–66.
13. Так называемые Сто дней реформ.
14. Тихвинский С.Л. Движение за реформы в Китае в конце XIX века. М.: Наука, 1980. С. 155, 159–161.
15. В этот период Д.Д. Покотилов, вероятно, находился в отпуске. В донесении от 26 октября (6 ноября) 1898 г. Позднеев сообщает о его отъезде.
16. РГИА. Ф. 580. Оп. 28. Д. 2. Л. 107.
17. ЦГИА. СПб. Ф. 14. Оп. 5. Д. 27138. Л. 48.
18. Михаил Николаевич Гирс — российский посланник с 24.11.1898 по 29.09.1901.
19. РГИА. Ф. 580. Оп. 28. Д. 2. Л. 116, 127.
20. Филлин Г.Л. Колониальная политика Германии в Китае в 1894–1901 гг.: дис. канд. ист. наук / Мос. пед. гос. ун-т. М., 2002.
21. Хохлов А.Н. Китаист Д.Д. Покотилов в начале дипломатической карьеры // Общество и государство в Китае. 41-я научная конференция / Ин-т востоковедения РАН. М.: Вост. лит., 2011. Т. XLI. С. 155–168.
22. Там же. С. 165.

Культура

«Моя неразрывная связь с Россией» (К 90-летию со дня рождения Гао Мана)

© 2016

Г.В. Куликова

Статья посвящена переводчику, исследователю и популяризатору русской и советской литературы и искусства в Китае Гао Ману, в октябре 2016 г. отметившему свое 90-летие. Его перу принадлежат переводы произведений Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Ахматовой, Бунина, Маяковского, Есенина, Мандельштама и многих других русских писателей и поэтов. За долгие годы творческой деятельности Гао Маном написано и опубликовано более 80 книг, монографий и переводов; множество очерков и статей, посвященных русским и советским деятелям литературы и искусства.

Ключевые слова: Гао Ман, живопись «гохуа», русская литература в Китае, «Как закалялась сталь», А.С. Пушкин, А. Ахматова.

Эти слова принадлежат непревзойденному знатоку и популяризатору русской и советской литературы и искусства в Китае. 25 октября 2016 г. Гао Ману — самой яркой звезде на небосводе российско-китайского культурного сотрудничества — исполнилось 90 лет.

Мы познакомились с ним в июне 1959 г. Мне, только что окончившей институт, поручили работать с делегацией Общества китайско-советской дружбы во главе с профессором Цао Цзиньхуа — известным китайским русистом, деканом факультета русского языка и литературы Пекинского университета. Переводчиком этой делегации был Гао Манн — сотрудник Центрального правления Общества китайско-советской дружбы.

Никогда не забуду слова, сказанные профессором Цао Цзиньхуа о Гао Мане: «Он не просто хороший переводчик, он по-настоящему талантливый человек. Он еще многое сделает во имя нашей дружбы и культурного сотрудничества между нашими странами и народами»¹.

Эти слова оказались пророческими — более 70 лет своей жизни Гао Ман посвятил популяризации в Китае русской и советской прозы и поэзии, творчества наших художников и скульпторов, режиссеров театра и кино.

С той памятной встречи летом 1959 г. меня с Гао Маном связывает большая дружба. Когда я работала в Пекине, мы часто общались, а сейчас переписываемся, созва-

Куликова Галина Вениаминовна, первый заместитель Председателя Общества российско-китайской дружбы, старший научный сотрудник ИДВ РАН, заслуженный работник культуры РФ. E-mail: orkd@ifes-ras.ru.

ниваемся, он присылает мне свои книги, которые ежегодно «как из рога изобилия» в большом количестве и большими тиражами выходят в Китае.

Всего недавно он прислал мне список из девятнадцати книг, посвященных России, которые считает для себя наиболее значимыми. Однако мне хотелось бы сказать, что среди более чем 80 книг, монографий и публикаций, написанных и изданных им за годы творческой деятельности, практически нет ни одной, где бы он не возвращался в России, к российским деятелям культуры.

Книги, написанные Гао Маном и присланные мне с теплыми дарственными надписями, занимают целую книжную полку в моей домашней библиотеке. С полным основанием могу сказать, что Россия всегда была и остается в сердце Гао Мана — большого и искреннего друга нашей страны.

Открываю иллюстрированную книгу на 265 страницах «Благородные муки»². Это — исповедь писателя, его автобиографическая повесть, рассказывающая о его харбинском детстве, о встречах с людьми, познакомившими его с Россией и привившими ему интерес к литературе. Книга дает представление о том, как хорошо нужно было знать произведения наших авторов, со сколькими воспоминаниями их современников познакомиться, сколько архивных материалов переработать, чтобы рассказать китайскому читателю о том, кто они — корифеи русской и советской литературы, — от Пушкина до Высоцкого. Эту книгу, как и многие другие работы Гао Мана, хотелось бы назвать «Через тернии к звездам», так как за всеми его произведениями стоит многолетний титанический труд мастера, не перестающего в свои 90 лет поражать своей трудоспособностью. Хотелось бы, чтобы с книгой «Благородные муки» познакомились и российские читатели; она могла бы рассказать не только о ее авторе, талантливом знатоке русской и советской литературы, но и о многих событиях из жизни наших великих писателей и поэтов, мало известных нашим читателям.

Гао Ман родился в 1926 г. в Харбине. Когда ему исполнилось 7 лет, поступил в школу Христианского союза молодежи, в которой проучился 10 лет. В первой главе своей книги «Благородные муки» он пишет, что в школе вместе с ним учились поляки и украинцы, эстонцы и латыши, русские и евреи; большинство его товарищей были русскими. Учителя в школе также были русские. «После возвращения из школы, — пишет Гао Ман, — я часто плакал, т.к. сначала не понимал того, что говорят учителя, и только по прошествии нескольких лет я постепенно стал понимать русскую речь... Там, в Харбине, помимо родного, русский язык стал для меня языком, на котором я чаще всего говорил и общался и с одноклассниками, и с представителями русскоязычной диаспоры, проживающей в 1930–1940-е гг. в Харбине»³. В те годы в Харбине жили многие известные российские артисты, писатели, поэты, художники, которые стали наставниками Гао Мана. Из произведений русских писателей и поэтов XIX века, которые он проходил в школе, он черпал вдохновение. «Именно тогда я познакомился с русской литературой, которая повлияла на всю мою жизнь... В период японской оккупации я поддерживал свой дух произведениями, в которых говорилось об освобождении и демократии... Именно из русской литературы я понял, что такое угнетение, свобода, любовь к родине и народу... Русская литература дала мне высокое эстетическое воспитание... Необъятная снежная степь, густые зеленые леса, безбрежное лазурное море, белоснежные березы... Какие прекрасные описания природы! Какая неподдельная искренность! Именно русская литература развила мое художественно-эстетическое восприятие и обогатила духовный мир. Благодаря этому я полюбил не только русский язык, но и русского человека»⁴.

Поворотным моментом в жизни 17-летнего Гао Мана стала публикация в 1943 г. его первого перевода стихов в прозе И.С. Тургенева «Как хороши, как свежи были розы», вызвавшего у молодого переводчика сильные переживания и размышления о будущем. Именно с этого произведения началась его длящаяся и по сей день работа переводчика, писателя, публициста и художника.

В 1945 г. Гао Ман стал сотрудником Общества китайско-советской дружбы, только что созданного в Харбине на освобожденных территориях Северо-Восточного Китая. В Обществе китайско-советской дружбы он исполнял обязанности переводчика и редактора, а также руководил созданной при Обществе библиотекой. В те годы он познакомился и общался с советскими солдатами и командирами, пришедшими прямо с Западного победного фронта на Восток. Суровые, овеянные ветрами сражений лица, тяжелые кирзовые сапоги; полинявшие, пропитанные потом гимнастерки — и нежные, полные любви и сострадания к людям сердца... Такие воспоминания надолго остались у Гао Мана от встреч с простыми российскими солдатами.

Работая в Обществе китайско-советской дружбы, Гао Ман познакомился с пьесой «Павел Корчагин», написанной советским писателем Н. Бондаренко по роману Н. Островского «Как закалялась сталь». Эта пьеса произвела на Гао Мана огромное впечатление. Он решил ее непременно перевести. Вскоре пьеса в его переводе появилась в Харбине в книжном магазине «Чжаолинь», а в 1948 г. была поставлена Ансамблем художественной самодеятельности Харбинской ассоциации учителей. Это была первая постановка пьесы в Китае, сыгравшая судьбоносную роль и в жизни Гао Мана. Роль Тони в этом спектакле сыграла Сунь Цзе, исполнявшая в то время обязанности директора одной из начальных школ Харбина. Они познакомились, полюбили друг друга и вскоре стали супругами. Пьеса «Павел Корчагин» имела ошеломляющий успех. В течение трех с лишним лет она не сходила со сцены Харбинского самодеятельного театра учителей, а в 1950 г. в Пекине была поставлена актерским коллективом лучшего в то время Пекинского театра китайской молодежи. Режиссером театра была Сунь Вэйши — выпускница Московского государственного института театрального искусства. С этой талантливой женщиной, ставшей вскоре главным режиссером Пекинского молодежного театра, мне посчастливилось познакомиться в 1958 г., когда будучи студенткой выпускного курса я приехала на практику в Пекин. Помню, с каким неподдельным энтузиазмом и восторгом рассказывала она об огромном успехе этой пьесы, переведенной Гао Маном.

В первые годы после образования нового Китая «равнение на Павла» стало девизом китайской молодежи. Да и в 1999 г., накануне 50-летия КНР, при опросе о том, какая из 50 книг оказала наибольшее влияние на читателей, «Как закалялась сталь» была названа в числе первых.

В 1954 г. Гао Ман был переведен на работу в Пекин в Центральное правление Общества китайско-советской дружбы.

В составе делегаций Общества он часто посещал Советский Союз, сопровождал деятелей китайской культуры, среди которых были известные китайские русисты Цао Цзиньхуа, Гэ Баоцюань, Е Шуйфу, а также известные китайские писатели и деятели культуры: Дин Лин, Ба Цзинь, Лао Шэ, Мао Дунь, Мэй Ланьфан и др.

Гао Ман всегда считал, что всю свою жизнь он не устал учиться у своих старших товарищей, среди которых особо выделял профессора Цао Цзиньхуа и Гэ Баоцюаня — больших специалистов в области русского языка, русской и советской литературы. По словам Гао Мана, благодаря переводам Цао Цзиньхуа и Гэ Баоцюаня он впервые познакомился с произведениями А. Пушкина, А. Чехова, Л. Толстого, М. Горького, М. Шолохова, К. Симонова, А. Фадеева, В. Катаева и других выдающихся писателей.

Участие в работе Общества китайско-советской дружбы дало ему также возможность установить и личные контакты со многими советскими писателями и деятелями культуры. В Москве, Ленинграде, столицах союзных республик он познакомился с писателями Б. Полевым, Н. Тихоновым, Ч. Айтматовым, М. Танком, Б. Васильевым, художником О. Верейским, скульптором М. Аникушиным, китаистами-переводчиками древней и современной китайской прозы и поэзии Н. Федоренко, Л. Эйдлиным, В. Сорокиным, М. Басмановым и др.

Гао Ман работал и с делегациями Общества советско-китайской дружбы, посещавшими Китай, в составе которых приезжали известные советские писатели и поэты, деятели театра и кино. Так, в 1956 г. он познакомился с Рансой Порфирьевной Островской — вдовой Н. Островского, автора романа «Как закалялась сталь», а в 1954 г. с Любовью Тимофеевной Космодемьянской — матерью Героев Советского Союза Зои и Шуры Космодемьянских.

В 1962 г. Гао Ман как известный специалист не только русской, но и зарубежной литературы был переведен на работу в журнал «Шицзе взньсюэ» («Мировая литература»), в котором публиковались произведения писателей многих стран мира. Он проработал в редакции журнала более двадцати семи лет, где прошел путь от рядового сотрудника до главного редактора.

Многолетняя работа Гао Мана в этом журнале дала ему возможность познакомиться со многими деятелями мировой культуры. Однако свое собственное творчество он продолжал посвящать прежде всего деятелям литературы и культуры нашей страны.

По признанию Гао Мана, любовь к русской литературе — это его первая и большая любовь, неподдельную преданность которой он пронес через всю свою жизнь.

Передо мной книга Гао Мана «Крылья истории»⁵. Листаю ее и не перестаю удивляться широкому кругозору автора. Дохожу до раздела, посвященного выдающимся русским и советским писателям: Л. Толстому, Ф. Достоевскому, М. Горькому, М. Шолохову, А. Фадееву и др. Этот раздел написан не только с глубоким знанием творчества корифеев нашей литературы, но и с большой личной к ним симпатией.

Гао Маном за годы творческой деятельности написано и опубликовано более 80 книг, монографий и переводов, множество очерков и статей, посвященных русским и советским деятелям литературы и искусства.

Поражает необычайно широкий диапазон интересов Гао Мана: А. Пушкин и М. Лермонтов, Л. Толстой и И. Тургенев, М. Горький, В. Маяковский, А. Ахматова, М. Цветаева, О. Мандельштам, Б. Ахмадулина, А. Вознесенский, Р. Рождественский, Е. Евтушенко, Ю. Друнина и т.д. Он первый познакомил китайского читателя с творчеством В. Высоцкого, им первым в Китае были переведены пьесы В. Маяковского «Клоп» и «Баня», поэма А. Ахматовой «Реквием», книга «Люди и положения» — автобиография Б. Пастернака. Гао Ману принадлежат также переводы киносценариев «Баллада о солдате», «Карл Маркс. Молодые годы»; им написан сценарий для телевидения «Максим Горький». Он — автор многих разделов в истории советской литературы и раздела о советской литературе в изданной в Китае «Литературной энциклопедии».

Благодаря его работам китайские ценители искусств познакомились с творчеством наших скульпторов и художников М. Аникушина, Н. Альтмана, И. Бродского, Г. Верейского, П. Трубецкого и др.

В 1989 г. Гао Ман оставил пост главного редактора журнала «Мировая литература».

Однако с выходом на пенсию жизнь и творческая активность истинных тружеников, к числу которых, безусловно, относится и Гао Ман, обычно не кончается. Многолетний опыт переводческой деятельности, глубокие знания в области литературы и искусства привели к тому, что последние 27 лет своей жизни он посвятил литературному и художественному творчеству. В 1994 г. Гао Ман выпускает сборник эссе «Мамины руки»⁶. Гао Ман боготворил свою маму, которая прожила более 100 лет исключительно благодаря заботе любимого сына и невестки. В этой книге большой раздел посвящен русским писателям и художникам, о которых он так часто рассказывал своей прикованной к постели маме.

В конце 1990-х годов выходят в свет его книги «В стране и за рубежом»⁷ и «Мои чувства к дальним странам. Силуэты литераторов и художников»⁸, в которых рассказывается о зарубежных и китайских деятелях культуры. Одновременно Гао Ман обращается и к российской тематике. В 2006 г. он переиздает вышедшие ранее «Очерки об изобрази-

тельном искусстве России»⁹. А в 2010 г. выходит в свет его прекрасно иллюстрированный альбом «Портреты и пейзажи»¹⁰, посвященный деятелям культуры и российским друзьям Китая, а также незабываемым пейзажам нашей страны. Листаешь эту книгу и как будто попадаешь в залы Третьяковской галереи или Русского музея. В них не только собран большой иллюстративный материал, но и рассказывается о русских художниках-реалистах конца XIX в., о советских художниках — представителях школы социалистического реализма.

В 2004 г. под впечатлением юбилейных торжеств в Москве, посвященных 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина, написана книга «Дорога в Святогорск: по следам А.С. Пушкина»¹¹.

К Пушкину, которого Гао Ман называл «солнцем русской поэзии» и «Джомолунгмой русской литературы», у него было особое отношение. Он перевел не менее пятидесяти стихов и поэм Пушкина, говорил о том, что ему нравится не только любовная лирика поэта, но и то, что Пушкин своим творчеством сказал всему миру: душа поэзии — это свобода.

В изданной в 2016 г. книге «Зарисовки Пушкина»¹² Гао Ман воспроизвел более 200 рисунков, оставленных поэтом на рукописях своих произведений, а также портретов его современников, о которых упоминалось в произведениях великого русского поэта.

Огромный общественный резонанс в Китае вызвала книга Гао Мана «Последний приют»¹³, в которой он написал: «В Москве очень много мест, которые я посетил и запечатлел в своих рисунках... Но одно место не могу не упомянуть. Это — Новодевичье кладбище с его удивительными художественными надгробиями — историей и культурой России. Перед могилами — букеты живых цветов, которые как бы соединяют чувства живых и мертвых. Здесь царит тишина. Я читаю знакомые имена на плитах надгробий, и передо мной один за другим встают, словно ожившие, лица. Это — друзья китайского народа, любимые китайскому читателю писатели и поэты». Гао Ман описывает надгробия А. Фадеева, И. Эренбурга, А. Чехова, В. Маяковского, Н.Островского, кинорежиссера С. Эйзенштейна, кинорежиссера и кинооператора Р. Кармена... «За более чем полвека я имел счастье встретиться со множеством выдающихся людей... Большинство из них навсегда ушли от нас. И мой долг — донести до живущих сегодня поколений их дружеские чувства к Китаю».

Книга «Последний приют», повествующая о русской ритуальной культуре, получила в Китае большое общественное звучание. В ней не только содержатся наброски и зарисовки надгробных памятников, выполненные автором книги, но и приведены не публиковавшиеся ранее факты из жизни и творчества А. Пушкина, Н. Гоголя, М. Лермонтова, И. Тургенева, Л. Толстого, А. Чехова. В книге рассказывается также об известном китаеведе XIX века Н.Я. Бичурине, о творчестве П. Чайковского, Д. Шостаковича, Г. Улановой. Большой раздел посвящен российскому дипломату и китаеведу профессору МГУ А.П. Рогачеву; видному советскому государственному деятелю И.В. Архипову, в 1950-е годы возглавлявшему работу советских специалистов Китае; К.С. Силину, знатному мостостроителю, автору проекта двухъярусного моста через р. Янцзы. Пекинская киностудия сняла 12-серийный документальный фильм, основанный на материалах книги Гао Мана «Последний приют». Фильм с большим успехом демонстрировался также в Гонконге, где собрал большую зрительскую аудиторию.

2006 год, Год России в Китае, Гао Ман отмечает изданием еще одного своего шедевра: в пекинском издательстве «Народная литература» выходит прекрасно изданная книга-альбом «Я рисую Россию»¹⁴. В предисловии Гао Ман рассказывает историю своего детства и молодости, прошедших в Харбине, вспоминает о первом незабываемом посещении Москвы в 1953 г.

В разделе, озаглавленном «Московские зарисовки», Гао Ман написал: «Еще в школе, в Харбинской гимназии, я читал на уроках М. Лермонтова, стихи о Москве, и они пере-

полняли мне сердце чувством огромного волнения. Как я мечтал в то время увидеть златоглавую Москву и в колокольных звонах русской столицы вдохнуть ее жизнь, ощутить ее дыхание... В 1953 г. я впервые приехал в долгожданный Советский Союз, где воочию увидел Москву, зубчатую красную стену Кремля, выложенную булыжником Красную площадь, знаменитый Большой театр, ее старинные храмы и новые корпуса... Москва! Город моих мечтаний! Всё, всё здесь для меня было таким новым и удивительным— ее зеленые тенистые улицы, ее площади с многочисленными памятниками и сами москвичи, вечно спешащие куда-то. Я рисовал московские улицы, людей, интерьеры залов совещаний... За несколько десятков лет сделал столько зарисовок, что и сам не пересчитаю».

В книге «Я рисую Россию» на 310 страницах помещено более ста портретов и зарисовок российских писателей и поэтов, деятелей культуры и искусства, дипломатов и общественных деятелей, ученых-китаеведов. В кратких и емких по содержанию эссе, сопровождающих портреты и зарисовки, — рассказы о людях, с которыми Гао Ман на протяжении своей жизни встречался, общался, поддерживал и продолжает поддерживать дружеские отношения... Здесь же в альбоме — репродукция его знаменитого полотна «Мэй Ланьфан в окружении 21 представителя мировой культуры», созданного Гао Маном в 1991 г. к 100-летию юбилею со дня рождения великого мастера пекинской оперы, и ныне украшающего стены пекинского музея Мэй Ланьфана. Среди деятелей мировой культуры изображены и россияне — соратники Мэй Ланьфана: К. Станиславский, В. Немирович-Данченко, В. Мейерхольд, А. Таиров, Ф. Шалапин, С. Эйзенштейн, А. Коонен, З. Райх, академик-синолог В. Алексеев. И еще одна репродукция: «Ба Цзинь и его учителя — писатели А. Герцен, И. Тургенев, Л. Толстой и М. Горький».

В послесловии к этой книге-альбому Гао Ман написал: «В течение полувека непрестанно связан с Россией. Я изучаю русскую, включая советский период, литературу и искусство; перевожу произведения ее писателей и поэтов; пишу о русской литературе и искусстве... Одновременно я пишу картины... Мне уже исполнилось 80 лет... Хочу остаток своей жизни и оставшиеся силы и впредь отдавать делу укрепления вечной и великой дружбы между нашими народами! В этом потребность всей моей жизни! В этом песня моей души! К этому меня призывает мое творчество!»¹⁵.

Гао Ман верен своему слову.

В Год Китая в России, когда Общество российско-китайской дружбы отмечало свой 50-летний юбилей, поклонники таланта Гао Мана получили большой подарок: Общество российско-китайской дружбы совместно с Государственным музеем — гуманитарным центром «Преодоление» им. Н.А. Островского организовали в залах музея персональную выставку Гао Мана. На стенах 25 свитков. В центре экспозиции портрет А.С. Пушкина, «возведенного» на Великую китайскую стену... Этим портретом автор воплотил несбывшуюся мечту поэта посетить далекое Срединное государство. Здесь же портрет Пушкина в заснеженном Михайловском и запечатленные в красочной гамме памятники Пушкину в Москве и Петербурге.

Гао Ман, присутствовавший на торжественной церемонии открытия своей экспозиции, рассказал, что первый портрет А.С. Пушкина он, 11-летний мальчик, срисовал в Харбине с книжной иллюстрации в год 100-летия со дня трагической гибели поэта. В 1999 г., к 200-летию со дня рождения поэта, он создал серию из 12 картин, так называемую Гаомановскую пушкиниану, которая впервые была показана в Доме народных собраний в Пекине, где по инициативе КНОДЗ и ОКРД тогда были проведены торжественные мероприятия, посвященные юбилею поэта. Гао Ман привез свои картины и в Москву. Они экспонировались в залах Академии художеств и были с восторгом встречены посетителями.

Большая часть привезенной в 2007 г. в Москву экспозиции состояла из написанных автором портретов русских и советских писателей и поэтов: А. Пушкин, Н. Гоголь, А. Герцен, Л. Толстой, А. Чехов, Ф. Достоевский, М. Горький, А. Ахматова, В. Маяков-

ский, А. Фадеев, Н. Островский, М. Шолохов, Д. Гранин, Ф. Бакланов, В. Астафьев, Р. Рождественский, Е. Евтушенко... Эти портреты, выполненные в китайском традиционном стиле *гохуа*, поражали посетителей не только точностью воспроизведения образов, но и глубинным проникновением мастера в их характеры, умением передать их личную судьбу и творчество.

В живописной китайской манере были выполнены и представленные на выставке китайские пейзажи «Весенний дождь», «Белые лебеди и красные лилии», и портреты классиков китайской литературы: Лу Синя, Лао Шэ, Мао Дуня, Ба Цзиня, творчество которых также связано с русской и советской литературой и ее лучшими представителями.

В своем выступлении на церемонии открытия выставки Гао Ман сообщил также о том, что в январе 2007 г., к началу Года Китая в России. в Пекине вышла его книга «Серебряный век»¹⁶, в которой он познакомил китайских читателей с творчеством таких выдающихся деятелей российской культуры Серебряного века, как А. Блок, Н. Гумилев, А. Ахматова, Б. Пастернак, О.Мандельштам, М. Цветаева, В. Маяковский и С. Есенин, портреты которых также были представлены на московской выставке.

Восхищенные мастерством автора посетители выставки оставили сотни восторженных и прекрасных отзывов о работах Гао Мана. «Подвигом любви» назвал выставку на страницах «Советской России» ее корреспондент В. Кожемяко. «Чувства любви к богатой русской литературе» — так озаглавила статью о мастере писательница, кандидат искусствоведения Т. Пикулева в журнале «Россия — Китай. XXI век»... «Как нужно любить Россию, русский народ, русскую литературу, чтобы написать такие художественные портреты, передающие национальный колорит и внутренний мир творцов великой русской литературы... Кто хоть раз увидел эти картины, тот никогда не забудет имя художника с открытой душой и большим сердцем, обращенным к России. и его творчество», — написала С. Петракова, сотрудница Государственного музея С. Есенина... «Огромное спасибо Вам за любовь к России, ее духовным наставникам», — читаем в книге отзывов слова посетительницы выставки А.Н. Бокаревой. — Наши писатели, поэты в Вашем исполнении настолько одухотворены, узнаваемы, читаемы; прекрасно показан их трагизм, лиричность и драматизм, кажется, что они смотрят в твою душу»...

Таких искренних слов в адрес Гао Мана множество. Мне, как давнему другу Гао Мана, хотелось также присоединиться к этим высоким оценкам и сказать ему большое спасибо за подарок, который он преподнес Обществу российско-китайской дружбы по случаю его полувекового юбилея.

Гао Ман порадовал своим творчеством не только москвичей, но и жителей Шанхая, где в 2007 г. с огромным успехом прошла персональная выставка его 150 работ. Эта выставка впервые познакомила жителей Шанхая с корифеями русской и советской литературы и искусства.

Нельзя не сказать о внимании Гао Мана к творчеству наших поэтесс. Им переведены многие стихотворения Б. Ахмадулиной, Р. Казаковой, Л. Щипахиной, И. Ракши и других. Однако, по признанию Гао Мана, его любимой поэтессой нашей страны, всегда была Анна Ахматова. Ей, ее стихотворному творчеству он посвятил изданную в 2011 г. на Тайване и переизданную летом 2016 г. в Пекине свою последнюю книгу «Реквием»¹⁷.

В 2008 г. Гао Ман издал очередную серию своих книг: «Следы на свитках»¹⁸, «Воспоминания из моей жизни»¹⁹ и «Ушедшие из жизни — всегда живы»²⁰. В них рассказ о его жизни, тесно связанной с Россией, ее литературой и искусством, его контактах с 84 известными советскими писателями, художниками, деятелями науки, культуры и искусства; рассказ об их творчестве, их портреты. Эти книги Гао Мана можно было бы назвать «Я и Россия» или даже «Энциклопедия русской литературы и искусства».

1 сентября 2008 г., когда российские китаеведы отмечали 90-летие со дня рождения патриарха российского китаеведения, почетного председателя Общества российско-китайской дружбы академика С.Л. Тихвинского, Гао Ман прислал в Москву написанный

в стиле *гауха* портрет Сергея Лсонидовича. А к 27 апреля 2009 г. — 75-летию председателя ОРКД, директора Института Дальнего Востока академика М.Л. Титаренко — Гао Ман пишет и присылает в Москву портрет Миханла Леонтьевича.

В январе 2001 г. Посол РФ в Китае И. А. Рогачев организовал прощальный прием по случаю возвращения на Родину представителя Росзарубежцентра, первого заместителя председателя Общества российско-китайской дружбы Г.В. Куликовой. В Актовом зале Посольства собралось большое количество гостей. Зал украшал большой портрет автора этой статьи, написанный Гао Маном в стиле *гауха*. На портрете не только Гао Ман, но и многие мои китайские друзья и коллеги по совместной работе в Пекине, оставили теплые слова... Этот мой портрет, написанный моим китайским другом Гао Маном, и слова моих китайских друзей будут всегда согревать меня теплом дружбы между нашими странами и народами.

Неистовый труженик, непревзойденный Гао Манн — яркая звезда на небосклоне российско-китайского культурного сотрудничества...

Гао Ман — член Союза писателей КНР, член Союза художников КНР, член Союза переводчиков Китая. Он — обладатель многих почетных званий и наград. «За выдающиеся успехи в научно-исследовательской деятельности» Академия общественных наук Китая избирает Гао Мана почетным членом отделения лингвистики и литературоведения. «За выдающиеся успехи в переводческой деятельности» Ассоциация переводчиков Китая награждает его почетным дипломом. Министерство культуры КНР присуждает ему медаль «За заслуги в переводе и популяризации в Китае произведений А.С. Пушкина». Он является также обладателем многочисленных памятных медалей «За вклад в дело дружбы» и дипломов ОРКД, советником которого остается и по сей день.

Выдающиеся заслуги Гао Мана в популяризации в Китае русской и советской литературы и искусства отмечены высокими наградами и почетными званиями и в нашей стране. Он, как уже говорилось, кавалер российской государственной награды ордена Дружбы; в 2004 г. за пропаганду в КНР жизни и творчества Н.А. Островского Гао Ман стал лауреатом премии им. Н.А. Островского. В 1996 г. первым среди китайских писателей он был избран почетным членом Союза писателей России и награжден медалью М. Горького. В 1999 г. «за большие заслуги в укреплении взаимопонимания и дружбы между народами России и Китая, а также за выдающийся личный вклад в развитие российско-китайского культурного сотрудничества, популяризацию русской литературы» Ученый совет ИДВ РАН избирает Гао Мана почетным доктором института. В 2006 г. Российская академия художеств «за большие успехи в искусстве и большой вклад в российско-китайское культурное сотрудничество» в числе первых китайских художников избирает Гао Мана почетным членом Академии художеств России. В октябре 2007 г., когда в нашей стране отмечалось 50-летие создания ОРКД, председатель Общества академик М.Л. Титаренко вручил Гао Ману нашу высшую общественную награду — почетную медаль «За вклад в развитие российско-китайских отношений».

Ко всем высоким званиям и наградам стоит добавить нечто не менее весомое: Гао Ман — человек с большой буквы, умеющий сочетать талант и необыкновенное трудолюбие с высокими человеческими качествами: чувством долга не только перед Родиной, но и перед друзьями, родными и близкими. Судьба уготовила ему нелегкое испытание. Всю жизнь его другом и опорой была его жена Сунь Цзе. Помню его рассказы о том, как в трудные годы «культурной революции» она помогла ему выжить. Именно она вселяла в него веру в то, что не может не прийти время, когда он снова сможет взяться за перо и кисть, сможет творить... И вдруг неожиданный удар судьбы — в 1996 г. Сунь Цзе теряет зрение. Работая в Пекине, я видела, как страдал тогда Гао Ман... Но несгибаемый дух Островского помог супругам найти силы в этом новом испытании. Гао Ман становится глазами и руками жены. Так же, как он долгое время был глазами и руками своей мамы. Ей он читает свои новые произведения, рассказывает о написанных работах... В

одном из наших последних телефонных разговоров он сказал, что если я буду к его юбилею что-либо писать о нем, пусть я не забуду сказать, что в его жизни всегда было три любимых женщины: неграмотная мать, любимая жена и дочь, которая всегда помогала ему и в жизни, и в творчестве. Я обязан жить... Жить во имя дела всей своей жизни, во имя жены и дочери, которые нуждаются в моей помощи.

10 октября в Культурно-информационном центре Общество российско-китайской дружбы организовало вечер, посвященный жизни и деятельности Гао Мана. К 25 октября Гао Ману был направлен теплый приветственный адрес, подписанный руководителями Общества российско-китайской дружбы, в котором был высоко оценен его вклад в развитие культурного сотрудничества между нашими странами и народами.

1. Материалы архива ССОД, ОСКД, 1959 (личные архивы автора).
2. *Гао Ман*. Гаогуйдэ жонань: во юй элосы вэньсюэ : [Благородные муки: я и русская литература]. Чанша, 2007.
3. Там же.
4. Там же. С. 13.
5. *Гао Ман*. Лиши Чжи нинду: вэньхуа миньчжэнь : [Крылья истории: о знаменитых деятелях мировой культуры]. Чанчунь, 2008.
6. *Гао Ман*. Мамаде шоу : [Мамины руки]. Пекин, 1994.
7. *Гао Ман*. Чэнли чэнвэй : [В стране и за рубежом]. Пекин, 1997.
8. *Гао Ман*. Сыхай цзюэти : [Мои чувства к дальним странам. Силуэты литераторов и художников]. Пекин, 1999.
9. *Гао Ман*. Элосы мэйшу суйби : [Очерки об изобразительном искусстве в России]. Пекин, 2005.
10. *Гао Ман*. Гаоман дэ хуа : [Портреты и пейзажи Гао Мана]. Хэйлунцзян, 2010.
11. *Гао Ман*. Шэньшаньсин: сюньчжао шижэнь: Пуцизиньдэ цзуй : [Дорога в Святогорск: по следам А.С. Пушкина]. Пекин, 2004.
12. *Гао Ман*. Пуцизинь луйхуа : [Зарисовки Пушкина]. Шаньдун, 2006.
13. *Гао Ман*. Линхуньдэ гуйсу : [Последний приют]. Пекин, 2000, С. 1–3.
14. *Гао Ман*. Во Хуа элосы : [Я рисую Россию]. Пекин, 2005.
15. Там же. С. 313.
16. *Гао Ман*. Байин шидай : [Серебряный век]. Пекин, 2007.
17. *Гао Ман*. Ань хуньцзюй : [Реквием]. Пекин, 2016.
18. *Гао Ман*. Мохэнь : [Следы на свитках]. Пекин, 2008.
19. *Гао Ман*. Жэньшэн бицзы : [Воспоминания из моей жизни]. Пекин, 2008.
20. *Гао Ман*. Мупай тяньтан: Сян элосы 84 вэй вэньсюэ ишу даши эбай сюйюй : [Ушедшие из жизни всегда живы: посвящается 84 выдающимся представителям литературы и искусства]. Пекин, 2008.

Научная жизнь

XXI конференция Европейской ассоциации китаеведения

23–28 августа 2016 г. в Санкт-Петербурге состоялась XXI конференция Европейской ассоциации китаеведения (European Association for Chinese Studies). Организаторами мероприятия вместе с ЕАК выступили Санкт-Петербургский государственный университет, Институт восточных рукописей РАН и Государственный Эрмитаж. Работу по подготовке конференции возглавил вице-президент ЕАК, первый заместитель декана Восточного факультета СПбГУ А.А. Родионов.

В конференции приняли участие около пятисот российских и зарубежных ученых. Это был второй в сорокалетней истории ЕАК научный форум, состоявшийся на территории России. В 2002 г. конференция прошла в Москве, ее организатором выступил Институт Дальнего Востока РАН.

В 2016 г. площадками научного форума стали исторические здания СПбГУ и ИВР РАН, расположенные в центре города на берегах Невы. На церемонии открытия конференции в актовом зале здания Двенадцати коллегий выступили проректор СПбГУ С.В. Аплонов, декан восточного факультета СПбГУ М.Б. Пиотровский, директор ИВР РАН И.Ф. Попова и президент ЕАК Роже Гретре.

Главный научный доклад об истории становления петербургской школы китаеведения и ее вкладе в развитие мировой науки на пленарном заседании сделал академик РАН В.С. Мясников, поставивший школу В.М. Алексева в один ряд со школами американского ученого Джона К. Фербенка и британского исследователя Джозефа Нидэма. Было подчеркнуто, что петербургская школа китаеведения стала основой для изучения Китая в России, она опирается на прочную базу трактовки китайских источников Н.Я. Бичуриным, подход В.П. Васильева к отношениям России и Китая, взгляды В.М. Алексева на китайскую культуру в контексте других мировых культур.

На конференции работали секции — «Лингвистика», «Преподавание китайского языка как иностранного», «Классическая литература», «Современная литература», «Кинематограф, театр и исполнительские искусства», «Исследование переводов», «Искусство, археология и материальная культура», «Китайские рукописи, книги и предметы искусства, хранящиеся за рубежом», «Религия», «Философия», «Древняя история», «Новая история», «Восток — Запад: контакты и восприятия», «Политика и международные отношения», «Социология и антропология», «Гендерные исследования», «Экономика», «Право», «Изучение СМИ», «Окружающая среда»; в дополнение была организована междисциплинарная секция.

На секции «Политика и международные отношения» выступили 29 докладчиков. Примерно две трети из них рассматривали различные направления современной внеш-

ней политики Китая, включая его отношения с арабскими странами (М.А. Пахомова, ИВ РАН), с ведущими государствами Восточной Азии (В.Я. Портяков, ИДВ РАН), с Японией (Доминик Мержеевский, Университет Лодзи и Оана Бурчу, Университет Ноттингема), Испанией (Мартин Родригес, Университет Алкала). Чэнь Юйвэнь, работавшая до недавнего времени в Казахстане, а ныне представляющая Университет Хельсинки, проанализировала восприятие Китая и китайцев в Республике Казахстан. По мнению Линды Кауппила (Университет Турку, Финляндия), главными сторонниками и «драйверами» активной политики КНР в Арктике являются северо-восточные провинции страны, особенно Цзилинь.

Российско-китайским отношениям были посвящены три доклада. Александр Титов (Королевский университет Белфаста) попытался дать их общую картину на современном этапе. Антон Бендаржевский (Институт геополитики Паллас-Афины, Будапешт) рассмотрел реализацию проектов с китайским участием на Дальнем Востоке России. К.Г. Муратшина (УрФУ) полагает возможным активно использовать в российской энергетической политике в Восточной Азии фактор японо-китайского соперничества за доступ к отечественным углеводородам.

Отдельная сессия была посвящена роли Макао в отношениях Китая с португальязычными странами и возможному использованию накопленного здесь опыта для реализации китайской стратегии сухопутного и морского Шелкового пути. Свои взгляды по данным проблемам озвучили ученые различных научных центров Макао.

Ряд выступлений был посвящен теоретико-концептуальным аспектам внешней политики КНР. Уолтер Ли (Университет Гонконга) показал, что на становление собственной китайской теории международных отношений существенно влияет противоречие между автократической традицией китайской политики и стремлением руководства страны придать ей инновационный характер. В результате Китай выступает по отношению к мировому порядку одновременно как скептик и как защитник, как «бросающий вызов» и как строитель и обновитель. По мнению Уолтера Ли, задачу создания китайской теории международных отношений наиболее успешно могли бы решить научные круги Гонконга, сочетающие знание западных теорий и китайских традиций в интеллектуальных поисках.

Модные ныне попытки связать современный внешнеполитический курс КНР с конфуцианскими истоками нашли отражение в докладе А.О. Ионовой (НИУ—ВШЭ). Вместе с тем Мугур Злотя (Университет Бухареста) полагает, что такая связь скорее присутствует лишь в пропагандистско-ритуальном оформлении политики Пекина и не затрагивает её сущностные характеристики.

Конференция подтвердила рост интереса ученых к международным отношениям Китая начала XX столетия и межвоенного периода. На этот раз в центре внимания исследователей из Японии, Великобритании, Италии оказались различные аспекты китайско-японских отношений и позиционирования этих государств в мире в те годы.

Внутриполитические проблемы КНР стали предметом трех выступлений. Мартин Лавичка (Университет Палацкого, Оломоуц, Чехия) на основе поездок в Синьцзян проанализировал, как власти КНР используют так называемую фольклоризацию для решения непростых проблем региона. Оскар Алмен (Уппсальский университет, Швеция) проследил взаимодействие государства и общественных организаций на муниципальном уровне на примере городов Ханчжоу, Ланьчжоу и Тяньцзиня. Ван Чжунюань (Университет Лейдена, Нидерланды) рассмотрел реакцию партийных органов на попытки продвижения независимых кандидатов на выборах в местные собрания народных представителей. Среди выдвинутых имелись политически ориентированные «кандидаты в кандидаты», правозащитники и искатели личной выгоды. Отношение власти к ним в целом эволюционировало от начального поиска вариантов сотрудничества с независимыми кандидатами до их все более жесткого исключения из видимой политической жизни.

На секции «Экономика» **А.В. Островский** (ИДВ РАН) и **Митя Сайе** (Университет Любляны, Словения) пришли к сходным выводам о том, что в ближайшее время темпы роста ВВП КНР будут снижаться. Однако это не окажет фатального влияния на социально-экономическое развитие страны, ситуация в мировой экономике также не создает решающего воздействия на развитие китайской экономики.

Е.С. Баженова (ИДВ РАН) подчеркнула, что в новых условиях рыночной трансформации переход от однодетной к двухдетной семье будет непросто для Китая по многим экономическим и социальным причинам. В результате проводимой в течение нескольких десятилетий политики однодетной семьи в Китае удалось элиминировать свыше 400 млн рождений, что в значительной мере способствовало быстрому экономическому росту.

Д.А. Плеханов (ИКСИ) рассмотрел около сотни работ, дающих анализ качества китайской статистики. На примере сталелитейной промышленности **Сюй Синьпэн** (Политехнический университет Гонконга) показал, что снижение темпов роста китайской экономики во многом связано со снижением роста производительности труда на фирмах и предприятиях и возникающими сложностями с накоплением различного рода ресурсов на предприятиях из-за возникающих проблем с доступом к ним. **Р.А. Епихина** (МГУ им. М.В.Ломоносова) отметила, что развитие внутреннего потребления — основной путь развития экономического пояса реки Янцзы, который охватывает 1/5 территории Китая и 585 млн человек.

В докладе **А.В. Афонясовой** (ИДВ РАН) на основании изучения бизнеса хуацяо в странах Юго-Восточной Азии сделан вывод о решающей роли китайского капитала в развитии экономики этих стран. **Л.В. Попова** (СПбГУ) рассказала о проблемах прихода российского бизнеса на китайский рынок. С одной стороны, остаются серьезные финансовые проблемы в самой России, прежде всего высокий банковский процент. С другой стороны, сохраняются значительные трудности с доступом российских компаний на китайские фондовые рынки (Шанхай, Шэньчжэнь, Гонконг) и к банковским кредитам на территории Китая.

На сессии по проблемам китайских реформ в сфере социального страхования **Кристин Дален**, **Ханс-Йорген Гэсемир** и **Тор Митбё** (Университет Бергена, Норвегия), **Мартин Уайт** (Гарвардский университет) исследовали реформу социального страхования в деревне, которая началась в последние несколько лет. Выступления были построены на материалах социологических обследований, которые стали возможными благодаря средствам из Фонда Фафо (Fafo Research Foundation). В 2004, 2009 и 2014 г. совместно с Пекинским университетом удалось проанализировать влияние системы регистрации (*хукоу*) в Китае на доступ различных социальных слоев и групп к льготам по социальному страхованию. Был сделан вывод, что, несмотря на высокий уровень охвата системой социального страхования в городе и деревне (94%), степень удовлетворенности этим различается.

На сессии о проникновении китайского капитала на российскую территорию **А.Т. Габуев** (Московский Центр Карнеги) проанализировал деятельность крупных фирм. В частности, Китайская национальная нефтяная компания (КННК) занимается в России проектами по закупке нефти и природного газа. **С.А. Иванов** (ИИАЭ ДВО РАН) и **И.Ю. Зуенко** (ДВФУ) выступили с докладами о проблемах проникновения малых и средних китайских фирм на территорию российского Дальнего Востока. На основании обследований деятельности в этом регионе китайских предприятий было продемонстрировано, что решающую роль в приходе китайских компаний на российскую территорию играют не столько формальные, сколько неформальные связи.

Отдельная секция была посвящена проблемам экологии, заметно обострившимся вследствие бурного роста китайской экономики. **Мете Хальсков Хансен** и **Руне Сварверуд** (Университет Осло) возглавили работу сессий, на которых обсуждались во-

просы загрязнения окружающей среды и необходимости решительных изменений в экологической политике КНР. В результате оживленных дискуссий на междисциплинарной панели был сделан вывод, что экологические проблемы в Китае ведут к принципиальным социальным и политическим изменениям внутри страны и решительной борьбе с предприятиями, загрязняющими окружающую среду.

На секции «Социология и антропология» основная часть докладов опиралась на анализ данных, полученных в результате конкретных социологических исследований не только в Китае, но и в других странах — в частности, была рассмотрена тема положения китайских мигрантов в Лесото. Михаэль Шиммельпфенниг (Австралийский национальный университет) и Тао Юй (Университет Центрального Ланкашира) на основе социологических обследований выделили в китайском обществе различные виды связей (*гуаньси*) — равные отношения между членами одной общины, отношения между разными общинами, между общинами и вышестоящими руководителями (Тао Юй). Взвешивая при анализе *гуаньси* за основу критерий преданности М. Шиммельпфенниг сделал вывод, что неформальные связи являются важным дополнением формальных связей, особенно при общении предпринимателей с местными властями. Л.С. Веселова (КомТек ЛТД) провела сравнительный анализ системы *гуаньси* среди российских и китайских компаний на рынках двух стран.

Был рассмотрен образ социальных групп населения, оказавшихся на маргинальных позициях в социальной структуре общества. Райанна Флок (Свободный университет Берлина) дала социальный портрет нищих одного из процветающих городов Китая — Гуанчжоу. Карвин Моррис (Лондонская школа экономических и политических исследований) рассказала об усилиях китайского министерства культуры и органов безопасности по установлению контроля над музыкантами «андерграунда», в деятельности которых видят потенциальный источник протестного движения. Эти социальные группы создали свое общество, не вписывающееся в традиционную социальную структуру города, определенную в соответствии с классическими современными теориями формирования социальных слоев и групп.

Элисон Ламонт (Университет Дуйсбург-Эссен, Германия) рассказала о том, как после унесшего свыше 70 тыс. жизней землетрясения 2008 г. в Вэньчуане местные власти прилагают усилия для того, чтобы реконструировать «нормальные» нуклеарные семьи, состоящие из мужа, жены и желательного собственного ребенка. Поощряется повторное создание семьи теми, кто лишился супруга, проводятся массовые свадьбы. Семьям, потерявшим детей в результате землетрясения, оказывают финансовую и медицинскую поддержку для рождения другого ребенка.

Избираемые городскими жителями стратегии защиты от некачественного продовольствия обобщила Анна Бормель (Кингс-Колледж, Лондон). Люди становятся более разборчивыми при выборе продуктов, проявляют интерес к их происхождению, используют различные способы проверки качества, выстраивают новые связи с производителями продовольствия. Для другой части населения реакцией на растущий поток новостей о некачественных продуктах питания становится полное безразличие к проблеме.

У Ка-мин (Китайский университет Гонконга) рассказала о том, как происходит отбор волонтеров для работы экскурсоводами в пекинских музеях разных уровней, каковы критерии для претендентов и требования к ним, проанализировала мотивацию волонтеров и понимание ими своего статуса как послов культуры. Был сделан вывод о растущей роли волонтерства в изменении социо-культурной и городской идентичности в Китае.

Доклад Арьена Наута (Университет Амстердама) был посвящен реали-шоу на Хунаньском телевидении «Папа, куда мы едем?» — ремейку проходившего в 2013 г. южнокорейского шоу, в котором отцы-знаменитости на сутки выезжали вместе с детьми

в сельскую местность. Докладчик рассмотрел морально-воспитательные задачи, которые ставили перед собой организаторы шоу, проанализировал реакцию аудитории.

Ряд докладов на секции по социологии и антропологии был построен на основе личных обследований социальных слоев и групп на территории Китая. Утте Валленбек (Университет Вены) провел обследования среди монголов в южной части провинции Цинхай на границе с Тибетом, Кристиана Турнии (Университет Мацерата, Италия) — среди народа наси в провинции Юньнань. Феликс Вемхейер (Кельнский университет) провел серию интервью среди очевидцев «культурной революции», чтобы выявить специфику борьбы между фракциями в 1966–1968 гг.

Ане-Катрин Бислев (Университет Ольборга, Дания) рассказала о системе социального кредита через сеть «Алибаба», Жиль Гийо (Университет Дидро, Париж) — о трудовых отношениях «белых воротничков» в Шанхае, Саша Клотцбюхер (Университет Чжэнчжи, Тайвань), Ангелика Месснер (Кильский университет) — о социальном положении пожилых людей. Л.А. Лебединцева (СПбГУ) попыталась раскрыть китайскую концепцию социально-экономической модернизации китайского общества, сосредоточив внимание на теоретических аспектах проблемы.

На секции «Новая история» Тина Айраксинен (Университет Хельсинки) на примере международного селтльмента в Шанхае рассмотрела деятельность органов власти, созданных для обеспечения «территориальной администрации» иностранцев на территории, которая формально не имела колониального статуса. Накадзима Тизко (Ассумпшн колледж, Вустер, США) проанализировала практику японской «колониальной медицины» на Тайване, одновременно служившей инструментом имперского контроля и орудием продвижения современной системы общественного здравоохранения.

Бюттнер Клеменс (Университет Гёте, Франкфурт) отметил, что в период господства милитаристов правительство Китайской Республики утратило фактический контроль над военными, однако формально военные были подчинены гражданской власти. В самые первые годы существования республики были заимствованы немецкие и японские военные уложения. В китайских уставах было закреплено подчинение военных на основе морали, а не нормативной власти государства, на деле этот подход зафиксировал слабость гражданской власти и способствовал ее дальнейшей эрозии.

Визуальное отображение китайского протеста против иностранного господства Флер Шабаль (Университет Люмьер-Лион 2, Лионский Институт восточноазиатских исследований) рассмотрела на примере опубликованных в газете «Ишибао» сатирических карикатур с реакцией на «лаосикайский инцидент» 1916 г., связанный с попыткой расширения территории французской концессии в Тяньцзине. Рисунки обличали французов, китайских «раболопствующих предателей» и пассивность китайского МИДа. По мнению докладчика, эти карикатуры отражали роль местной элиты и местной прессы в организации протестов.

В рамках секции состоялась тематическая сессия «Культура, национализм и коллаборационизм в оккупированном Японией Китае», раскрывающая малоизвестные аспекты истории существовавшего с 1940 по 1945 г. «реорганизованного национального правительства» Ван Цзинвэя, вступившего в сговор с японцами. Джереми Тейлор (Университет Ноттингема, Великобритания) рассмотрел феномен «коллаборационистского национализма» правительства Ван Цзинвэя, пытавшегося совместить претензии на унаследование гоминьдановской идеологии с подчинением стратегическим нуждам Японии. На примере агитационных плакатов и рисунков докладчик показал стремление прояпонской власти подчеркнуть связь с городским пространством Китая, сельские пейзажи в пропаганде отсутствовали. Главное место на плакатах занимали изображение городского ландшафта и мотив «широких горизонтов» — небо, солнце, свет, путь к миру и благоденствию.

Ян Чжи (Университет Франкфурта) сосредоточила внимание на переходе Ван Цзинвэя от антимагичурского национализма к идее «сосуществования человечества», появившейся в 1919 г. на фоне знакомства с последствиями Первой мировой войны и пребывания во Франции. Ван Цзинвэй заявил, что социал-дарвинизм приведет к тому, что в мире станет доминировать одна культура, тогда как предпосылками прогресса выступают многообразие и конкуренция. В те годы он отмечал, что ради собственного выживания перед лицом растущих амбиций Японии Китай должен стать защитником идеи «сосуществования человечества». В период войны Ван Цзинвэй обратился к «паназиа-тизму», который не получил систематизованного выражения.

Соотношение культуры и коллаборационизма **Джонатан Хеншо** (Университет Британской Колумбии, Канада) рассмотрел на примере деятельности Чу Минъи — шурина Ван Цзинвэя, возглавлявшего МИД в прояпонском правительстве. Его деятельность в «Китайско-японской культурной ассоциации» и «Комитете по сохранению памятников культуры при исполнительном юане» была нацелена на создание основы для новых отношений с Японией в области культуры за счет более широкой опоры на буддизм и использования символики гоминьдановской власти.

Лю Вэй-чжи (Национальный университет Цинхуа, Тайвань) проанализировал стихотворение в стиле дворцовой поэзии *цы*, которое написал перед заключением в ноябре 1940 г. договора с Японией Чжао Цзунъюэ, член ЦК Гоминьдана при Ван Цзинвэе. Чжао Цзунъюэ был последовательным сторонником достижения мира с Японией и приверженцем создания коллаборационистского правительства. Стихотворение служило скрытым комментарием к договору с Японией, в нем отсылки к отношениям влюбленных и супругов стали символами политического доверия, подозрительности и обмана.

Заметное место в работе секции заняли проблемы заимствования западных идей в республиканском Китае. **О.Н. Борох** (ИДВ РАН) проанализировала путь экономиста Ван Янаня в 1930-е — 1940-е годы от усилий по переводу западных экономических трудов к формированию собственных воззрений. Ученый призывал изучать экономическую теорию «с точки зрения китайцев» и на основе марксизма формировать «китайскую экономическую науку», которая отражает особые социальные и экономические условия страны. **Матнас Шуман** (Университет Гёте, Франкфурт) рассказал об истории появления в Китае в 1934 г. первого общества защиты животных. Это движение опиралось на буддийскую религиозную концепцию «защиты жизни» и при этом ориентировалось на западный опыт защиты животных от жестокого обращения.

А.В. Ломанов (ИДВ РАН) рассказал о том, как либеральный мыслитель Инь Хайгуан, претендовавший на унаследование критического антитрадиционалистского духа «Движения 4 мая», после переезда на Тайвань активно критиковал Гоминьдан за попытки использования китайской традиции для укрепления политической власти. Однако в конце жизни в 1966 г. мыслитель согласился с необходимостью «моральной реконструкции» современного общества с привлечением традиционных ресурсов. **Стиг Тогерсен** (Университет Орхуса, Дания) рассмотрел историю становления педагогических взглядов Чжан Цзунлиня, работавшего над реформой образования в республиканский период. Он испытал влияние западных идей и критиковал китайское традиционное образование, после образования КНР его взяли на работу в министерство образования, но в 1957 г. объявили «правым элементом» за критику советской педагогики. По мнению докладчика, отказ от западных педагогических идей привел в начальный период КНР к частичному восстановлению традиционного образования, которое называли «социалистическим».

Участники сессии уделили внимание истории конфликтов и их последствий. **Н.А. Вуль** (НИУ-ВШЭ, Санкт-Петербург) рассмотрел политические и этнические истоки китайско-советских споров из-за КВЖД в 1925–1926 гг. **Хелена Лопес** (Оксфордский университет) рассказала, как в 1937–1941 гг. в португальскую колонию Макао прибыли

несколько сотен тысяч китайских беженцев. Было непросто организовать их жизнь на небольшой территории, многие проблемы были решены силами самих беженцев, среди которых было немало обеспеченных людей. Метхильд Лейтнер (Свободный Университет Берлина) напомнила, как в годы нацистского правления в Германии из примерно 60 работавших в то время исследователей Китая свыше 40 человек были вынуждены эмигрировать или прекратить деятельность: потеря этого поколения до сих пор сказывается на немецкой синологии.

На секции по новой истории был представлен доклад Джозефы Ричард (Университет Шеффилда, Великобритания) о том, как в первые десятилетия XIX в. в период «кантонской торговли» быстрое накопление богатства способствовало созданию в Гуанчжоу местными торговцами прекрасных садов в китайском стиле. После открытия для торговли других портов сады Гуанчжоу пришли в упадок. А.М. Харитонова (СПбГУ) рассказала об архивных материалах ГАРФ и РГАСПИ, связанных с отношениями КНР и Камбоджи в 1950-е — 1960-е годы. У Иди (Университет Калифорнии, Ирвайн) рассмотрел реакцию студентов Пекинского университета на «кризис советского блока» в 1956–1957 гг. Разоблачительная речь Хрущева, события в Польше и Венгрии стали катализатором активности китайских учащихся, вывесивших плакаты с призывами действовать и выступивших с критикой привилегий партийных кадров.

С новым взглядом на историю республиканского Китая можно было ознакомиться на специализированной сессии в рамках секции «Гендерные исследования». Дженнифер Бонд (SOAS, Лондонский университет) рассмотрела деятельность протестантского союза молодых христианок (YWCA) в миссионерских школах для девочек в провинции Чжэцзян в 1923–1949 гг. Было отмечено, что эти школы интернационализировали сознание учащихся через утверждение христианской идентичности, выходящей за пределы национальных границ. Се Чунин (Бингемтонский университет, США) рассмотрела различные исторические контексты появления «другой женщины» у представителей образованной прослойки общества. Поначалу к этому вело стремление следовать веяниям времени, к которым было невозможно адаптировать необразованную супругу. В годы войны возникла массовая тенденция создания новых семей на подконтрольных Гоминьдану территориях, что после разгрома Японии породило проблему статуса жен и детей, оставшихся в оккупации. Чжу Цзин (Эдинбургский университет) подняла проблему «этнографического тела» — использования женских образов в фотографии 1920-х — 1930-х годов для представления этнических меньшинств Китая. Цзяо Лин (SOAS, Лондонский университет) рассмотрела историю споров о необходимости отказа от бинтования женской груди в 1920-е годы, связь этих перемен с проникновением западной моды на ношение бюстгалтера и даже рекламы импортных аппаратов для искусственного увеличения груди. Выступавшие на сессии исследовательницы, многие из которых еще работают над докторскими диссертациями, широко использовали архивные материалы, включая фотографии, газетные и журнальные публикации.

Секция «Восток — Запад: контакты и восприятия» стала одной из наиболее представительных, она была посвящена изучению широкого спектра различных аспектов социокультурного взаимодействия Китая со странами Запада, включая Россию. Многие докладчики стремились объединить свои сообщения в целях более эффективного обсуждения поставленных проблем. Для этого в рамках секции было проведено несколько профильных тематических заседаний («панелей»), организованных китаеведами из разных стран и университетов.

Включение в программу конференции тематической сессии «Современные китайские представления о “других”: Россия и Запад» стало инициативой группы китаистов из Гейдельберга (Германия) и Санкт-Петербурга. Ее организатор и руководитель Готелинд Мюллер-Саини (Гейдельбергский университет) отметила актуальность исследований имагологического характера и их значение для лучшего понимания особенностей

взаимоотношений Китая со странами Запада и Россией, а также необходимость проведения сравнительных исследований в данной области. Вячеслав Ветров (Гейдельбергский университет) в докладе «Приходя к соглашению со Злом», отметил, что в Китае, в отличие от христианского мира, не возникло идеи персонификации радикального зла. Это вызвало сложности и специфические интерпретации при переводе на китайский язык трех известных зарубежных произведений, в которых общение с дьяволом является центральным мотивом («Фауст» Гёте, «Эликсиры сатаны» Гофмана, «Мастер и Маргарита» Булгакова). Доклад Ю.С. Мыльниковой (СПбГУ) «Адаптировано, обновлено или китаизировано? Русская классика на китайской сцене» был посвящен некоторым фундаментальным проблемам восприятия и интерпретации русских классических пьес в современных китайских театральных постановках. Китайские режиссеры и актеры знают, как играть американцев и русских, но изображая на сцене представителей других народов, обычно используют один из этих двух отработанных и воспринятых ими стереотипов. Выступление М.А. Гулевой (СПбПУ) было посвящено изучению амбивалентности образа СССР и русских людей в китайской периодике республиканского периода. В докладе П.И. Рысаковой (СПбГУ) был представлен подробный анализ образов различных стран, которые присутствуют в китайских школьных учебниках и формируют представления молодых китайцев о внешнем мире. Итоги дискуссии подвел Н.А. Самойлов (СПбГУ), отметивший, что во всех прослушанных докладах нашли отражение важнейшие аспекты формирования в Китае образов России и западных стран, что дает возможность представить целостную картину данного процесса.

Тематическая сессия «Китайско-немецкое взаимодействие в XIX — начале XX вв.» была посвящена двусторонним контактам в политике, идеологии и культуре. Организатор этой «панели» Кристина Тиль (Гамбургский университет) рассказала о контактах между немецким философом Ленардом Нельсоном и китайским математиком Вэй Сылуанем и создании ими «Боевого Социалистического Интернационала» в 1925 г. Тораф Клейн (Университет Лафборо, Великобритания) сделал доклад о деятельности немецкого миссионера Карла Гютцлафа на побережье Китая в 1831–1851 гг. Иоханна Хефле Архильт (Гамбургский университет) осветила тему немецко-китайских литературных связей в республиканский период. Ли Сюэтао (Пекинский университет иностранных языков) рассказал об активном взаимодействии немецких китаеведов и китайских ученых в 1920-х — 1940-х годах в Пекине. Хенрика Рудольф (Гамбургский университет) проанализировала дискуссии о немецком профессиональном образовании в китайских изданиях 1900-х — 1930-х годов.

На заседании другой тематической сессии были детально обсуждены проблемы британско-китайского взаимодействия в XIX в. Стивен МакДауэлл (Эдинбургский университет) посвятил доклад анализу английских фотоальбомов XIX в. и формированию на их основе визуального образа Китая. Луиза Тайсакотт (SOAS, Лондонский университет) представила доклад о судьбе некоторых из почти миллиона предметов искусства, похищенных британскими солдатами из разграбленного во время второй «опиумной» войны летнего императорского дворца Юаньминъюань и оказавшихся потом в частных коллекциях и музеях. Наташа Генци (Эдинбургский университет) рассказала, как западные — преимущественно британские — издания развивали идеи «свободы прессы» в позднецинском Китае.

Четвертая тематическая сессия «Культурный аспект российско-китайских отношений» была посвящена различным сторонам взаимодействия русских и китайцев в социокультурной сфере. Марк Гамса (Тель-Авивский университет) проанализировал каналы взаимодействия русской и китайской общин на территории Северо-Восточного Китая. И.Ф. Попова (ИВР РАН) и Таката Токё (Киотский университет, Япония) представили доклад об уникальных словарях кяхтинско-маймайчэнского пиджина, использовавшегося русскими и китайскими торговцами при контактах в районе российско-китайской

границы в XVIII — начале XX в. **Анна Ди Торо** (Университет для иностранцев в Сиене, Италия) осуществила лексический анализ перевода «Сань цзы цзин», выполненного Н.Я. Бичуриным, и рассмотрела значение этого труда в контексте развития российского китаеведения в первой половине XIX в. **Рой Чан** (Университет штата Орегон) рассказал о переводе Ба Цзинем воспоминаний А. Герцена.

Большое число докладов было заслушано на заседаниях секции вне рамок указанных выше «панелей». **Рудольф Вагнер** (Гейдельбергский университет) рассказал о роли газеты «Шэньбао», основанной в Китае иностранцами (первым ее редактором был английский бизнесмен Эрнест Мэйджор), в идеологической полемике о возможности использования в Китае западного опыта. Докладчик высказал мнение, что эта газета в 1872–1895 гг. являлась важнейшей платформой концептуальных дискуссий по проблемам «усвоения заморских дел». **С.Ю. Вradий** (ИИАЭ ДВО РАН) рассказал об отражении китайских представлений о западных странах в сочинениях цинских ученых XIX в. на основании анализа трудов таких авторов, как Линь Цзэсюй, Вэй Юань и Сюй Цзиюй. **Эмили Тео** (Университет Кента / Свободный университет Берлина) рассмотрела сочинения и отчеты европейцев, путешествовавших по Китаю в конце правления династии Мин (1550–1644), и сравнила их с тем, что писали в указанное время китайские путешественники, посещавшие те же самые места. Труде **Дейкстра** (Университет Амстердама) проанализировала материалы по Китаю, опубликованные в газетах на французском и голландском языках, выходящих в Республике Соединенных Провинций Нидерландов в 1645–1721 гг. **Ольга Алексеева** (Университет Квебека в Монреале) представила результаты исследования положения китайских контрактных рабочих в Европе во время Первой мировой войны. В период 1914–1917 гг. страны Антанты привлекли для работ на территории Франции и России более 300 тысяч китайцев.

На секции «Восток — Запад» также выступили: **Патил Вайшнави** (SOAS, Лондонский университет) — «Китай встречается с Западом: Отражение кросс-культурного взаимодействия в сфере искусства в изображениях батальных сцен периода Цяньлун», **Н.А. Самойлов** (СПбГУ) — «Китайские и российские источники о посещении китайскими дипломатическими миссиями Санкт-Петербурга в конце XIX — начале XX в.: сравнительный анализ», **Е.О. Старовойтова** (СПбГУ) — «Визуальные образы Китая в России в конце XIX — начале XX в.», **А.А. Сизова** (НИУ-ВШЭ) — «Роль российских консульств в политических процессах в Монголии и русско-китайско-монгольских политических отношениях в начале XX века», **Иоахим Генц** (Эдинбургский университет) — «Китай и европейская гармония», **Р.Г. Шапиро** (РГГУ) — «Китайская принцесса на Западе: от персидских сказок до оперы Пуччини».

На секции «Классическая литература» **Н.В. Захарова** (ИМЛИ РАН) выступила с докладом «Дневник китайского дипломата конца XIX в. Сюэ Фучэна как образец “эссенстики малой прозы”». Один из лидеров реформаторского «Движения по усвоению заморских дел» Сюэ Фучэн за время дипломатической службы написал более 10 книг, «открывших» китайским читателям незнакомую им Европу. «Дневник посольств в четыре государства» рассказывает о достопримечательностях, подробностях быта европейцев, истории и поразивших автора пейзажах Англии, Франции, Италии и Бельгии. Великолепный литературный стиль особенно ярко продемонстрирован в главе «Любуюсь парижскими картинами, выполненными в масле», на протяжении многих лет входившей в школьные хрестоматийные учебники.

Витниелло Джованни (Университет Неаполя, Италия) представил доклад о культурном феномене подъема эротической прозы в позднеимперском Китае с середины XVI до середины XVIII в. Докладчик остановился на генеалогии и развитии поджанра, его взаимосвязи с другими текстовыми традициями, особое внимание было уделено связи эротической прозы конца династии Мин с современными дискурсами страсти (*цзин*) и удовольствия (*цюй*).

В.Б. Виноградская (ИДВ РАН) охарактеризовала «Тени отрешенных снов» (*Ю мэн ин*) Чжан Чао как «интерактивный проект классической китайской литературы». Это один из самых известных афористических сборников в жанре «чистых речей малых форм» (*цин янь сяо пинь*), традиция составления которых достигла расцвета в поздний период династии Мин и при династии Цин. Сборник интересен наличием почти полутысячи критических комментариев (*пиндянь*) со стороны 125 современников Чжан Чао. По мнению докладчика, «Ю мэн ин» дает яркий пример того, как текст может стать «интерактивным» без инструментов Интернета, при использовании исключительно традиционных каналов обмена информацией — корреспонденции, личных встреч и публикаций.

Проживающая ныне за пределами нашей страны бывший сотрудник ИДВ РАН **Н.Е. Боровская** сосредоточила внимание на особенностях цитирований стихов в романе Ло Маодэна «История о Западном океане» («Си ян цзи», 1597 г.) о плавании флота во главе с Чжэн Хэ. Она подчеркнула, что в стихи эпох Тан, Сун и Юань, цитируемые в романе, автором были намеренно внесены изменения для соответствия содержанию романа, а также для прославления третьего сословия. Эти изменения касались не только замены слов или строк, но могли путем перекомпоновки фактически образовывать новые стихи.

На секции «Современная литература» **А.Н. Коробова** (ИДВ РАН) выступила с докладом «“Проза родного города” — локализация в просторечной литературе». Это течение заявило о себе в 1980–1990-е годы, его основными представителями считаются Дэн Юмэй, Фэн Цицай, Лу Вэньфу. Особый акцент в докладе был сделан на исследовании структуры текста «прозы родного города», ее взаимосвязи с восходящим к устному сказу средневековым «многоглавным романом» (*чжанхуэй сяошо*) и языковых особенностей «прозы родного города» — лингвистической стилизации, использовании сленга, обценной лексики и диалектных слов.

Профессор **Кони Квонг Хо И** (Китайский университета Гонконга) рассказала, что в 1930-х и 1940-х годах китайские модернисты Ши Чжэцунь, Дай Ваншу и Е Линфэн перевели большое количество литературных и политических произведений французских левых интеллектуалов — Ромена Роллана, Андре Жида, Анри Барбюса, Луи Арагона и др. Особое внимание было уделено переводу с французского языка на китайский критической работы российского эмигранта, уроженца Варшавы, переводчика, журналиста и литературоведа В. Горелого «Поэты в русской революции» (1934), выполненного Дай Ваншу и публиковавшегося частями в 1934–1941 гг.

На секции «Преподавание китайского языка как иностранного» особое внимание было уделено проблемам преподавания китайского языка в средней школе. Была представлена новая линейка учебников китайского языка как второго иностранного для учащихся 5–9 классов, подготовленная коллективом авторов из Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета (**М.Б. Рукодельникова**, **О.А. Салазанова**, **Л.С. Холкина**) и Института Конфуция РГГУ (**Ли Тао**). С точки зрения авторов, необходимость нового учебника китайского языка для средних школ, соответствующего современным требованиям и Федеральному государственному образовательному стандарту, обусловлена предложением о введении в качестве одного из государственных экзаменов в 9 и 11 классах экзамена по китайскому языку. **М.Б. Рукодельникова** рассказала, что в новом пособии усилен лингво-культурологический компонент, активно используются языковые игры и лингвистические задачи, повышающие мотивацию школьников к изучению китайского языка. **Ли Тао** отметила, что предметное содержание учебника соответствует возрастным особенностям подростков 5–9 классов, тексты имеют сюжетную линию и затрагивают жизненно важные проблемы молодежи.

В рамках секции «Китайские рукописи, книги, предметы искусства, хранящиеся за рубежом» был представлен доклад **Е.А. Завидовской** (Национальный университет Цинхуа, Тайвань) «Синолог В.М.Алексеев о народной религии поздней имперского Китая: путевые заметки, эпиграфика, бумажные иконы». Профессор **Ян Юйцзюнь** (Националь-

ный университет Чжунчжэн, Тайвань) выступил с докладом «Благопожелательная символика в оттисках Цайшэня, бога богатства»). Заместитель директора Государственного музея истории религии (ГМИР) Е.А. Терюкова представила доклад «Китайская коллекция ГМИР и синолог В.М. Алексеев». Трое докладчиков являются коллегами по трехлетнему российско-тайваньскому проекту исследования коллекции лубков, переданных в ГМИР академиком В.М. Алексеевым еще до Великой Отечественной войны. В докладе Е.А. Завидовской были освещены широко распространенный культ бога города Чэн-хуана, массовые моления о ниспослании дождя, талисманы-обереги от вредных влияний в период праздника дуань-у, бумажные иконы, используемые народом при поклонении. В качестве материалов использованы данные из книги В.М. Алексеева «Старый Китай» (1958), пояснительные заметки китайских учителей Алексеева из архива ГМИР, неопубликованные путевые заметки Алексеева, а также лубки и бумажные иконы из коллекции ГМИР. Сделан вывод об уникальности методов полевой работы, к которым прибегал Алексеев для сбора материалов о народной религии и культуре. Докладчик также подчеркнула важность этих материалов для исследования специфики народной религии конца правления Цин в северном Китае, который остается менее исследованным, чем южный Китай.

О.Н. Попова (ИНИОН РАН) рассказала о собрании книг В.М. Алексеева, которые хранятся в Синологической библиотеке в Москве. Некоторые из этих книг прямо связаны с его научными интересами — ученый перевел на русский язык рассказы Пу Сунлина и владел ценным шанхайским изданием этого текста. Книги и каллиграфия из коллекции В.М. Алексеева важны не только как примечательное собрание китайской классической литературы за пределами Китая, но и как ключ к постижению научных интересов и культурных предпочтений выдающегося исследователя, вошедшего в историю как основатель современной парадигмы российской синологии. Д.И. Маяцкий (СПбГУ) выступил с докладом о коллекции редких китайских книг в библиотеке Восточного факультета СПбГУ.

27 августа 2016 г. состоялась генеральная ассамблея ЕАК. Тайным голосованием было принято решение о внесении изменений в устав ЕАК. Участники ассамблеи одобрили предложение сократить число членов правления с 24 до 17 человек, при этом число представителей одной страны не должно превышать двух человек.

Новым президентом ЕАК был избран специалист по истории древней китайской мысли профессор Гентского университета (Бельгия) Барт Дессейн. В обновленный и сокращенный состав правления ЕАК (2017–2018 гг.) вошли российские китаеведы Ю.А. Дрейзис (ИСАА МГУ) и А.В. Ломанов (ИДВ РАН).

Очередную конференцию ЕАК намечено провести с 29 августа по 1 сентября 2018 г. в Университете Глазго (Великобритания).

Рецензии

**Ким Н.Н. Южная Корея 1945–1948 гг.: политическая история /
Н.Н. Ким; Ин-т востоковедения РАН.
М.: Наука — Вост. лит., 2015. 454 с.**

Сотрудник Института востоковедения РАН и Высшей школы экономики Наталья Николаевна Ким, существенно дополнив свою кандидатскую диссертацию 2009 г., превратила ее в книгу, посвященную политической истории Южной Кореи в период с 1945 по 1948 г.

Актуальность и новизна исследования в первую очередь связаны с тем, что обстановка на юге Кореи в преддверии окончательного раскола страны обычно освещалась или с позиции советской традиционной историографии, или повторыла трактовки, принятые в РК. Здесь же перед нами работа историка-объективиста, разбирающего ситуацию на большом объеме источников на английском и корейском языках. Значительное количество этих материалов впервые представлено русскоязычному читателю или введено в научный оборот. Особенно это касается работ современных южнокорейских историков, вышедших в конце 1990-х — начале 2000-х годов.

Если традиционная советская историография представляет РК марионеткой США, то автор показывает, что влияние Америки не полностью определяло политическое будущее независимой Кореи. По сути дела, книга посвящена внутриполитическим процессам на юге полуострова и той роли, которую южнокорейские политические силы сыграли в формировании национальной государственности.

Работа состоит из пяти глав. В главе I «Политическая ситуация на Юге Кореи после освобождения» автор обращает внимание на чрезвычайно важный момент, который во многом определил дальнейший ход истории страны. Освобождение Кореи не было заслугой самих корейцев. Из-за этого корейские политики оказались в вторых ролях при определении судеб страны, в том числе решения вопросов о власти, о ликвидации колониального наследия или о земле.

В этом контексте автор выделяет три основных классификационных признака ле-

вых и правых в политическом движении Кореи (с. 7–9):

– о наказании национальных предателей и коллаборационистов (левые — за их медленное наказание, правые предлагают решить этот вопрос после создания корейского правительства);

– о земле (левые — за безвозмездную конфискацию и распределение, правые — за конфискацию с компенсацией и распределение за выкуп);

– о будущей форме политического правления (левые — за республику, основанную на народных комитетах, правые — за президентскую республику).

Центристы солидарны с наказанием национальных предателей, выступают за парламентскую республику и решение земельного вопроса по принципу «конфисковать с компенсацией, распределять безвозмездно».

Что же до обстоятельств раздела страны, то автор отмечает, что поначалу созданные и на Севере, и на Юге органы военной администрации воспринимались как чисто временные, а проведение линии по 38 параллели явилось компромиссом между противоречивыми позициями Госдепа и военного министерства США (с. 31). В Госдепе считали, что американцы должны принять капитуляцию японцев на как можно большем участке территории, военные же не были уверены в том, что армия успеет туда добраться.

В главе II «Структура АВА и основные аспекты системы управления Южной Кореи» подробно рассматривается, как именно американская военная администрация пыталась управлять страной. Автор подробно анализирует структуру управления АВА, ее правовую и судебную систему, а также порядок принятия решений. В подобном контексте эта проблема исследуется впервые, что приводит автора к новым выводам.

Во-первых, обращается внимание на целый комплекс проблем, с которыми сталкивались американские войска — поначалу их просто не хватало для того, чтобы установить полный контроль в своей зоне ответственности (с. 77), затем сказались незнание корейского языка и как следствие вынужденное использование услуг переводчиков и зависимость от них (с. 126), хотя значительная их часть ранее сотрудничала с оккупантами. При этом американцы понимали, с кем они работают, но полагали, что вопрос о наказании коллаборационистов — не их дело. Вот будет сформировано корейское правительство, пусть оно всем этим и занимается: «Было бы несправедливо увольнять людей только на основании того, что они были обучены японцами» (с. 142).

Во-вторых, автор выделяет, как кажется рецензенту, очень важную «системную ошибку» АВА, связанную с тем, как она видела свои задачи в сравнении с советской администрацией. Американские власти не ставили задачи урегулировать экономические и другие проблемы, унаследованные от колониального прошлого (с. 377). Разрешение всех острых социальных проблем возлагалось ими на будущую национальную власть. Но такая задержка только усилила напряженность, с которой потом пришлось разбираться южнокорейским властям.

В-третьих, автор подробно анализирует взаимоотношения АВА и левых, которые казались не просто претендентами на власть, но узурпаторами, готовыми отобрать ее у американцев. И хотя в некоторых провинциях (как на том же Чечжудо) военные губернаторы закрывали глаза на народные комитеты, это было связано с тем, что у них в то время не было возможности самостоятельно осуществлять власть на данной территории. А когда Госдепартамент всерьез задумался о необходимости корензации системы управления, поляризация внутри политических сил в стране была уже настолько велика, что с ними были готовы сотрудничать только правые (с. 116–118).

При этом, хотя для АВА все левые были коммунистами, на самом деле большинство народных комитетов не контролировались компартией.

Важно, что в процессе работы автор воздерживается от шаблонного антиамериканизма. Он обращает внимание на отсутствие информации как о «преступлениях оккупационных войск» в отношении местного населения, так и о намеренных убийствах американцев корейцами как проявлении враждебных чувств к режиму (с. 42), а также на то, что неза-

висимое южнокорейское правительство проводило политику физического подавления левых сил гораздо жестче и масштабнее, чем американские оккупационные власти (с. 135).

В главе III «Проблема опеки и раскол национальных сил Южной Кореи» рассматривается как деятельность Московского совещания и совместной советско-американской комиссии, так и политические дискуссии вокруг режима опеки, включая попытки умеренно левых и умеренно правых сформировать коалиционный комитет.

Автор сумел рассмотреть этот вопрос, избегая типичного когнитивного искажения, когда действия своей стороны объясняются ошибками или волей внешних обстоятельств, а действия чужой — исключительно злым умыслом.

Так, показано, что нарушения поставок продовольствия с американской стороны могли быть вызваны не только политическими (желание вызвать беспорядки или голод), но и сугубо экономическими причинами: фермеры неохотно продавали рис, думая, что его отправят в Японию; население Южной Кореи оседало в крупных городах, росло и требовало продовольствия; не хватало грузовиков и иного подвижного состава для обеспечения транспортировки риса на Север. К этому добавлялись высокая инфляция и спекуляция рисом на свободном рынке, поэтому американцы фактически вводили продразверстку, «выжимая» деревню ради населения городов (с. 178–179).

Разбирая Московское совещание, автор обращает внимание на неточность и неконкретность резолюции, отсутствие разъяснений, которые давали бы обеим сторонам поле для маневра (с. 175–176). Здесь же указывается на малоизвестный момент: американцы готовы были отказаться от режима опеки. Проект разрабатывался Ходжем и Макартуром, однако Госдепартамент поддержал советское руководство (с. 182–183). В результате в массовом сознании корейцев инициатором идеи опеки оказался именно Советский Союз (с. 175).

Автор очень детально описывает процессы размежевания, слияния и поглощения левых и правых партий, в которых идеологические позиции накладывались на личные амбиции лидеров. Как правило, корейские политики того времени шли на контакт и создание коалиции только если полагали, что она обеспечит им политическое лидерство. Младшим партнером никто становиться не желал.

Также автор довольно подробно анализирует разные варианты центристской идеологии, будь то «три принципа равенства» Чо Со Ана, «концепция нового национализма и новой демо-

кратии» Ан Чжэ Хона или «объединенная новая демократия» Пэк Нам Уна (с. 379–380). Называя этот тренд «социальным либерализмом», автор отмечает и то, что все эти направления подчеркивали особый исторический путь Кореи, что роднило их как с чучхе Ким Ир Сена, так и с «национальным субъективизмом» Пак Чжон Хи.

Можно отметить, что автор, безусловно, сочувствует центристам и разумно считает, что обструкционистская критика со стороны и крайне левых, и крайне правых, привела к отсутствию возможности сформировать единый фронт и вслед за ним единое правительство.

В этом контексте обратим внимание на критику автором тезиса о том, что американцы сознательно и изначально выбрали Ли Сын Мана в качестве политического лидера (с. 88–89). Скорее, считает автор, у американцев не было другого выхода. Пойти на компромисс с левыми они не могли. Центристы не оказались серьезной силой. Среди правых, по сравнению с лидерами временного правительства. Ли Сын Ман выглядел наиболее благонадежным, а во время сепаратных выборов все его потенциальные политические оппоненты были или мертвы как Сон Чжин У или Е Ун Хен, или отказались участвовать в выборах как Ким Гу или Ким Гю Сик. Поэтому у американцев просто не было лучшей кандидатуры: «Пока Ли Сын Ман представляет собой одного из немногих известных в стране демократических лидеров, вряд ли можно обойтись без сотрудничества с ним» (с. 219).

Распространение правой пропаганды вызывало у американцев не меньшую тревогу, чем усиление левых (с. 196). Ли Сын Ман обвинял Ходжа в «пособничестве коммунистам», но поскольку он оставался к этому времени безальтернативным кандидатом, то получил возможность «вить веревки» из Вашингтона, навязывая тому свою позицию.

При этом автор показывает независимость южнокорейских левых партий от Пхеньяна и тем более от Москвы. Так, в составе Демократического национального фронта не было ни одной северокорейской партии, и среди председателей даже формально не числилось ни одного политика из Северной Кореи (с. 215).

Глава IV «Экономические проблемы и социальное противостояние в Южной Корее» в основном посвящена описанию и анализу массового протестного движения, включая как забастовки 1946–1947 гг., так и восстание 1948 г. на острове Чечжудо и иные вооруженные выступления.

Здесь автор снова идет от первопринципи, отмечая земельный вопрос (крестьянство

составляло абсолютное большинство населения страны) и проблему наказания национальных предателей. В условиях господства мелкоарендного хозяйства наряду с крупным землевладением речь могла идти только о безвозмездной конфискации земель бывших японских собственников и национальных предателей. Только в таком виде реформа могла бы быть воспринята корейским крестьянством адекватно (с. 6). Но с точки зрения американской администрации излишне радикальный вариант реформы мог сыграть на руку левым, и чем больше разгоралась холодная война, тем меньше у американцев было стимулов проводить какие-то серьезные преобразования.

Что же до предателей, то автор приводит очень полезные статистические данные о доле корейцев в составе госслужащих или технических специалистов, демонстрируя, что замена японцев корейскими или американскими служащими была очень непростой задачей (с. 124–125). И если АВА видела приоритет в нормальном функционировании промышленности или государственной системы, для корейцев этот вопрос имел исключительно политическое значение, связанное с восстановлением социальной справедливости.

Ситуация, когда полицейские силы оказались сформированы из тех же лиц, которые выполняли эти обязанности при японцах, не могла не вызывать у масс чувство отторжения и обманутых надежд. Автор обращает внимание на то, что требования масс имели в основном экономический характер, и если политические требования выдвигались, то касались наказания коллаборационистов (с. 273). По мнению автора, если бы американская администрация была более решительной в ликвидации проблем, связанных с колониальным наследием, до подобного размаха левых выступлений дело бы не дошло.

В этом же разделе автор обращает внимание на социальную природу народных восстаний против оккупационного режима. Рассматривая восстание на Чечжудо, где «масштабы насилия со стороны полиции, охранных отрядов по отношению к населению перешли все мыслимые пределы» (с. 294), Н.Н. Ким указывает, что, хотя как северокорейская, так и южнокорейская историография позиционировала это восстание как организованное Пхеньяном или пропхеньянскими элементами, на деле внешне влияние там было минимальным. Мы скорее имеем дело с классическим паттерном народного восстания, возникающим как реакция на «беспредел местных притеснителей» из числа прибывших с материка

представителей пролисымановских полувоенных организаций, развязавших на острове безнаказанную кампанию рэкета и террора по отношению к местному населению.

Глава V «Борьба против сепаратных выборов в Южной Корее» анализирует реакцию национальных сил Кореи на решение о сепаратных выборах и события, произошедшие после того, как корейский вопрос был вынесен на рассмотрение ООН.

Автор считает, что сепаратные выборы в любом случае бы состоялись, и если бы левые или центристы приняли в них участие, они могли бы пройти в состав Национального собрания и, имея легальные механизмы воздействия, могли если не продолжить борьбу за создание единого правительства, то по крайней мере не дать Ли Сын Ману и его сподвижникам вести откровенно раскольническую политику (с. 358).

Корейская проблема воспринимается автором не только как проблема одной стороны, а как комплексный блок проблем. Нельзя сказать, что руководство США подстраивало свои интересы под правых, выступавших за сепаратизм. Но американское правительство не могло не учитывать обстановку в своей зоне ответственности и сдавать позиции в условиях начинающейся холодной войны. Они должны были делегировать кому-то свои полномочия, и этот кто-то должен был обладать определенным запасом власти и влияния. Иное дело, что, не проведя вовремя необходимый комплекс ме-

роприятий и встряв между левыми и правыми, американские власти оказались в положении, при котором Ли Сын Ман умело подталкивал ситуацию в свою пользу (с. 314).

Чрезвычайно важной и полезной частью книги является приложение, в котором содержатся биографии видных политических деятелей Кореи 1945–1948 гг. Среди них есть не только такие широко известные персонажи, как Ли Сын Ман или Ким Гу, но и лица, менее знакомые российскому читателю. Такие, как Чо Со Ан, Хо Хон или Ан Чжэ Хон, оказывались как бы за пределами внимания, как минимум, в постсоветское время, хотя их биографии чрезвычайно интересны и поучительны. Так, значительное количество как умеренно левых, так и умеренно правых политиков благополучно перебрались на Север (кто после совещания 1948 г., кто после начала Корейской войны) и умерли там естественной смертью в конце 1950-х — начале 1960-х годов.

Подводя итоги, очень хочется поздравить автора с выходом книги, не просто чрезвычайно полезной для понимания социально-политической ситуации на Юге Кореи, но и написанной живым языком, привлекающим молодежную аудиторию. Это серьезное событие в российском корееведении, и как специалисты, так и просто любознательные читатели, желающие понять причины раскола страны и нынешней ситуации на Корейском полуострове, должны включить монографию Н.Н. Ким в список рекомендованной литературы.

© 2016

*К.В. Асмолов, кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований ИДВ РАН*

Zhao Lei. The Present and Future of China's Soft Power. Beijing: Foreign Languages Press, 2015. 148 p.

В условиях растущего интереса международного экспертного сообщества к «мягкой силе» Китая небесполезно иметь адекватное представление о том, как понимают ее содержание, структуру и другие важные характеристики в самой КНР. Такую возможность дает монография профессора Института международных стратегических исследований Партийной школы ЦК КПК Чжао Лэй «Настоящее и будущее «мягкой силы» Китая».

Простой, доходчивый стиль изложения, отчасти объяснимый пропагандистско-разъяснительными задачами работы (она вышла в серии «Понимать современный Китай») отнюдь не делает текст примитивно-дидактическим. Автор стремится подкрепить свою позицию ссылками на оценки известных зарубежных и китайских экспертов, статистические выкладки и данные специальных исследований.

Поскольку книга адресована в первую очередь иностранному читателю, то многие важные для понимания особенностей «мягкой силы» Китая понятия и категории соотнесены с международным контекстом. Так, роль скоро наращивание «мягкой силы» служит, по утверждению Чжао Лэй, фундаментом реализации «китайской мечты», то вполне логичным выглядит сопоставление данного ориентира с «американской мечтой» и «европейской мечтой» (гл. 2). Признавая определенную связь «китайской мечты» с двумя другими в модернизационном компоненте, Чжао Лэй одновременно подчеркивает ее коренное отличие от них в плане истории, целей, политической культуры, средств достижения и базовых ценностей. В целом «китайская мечта» характеризуется как «широкая, открытая и инклюзивная», представляющая собой в потенциале «мечту не только Китая и для Китая, но и мечту всего мира и для всего мира» (р. 38). Такую высокую оценку автор выводит из «привлекательности» китайских ценностей, детально описываемых в главе 3.

Базовые китайские ценности — справедливость, ориентированность на человека, «коммунальность» (то есть принадлежность человека в течение всей его жизни семье и стране) и приверженность гармонии — противопоставляются американским ценностям (свобо-

да, демократия и права человека) и представляющим Европу французским ценностям (свобода, равенство, филантропия) (р. 48–52).

Любопытно, что автор одновременно отмечает и ограниченность, неуниверсальность так называемых азиатских ценностей, основанных на неоконфуцианстве и пропагандируемых Сингапуром и Малайзией. По мнению Чжао Лэй, «азиатские ценности» переоценивают различия между Восточной Азией и Западом и не защищают интеграцию различных цивилизаций и их базовых ценностей. По сути дела, они представляют собой наследование и улучшение традиционной восточноазиатской культуры и не предназначены для того, чтобы разделить их с другими (р. 47).

В основной части работы, посвященной собственно «мягкой силе», рассматриваются «локализация» в Китае теории «мягкой силы», современные процессы наращивания ее самой и роста ее глобального влияния, пути дальнейшего усиления и параллельного улучшения международного образа страны.

Исследование «мягкой силы» в Китае стартовало в первой половине 1990-х годов, вскоре после выдвижения этой концепции Джозефом Наем. Среди первых исследователей назван Ван Хунин — ныне член Политбюро ЦК КПК, неизменный помощник трех последних китайских генсеков. Излагая подходы ряда китайских ученых (детальнее всего — Янь Сюэгуна) к понятию «мягкой силы» и ее структуре, Чжао Лэй предпринял попытку сформулировать на их основе интегральное определение существа «мягкой силы» в китайском понимании. Это — двухуровневый феномен, состоящий из культуры и дипломатии. При этом культура является стержнем «мягкой силы». Ключевые элементы «культурной мягкой силы» — собственно культура, ценности и политика. «Мягкая сила дипломатии» проявляет себя в помощи зарубежным странам и институтам, миротворческих операциях и многосторонней дипломатии (р. 6–7).

Рост «мягкой силы» Китая в первом десятилетии XXI в. Чжао Лэй прямо связывает с общим прогрессом китайского общества. В этот период совокупный показатель достижения уровня «сяокан» («скромной зажиточно-

сти») вырос с 59,6 до 80,1%. При этом показатель достижения критериев «сяокан» в экономическом развитии возрос с 56,3 до 78,3%, в сфере социальной гармонии — с 57,5 до 82,5%, в развитии демократии и управления на основе закона — с 84,8 до 93,6%, в культуре и образовании — с 58,3 до 68% (р. 60).

Региональный разрыв в показателях «мягкой силы» культуры остается в КНР значительным: лидирующей Пекин опережает расположенную на последнем месте Хэнань более чем на треть (1,36 раза). Согласно расчетам, выполненным профессором Чжоу Гофу по 25 показателям, сгруппированным в 5 направлений (культурные традиции, качество, активность, привлекательность и институты в культурной сфере), на 3-м месте здесь оказался Тибет (р. 61). Кстати говоря, последнее место Хэнань с ее первоклассным культурным наследием (бывшие столицы Кайфэн и Лоян, Баймасы — первый буддийский храм в Китае, монастырь Шаолинь и т.д.) вызывает серьезные сомнения.

В целом, констатирует автор, китайская «мягкая сила» находится в настоящее время на подъеме. Об этом свидетельствуют растущий интерес в мире к китайской культуре и особенно к китайскому языку, высокое внимание к китайской модели развития, активное участие КНР в ряде инновационных международных многосторонних механизмов (ШОС, 10+1, 10+3 и т.п.), позитивные подвижки в образе Китая за рубежом, выступление Китая на международной арене с такими весомыми инициативами, как «путь мирного развития», «гармоничный мир», «новая модель междержавных отношений».

Вместе с тем, признает Чжао Лэй, «мягкая сила» Китая пока остается сравнительно слабой. Здесь КНР уступает США, Японии, ведущим европейским государствам. Это связано, в первую очередь, с отсутствием у Китая всемирно известных «культурных брендов», с сохраняющимся весьма размытым и неполным представлением во многих странах о различных аспектах китайской культуры. Кроме того, проведение таких мероприятий, как Года китайской культуры, отнюдь не обязательно ведет к увеличению за рубежом уровня поддержки политики Китая. Активная экономическая дипломатия КНР формирует отношения, основанные на общих интересах, но при этом различия в политических системах, идеологии и базовых ценностях сохраняются (р. 66–67).

Дальнейшее наращивание «мягкой силы» Китая требует не только активного ис-

пользования богатых культурных ресурсов страны, но и настойчивой работы по формированию в мире позитивного образа правящей компартии как партии открытой, ориентированной на народ и непрерывно обучающейся всему новому. Этой же цели будет служить постоянное совершенствование национальной работы и формирование на этой основе благоприятного «этнического дискурса Китая» за рубежом. Что касается дальнейшего наращивания дипломатического компонента «мягкой силы» Китая, то здесь тремя «краеугольными камнями» выступают мирное сосуществование, мирное развитие и строительство гармоничного мира (р. 129).

Чжао Лэй также специально останавливается на вопросе о международной ответственности Китая как крупной державы. Одно из главных здесь — поддержание стабильности и развития своей страны (р. 145). Китаю, далее, надлежит следовать международным правилам и выполнять свои международные обязательства. Одновременно он должен содействовать установлению более справедливого и равноправного мирового порядка. Чжао Лэй признает, что отход от прежней ориентации Китая на «строительство справедливого и равноправного нового международного политического и экономического порядка» явился следствием эволюции внешнеполитической стратегии страны. Как подчеркивает Чжао Лэй, «мы больше не позиционируем себя в качестве “зрителя, антагониста или ниспровергателя” существующего международного порядка, напротив, мы являемся его “участником, строителем и защитником”... При всех недостатках мы считаем существующий мировой порядок в целом хорошим, и сегодня ключ в том, чтобы улучшать его, а не создавать новый» (р. 146).

В начале своей монографии Чжао Лэй полушутливо заметил, что понятие «мягкой силы», имеющее американское происхождение, долгое время игнорировалось и недооценивалось. И лишь после того, как на «мягкую силу» обратил внимание Китай, это выражение обрело широкую популярность. Иными словами, именно Китай наполнил понятие «мягкой силы» настоящей жизнью (р. 3). Об определенной справедливости этого замечания свидетельствует появление в последние годы ряда расчетных индексов, призванных дать количественную оценку «мягкой силы» Китая в сопоставлении с другими странами.

Так, «Индекс мягкой силы быстро растущих рынков» (весна 2012 г.) поставил Китай по итогам 2010 г. на 1-е место среди так на-

звиваемых развивающихся рынков (вслед за ним со значительным отставанием шли Индия и Россия), но только на 8-е — среди всех государств (впереди — США, Франция, Германия, Великобритания, Канада, Италия и Япония)¹.

Однако при расчетах по другой методике, используемой для составления «Рейтинга мягкой силы тридцати ведущих стран», Китай в 2015 г. всего лишь замкнул тридцатку, что объяснялось отсутствием в стране свободной прессы, слабым уровнем защиты прав человека, негативным отношением власти к любым формам критики официальной политики и т.п.²

С целью противодействия не устраивающим его западным оценкам «мягкой силы» Китая Пекин начинает все активнее разрабатывать собственные индексы, показывающие

страну в более благоприятном свете. Одна из последних по времени публикаций такого рода, приуроченная к анализу итогов саммита G-20 в Ханчжоу (сентябрь 2016 г.), поставила Китай на 4-е место в индексе глобального управления среди стран-участниц саммита — вслед за США, Францией и Великобританией³.

Можно предположить, что в течение какого-то периода времени серьезная работа по наращиванию «мягкой силы» будет сопровождаться попытками Китая улучшить свои рейтинговые позиции, носящими скорее рекламный, чем научный характер. Впрочем, вопрос о том, надо ли воспринимать всерьез очередной эпизод бесконечной «ярмарки тщеславия», остается открытым.

© 2016

*В.Я. Портяков,
доктор экономических наук, профессор*

1. URL: www.ey.Publication/vwLUAssets/Rapid-growth-markets_Soft_power_index?FILE?
2. URL: www.portland-communications.com?downloads?the_Soft_power_30nov.pdf
3. URL: <http://en.people.cn/N3/2016.0913/c90000-9114514.html>

Содержание журнала «Проблемы Дальнего Востока» за 2016 год

От главного редактора	№ 4
Памяти академика М.Л. Титаренко	№ 2

ПАМЯТИ АКАДЕМИКА М.Л. ТИТАРЕНКО

«Китаеведы призваны расширять взаимопонимание, поле сотрудничества и взаимодействия России и Китая»	№ 3
---	-----

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

<i>Я.М. Бергер.</i> Научно-технологическая составляющая совокупной национальной мощи Китая	№ 6
<i>Л.Е. Васильев.</i> Международный терроризм как способ достижения политических целей и его особенности в Центральной Азии	№ 6

ПОЛИТИКА

<i>К.В. Асмолов.</i> Пекин между Пхеньяном и Сеулом	№ 3
<i>П.С. Варюшин, И.С. Тихоцкая.</i> Политическая модель и электоральный ландшафт Японии и США: сравнительная характеристика	№ 1
<i>А.О. Виноградов.</i> КНР — европейские страны: структура многостороннего сотрудничества	№ 1
<i>К.Р. Вода.</i> Содействие международному развитию и интересы безопасности в политике Японии	№ 4
<i>А.В. Волошина.</i> Тайваньский вопрос в современных китайско-американских отношениях	№ 6
<i>В.Я. Воробьев.</i> Куда будет двигаться Шанхайская организация сотрудничества?	№ 5
<i>П.А. Гудев.</i> Политико-правовые основы морских конфликтов в АТР	№ 6
<i>А.С. Давыдов.</i> Китай, США и Россия между сотрудничеством и соперничеством	№ 1
<i>А.З. Жебин.</i> VII съезд Трудовой партии Кореи: предварительные итоги	№ 4
<i>А.С. Исаев.</i> Сотрудничество средств массовой информации России и Китая: история, проблемы, возможности	№ 2
<i>Я.В. Лексюткина.</i> Китай в БРИКС: первый среди равных	№ 5
<i>А.В. Макаров, Б.А. Семин.</i> Москва — Пекин: насущные императивы партнерства	№ 2
<i>Ю.В. Морозов.</i> Интеграционные проекты для Евразии: подходы Китая, России и США	№ 3
<i>Ю.В. Морозов.</i> Китай в Арктике: цели и риски для российско-китайских отношений	№ 5

<i>Н.З. Мосаки.</i> Эволюция политики КНР в отношении Иракского Курдистана.....	№ 1
<i>Нгуен Динь Лиет.</i> Вьетнамо-китайские отношения и проблемы Южно-Китайского моря	№ 6
<i>А.В. Полутов.</i> КНР и Япония: борьба за ресурсы и острова Восточно-Китайского моря	№ 2
<i>Се Чжэньчжэнь.</i> Российско-китайские отношения на современном этапе и перспективы их развития	№ 1
<i>Д.В. Стрельцов.</i> Политика Японии в сфере военной безопасности при кабинетах С. Абэ: новые подходы.....	№ 3
<i>М.А. Терских.</i> Подходы Вьетнама к развитию отношений с США	№ 2
<i>С.В. Уянаев.</i> Россия — Монголия — Китай: активизация трехстороннего сближения.....	№ 6
<i>Фу Ин, У Шицунь.</i> Обстановка в Южно-Китайском море и спор вокруг архипелага Наньша: историческая ретроспектива и актуальные соображения	№ 6
<i>Ю.А. Хатченков.</i> Подходы китайского руководства к борьбе с международным терроризмом.....	№ 3
<i>А.В. Цвык.</i> Стратегическое партнерство КНР и ФРГ в 2004–2015 гг.: политические аспекты.....	№ 2

ЭКОНОМИКА

<i>А.В. Афонасьева.</i> Роль зарубежных китайцев в развитии северной ветки Экономического пояса Шелкового пути	№ 4
<i>А.В. Афонасьева.</i> Роль зарубежных китайцев в развитии центральной ветки Экономического пояса Шелкового пути.....	№ 5
<i>А.В. Афонасьева.</i> Роль зарубежных китайцев в развитии южной ветки Экономического пояса Шелкового пути	№ 6
<i>Л.Д. Бони.</i> Реформа структуры предложения сельхозпродукции и проблема продовольственной безопасности Китая	№ 6
<i>О.Н. Борох.</i> «Политэкономия Си Цзиньпина» и новый этап реформ в КНР	№ 3
<i>И.В. Вахрушин.</i> Кризис фондового рынка Китая 2015–2016 гг.: факторы возникновения и политика противодействия	№ 2
<i>И.В. Вахрушин.</i> Проблема долга в экономике Китая: подходы к оценке, сценарии, варианты решения.....	№ 5
<i>М.О. Демина.</i> Влияние политического взаимодействия на динамику торговых отношений Японии и КНР	№ 3
<i>М.О. Демина, С.К. Лысенко, Д.А. Щербаков.</i> Малые и средние предприятия Японии в условиях глобализации	№ 6
<i>З.Б.-Д. Дондоков, Г.О. Борисов, В.О. Намжилова.</i> Россия — Монголия — Китай: перспективы трехстороннего сотрудничества	№ 1
<i>К.А. Ефремова.</i> Региональное сотрудничество в зоне Большого Меконга и стратегии внерегиональных держав.....	№ 1
<i>М.В. Жариков.</i> Контрактный курс юаня в приграничной торговле российского Дальнего Востока.....	№ 1
<i>Л.В. Захарова.</i> Межкорейские экономические связи после «санкций от 24 мая 2010 г.».....	№ 3
<i>Н.Н. Коледенкова.</i> Черная металлургия КНР в 12-й пятилетке и международное сотрудничество в производственной сфере.....	№ 4

<i>Ли Цзинъюй, Чжан Чэньяо.</i> О стратегии сотрудничества Китая и России на северном маршруте Морского Шелкового пути XXI века.....	№ 1
<i>З.А. Мурамцева.</i> Государственные предприятия КНР в 2011–2020 гг.: особенности и перспективы реформирования	№ 5
<i>Л.В. Новоселова, Т.Г. Терентьева.</i> Китай на мировом рынке капитала	№ 3
<i>Ж.В. Петрунина.</i> Китай укрепляет позиции в нефтегазоносном бассейне Персидского залива.....	№ 5
<i>Э.П. Пивоварова.</i> Место социальных проблем в программе нормализации экономического развития КНР в 13-й пятилетке	№ 3
<i>В.Я. Портяков.</i> Интеграционные процессы в дельте реки Чжуцзян и роль Шэньчжэня	№ 3
<i>С.Л. Сазонов, К.А. Петрунько, У Цзы.</i> Транспортная стратегия КНР в Юго-Восточной Азии	№ 2
<i>Б.А. Хейфец.</i> Экономический пояс Шелкового пути — новая модель привлекательного экономического партнерства для ЕАЭС	№ 5
<i>Цзя Сун.</i> Финансово-денежные механизмы и роль банковской маржи в китайской экономической реформе.....	№ 2
<i>С.С. Цыплаков.</i> Еще раз о девальвации юаня.....	№ 2
<i>Чжу Юй.</i> «Один пояс, один путь» и китайско-российское торгово-экономическое сотрудничество	№ 2
<i>В.В. Чуванкова.</i> Частное и индивидуальное предпринимательство — ключевой фактор развития экономики КНР	№ 5
<i>В.Г. Швыдко, И.В. Данилин, К.С. Костюкова.</i> Политика развития передовых производственных технологий в Японии: вызовы и перспективы	№ 2
<i>Ю.М. Шиганова.</i> Развитие дельты реки Чжуцзян: тенденции, проблемы, перспективы	№ 5
<i>Д.Н. Щербаков.</i> Нефтегазовый сектор Китая — проблемы и тенденции развития	№ 2

ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ

<i>Е.И. Кранина.</i> Китай: ускорение строительства «экологической цивилизации»	№ 5
<i>Н.В. Прохорова.</i> Вопросы формирования водного рынка в Китае	№ 5
<i>И.В. Ушаков.</i> Загрязнение окружающей среды в Китае	№ 4

РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

<i>Р.Е. Мансуров.</i> зернопродуктовый комплекс Амурской области и продовольственная безопасность региона.....	№ 3
--	-----

«КРУГЛЫЙ СТОЛ» В ИДВ РАН

XII съезд Коммунистической партии Вьетнама: итоги и значение	№ 2
Российско-китайские отношения на современном этапе. К 15-летию подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР	№ 4

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

<i>В.И. Балакин.</i> Совокупная национальная мощь Китая: диалектика построения новой государственности.....	№ 5
---	-----

ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

- П.Б. Каменнов.* Военно-промышленный комплекс КНР на современном этапе № 1
- В.Б. Кашин.* Реформа органов управления китайскими вооруженными силами № 2
- А.В. Шлындов.* Роль ядерного оружия и ракетных войск в военной доктрине КНР № 6

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

- А.П. Тарасов.* Русская национальная волость Эньхэ в Барге: проблемы национальной идентичности русских в приграничном Китае № 1
- Н.А. Толмачёв.* Борьба с коррупцией в Индонезии на современном этапе № 4

ИСТОРИЯ

- К 50-летию «культурной революции» в КНР (Круглый стол в ПДВ) № 4
- М.А. Бордаков.* Особенности освещения русско-японской войны 1904–1905 гг. на страницах дальневосточной прессы. № 1
- Т.В. Лазарева.* Тибетский автономный район — 50 лет со дня образования № 3
- А.В. Ломанов.* Инь Хайгуан и трансформация китайского либерализма в середине XX века № 1
- Н.Л. Мамаева.* Россия и начальный период «Движения за новую культуру» в Китае № 5
- А.В. Панцов.* «Твердый, как камень». Детские и юношеские годы Чан Кайши № 2
- Н.В. Петухова.* Дипломатическая деятельность востоковедов Д.Д. Покотилова и Д.М. Позднеева в Китае в 1895–1901 гг. № 6
- А.В. Полутов.* Разведывательное сотрудничество Японии и Польши против СССР (1919–1945 гг.) № 5
- Н.А. Самойлов.* Шведская Ост-Индская компания и ее роль в истории социокультурного взаимодействия Китая и стран Северной Европы № 2
- А.А. Сизова.* Информационно-аналитическая деятельность российских консульств в Монголии в начале XX века № 4
- Е.О. Старовойтова.* Русско-китайские отношения в 1891–1896 гг. и деятельность российского посланника в Пекине А.П. Кассини № 6
- М.С. Феденева.* Концепция «нового ревизионизма» и борьба с советским влиянием в КНДР в первой половине 1960-х годов № 1

ФИЛОСОФИЯ

- Л.Е. Янгутов.* Духовные истоки политической стратегии «мягкой силы» Китая № 4

КУЛЬТУРА

- А.А. Забияко, А.П. Забияко.* Русские Трёхречья: фольклор как основа сохранения идентичности в китайской среде № 2
- О.И. Завьялова.* Языки Китая: новейшие исследования и открытия № 5
- Е.А. Иконникова.* Сахалин и Курильские острова в европейской литературе: краткий обзор № 1
- Г.В. Куликова.* «Моя неразрывная связь с Россией» (К 90-летию со дня рождения Гао Мана) № 6

<i>А.В. Семенов.</i> Новогодние обращения председателя КНР в свете дискурсного подхода (социолингвистические заметки).....	№ 5
<i>А.А. Хисамутдинов.</i> Писатель, журналист и издатель Николай Матвеев в России и Японии.....	№ 3

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

III международная научная конференция молодых востоковедов.....	№ 2
IV Всероссийская научная конференция «Исторические события в жизни Китая и современность».....	№ 5
XX научная конференция корееведов России и стран СНГ.....	№ 4
XXI конференция Европейской ассоциации китаеведения.....	№ 6
Институту экономических исследований Дальневосточного отделения РАН — 40 лет.....	№ 4
<i>А.В. Ломанов, В.Я. Портяков.</i> Шестой всемирный форум изучения Китая.....	№ 1
К 60-летию Института стран Азии и Африки МГУ.....	№ 3
Научная конференция Центра социально-экономических исследований Китая ИДВ РАН.....	№ 3
Научная конференция Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН.....	№ 3
Содержание журнала «Форум Северо-Восточной Азии» (Дунбэй Я луньтань) (КНР) за второе полугодие 2015 г.	№ 4
<i>С.В. Уянаев.</i> Трехстороннее взаимодействие «Россия — Монголия — Китай»: старт научного диалога.....	№ 1

РЕЦЕНЗИИ

<i>Ю.Д. Анчабадзе.</i> Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта.....	№ 1
<i>К.В. Асмолов.</i> Ким Н.Н. Южная Корея 1945–1948 гг.: политическая история.....	№ 6
<i>Т.И. Виноградова.</i> Seijas Tatiana. Asian slaves in colonial Mexico. From Chinos to Indians.....	№ 5
<i>В.А. Гринюк.</i> Сиобара Тосихико. Украинагейт: злые умыслы «неоконсерваторов» и их манипуляции с информацией.....	№ 1
<i>А.С. Давыдов.</i> Титаренко М.Л., Петровский В.Е. Россия, Китай и новый мировой порядок. Теория и практика.....	№ 5
<i>В.О. Кистанов.</i> Стрельцов Д.В. Внешнеполитические приоритеты Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе.....	№ 5
<i>Л.И. Кондрашова.</i> Брутенц К.Н. Великая геополитическая революция.....	№ 2
<i>В.Е. Петровский.</i> Давыдов А.С. Пекин, Вашингтон, Москва: взаимоотношения в контексте трансформации глобальной архитектоники.....	№ 3
<i>В.Я. Портяков.</i> Zhao Lei. The Present and Future of China's Soft Power.....	№ 6
Современный Вьетнам: Справочник.....	№ 4
<i>Г.Д. Толорая.</i> Смит Х. Северная Корея: рынки и военная диктатура.....	№ 1

В ОБЩЕСТВЕ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ ДРУЖБЫ

Мезенцев Дмитрий Федорович — Председатель Общества российско-китайской дружбы.....	№ 4
--	-----

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

85 лет Вадиму Ивановичу Шабалину	№ 4
Академику Владимиру Степановичу Мясникову – 85 лет	№ 3
Слово об Учителе.....	№ 3
Сергею Геннадьевичу Лузянину — 60 лет	№ 4
Юбилей Людмилы Дмитриевны Бони	№ 5
Юбилей Анатолия Филипповича Клименко.....	№ 2
Юбилей Ким Ен Уна	№ 5
Юбилей японоведа — ученого и практика	№ 2

НАШ ЮБИЛЯР

Юбилей Андрея Сергеевича Давыдова.....	№ 5
Юбилей Галины Петровны Манчха	№ 3
Contents	№ 1–6
Summary.....	№ 1–6
Содержание журнала «Проблемы Дальнего Востока» за 2016 год	№ 6

Contents

THEORY AND METHODOLOGY

Ya. Berger. Scientific and Technological Component of Comprehensive National Power of China

L. Vasiliev. International Terrorism as a Way of Achieving Political Goals and Its Peculiarities in Central Asia

POLITICS

S. Uyanaev. Russia — Mongolia — China: the Revitalization of Trilateral Approach (Results of the Second Forum of the Association of Expert Centres of the Russian Federation, Mongolia and China)

Fu Ying, Wu Shicun. How Have We Come to This Stage in the South China Sea: The Events and Twists & Turns

P. Gudev. Asia-Pacific: Maritime Conflicts' Political and Legal Background

Nguyen Dinh Liem. Vietnam-China Relations and the Problems of the South China Sea

A. Voloshina. The Taiwan Issue in Contemporary Sino-American Relations

ECONOMY

L. Boni. Reforming the Structure of Agricultural Product Supply and Food Security in China

A. Afonasieva. Overseas Chinese's Role in the Development of the Southern Line of Silk Road Economic Belt

M. Demina, S. Lysenko, D. Shcherbakov. Small and Medium-size Enterprises of Japan in the Context of Globalization

MILITARY BUILD-UP

A. Shlyndov. The Role of Nuclear Weapons and Missile Forces in the Military Doctrine of the PRC

HISTORY

E. Starovoytova. Russian-Chinese Relations in 1891–1896 and the Activity of the Russian Envoy A. Cassini in Beijing

N. Petukhova. The Diplomatic Activities of Orientalists D. Pokotilov and D. Pozdnev in China (1895–1901)

CULTURE

G. Kulikova. "My Unbreakable Connection with Russia" (By the 90th Anniversary of Gao Mang)

SCIENTIFIC EVENTS

The XXI Conference of the European Association of Chinese Studies

BOOK REVIEW

K. Asmolov. Kim N.N. South Korea, 1945–1948: Political History

V. Portyakov. Zhao Lei. The Present and Future of China's Soft Power

Far Eastern Affairs Contents for 2016

Contents

Summary

Summary

Ya. Berger. Scientific and Technological Component of Comprehensive National Power of China

By the second decade of the XXI Century the drivers of high growth of economic aggregate national power in China during three previous decades have been almost exhausted. And the progress of science and technology as a main driver of development came to a forefront. Particularly important becomes the creation of domestic innovative potential that could change the growth pattern and increase the competitiveness of China in the world. The article analyzes national innovative development programs of China. Special attention is paid to information and communication technologies. It is emphasized that a crucial element of turning China into a global innovation power will be preserving cooperation and mutual trust between scientific community and the government of the country.

Keywords: China, science, research, technologies, innovations, informatization, Internet, program.

L. Vasiliev. International Terrorism as a Way of Achieving Political Goals and Its Peculiarities in Central Asia

The article examines the features of modern international terrorism, its causes and expansion reasons, the relationship with negative phenomena that have significant effects on regional security. The author described the characteristics of terrorist activities in Central Asia, considered the main trends of their possible escalation in that region in the near future.

Keywords: international terrorism, regional security, the threats and challenges to security, geopolitics, Central Asia.

S. Uyanaev. Russia — Mongolia — China: the Revitalization of Trilateral Approach (Results of the Second Forum of the Association of Expert Centers of the Russian Federation, Mongolia and China)

The article discusses the intensification of trilateral cooperation between Russia, Mongolia and China in recent years. The author analyzes the preconditions for cooperation, due to the similarity of economic policies of the three countries, considers the evolution of practical steps in this direction, explores the results of the trilateral meetings of scientific experts, appeals to number of existing challenges.

Keywords: Russia, Mongolia, China, cooperation, economic corridor, infrastructure, transport, communications, scientific recommendations.

Fu Ying, Wu Shicun. How Have We Come to This Stage in the South China Sea: The Events and Twists & Turns

The position close to official on the question of the ownership of the Islands of the Nansha archipelago had been set out. The transfer by Japan to China of control over the Islands of the South China Sea (SCS) after the second world war, the history of Philippines and Vietnamese claims to the islands and reefs of the archipelago are described. Special attention is paid to the period after 2008 characterized by the aggravation of the situation in the South China Sea and by active U.S. interference in the region.

Keywords: South China Sea, Nansha archipelago, China, Philippines, Vietnam, USA, sovereignty disputes.

P. Gudev. Asia-Pacific: Maritime Conflicts' Political and Legal Background

The process of strengthening political and economic importance of the Asia-Pacific region within the framework of the existing system of international relations is accompanied by the growing competition between its key players. A number of countries differently treats the rules of international Maritime law, seeking to provide the priority level of their own security — not only military but the mineral and even environmental. Attempts of some States to extend its sovereignty and jurisdiction over islands, sea waters, their living and mineral resources of the seabed and its subsoil had faced with opposition by the others eager to prevent the restriction of their rights and freedoms enshrined in the UN Convention on the Law of the Sea (1982). An analysis of how justified are certain claims and what is their role in strengthening regional conflicts becomes the aim of this article.

Keywords: world ocean, Asia-Pacific, the PRC, the USA, South China Sea, the United Nations Convention on the Law of the Sea (1982), maritime delimitation, historic waters.

Nguyen Dinh Liem. Vietnam-China Relations and the Problems of the South China Sea

The article of a prominent Vietnamese political analyst, specialist on the relationship of Vietnam and China, is dedicated to sensitive and acute problem of Vietnam-China disputes in the South China Sea. According to the author, the problem of the South China Sea is not only the "most sensitive" in relations between Vietnam and China but also "the hot spot" in terms of regional security in Southeast Asia, and its solution is due to the peaceful conditions of development in the region and peace in the world.

Keywords: South China (East) Sea, Vietnam-China relations, crisis, territorial waters, exclusive economic zone, continental shelf.

A. Voloshina. The Taiwan Issue in Contemporary Sino-American Relations

The article examines the role which the Taiwan issue plays in the modern Sino-American relations. The author argues that despite the significant easing of cross-strait tensions during the administration of Ma Ying-jeou and diminished prospects for turning the Taiwan issue into a point of conflict in China-US relations, the historical differences between Beijing and Washington over Taiwan have not been resolved. The victory of the DPP candidate Tsai Ying-wen in the Taiwan's presidential election can present a new challenge to China and the US.

Keywords: China, U.S. policy, rebalance to Asia, Taiwan issue, North-East Asia, core interests, arms sales, new administration.

L. Boni. Reforming the Structure of Agricultural Product Supply and Food Security in China

The reform aims at tackling the structural imbalances that have arisen in the system of supply of agricultural products and in the structure of food balance in China, covering production, import and stocks. The main objective of the reform was to move the development of the main sectors of the agricultural economy on market rails and to bring the proposal in line with market demand, to form a new system of effective supply with a rational structure and reliable guarantee to fully meet consumer demand.

Keywords: reform, the system of food supply, the pricing mechanism, market prices, procurement and storage, grain imports, the balance of supply and demand, food security.

A. Afonasiyeva. Overseas Chinese's Role in the Development of the Southern Line of Silk Road Economic Belt

The article analyzes the economic impact of the overseas Chinese (Huaqiao) in the regions of China and Pakistan, along the Southern line of the Silk Road Economic Belt (SREB).

The author examines the territorial structure of overseas Chinese investments, industry structure of their enterprises, industrial structure of economy in cities and provinces in China on the south line of SREB, as well as the structure of Chinese enterprises in Pakistan. The possibilities of Huaqiao to influence on the promotion of the south line of SREB in China and Pakistan are also assessed.

Keywords: the PRC, Pakistan, overseas Chinese (Huaqiao), Silk Road Economic Belt (SREB).

M. Demina, S. Lysenko, D. Shcherbakov. Small and Medium-sized Enterprises of Japan in the Context of Globalization

The article examines the functioning of Japanese small and medium-sized enterprises (SME) in the context of globalization that influenced on Japan's domestic market and led to changing relationship between small and big businesses. Japanese SMEs are involved in the processes of globalization not only by the traditional export of capital or goods and services, but also in the "passive form" without the output of its activities outside the country. Special attention is paid to the support that Japanese government offers to small and medium-sized businesses with the aim of expanding its participation in the global economy.

Keywords: small and medium-sized enterprises (SMEs), Japan, export, import, investment, globalization.

A. Shlyndov. The Role of Nuclear Weapons and Missile Forces in the Military Doctrine of the PRC

The article describes the history of nuclear weapons in China, the content of the modern nuclear doctrine of the PRC, gives the detailed characteristics of the missile forces of the PLA, provides insights on the development prospects of this branch of the armed forces of China.

Keywords: PLA, nuclear weapons, missile forces, intercontinental ballistic missile, intermediate-range ballistic missile, medium-range ballistic missile, mobile ground missile complex.

E. Starovoytova. Russian-Chinese Relations in 1891–1896 and the Activity of the Russian Envoy A. Cassini in Beijing

The time of activity of A. Cassini as Russian Ambassador in Beijing coincided with a series of events that had a significant impact on the development of Russia's policy not only in China but also in the Far East and the whole world: Sino-Japanese war of 1894–1895 and the conclusion of the Treaty of Shimonoseki; the establishment of the Russian-Chinese Bank (1895); the signing of the Russian-Chinese Treaty of defensive alliance against Japan and the construction of the Chinese Eastern Railroad (1896). Obviously, the personality of the Russian envoy in Beijing could exert influence on the development of relations between the two countries, and therefore is worthy of special mention.

Keywords: foreign policy, Russian-Chinese relations, the envoy in Beijing Count A. Cassini.

N. Petukhova. The Diplomatic Activities of Orientalists D. Pokotilov and D. Pozdnev in China (1895–1901)

The article discusses the activities in China of the two graduates from the Faculty of oriental languages of St. Petersburg University D. Pokotilov and D. Pozdnev in the late XIX Century. Both of them represented in Beijing the interests of the Ministry of Finance: D. Pokotilov in different times occupied posts in the diplomatic corps, D. Pozdnev conducted a major statistical study for the Russian government. The work in the field of practical Oriental

studies did not restrict their activities — both were outstanding orientalists of their time, authors of many scientific papers.

Keywords: Russian diplomats in China, Russian Orientalism, D. Pokotilov, D. Pozdnev.

G. Kulikova. “My Unbreakable Connection with Russia” (By the 90th Anniversary of Gao Mang)

The article is devoted to translator, explorer and promoter of Russian and Soviet literature and art in China Gao Mang, who in October 2016 celebrated his 90th anniversary. He is the author of translations of works by Pushkin, Lermontov, Turgenev, Akhmatova, Bunin, Mayakovsky, Esenin, Mandelstam and many other Russian writers and poets. During the years of creative activity Gao Mang had written and published more than 80 books, monographs and translations, many essays and articles on Russian and Soviet literature and art.

Keywords: Gao Mang, painting “guohua”, Russian literature in China, “How the Steel Was Tempered”, A. Pushkin, A. Akhmatova.

Вячеслав Семенович Кузнецов

29.08.1932–15.10.2016

Ушел из жизни видный российский ученый, исследователь истории Китая и китайской духовной культуры, доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИДВ РАН Вячеслав Семенович Кузнецов.

Вячеслав Семенович родился 29 августа 1932 г. в деревне Малые Топоры Кировской области в семье военного. В детские годы пережил войну — бомбежки, гибель окружающих, голод, что научило его жизненной стойкости.

В 1950 г. В.С. Кузнецов поступил на Восточный факультет Ленинградского государственного университета. Одаренный неординарными лингвистическими способностями он основательно изучил как современный, так и древний китайский язык.

В 1955 г. по окончании университета В.С. Кузнецов уехал на целину, где три года проработал в районной газете на Алтае. В 1958 г. поступил в аспирантуру Академии наук Казахстана в Алма-Ате. В 1962 г. он защитил кандидатскую, а в 1984 г. докторскую диссертацию на Восточном факультете ЛГУ. В 1968 г. его пригласили на преподавательскую работу в Дальневосточный университет в г. Владивосток, одновременно он работал в отделе истории ДВФ СО АН СССР. В 1969 г. ему как уникальному специалисту открылись двери Института Дальнего Востока в Москве.

Вячеслава Семеновича отличали огромная работоспособность и широта научных интересов. Его перу принадлежит более 300 публикаций и 19 монографий, включая научно-популярные. В алма-атинском и владивостокском периодах творческой деятельности В.С. Кузнецова обозначился ряд главных тем: экономика северо-западного Китая, культура древних кочевников, положение отдельных этносов в Китае в XIX в., национальная политика Цинской династии, российско-европейско-синьцзянские отношения в XIX в. В московский период эти темы разрослись в крупные исследовательские направления, вовлекая множество его последователей и учеников.

В 1970–1980-х гг. В.С. Кузнецов выпустил серию статей по истории Китая в средние века и новое время, включавших аналитику китайского ислама и буддизма.

Особое место в его трудах занимали вопросы государственно-церковных отношений и роли религиозного фактора во внешней политике КНР, нашедшие отражение в фундаментальных монографиях: «Ислам в общественно-политической жизни КНР» (2002), «Буддийский фактор во внешней политике КНР» (2006).

В творчестве Вячеслава Семеновича обозначился свой, отражающий громаду великой китайской культуры литературный космос, приведший его к такому уникальному изданию, как диалог «Все от Земли». Этот труд явился большим событием в научной восточноведческой жизни.

В.С. Кузнецов был одним из постоянных и желанных авторов научных и научно-популярных журналов «Проблемы Дальнего Востока», «Народы Азии и Африки», «Азия и Африка сегодня», «Новая и новейшая история» и др. Он являлся участником многих научных конференций в России и за рубежом.

В последние годы Вячеслав Семенович сосредоточился на изучении ряда важных аспектов истории китайской внешней политики — от роли КВЖД в российско-китайских отношениях до развития отношений между Китаем и Индией. Им были посвящены его последние труды, включая монографию «Китайско-индийские отношения 1950–1963 гг.» (2013).

В.С. Кузнецов запомнится его коллегам как настоящий ученый, преданный науке, честный, бескорыстный, скромный и отзывчивый человек с затаенной от внешнего взора поэзией души, незаурядным мужеством, обаянием и талантом. Светлая память о нем навсегда останется в наших сердцах.

*Дирекция и коллектив Института Дальнего Востока РАН
Редакция и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока»*

Журнал «Проблемы Дальнего Востока» включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов ВАК РФ. В нем публикуются основные научные результаты исследований по следующим отраслям науки (согласно Номенклатуре научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени) – экономические, исторические, политические науки.

Издание входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)
<http://www.elibrary.ru>.

В соответствии с требованиями Министерства образования и науки РФ все научные статьи, поступающие в журнал, проходят предварительное рецензирование с целью их экспертной оценки.

Подробная информация о правилах направления, рецензирования и опубликования статей размещена на официальном сайте журнала: <http://www.ifes-ras.ru/pdv>.

В соответствии с требованиями ФГУП «Издательство «Наука» авторы должны вместе с текстом статьи присылать в редакцию заполненный бланк «Договора о передаче авторского права» (для журналов, издающихся на русском и английском языках). Бланк договора можно найти на сайте ФГУП «Издательство «Наука»: <http://www.naukaran.ru>.

Подписной индекс издания в каталоге «Пресса России» – 70 758.

Возможно оформление льготной подписки в редакции.

По вопросам подписки обращайтесь к заведующей редакцией журнала Елене Александровне Лапшиной (тел.: 8 (499) 124–02–15).

На электронную версию журнала «Проблемы Дальнего Востока» можно подписаться в компании «Рунет». Тел.: 8 (495) 935–01–01. С условиями подписки можно ознакомиться на сайте Научной электронной библиотеки: www.elibrary.ru.

*Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.
При использовании их в любой форме, в том числе в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Проблемы Дальнего Востока» обязательна.
Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.*

Подписано к печати 28.11.2016 г. Дата выхода в свет 20 четв. Формат 70x100 1/16
Цифровая печать. Усл. печ. л. 15,6. Усл. кр.-отт. 6,6 тыс. Уч.-изд. л. 15,0 Бум. л. 6,0
Тираж 407 экз. Зак. 824. Цена свободная.

Издатель: ФГУП «Издательство «Наука»
117997, Москва, Профсоюзная, 90
Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел. (499) 124-09-02; E-mail: pdv@ifcs-ras.ru

Оригинал-макет © 2016 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в ФГУП «Издательство «Наука» (Типография «Наука»)
121099, Москва, Шубинский пер., 6

Общие требования к материалам, предоставляемым авторами в редакцию

Редакция принимает к рассмотрению только не опубликованные ранее рукописи: статьи, переводы, документальные источники, обзоры, рецензии и др.

Материалы должны соответствовать тематике журнала (вопросы экономики, истории, внешней и внутренней политики Китая, Японии, государств Корейского полуострова, других стран АТР, а также российского Дальнего Востока): отражать собственный вклад автора в разработку научной проблемы; обладать актуальностью и научной новизной; соответствовать принятым в журнале техническим требованиям по оформлению рукописей.

Требования к оформлению материалов

1. Рукописи принимаются в электронном виде в формате doc (Word 1997–2003).
2. Объем статьи – не более 1 п.л. (40 тыс. знаков с учетом пробелов).
3. Статья должна сопровождаться аннотацией на русском и английском языках с кратким изложением ее содержания и основных положений (около 600 знаков).
4. Статья должна иметь список ключевых слов (не более восьми) на русском и английском языках.
5. К статье должны быть приложены сведения об авторе с указанием ФИО, ученой степени, месте работы, должности и контактных данных, включая номер телефона и/или адрес электронной почты.
6. Графические файлы предоставляются отдельно в файлах формата TIFF в оттенках серого с разрешением не менее 300 dpi.
7. Китайские имена и названия даются в системе Pinyin.
8. Японские имена и названия приводятся в русской транскрипции, основанной на системе Поливанова.
9. Сноски даются в конце статьи.

Оформление сносок

Книги:

а) На русск. яз.

Автор. Название. Место издания: Издательство, год издания. С. ...

б) На кит. яз.

Автор. Транслитерация китайского названия книги : [Перевод названия на русск. яз.]. Место издания: издательство, год издания. С. ...

в) На англ. яз.

Author. Title of Book. Place of Publication: Publisher, date. P. ...

Статьи:

а) Из печатных изданий

Автор статьи. Название статьи // Название издания. Место, год (дата) издания. (Т.) № ... С. ...

б) Из Интернета

Автор статьи. Название статьи. URL: Полный электронный адрес.

Редакция оставляет за собой право редакторской правки.